Vest Agder County Council
National Taurida University
“Heritage of Millennia” Non-Profitable Foundation for History and Archaeology

Региональный совет Западного Агдера
Таврический национальный университет
Историко-археологический благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»

International conference / **Международная конференция**

INTER AMBO MARIA

Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea
Северные варвары на пути из Скандинавии к Чёрному морю

Abstracts of presentations / **Тезисы докладов**

3–7 October 2012 / 3–7 октября 2012 г.
Gaspra, Crimea, Ukraine / Гаспра, Крым, Украина

Simferopol / Симферополь
2012

Contents
Содержание

Abbreviations
Сокращения

BAF — Berliner Archäologische Forschungen
BAR — Bitish Archaeological Reports
Ber. RGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Frankfurt am Main, Germania
CTh — The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / Trans. C. Pharr, Th. Sh. Davidson, M. B. Pharr. — New York, 1969
IOSPE I² — *Latyschev B*. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I. 2nd ed. — Petropoli, 1916

БИ — Боспорские исследования
БСб — Боспорский сборник
ВВ — Византийский временник
КБН — Корпус боспорских надписей. — М.; Л., 1965
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников
ХСб — Херсонесский сборник

Jacek Andrzejowski,
Renata Madyda-Legutko

Bronze Belt Buckles with Doubled Tongue between Scandinavia and the Black Sea. In Search of Local and Inter-Regional Connections during the Roman Period

Within the area of the Central-European Barbaricum, in phase B2b of the Early Roman Period and at the beginning of the Younger Roman period, one of the characteristic elements of the warrior's clothing were relatively wide belts buckled with massive rectangular double-tongue belt buckles. Rectangular double-tongue buckles constitute a rather varied group in terms of frame construction (uni- or bi-partite), its proportions and sizes, shape of the tongue (fork-shaped or H-shaped), presence or lack of ferrule and ornamentation. They were discussed in detail by Renata Madyda-Legutko (1987; 1990), who classified them under types 35–45 in group G. Since that time we have observed an immense growth of findings, in particular from the arcthives that has been revealed recently, referring to the materials from the area of former East Prussia, as well as from the field examination and surveys in museums. It results in the necessity to modify the current system of classifying these belt buckles, but first and foremost, it changes the view on their distribution.

While Renata Madyda-Legutko registered about 105 specimens of double-tongue buckles, at the moment their number exceeds 240 specimens. What is particularly essential is the two-and-a-half increase in the number of belt buckles from the sites of West Balt cultures, in particular from the relatively dense settlement of the Bogaczewo culture in Mazury — today we know as many as over 115 specimens from the entire West Balt area, including over 30 specimen from two burial grounds: at Babięta and at Spychówko. It requires us to try a different approach to the issue of distributing the pattern of the buckles with doubled tongue in the Barbaricum, recognized until now as almost ethnographic indicator of male clothing in the Przeworsk culture from late stage of phase B2 and phase B2/C1–C1a. As of now, at the whole vast area of the Przeworsk settlement from the turn of Early and Younger Roman period there have been 80 such belt buckles registered. At other areas double-tongue belt buckles are much less frequent.

There is little to no doubt in combining a dozen or so belt buckles AG35–45 types from the area of the Luboszyce culture and Elbian zone with the influences from the Przeworsk culture, as well as a few specimen from central Danube and Sarmatian burial grounds of the Great Hungarian plain. The issue of eleven such belt buckles, recorded at the area of the Wielbark culture, concentrated at the lower Vistula and to the east, in the zone close to both Przeworsk areas and West Balt areas of the Dollkeim – Kovrovo culture in the Samland, is much more complicated. One clearly distinguishes the concentration of AG35–45 belt buckles from Jutland and Danish islands, where the pattern of double-tongue belt buckles could have been brought through the Elbian zone. A small complex of territorially-distant findings of such belt buckles comes from the northern coast of the Black Sea, from Sarmatian sites (Kholmskoye and Olbia) and the Bosporan town of Pantikapaion (Kerch). Fork-shaped tongue of a large belt buckle AG36/37 type, discovered recently at Devochki in Ukrainian Polesia, may indicate north-western origin of the belt buckles themselves or the inspiration for making them.

Location of the findings as regards double-tongue buckles lets us come to some interesting observations. Comparisons of their scope with the map of reliably dated sites of the Przeworsk culture from phases B2/C1–C1a show that they are extremely rare in Silesia and Western Little Poland. The above may explain why hardly one, as until now, belt buckle with doubled tongue comes from the Bohemian basin, where at the turn of Early and Younger Roman period metal sets of mountings for male belts were influenced by those of the Przeworsk culture warriors. Another comment concerns buckles of this type from the Wielbark culture sites – in the light of distinct connections between that culture and the eastern zone of the Przeworsk culture, it is intriguing that there are no double-tongue belt buckles in the Wielbark assemblages from phases B2/C1–C1a from the Northern and Eastern Mazovia and Podlachia; the only exception may be the bronze belt buckle from Wyszków.

Within the whole area where they are recorded, these rectangular double-tongue belt buckles are mostly iron specimens, bronze belt buckles are relatively rare — out of the total number of over 230

specimens, only a little over 30, that is less than 13 % were produced using this material. As a consequence, it is the non-iron belt buckles that raise particular interest.

The scope of the rectangular double-tongue belt buckles made of bronze is clearly distinctive when compared with the scope of the iron specimens (fig. 1). In particular, what is important here is almost the exclusive presence of bronze belt buckles within the area of the Wielbark culture, where there is only one iron specimen recorded — a fork-shaped tongue of a belt buckle was to be found in Elbląg (Pole Nowomiejskie). Bronze belt buckles are rather unique within West Balt areas (only 3 out of over 110 specimen) and within the area of the Przeworsk culture (only 4 out of 80 specimen), not even one was found to the South of the Carpathians, despite the presence of a few iron specimen within that area. Bronze belt buckles are also rare in the Elbian zone, while they constitute a significant percentage (5 out of 14 specimens) in Jutland and on Danish Islands. The rectangular double-tongue belt buckles found on the northern coast of the Black Sea are almost exclusively bronze; here (Pantikapaion / Kerch) a totally unique silver belt buckle, type AG45 was found (fig. 2k); this group should probably be associated with the tongue of the bronze belt buckle from Devochki.

Bronze double-tongue belt buckles, just as iron specimens, were characteristic of male attire (Witaszewice; Prusiek; Podwiesk; Kowalewko; Pruszcz Gdański; Astrup; Holms'ke; Olbia; probably also Thorsberg and maybe Kerch, too). This rule is not so strict, as in some cases the elements of grave fittings indicate that even large bronze belt buckles, corresponding the iron belt buckles of the so-called sword belts, could be elements of female attire. We are talking here about two complexes from the area of the Wielbark culture: Ruże and Jelonki. A relatively small, bronze belt buckle from the grave with female fittings in Kemnitz, in the light of the anthropological analysis, belonged to the burial of a child that died aged *infans I*.

The chronology of the bronze double-tongue belt buckles mostly corresponds to the dating of the iron specimens, that is between the late stage of phase B2 of the Early Roman period and stage C1a of the Younger Roman period. However, the majority of the belt buckles from the complex with reliable dating comes from stage B2/C1–C1a. The exceptions are: the belt buckle from Kemnitz mentioned above, a belt buckle from grave 139 from Weklice, and in particular a belt buckle from grave 149B from Pruszcz Gdański site 7. While the large belt buckle from

Weklice comes from a grave dated at the downturn of B2 phase, the other two specimen may be much older. The grave in Kemnitz contained a silver brooch of Almgren 29 type and a pair of bronze brooches Almgren 153 which let us place the complex in phase B2b. Particular attention is drawn to a beautiful set of bronze fittings of a belt from grave 149B in Pruszcz Gdański, with a belt buckle AG37 type, which may be the oldest reliably dated double-tongue belt buckle in the Central-European Barbaricum. A bronze brooch type Almgren 60 found in the grave is recognized as an indicator of an early stage of phase B2, yet in the light of the more recent studies on eye brooches of Prussian series, their chronology within the Wielbark culture area should be extended also to the younger stage of the phase, that is stage B2b. The belt buckle itself is made on the crease of the ferrule with the pattern referring to the patterns known from e. g. Norican-Pannonian belt clasps, which would suggest its earlier (i. e. B2a stage) origins; such dating corresponds with five profiled bronze fittings to belt ends, similar to the Przeworsk types 1/3 and 1/4. Finally, this belt buckle should be recognized as the oldest known specimen of double-tongue belt buckles in the Central-European Barbaricum, as none of the iron belt buckles AG35–45 types cannot be dated reliably earlier than younger stage of phase B2. The belt buckle from Pruszcz corresponds chronologically to the few specimens of semi-circular belt buckles with uni-partite frame and fork-shaped tongue, type AD4.

The unique belt buckle from Lazovskoye, based on its stylistic and morphological characteristics, may be younger, that is at the beginning of the Late Roman period (phase C1b–2?).

Bronze double-tongue belt buckles are a pretty varied group, both in terms of construction and style. Explicit individualisation of particular specimens is probably the result of the characteristics of the material, enabling a much freer modelling of the final product than it was possible in case of iron specimens. As a result there are many belt buckles decorated with a composed profiled ornament. The use of bronze, giving them a spectacular, golden colour, emphasized the ceremonial nature of the belt with fittings made of this material. Among the decorated belt buckles, the specimens from Kowalewko (fig. 2d) and Witaszewice (fig. 2b) stand out. The base of the tongue and frame and the edge of the ferrule of the belt buckle from Kowalewko are decorated with imitation of notched wire inlay. On the frame of the belt buckle from Witaszewice there is a row of concentric circles and a zigzag line, and the edge of the ferrule is decorated with an openwork stripe with the pattern comprising of arcs

and rhombi. Openwork ornamentation in the Younger Roman period is present at metal elements of the belts work in male attire, mostly in the West Balt area, less frequently in the Przeworsk culture.

The bronze double-tongue belt buckles are dominated by specimens with distinctly rectangular frames, two to three times larger in height than their width, bi-partite, that is with a frame set on the axis, usually equipped with a narrow, rectangular ferrule. Specimens with uni-partite frames are sparse (Astrup — fig. 2i; Tårnholm). Neither specimen has exact equivalents in the classification of belt buckles from the Central-European Barbaricum: the first one refers to AG35/36 types, the other — AG42 type. In turn, two uni-partite belt buckles discovered in Pantikapaion/Kerch (fig. 2a) and in Olbia, with a relatively narrow, high frame along with a ferrule and fork-shaped tongue, correspond with type AG36.

Among the belt buckles with a bi-partite frame, the most frequent ones are the specimens with fork-shaped tongue, resembling type AG37 (Adolfin; Kholmskoye; Kowalewko — fig. 2d; Leśno; Papowo Biskupie; Podwiesk, grave of 1876 — fig. 2c; Pruszcz Gdański; Ruże; Sadderup; Weklice, grave 448 — fig. 2e; unknown location, collection of the State Archaeological Museum in Warsaw; possibly also Thorsberg and Devochki). They mainly come from the scope of the Wielbark culture settlement, and individual specimens are known from the Przeworsk culture, from Funen, Schleswig and northern Black Sea zone. Some specimens of these belt buckles, due to their individual characteristics, were distinguished as types AG39 (Witaszewice — fig. 2b), AG40 (Kemnitz — fig. 2h) and AG41 (Czarne). All the well preserved specimens of bronze fork-tongue belt buckles have rectangular ferrules bound with a few rivets, which seems to be justified by practical reasons while fixing them to relatively wide belts; in case of the belt buckle from Czarne, the function of the ferrule could be realized by a rectangular plate with two rivets.

Less frequent than the discussed ones are bronze bi-partite belt buckles with H-shaped tongue, equipped with two grips to place along the belt buckle axis, corresponding to the AG43 type (Sovkhoznoye — fig. 2f; Prusiek; Weklice, grave 139; Wyszków; and Jelonki and unknown location in East Prussia, both without ferrules). They are present in the Wielbark culture and in the Samland peninsula. Their variant is a belt buckle with a slightly rounded frame from Lazovskoye, in the Samland, with two loose tongues, stabilized using a ferrule.

Among bronze belt buckles there are also bi-partite rectangular specimens with a ferrule, having a broader base of the double-tongue, similar to AG45 type. They include a fork-shaped-tongue belt buckle from a bog deposit in Thorsberg with broader base until the internal edge of the frame and the damaged belt buckle from Rauschendorf, with H-shaped tongue, also with a broader base. The tongue of the bronze belt buckle from Jakuszowice (fig. 2j) resembles type AG45, with a slightly broader tongue base, similar to tongues of iron belt buckles from e. g. the former Koddien in the Samland and Arbasy in Podlachia. Particular attention should be drawn to silver belt buckle from Pantikapaion / Kerch, with bi-partite, almost square frame, double-tongue, with a distinctively broader, rectangular base, "filling" the inner space of the frame, having a rectangular ferrule bound with five rivets. In this case the attention is drawn by the material used, which was almost never used to make double-tongue belt buckles. It is important to mention a silver bi-partite belt buckle with two loose tongues, from the set of mountings of a ceremonial belt from grave 7 from Neudorf-Bornstein in Schleswig, dated phase C2.

Tongues with broader base are typical for belt buckles, also for single-tongue belt buckles, known mainly from the West Balt area, both the Bogaczewo and Dollkeim – Kovrovo cultures. It is vital to note that the silver belt buckle from Pantikapaion / Kerch (fig. 2k) resembles with its proportions of the frame and distinctly broader tongue base to the already known, also from Kerch, bronze belt buckles, with uni-partite, rectangular frame, with a single tongue of similar shape. Ferrules in these belt buckles are bound with five rivets placed in the corners and in the middle.

The listed types of bronze rectangular double-tongue belt buckles have their counterparts among iron specimens. Only the unique uni-partite (Starachowice) or bi-partite (Kamień) belt buckles, with double-tongue set on an internal axis, do not have their bronze counterparts. Bronze, rectangular double-tongue belt buckles, just as the iron specimens within the Barbaricum, were combined with end-fittings creating characteristic sets for male attire.

Significant distribution of wide belts fastened with rectangular double-tongue belt buckles and fitted with massive end-fittings, typical for a warrior's attire, within the Central-European Barbaricum in phases B2b–C1a, probably proves that the various groups of warriors, from various cultural environments, kept in close contacts with each other. In particular, it concerns the warriors from the Przeworsk culture and West

Balt cultures of Bogaczewo and Dollkeim – Kovrovo. From these areas, the double-tongue belt buckle pattern reached the Elbian zone, Jutland and Danish Islands on the West, where it was probably reproduced in local workshops. Belt buckles of this type from the areas to the South of Carpathians are probably imported from the Przeworsk culture areas; it is more difficult to interpret individual, separated findings of only bronze belt buckles at the north coast of the Black Sea. It seem most probable that these are imported items, connected with the penetration of the Pontic zone by the people of the Wielbark culture, which took over the vast areas of the former Eastern zone of the Przeworsk culture, reaching as far as to Volhynia, in phase B2/C1–C1a. These findings are another proof of the information from written sources, saying that the Gothic tribes moved towards *Oium* lands. A semi-finished fork-shaped tongue from Devochki connects the belt buckles from the northern coasts of the Black Sea with the settlement zone of the Wielbark culture. The same North-Western direction of connections may be documented by the unique silver belt buckle found in Pantikapaion / Kerch. It seems unlikely that these belt buckles were the result of the influences from the Sarmatian environments from the Great Hungarian Plain — the only two known belt buckles of this type are the non-decorated iron specimens.

Translated from Polish by Magdalena Małek

Яцек Анджеёвский,
Рената Мадыда-Легутко

Бронзовые поясные пряжки с двойным язычком между Скандинавией и Причерноморьем. В поисках местных и межрегиональных связей в римское время

Сравнительно широкие пояса, застёгивавшиеся массивными прямоугольными пряжками с двойным язычком, являются одним из характерных элементов воинского костюма на территории центрально-европейского Барбарикума в фазе B2b раннеримского времени и в начале позднеримского времени. Группа прямоугольных пряжек с двойным язычком довольно разнообразна по конструкции рамки (одно- или двухчастная), её пропорциям и размерам, форме язычка (вилкообразный или Н-образный), наличию или отсутствию щитка и орнаментации. Эти пряжки были подробно рассмотрены Р. Мадыдой-Легутко (Madyda-Legutko 1987; 1990), которая отнесла их к типам 35–45 группы G. С той поры наблюдается колоссальный рост числа материалов, благодаря, в частности, недавно открытым архивным данным, описывающим бывшую территорию Восточной Пруссии, а также полевым исследованиям и работе с музейными коллекциями. В результате возникла необходимость дополнить существующую классификацию этих поясных пряжек, но важнее всего то, что изменились представления об их распространении.

Р. Мадыда-Легутко отметила 105 экземпляров пряжек с двойным язычком, тогда как к настоящему времени их количество превысило 240 экземпляров. Особенно важно то, что количество поясных пряжек с памятников культур западных балтов, и в частности — со сравнительно многочисленных поселений богачевской культуры в Мазурии, возросло в два с половиной раза; сегодня на всей западнобалтской территрии известно около 110 экземпляров, в том числе 30 штук происходит из двух могильников в Бабиенте и Спыхувко.

Это требует от нас попробовать другой подход к решению вопроса о распространении схемы пряжки с двойным язычком в пределах Барбарикума, которая до сих пор считается, как правило, этнографическим показателем мужского костюма пшеворской культуры в поздней стадии фазы B2 и в фазе B2/C1–C1a. На текущий момент, во всём обширном ареале пшеворских поселений с рубежа раннеримского и позднеримского времени зафиксировано 80 поясных пряжек этого типа. В других местах поясные пряжки с двойным язычком встречаются гораздо реже.

В том, что появление около дюжины поясных пряжек типов AG35–45 в ареале любошицкой культуры и в эльбской зоне, так же как и немногочисленных находок из среднего Подунавья и сарматских могильников на Большой Венгерской низменности, связано с пшеворским влиянием, сомнений почти не осталось. Куда более сложен вопрос об 11 поясных пряжках такого типа, зафиксированных в зоне вельбарской культуры, которые концентрируются на нижней Висле и к востоку от неё, в ареале недалеко как от пшеворской территории, так и от западно-балтских поселений в Самбии, принадлежащих к самбийско-натангийской культуре (культуры Долльнкайм – Коврово). Чётко выделяется зона концентрации поясных пряжек типов AG35–45 в Ютландии и на датских островах — туда схема поясной пряжки с двойным язычком могла попасть через эльбскую зону. Небольшой, удалённый территориально комплекс находок таких поясных пряжек происходит из Северного Причерноморья, с сарматских памятников (Холмское и Ольвия) и из боспорского города Пантикапей (Керчь). Недавно найденный в окрестностях с. Девочки в украинском Полесье вилкообразный язычок большой поясной пряжки типа AG36/37 может указывать на северо-западное происхождение этих поясных пряжек или же на импульс, вдохновивший их производство.

Изучение распространения находок пряжек с двойным язычком позволяет сделать несколько интересных наблюдений. Сопоставление их ареала с картой хорошо датированных памятников пшеворской культуры, относящихся к фазам B2/C1–C1a, показывает, что они чрезвычайно редко встречаются в Силезии и на западе Малой Польши. Это может объяснять, почему до сих пор всего одна поясная пряжка с двойным язычком обнаружена в Богемском бассейне, то есть там, где металлические наборы от мужских поясов рубежа раннеримского и позднеримского времени испытывали влияние наборов, которые носили пшеворские воины. Другой момент связан с пряжками этого типа с памятников вельбарской культуры — в свете явных связей между этой культурой и восточной зоной пшеворской культуры удивительно отсутствие поясных пряжек с двойным язычком в вельбарских комплексах, датирующихся фазами B2/C1–C1a, из северной и восточной Мазовии и Подляшья; единственное исключение — это, возможно, бронзовая поясная пряжка из Вышкува.

Во всём ареале находок прямоугольных поясных пряжек с двойным язычком большая часть изделий сделана из железа, тогда как бронзовые поясные пряжки встречаются сравнительно редко — из этого материала изготовлено немногим более 30 экземпляров, то есть менее 13 % от общего числа находок (более 240 экземпляров). Вследствие этого, особый интерес вызывают поясные пряжки, изготовленные не из железа.

Ареал бронзовых прямоугольных поясных пряжек с двойным язычком очевидным образом отличается от ареала изделий из железа (рис. 1). В частности, важным представляется то обстоятельство, что на территории вельбарской культуры представлены почти исключительно бронзовые поясные пряжки; здесь зафиксирован только один железный экземпляр — вилкообразный язычок поясной пряжки, открытый в Эльблонге (Поле-Новомеймеском). Уникальны находки бронзовых поясных пряжек в ареале западных балтов (их всего три из более чем 110 экземпляров) и в ареале пшеворской культуры (четыре из 80 экземпляров), а к югу от Карпат их нет вообще, если не считать обнаруженных здесь нескольких железных вещей. В эльбской зоне бронзовые поясные пряжки также встречаются редко; в то же время, они оставляют значительный процент (пять из 14 экземпляров) находок из Ютландии и с датских островов. В Северном Причерноморье прямоугольные поясные пряжки с двойным язычком почти исключительно бронзовые; здесь (в Пантикапее-Керчи) найдена совершенно уникальная серебряная поясная пряжка типа AG45 (рис. 2, k); к этой группе, вероятно, следует отнести язычок бронзовой поясной пряжки из с. Девочки.

Бронзовые поясные пряжки с двойным язычком, точно так же как и железные вещи, характерны для мужского убора (Виташевице, Прусек, Подвеск, Ковалевко, Прущ-Гданьский, Аструп, Холмское, Ольвия, вероятно, также Торсберг и, возможно, Керчь). Эта закономерность не слишком строгая, поскольку в некоторых случаях, судя по погребальному инвентарю, даже крупные бронзовые поясные пряжки, соответствующие железным поясным пряжкам от так называемых портупей мечей, могут быть элементами женского убора. Имеются в виду два комплекса из ареала вельбарской культуры — Руже и Елонки. Сравнительно небольшая бронзовая поясная пряжка из могилы с предметами женского инвентаря в Кемнице, в свете антропологического анализа, относилась к погребению ребёнка, умершего в возрасте *infans I* (до 7 лет).

Хронология бронзовых поясных пряжек с двойным язычком в основном соответствует датировкам железных изделий, то есть находится в пределах поздней стадии фазы B2 раннеримского и стадии C1a позднеримского времени. Однако большинство поясных пряжек из хорошо датированных комплексов относятся к стадии B2/C1–C1a. Исключениями являются упомянутая выше поясная пряжка из Кемница, поясная пряжка из могилы 139 в Веклице, и, особенно, поясная пряжка из могилы 149B в Прущ-Гданьском 7. Если большая поясная пряжка из Веклице происходит из могилы, датируемой самым концом фазы B2, то два прочих экземпляра могут быть гораздо более древними. В могиле из Кемница находилась серебряная фибула типа 29 по О. Альмгрену и пара бронзовых фибул типа 153 по его классификации, что позволяет отнести этот комплекс к фазе B2b. Особое внимание привлекает прекрасный набор бронзовой поясной гарнитуры из могилы 149B в Пруще-Гданьском, включавший поясную пряжку типа AG37, которая может оказаться древнейшей из достоверно датированных поясных пряжек с двойным язычком в центральноевропейском Барбарикуме. Найденная в этой могиле бронзовая фибула типа 60 по О. Альмгрену считается индикатором ранней стадии фазы B2, даже если в свете последних исследований о «глазчатых» фибулах прусской серии их хронологические рамки в ареале вельбарской культуры следует расширить, включив более позднюю стадию этой фазы, то есть период B2b. Сама эта поясная пряжка сделана на сгибе щитка, по принципу, напоминающему, например, застёжки поясов из Норика и Паннонии, что может говорить о её более раннем происхождении (т. е. о стадии B2a); такая датировка соответствует пяти бронзовым профилированным наконечникам поясов, подобным пшеворским типам 1/3 и 1/4. Наконец, эту поясную пряжку следует признать древнейшим из известных экземпляров поясных пряжек с двойным язычком из центральноевропейского Барбарикума, поскольку ни одну из железных поясных пряжек типов AG35–45 нельзя с уверенностью датировать временем более ранним, чем поздняя стадия фазы B2. Поясная пряжка из Пруща хронологически соответствует нескольким экземплярам полукруглых поясных пряжек с одночастной рамкой и вилкообразным язычком типа AD4.

Уникальная поясная пряжка из Лазовского, судя по её стилистическим и морфологическим характеристикам, может быть моложе, то есть относиться к фазе C1b / C2 (?) позднеримского времени.

Бронзовые поясные пряжки с двойным язычком образуют группу, довольно разнообразную как по конструкции, так и по стилю. Выраженный индивидуальный характер отдельных экземпляров вероятно, является результатом свойств материала, позволявших моделировать законченное изделие гораздо свободнее, чем при изготовлении вещей из железа. В результате имеется много поясных пряжек, декорированных сложным профилированным орнаментом. Использование бронзы, придававшей им яркий золотистый цвет, подчёркивало церемониальный характер поясов с гарнитурой из этого материала. Среди декорированных поясных пряжек выделяются находки из Ковалевко (рис. 2, d) и Виташевице (рис. 2, b). Декор основания язычка и рамки у края щитка поясной пряжки из Ковалевко имитирует обмотку проволокой с поперечными зарубками. На рамку поясной пряжки из Виташевице нанесли ряд концентрических кругов и зизгазообразную линию, а край щитка украсили ажурной полосой геометрического орнамента, состоящего из полукругов и ромбов. В среднеримское время ажурный декор представлен на металлических деталях поясов мужского убора, главным образом в ареале западных балтов, реже — в пшеворской культуре.

Среди бронзовых поясных пряжек с двойным язычком преобладают экземпляры с выраженно-прямоугольными рамками, высота которых в два-три раза больше ширины, двухчастные, то есть имеющие ось, продетую сквозь рамку, обычно с узким прямоугольным щитком. Изредка встречаются экземпляры с одночастной рамкой (Аструп — рис. 2, i; Торнхольм). Ни один из этих предметов не находит точного соответствия в классификации поясных пряжек из центральноевропейского Барбарикума: первый соответствует типам AG35/36, второй — типу AG42. В свою очередь, две одночастные поясные пряжки, найденные в Пантикапее – Керчи (рис. 2, a) и Ольвии, со сравнительно узкой, высокой рамкой, щитком и вилкообразным язычком соответствуют типу AG36.

Среди поясных пряжек с двухчастной рамкой чаще всего встречаются экземпляры с вилкообразным язычком, напоминающие тип AG37 (Адольфин; Холмское; Ковалевко — рис. 2, d; Лесьно; Папово-Бискупе; Подвеск, могила 1876 г. — рис. 2, c; Прущ-Гданьский; Руже; Саддеруп; Веклице, могила 448 — рис. 2, e; беспаспортная находка из коллекции Государственного Археологического музея в Варшаве; возможно, также Торсберг и Девочки). Они происходят, главным образом, с территории вельбарских поселений, а отдельные экземпляры известны в пшеворской культуре, на Фюне, в Шлезвиге и Северном Причерноморье. Некоторые экземпляры этих поясных пряжек по своим индивидуальным характеристикам объединены в типы AG39 (Виташевице — рис. 2, b), AG40 (Кемниц — рис. 2, h) и AG41 (Чарне). Все хорошо сохранившиеся экземпляры бронзовых поясных пряжек с вилкообразным язычком имеют прямоугольный щиток, крепившийся несколькими заклёпками, что, как кажется, имеет практическое объяснение — он фиксировался на относительно широком ремне; в случае с поясной пряжкой из Чарне, функцию щитка могла выполнять прямоугольная пластина с двумя заклёпками.

Реже, чем описанные выше, встречаются бронзовые двухчастные поясные пряжки с Н-образным язычком, имеющие два выступа на оси и соответствующие типу AG43 (Совхозное — рис. 2, f; Прусек; Веклице, могила 139; Вышкув; а также две бесщитковые пряжки, одна из Елонок, другая из неустановленного места в Восточной Пруссии). Они представлены в вельбарской культуре и на Самбийском полуострове. Их вариантом является поясная пряжка со слегка скруглённой рамкой из Лазовского в Самбии, имеющая пару незакреплённых, стабилизирующихся щитком язычков.

Кроме того, среди бронзовых поясных пряжек имеются экземпляры с более широкой основой двухчастной прямоугольной рамки со щитком, с более широким основанием двойного язычка, напоминающие тип AG45. К их числу относится поясная пряжка с вилкообразным язычком из болотного комплекса в Торсберге, имеющая расширенное основание, достигающее внутреннего края рамки, и повреждённая поясная пряжка из Раушендорфа с Н-образным язычком и также расширенным основанием. Язычок бронзовой поясной пряжки из Якушовице (рис. 2, j), похожий на тип AG45, имеет слегка расширенное основание, напоминающее железные поясные пряжки, например, из бывшей деревни Коддин в Самбии и Арбасы в Подляшье. Особое внимание следует уделить серебряной поясной пряжке из Пантикапея – Керчи с двухчастной, почти квадратной рамкой и двойным язычком, с очевидно более широким, прямоугольным основанием, «заполняющим» внутреннее пространство рамки, а также прямоугольным щитком, крепившимся на пять заклёпок. В этом случае привлекает к себе внимание использованный материал, который почти никогда не применяли для изготовления поясных пряжек с двойным язычком. Важно отметить серебряную двухчастную поясную пряжку с двумя незакреплёнными язычками, происходящую из набора деталей церемониального пояса в могиле 7 в Нойдорф-Борнштайне в Шлезвиге, которая датируется фазой C2.

Язычки с широким основанием характерны для поясных пряжек, а также для поясных пряжек с одним язычком, известным в основном на территории западных балтов, в богачевской и самбийско-натангийской культуре (культуре Доллькайм – Коврово). Необходимо отметить, что серебряная поясная пряжка из Пантикапея – Керчи (рис. 2, k) пропорциями рамки и очевидно более широким основанием язычка напоминает известные, в том числе и в Керчи, бронзовые поясные пряжки с одночастной прямоугольной рамкой и одним язычком похожей формы. Щиток таких поясных пряжек крепится пятью заклёпками по углам и в центре.

Перечисленные типы бронзовых прямоугольных поясных пряжек с двойным язычком находят аналоги среди железных находок. Только уникальные одночастная (Стараховице) и двухчастная (Камень) поясные пряжки с двойным язычком, установленным на внутреннюю ось, не имеют аналогий среди бронзовых изделий. Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с двойным язычком, подобно железным вещам из Барбарикума, сочетались с наконечниками поясов, образуя характерные наборы, использовавшиеся в мужской одежде.

Значительная распространённость широких поясов, которые застёгивались на прямоугольные пряжки с двумя язычками и украшались массивными наконечниками, характерных для воинского убора, в центральноевропейском Барбарикуме в фазах B2b–C1a, вероятно, доказывает, что разные группы воинов в разной культурной среде поддерживали тесные контакты друг с другом. В частности, это касается воинов пшеворской культуры и западнобалтских культур — богачевской и самбийско-натангийской (культуры Доллькайм – Коврово). С этих территорий схема поясной пряжки с двойным язычком

распространилась на запад — в эльбскую зону, Ютландию и на датские острова, где её, вероятно, воспроизводили в местных мастерских. На территориях к югу от Карпат поясные пряжки этого типа были, вероятно, импортами из ареала пшеворской культуры; сложнее интерпретировать индивидуальные, изолированные находки исключительно бронзовых пряжек в Северном Причерноморье. Вероятнее всего, эти вещи были привозными, и связаны с проникновением в понтийскую зону носителей вельбарской культуры, которая в фазе B2/C1–C1a распространилась на обширную территорию, прежде бывшую восточной зоной пшеворской культуры, достигнув Волыни. Эти находки подтверждают информацию письменных источников о народе готов, мигрировавших в направлении земель Ойума. Составной вилкообразный язычок из с. Девочки связывает поясные пряжки Северного Причерноморья с зоной поселений вельбарской культуры. Помимо него, на северо-западные связи может указывать уникальная серебряная поясная пряжка, найденная в Пантикапее – Керчи. Непохоже, чтобы эти поясные пряжки были результатом влияния сарматской среды с территории Большой Венгерской низменности, ведь обе известные поясные пряжки этого типа относятся к числу неорнаментированных железных изделий.

Перевёл с английского Никита Храпунов[1]

[1] При работе над этим и другими переводами неоценимую помощь оказал мне Максим Левада, в особенности там, где речь заходила о терминах или археологических реалиях. Я очень признателен ему, а также всем тем коллегам, кто взял на себя труд ознакомиться с готовыми переводами тезисов и уточнить или исправить их.

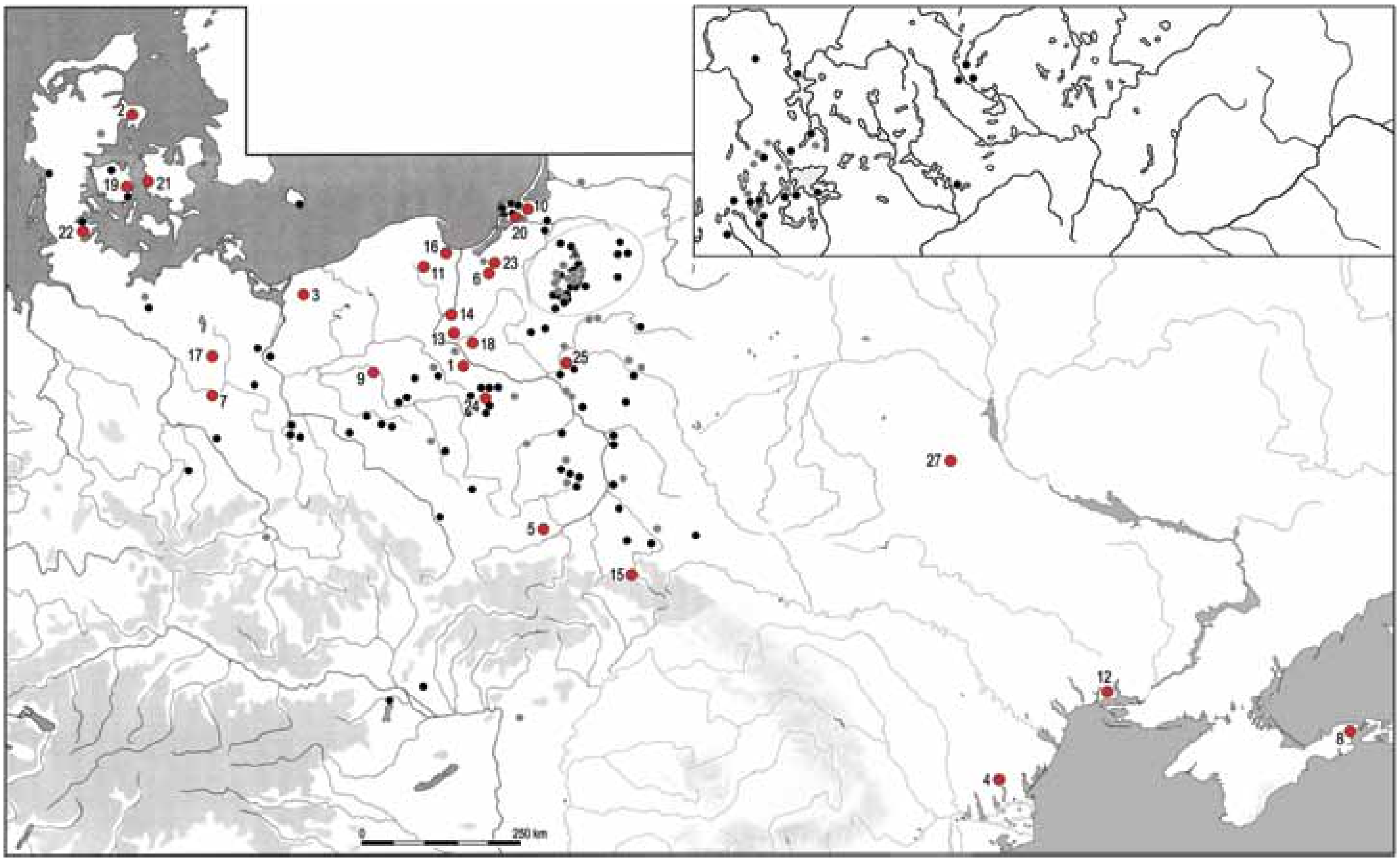


Fig. 1. Distribution of rectangular bronze belt buckles with doubled tongue in the Barbaricum (red points) against a background of iron specimens (black and grey points):
1 — **Adolfin, Aleksandrów Kujawski** *powiat* **(district), Poland;** *2* — **Astrup, Randers** *amt* **(district) (Jutland), Denmark;** *3* — **Czarne (former Neuenhagen), Gryfice** *powiat*, **Poland;** *4* — **Kholmskoye, Odessa** *oblast'* **(administrative area), Ukaine;**

5 — **Jakuszowice, Kazimierza Wielka** *powiat*, **Poland;** *6* — **Jelonki (former Hirschfeld), Elbląg** *powiat*, **Poland; 7 — Kemnitz (Werder-Kemnitz),** *Landkreis* **(administrative area) Potsdam-Mittelmark (Brandenburg), Germany;** *8* — **Kerch (Pantikapaion), Crimea, Ukraine;** *9* — **Kowalewko, Oborniki** *powiat*, **Poland; 10 — Lazovskoye (former Trömpau), Kaliningrad** *oblast'*, **Russia;** *11* — **Leśno 1, Chojnice** *powiat*, **Poland;** *12* — **Olbia, Nikolayev** *oblast'*, **Ukraine;** *13* — **Papowo Biskupie, Chełmno** *powiat*, **Poland;** *14* — **Podwiesk, Chełmno** *powiat*, **Poland;** *15* — **Prusiek, Sanok** *powiat*, **Poland;** *16* — **Pruszcz Gdański 7, Gdańsk** *powiat*, **Poland;** *17* — **Rauschendorf,** *Landkreis* **Oberhavel (Brandenburg), Germany;** *18* — **Ruże, Golub-Dobrzyń** *powiat*, **Poland;** *19* — **Sadderup, Svendborg** *amt* **(Funen), Denmark;** *20* — **Sovkhoznoye (former Groß Friedrichsberg; Kaliningrad), Kaliningrad** *oblast'*, **Russia;** *21* — **Tårnholm, Sorø** *amt* **(Zealand), Denmark;** *22* — **Thorsberg,** *Kreis* **(district) Schleswig-Flensburg (Schleswig-Holstein), Germany;** *23* — **Weklice, Elbląg** *powiat*, **Poland;** *24* — **Witaszewice, Łęczyca** *powiat*, **Poland;** *25* — **Wyszków, Wyszków** *powiat*, **Poland;** *26* — **East Prussia (Ostpreussen);** *27* — **Devochki, Zhitomir** *oblast'*, **Ukraine;** *28* — **Unknown location (collection of the State Archaeological Museum, Warszawa) (***26* **and** *28* **— not charted)**

Рис. 1. Распространение бронзовых прямоугольных поясных пряжек с двойным язычком в Барбарикуме (показаны красными точками) в сравнении с железными находками (показаны чёрными и серыми точками):
1 — **Адольфин, Александрув-Куявский повят (округ), Польша;** *2* — **Аструп, амт (округ) Рандерс (Ютландия), Дания;** *3* — **Чарне (бывш. Ноенхаген), Грыфицкий повят, Польша;** *4* — **Холмское, Одесская область, Украина;** *5* — **Якушовице, Казимежский повят, Польша;** *6* — **Елонки (бывш. Хиршфельд), Эльблонгский повят, Польша;** *7* — **Кемниц (Вердер), район Потсдам-Миттельмарк (Бранденбург), Германия;** *8* — **Керчь (Пантикапей), Крым, Украина;** *9* — **Ковалевко, Оборницкий повят, Польша;** *10* — **Лазовское (бывш. Трёмпау), Калининградская область, Россия;** *11* — **Лесьно 1, Хойницкий повят, Польша;** *12* — **Ольвия, Николаевская область, Украина;** *13* — **Папово-Бискупе, Хелминский повят, Польша;** *14* — **Подвеск, Хелминский повят, Польша;** *15* — **Прусек, Санокский повят, Польша;** *16* — **Прущ-Гданьский 7, Гданьский повят, Польша;** *17* — **Раушендорф, район Оберхафел (Бранденбург), Германия;** *18* — **Руже, Голюбско-Добжинский повят, Польша;** *19* — **Саддеруп, амт Свендборг (Фюн), Дания;** *20* — **Совхозное (бывш. Грос-Фридрихсберг; Калининград), Калининградская область, Россия;** *21* — **Торнхольм, амт Сорё (Зеландия), Дания;** *22* — **Торсберг, амт Свендборг, округ Шлезвиг-Фленсбург (Шлезвиг-Гольштейн), Дания;** *23* — **Веклице, Эльблонгский повят, Польша;** *24* — **Виташевице, Ленчицкий повят, Польша;** *25* — **Вышкув, Вышкувский повят, Польша;** *26* — **Восточная Пруссия;** *27* — **Девочки, Житомирская область, Украина;** *28* — **беспаспортная находка (коллекция Государственного Археологического музея в Варшаве) (пункты 26 и 28 на карте не обозначены)**

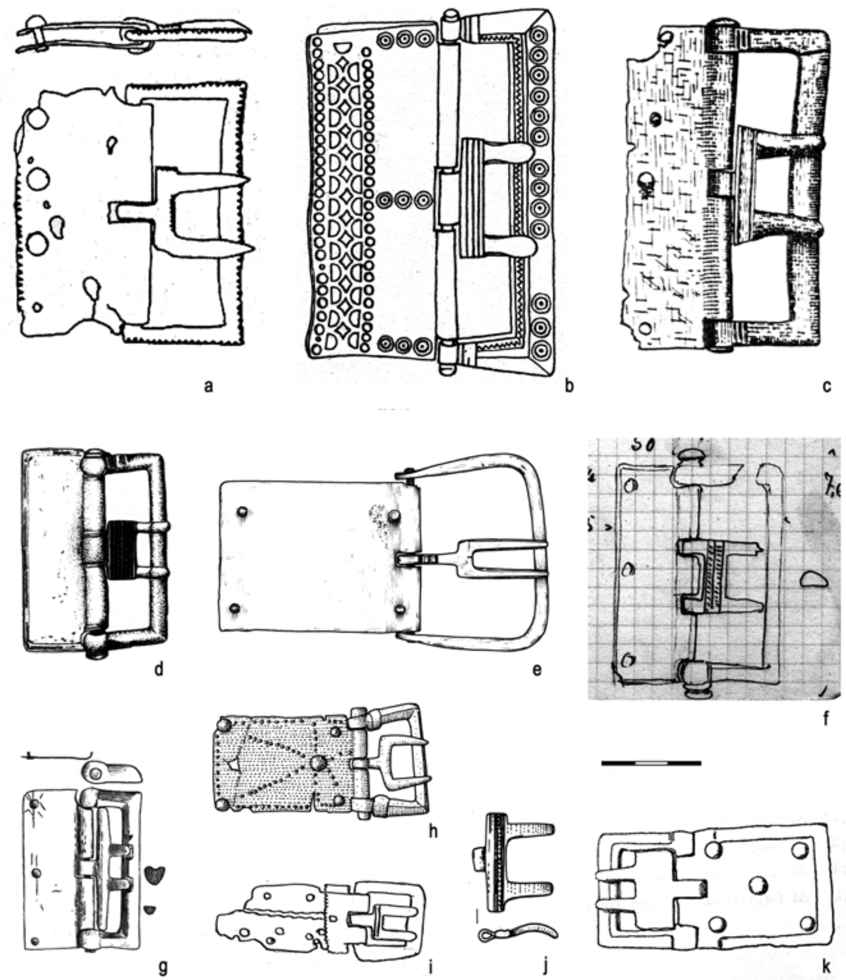


Fig. 2. Selected finds of rectangular bronze belt buckles with doubled tongue: *a* **— Kerch, stray find;** *b* **— Witaszewice, grave 22;** *c* **— Podwiesk, grave from 1876;** *d* **— Kowalewko, grave 369;** *e* **— Weklice, grave 448;** *f* **— Sovkhoznoye, grave 10;** *g* **— Thorsberg, bog find;** *h* **— Kemnitz, grave;** *i* **— Astrup, grave;** *j* **— Jakuszowice, stray find;** *k* **— Kerch (silver), stray find**

Рис. 2. Избранные находки прямоугольных поясных пряжек с двойным язычком: *a* **— Керчь, случайная находка;** *b* **— Виташевице, могила 22;** *c* **— Подвеск, могила 1876 г.;** *d* **— Ковалевко, могила 369;** *e* **— Веклице, могила 448;** *f* **— Совхозное, могила 10;** *g* **— Торсберг, находка в болоте;** *h* **— Кемниц, могила;** *i* **— Аструп, могила;** *j* **— Якушовице, случайная находка;** *k* **— Керчь (серебро), случайная находка**

Anna Bitner-Wróblewska

“Lost” on the Way from the North to the Black Sea? Scandinavian Fire Stones in the Balts’ Lands

Sharp-pointed oval fire stones (*spitzovale Feuerschlagsteine*) of form 4 and 5 according to Jørgen Ilkjær (1993) were widespread in Scandinavia — from Norway and Sweden up to Denmark. They are dated to Late Roman and Migration periods and they are treated as a typical Scandinavian fire-striking personal equipment. Scandinavian belt sets included, besides buckles and different types of mountings, also fire stones (with special handle to fit them), iron fire steels and containers with inflammable material.

Oval quartzite fire stones also occurred in northern Germany and scattered items were recorded in Pomerania in Poland (Rau 2010). They were found both in graves, exclusively in men graves, and in the bog offerings, and very rare in the settlements.

Fire stones in question are known also from the south-eastern Baltic zone, including the Balts’ and Finnish lands. Single finds were distributed in the Samland peninsula, Mazurian Lakeland, western Lithuania, but a big amount of these artifacts were recorded in different regions of Latvia as well as in Estonia and Finland (Gaerte 1929; Moora 1938; Salo 1990; Tvauri 2012). The context of their distribution is very different — in the Balts’ lands they were discovered in graves and bog offerings, but in Finnish lands most of them were found as stray finds in forested and marshy areas without any connections with dwellings. The latter location reveals a different interpretation of fire stones as connected with the myths relating to the birth of fire.

The question arises of the origin, function, and last but not least the chronology of oval fire stones from the south-eastern Baltic zone. How did this Scandinavian element of personal equipment reach that region? Did they relate with any contacts *inter ambo maria*? Their distribution concerns both the sea shore area, and the hinterland, but single finds are known also as far to the south as Vitebsk region or even the Moskva river basin. May the fire stones in question have been lost on the way to the Black Sea?

Анна Битнер-Врублевская

«Потерянные» по пути от Северного к Чёрному морю? Скандинавские кремни от кресал в землях балтов

Остроконечно-овальные кремни от кресал (*spitzovale Feuerschlagsteine*) форм 4 и 5 по Й. Илькеру (Ilkjær 1993) были распространены в Скандинавии, от Норвегии и Швеции и до Дании. Их датируют позднеримским временем и эпохой Великого переселения народов и рассматривают как характерные для Скандинавии личные вещи, назначение которых — высекать огонь. Помимо пряжек и накладок разных типов, скандинавские поясные наборы включали также кремни (с особой ручкой), железные кресала и ёмкости с воспламеняющимся материалом.

Овальные куски кварцита, использовавшиеся в качестве кремней для кресал, также встречаются в северной Германии, отдельные находки зафиксированы в Польском Поморье (Rau 2010). Их находят как в могилах, причём только в погребениях мужчин, так и в болотных комплексах-приношениях, и очень редко — на поселениях.

Рассматриваемые кремни от кресал также известны в юго-восточной Прибалтике, включая земли балтов и финнов. Отдельные находки сделаны на Калининградском (Земландском, Самбийском) полуострове, в Мазурском поозёрье, западной Литве, но ещё большее количество таких вещей зафиксировано в различных районах Латвии, а также в Эстонии и Финляндии (Gaerte 1929; Moora 1938; Salo 1990; Tvauri 2012). Контекст, в котором открыты эти вещи, очень разный — в землях балтов их находят в могилах и болотных комплексах-приношениях, тогда как в землях финнов большую их часть составляют случайные находки в лесистых и болотистых местах, без всякой связи с жилыми комплексами. Последнее привело к появлению различных интерпретаций кремней от кресал, якобы связанных с мифами, посвящёнными появлению огня.

Существуют вопросы, связанные с появлением, функциями и, не в последнюю очередь, хронологией овальных кременей от кресал на юго-востоке населённой балтами территории. Каким образом данный скандинавский элемент личного снаряжения попал в этот регион? Связаны ли они с какими-либо контактами *inter ambo maria*?

Зона их распространения охватывает как область у берега моря, так и глубинные районы, причём отдельные находки в южном направлении достигают Витебской области и даже бассейна Москва-реки. Быть может, рассматриваемые кремни от кресал были потеряны по дороге к Чёрному морю?

Перевёл с английского Никита Храпунов

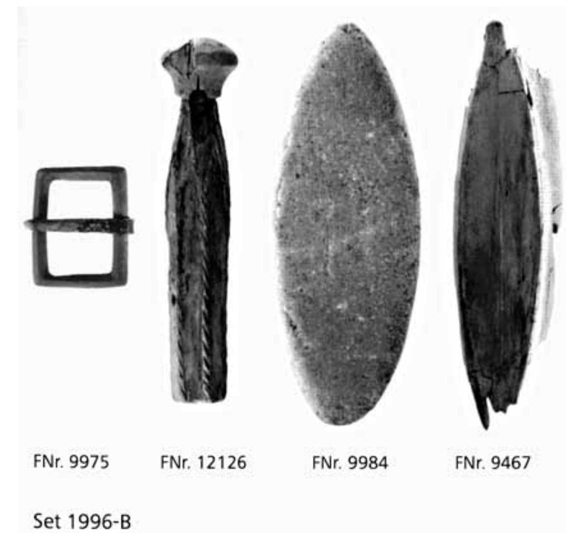


Fig. 1. Nydam, set 1996-B (Rau 2010).

Рис. 1. Нюдам, набор 1996-В (по: Rau 2010)

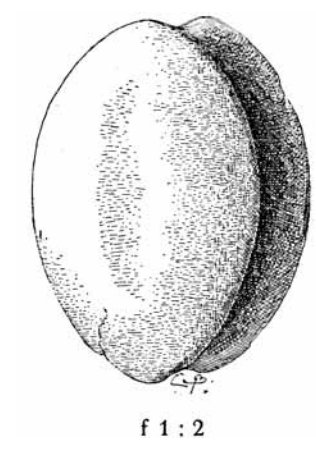


Fig. 2. Former Liekeim, Samland (Gaerte 1929).

Рис. 2. Бывший Лайкайм на Калининградском полуострове (по: Gaerte 1929)

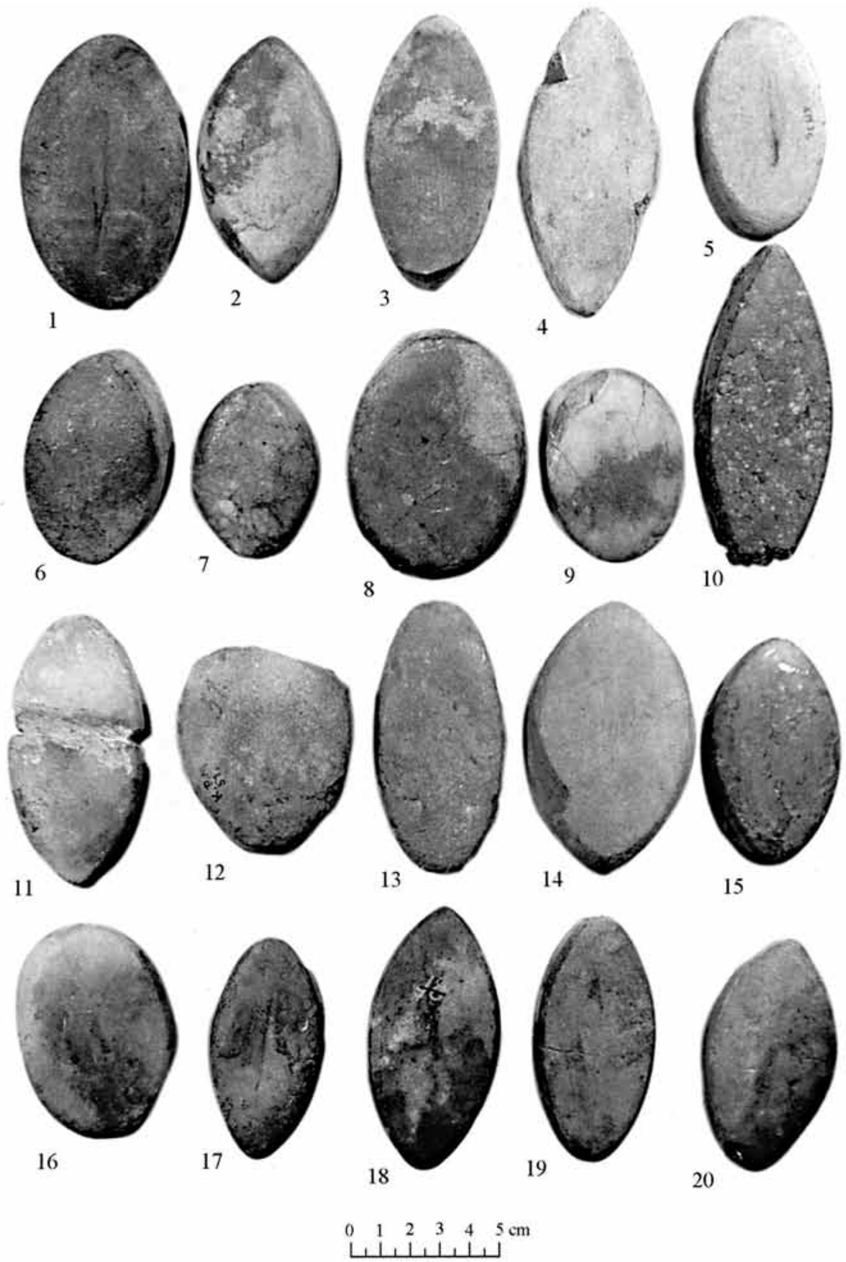


Fig. 3. Kokmuiža I and II offerings, Latvia (photo: J. Ciglis)

Рис. 3. Комптлексы-приношения в Кокмуйже I и II на территории Латвии (фото: Й. Циглис)

Ruth Blankenfeldt

Sacrifices of Military Equipment in the "Thorsberger Moor" – 150 Years of Research and New Perspectives

The Scandinavian offering places with sacrifices of military equipment are an archaeological source, which is not comparable to other deposition, grave or settlement places. These sites have to be interpreted as localities in which just a few but very extensive depositions of war booty from Germanic tribes have been carried out (for history of research and interpretation of sacrifices of military equipment see: Blankenfeldt, Rau 2009; Carnap-Bornheim, Rau 2009; Ilkjær, Iversen 2009).

On one hand, several traces of destruction of the objects testify preceding hostilities. On the other hand, certain patterns also show destruction occurred in a systematic manner, indicating a ritual treatment of some artefacts before deposition. Today, however, the recipient of these offerings is unknown.

The artefacts themselves are interpreted as non-local objects not belonging to the people that sacrificed. They rather seem to have been captured from warriors from other geographical areas. Due to the interpretation as equipment of Germanic warriors the assemblages are characterized as exclusive male-military find groups.

Geographically, the offering places stretch from Schleswig Holstein in northern Germany via mainland Denmark (Jutland) and the Danish islands to mainland Sweden and the Swedish island of Öland (fig. 1). They encompass a chronological frame of the Middle Pre-Roman Iron Age to the end of the Migration period.

Due to the generally excellent preservation conditions in today's bogs the assemblages from the offering places include items often only known as single finds from settlement sites or graves. These items contain weapons or e. g. a great number of horse harness components as well as a variety of objects made of organic material. Simultaneous deposition of several hundred of these items is a phenomenon common to offerings in bogs.

The large amounts of synchronized weapons formed the foundation for a descriptive system of individual types with fixed morphological characteristics — the basis of a chronological system for the North European area (Ilkjær 1990; Bemmann, Hahne 1994).

Overall, more than any other archaeological sources, these places provide a valuable insight into the living culture of the northern Barbaricum. This refers to the battles as well as to the deposition process and associated ceremonies.

The Thorsberger Moor is located in Süderbrarup, North Germany, Schleswig-Holstein, close to the Danish border. Between 1858 to 1861, after the first findings of archaeological artefacts during cutting of peat, Helvig Conrad Engelhardt laid free 750 m^2 of the relatively dry bog.

After the first publication by the excavator (Engelhardt 1863), the artefacts were described further by Klaus Raddatz (Raddatz 1957; 1987a; 1987b). In a few following studies individual aspects of the find material were elucidated (e. g.: Werner 1941; Raddatz 1957–1958; Carnap-Bornheim 1997; Blankenfeldt 2008).

A recent international research project, further helped to increase the quantity of finds from the Thorsberger Moor to more than 2500 artefacts to date. Studies regarding these finds are currently being edited and prepared for publication (Blankenfeldt 2009; Lau 2009; Matešić 2011). Due to the acid pH-value of the bog, just a few objects of iron and none of antler or bone had been preserved. By comparison, finds from other bog sites included a greater assemblage of iron artefacts like lance and spear heads. It is obvious that the total number of originally deposited offerings at this place was higher; however, it is not reconstructible today.

Examinations of the so-called person-related items (including dress accessories, personal utilitarian objects, valuables and special tools) particularly constitute the basis for central questions concerning offering places with sacrifices of military equipment: how often and when was the Thorsberger Moor used for these ritual depositions and where did the different groups of warriors come from?

In the Younger Pre-Roman Iron Age and the Old Roman Iron Age, the Thorsberger Moor was used as offering place for pottery and wooden vessels as well as brooches.

Three sacrifice events of military equipment could be worked out for the Young Roman Iron Age.

The first offering of war booty occurred at the transition to the Younger Roman Iron Age. The warriors represented here originate from continental European areas, which include both the Elbgermanic and the Przeworsk culture regions (fig. 2).

The largest amount of spoils from war reached between 210 and 250 AD to the Thorsberger Moor. Elbgermanic find provenances dominate but components from North Germany, Jutland and the Danish islands could be noticed in the assemblage of this chronological frame as well (fig. 3).

The last offering in the Thorsberger Moor took place during the first 40 years of the fourth century AD. The geographical origin of these warriors seems to be southern and south-eastern Sweden and the Danish island area (fig. 4).

So far the analyses of the items suggest an origin of the formerly mentioned groups of warriors. Some of the personal-related items stand out originating from a special provenance, address and/or interpretation. These are e. g. special find groups like several “sword beats” of glass and chalcedony (Raddatz 1957–1958) or, however, exceptional objects made of precious raw materials like two discs and a curved sheet with artistic decoration (Werner 1941; Carnap-Bornheim 1997; Blankenfeldt 2008).

The group of personal-related items can be separated from other categories of artefacts. The Thorsberger Moor is one of the sites with the biggest number of Roman Iron Age horse harnesses. These artefacts are the basis for investigations concerning riding equipment and issues regarding the organisation of Germanic cavalry.

Even if iron objects like lance and spear heads or sword blades are missing the group of “weapon and weaponry” includes numerous objects. Part of this category is a large amount of Roman originals and Germanic copies. These items make it possible to take a deeper view into the intercultural relationship between the Roman Empire and the Barbaricum.

Рут Бланкенфельдт

Жертвоприношения оружия в “болоте Торсберг” — 150 лет изучения и новые перспективы

Скандинавские памятники, где совершали приношения вещей, в том числе жертвенного оружия, представляют собой археологический источник, не сопоставимый с другими комплексами — погребальными или поселенческими. Эти памятники следует интерпретировать как места, где германские племена совершали немногочисленные, но исключительно обильные приношения взятых на войне трофеев (об истории изучения и интерпретации приношений военного снаряжения см.: Blankenfeldt, Rau 2009; Carnap-Bornheim, Rau 2009; Ilkjær, Iversen 2009).

С одной стороны, на вещах имеются повреждения, указывающие на то, что они повреждались ещё до принесения в жертву. С другой стороны, существуют данные о том, что разрушения производились систематически, тем самым указывая на ритуальную порчу некоторых предметов перед тем, как принести их в жертву. В любом случае, сегодня мы не знаем, кому предназначались эти приношения.

Сами вещи интерпретируют как объекты не местного происхождения и не принадлежавшие тем, кто совершал жертвоприношения. Вероятнее, их отбирали у воинов из других географических областей. Поскольку данные комплексы интерпретируют как снаряжение воинов-германцев, их описывают как группы находок, принадлежавших исключительно мужчинам-воинам.

В географическом отношении, места жертвоприношений тянутся от Шлезвиг-Гольштейна в северной Германии через материковую Данию (Ютландию) и датские острова до материковой Швеции и шведского острова Эланд (рис. 1). Хронологически они охватывают период начиная с середины Доримского железного века и до конца эпохи Великого переселения народов.

Попавшие в современные болота вещи обычно находятся в превосходных условиях, благодаря чему комплексы из мест, где совершались приношения, включают вещи, зачастую известные по единичным находкам с поселений или из могильников. Среди таких вещей — оружие или, например, большое количество деталей конской упряжи, а также разнообразные предметы, сделанные из органических материалов. Для приношений в болото обычным является одновременное выпадение (археологизация) нескольких сотен вещей.

Значительное количество синхронных предметов вооружения образуют фундамент системы, описывающей индивидуальные типы с фиксированными морфологическими характеристиками — основу хронологической системы для Северной Европы (Ilkjær 1990; Bemmann, Hahne 1994).

В целом, эти места, больше чем любой другой археологический источник, дают возможность взглянуть на живую культуру северного Барбарикума — там, где речь идёт о битвах, а также о процессе выпадения (археологизации) и связанных с ним церемониях.

Болото Торсберг находится в Зюдербрарупе, что в северной Германии, в земле Шлезвиг-Гольштейн, недалеко от датской границы. В 1858–1861 гг., после того, как во время добычи торфа были сделаны первые археологические находки, Хельвиг-Конрад Энгельхардт расчистил 750 м^2 относительно сухого болота.

После первой публикации автора раскопок (Engelhardt 1863), в дальнейшем вещи описывал Клаус Раддац (Raddatz 1957; 1987a; 1987b). Появившиеся впоследствии немногочисленные работы изучали отдельные вопросы, связанные с открытыми материалами (например: Werner 1941; Raddatz 1957–1958; Carnap-Bornheim 1997; Blankenfeldt 2008).

Благодаря стартовавшему недавно международному исследовательскому проекту количество находок из болота Торсберг увеличилось — на данный момент это 2500 вещей. Посвящённые этим вещам исследования в настоящее время проходят редактуру и готовятся к публикации (Blankenfeldt 2009; Lau 2009; Matešić 2011). Поскольку данному болоту свойственна кислая среда, в нём сохранилось лишь несколько железных предметов и вообще не сохранились изделия из кости и рога. Для сравнения, среди находок из других болотных памятников имеются большие комплексы железных изделий, например, наконечников копий и дротиков. Очевидно, что изначально на нашем памятнике было сделано большее число приношений, но установить, сколько именно, сегодня его уже невозможно.

Изучение так называемых «личных вещей» (в том числе деталей одежды, предметов личного пользования, ценностей и специальных орудий), в частности, позволяет сформулировать основные вопросы, касающиеся мест, где совершались приношения, в том числе воинского снаряжения: как часто и когда именно использовалось болото Торсберг для осуществления ритуальных приношений вещей, и откуда пришли разные группы воинов?

В конце доримского железного века и в начале римского времени болото Торсберг выступало в качестве места, где совершали приношения керамической и деревянной посуды, а также фибул.

В начале римского времени можно выделить три случая, когда в жертву приносилось воинское снаряжение.

Первое приношение военных трофеев произошло на рубеже доримского и римского времени. В это время совершавшие приношения воины происходили из континентальной Европы, в том числе областей, заселённых эльбскими германцами, и с территории пшеворской культуры (рис. 2).

Количество военных трофеев, оказавшихся в болоте Торсберг, достигло своего максимума в 210–250 гг. Несмотря на доминирование находок, связанных с эльбскими германцами, комплексы, соответствующие этим хронологическим рамкам, также включают компоненты из северной Германии, Ютландии и датских островов (рис. 3).

Последнее приношение в болоте Торсберг произошло в первое сорокалетие IV в. С точки зрения географии, эти воины, как кажется, происходили из южной и юго-восточной Швеции и региона датских островов (рис. 4).

К настоящему времени изучение этих находок позволяет выдвинуть предположения о происхождении упомянутых выше групп воинов. Некоторые «личные вещи» выделяются из общего ряда благодаря специфическому происхождению, назначению и/или интерпретации. К ним относятся, например, такие группы находок как несколько стеклянных или халцедоновых бус, украшавших ножны или портупеи мечей (Raddatz 1957–1958), а также уникальные предметы, сделанные из драгоценных материалов, например, два диска и изогнутый лист с художественной орнаментацией (Werner 1941; Carnap-Bornheim 1997; Blankenfeldt 2008).

Среди прочих категорий находок выделяется группа вещей личного пользования. Болото Торсберг — один из тех памятников, где найдено больше всего предметов конской упряжи, датированных римским временем. На этих вещах основываются исследования, изучающие снаряжение верхового коня и вопросы организации кавалерии у германцев.

Даже несмотря на отсутствие изделий из железа, например, наконечников копий и дротиков, а также клинков мечей, группа «оружия и боевого снаряжения» включает многочисленные находки. Частью этой категории являются многочисленные римские оригиналы и германские копии. Эти вещи позволяют глубже понять межкультурные взаимодействия между Римской империей и Барбарикумом.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Fig. 1: Places with sacrifices of military equipment (R. Blankenfeldt, A. Rau)

Рис. 1. Места, где обнаружены приношения военного снаряжения (рис.: Р. Бланкенфельдт, А. Рау)

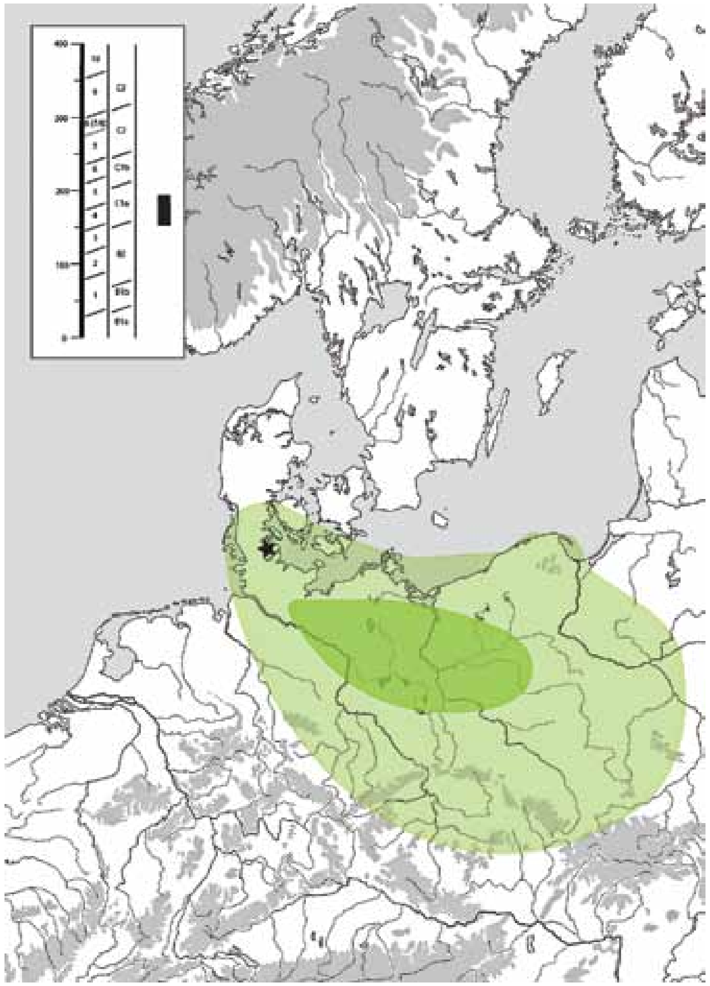


Fig. 2. Thorsberger Moor, 1st deposition,
geographical reference areas of the inferior army

Рис. 2. Болото Торсберг, 1е выпадение;
географическая зона, где находилась вспомогательная армия

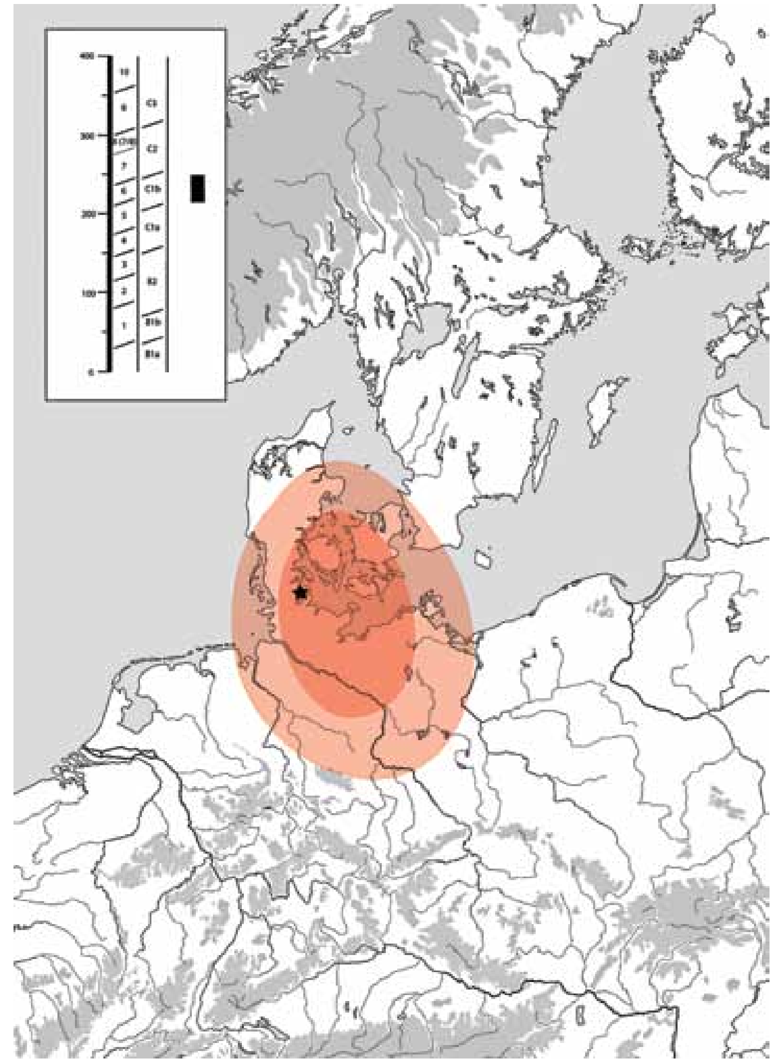


Fig. 3. Thorsberger Moor, 2nd deposition,
geographical reference areas of the inferior army

Рис. 3. Болото Торсберг, 2е выпадение;
географическая зона, где находилась вспомогательная армия

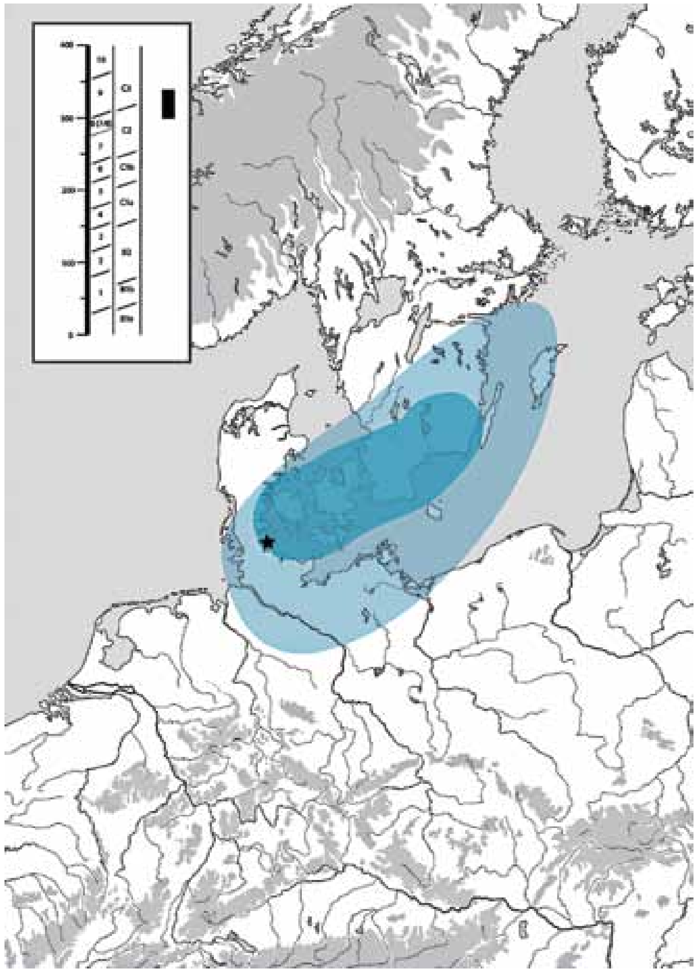


Fig. 4. Thorsberger Moor, 3rd deposition, geographical reference areas of the inferior army

Рис. 4. Болото Торсберг, 3е выпадение; географическая зона, где находилась вспомогательная армия

Linda Boye

The Rich Graves from Late Roman Iron Age on Eastern Zealand – with a Special View on Glass Beads

The excavations of the settlements — an overview

The recent settlement excavations in Copenhagen West have revealed continuous and closely spaced villages and dispersed farms from the Late Roman Iron Age. Their structures are based on dispersed farms within a surrounding resource area, as well as villages consisting of 3–6 farms.

From the start of the Late Roman Iron Age, several different house types can be identified within the same settlement. Each house type signifies a different level of social status. The most common type (the Høje-Taastrup type) consists of large three-winged houses, the walls of which are on a plate (or a rim), and so have not been preserved. Special farms, known as *Ragnesminde-farms*, consist of a main building with wall posts dug into the ground, which give it a very solid, uniform construction. A fence invariably encircles the main *Ragnesminde* building and surrounding smaller structures, but this is not attached to the house (fig. 1).

A Ragnesmindegård was found near the rich graves from the burial sites, leading to the obvious conclusion that the interred in the rich graves lived on this significant farm.

The settlements and the rich graves from the area around Copenhagen will be discussed in the lecture in order to give an overview and a status on the recent research.

The excavations of the burial sites

Excavations conducted by Kroppedal Museum between 1989 and 2007 uncovered a number of Late Roman Iron Age burial sites in Copenhagen West (fig. 2).

Torstorp Vesterby consists of eight inhumation graves: one wealthy adult woman and seven children. The burial site was excavated in 1989.

Brøndsager consists of three inhumation graves: an adult man, a young man and a little girl (fig. 3).

Stenrøldsknøs consists of a single rich man's grave, close to a Late Neolithic burial mound.

Engbjerg consists of 25 inhumation graves for children, adult women and men. The site was excavated in 1999 (fig. 4).

Kraghave Ødetofter consists of three inhumation graves: two women and one man. The burial site was excavated in 2000.

Kong Svends Park consists of nine inhumation graves: one adult and eight children. The burial site was excavated in 2000.

Højbakkegård consists of a Stone Age founders mound and six inhumation graves from the Roman Iron Age. The site was excavated in 2001.

Ellekilde consists of 30 inhumation graves for children, women and men. The site was excavated in 2007.

Snubbekorsgård consists of one female inhumation grave dated to the Late Roman Iron Age surrounded with 75 graves dated to the Viking Period.

These nine localities, featuring a total of nearly 90 graves, have added a number of new facets to the composite picture of Zealand in the Late Roman Iron Age. Together they represent a wealth centre, the nature of which had only previously been glimpsed through the rich grave from Thorslunde (Præstegårdsmarken). The new centre of wealth has initiated a number of adjustments to the existing image of Zealand in the Late Roman Iron Age. However, it does not mean that the overall structural picture of Zealand must be modified. Rather, the new findings support the conclusion that there must have been an important centre of wealth just west of Copenhagen in the Late Roman Iron Age.

The rich female graves

Focusing on the rich female graves it occurred, that in almost all the female graves there are a lot of glass and amber beads –used in different strings around the neck, on the breast, in the hair and as an armlet. There is clear typological evolution in the composition of the strings. In the earlier part of Late Roman Iron Age the beads have a great variation in colours and forms while in the later part of the Late Roman period the beads are more simple, more uniform and there are many plain and uniform beads in the string. This evolution is not special for the eastern part of Zealand, but it can be seen much clearly in this area because we have a lot of burial sites from this period (fig. 5).

It is not only the composition and appearance of the glass beads, where there are changes but also for the amber beads. In C1 and C2 there are strict rules for the composition of the *berlokken* beads and the common turned amber beads, which is documented in the graves from for example Snubbekorsgård and Kong Svends Park (fig. 6). The different composition and the evolution in the glass and amber beads can give a typological hint and there is a possibility that it could be more than a hint. The lecture will focus on this subject.

Линда Бойе

Богатые могилы позднеримского времени в восточной Зеландии — с акцентом на стеклянные бусы

Раскопки поселений: общие сведения

Недавние раскопки в Западном Копенгагене выявили постоянные сельские поселения, состоящие из тесно расположенных домов, и рассредоточенные сельские усадьбы позднеримского времени. Эта структура была основана на сельских усадьбах, рассредоточенных по территории, где находились природные ресурсы, а также сельских поселениях, состоящих из 3–6 усадеб.

С начала позднеримского времени на одном и том же поселении можно выделить несколько разных типов домов. Тип дома соответствует особому общественному положению. Наиболее распространённый тип («Хёйе–Тоструп») представлял собой большой дом с тремя крыльями, стены которого стояли на опорных брусьях либо платформе (без столбовых ям и фундамента), и потому не сохранились. Особый тип сельских усадеб («Рагнесминде») состоит из основной постройки, опорные столбы стен которой вкапывались в землю, что делало конструкцию очень прочной и жёсткой, единообразной. Во всех случаях постройка типа «Рагнесминде» и окружавшие её более мелкие сооружения были обнесены забором, который не примыкал к дому (рис. 1).

Дома типа «Рагнесминде» открыты недалеко от могильников, содержавших богатые погребения, а это приводит к очевидному умозаключению, что на крупных сельских усадьбах такого типа жили люди, впоследствии похороненные в богатых могилах.

В докладе будут рассмотрены поселения и богатые могилы на территории окрестностей Копенгагена с целью дать о них общие сведения и рассказать о состоянии современных исследований.

Раскопки погребальных памятников

Проведённые музеем Кроппедаль в 1989–2007 гг. раскопки открыли большое число погребальных памятников позднеримского времени в Западном Копенгагене (рис. 2).

Могильник Торсторп Вестербю состоит из восьми могил по обряду трупоположения: в одной похоронена богатая взрослая женщина, в семи других — дети. Погребальный памятник раскопан в 1989 г.

Могильник Брёндсагер состоит из трёх могил по обряду трупоположения: в одной похоронен взрослый мужчина, в другой — молодой мужчина, в третьей — девочка (рис. 3).

Могильник Стенрёльдскнёс состоит из одной могилы, похожей на поздненеолитический курган, в которой похоронен богатый мужчина.

Могильник Энгбьер состоит из 25 могил по обряду трупоположения с погребениями детей, женщин и мужчин. Памятник раскопан в 1999 г. (рис. 4).

Могильник Крагхаве Эдетофтер состоит из трёх могил по обряду трупоположения: в двух похоронены женщины, в одной — мужчина. Погребальный памятник раскопан в 2000 г.

Могильник Кон-Свендс-Парк состоит из девяти могил по обряду трупоположения: в одной погребение взрослого человека, в восьми — детские. Погребальный памятник исследован в 2000 г.

Могильник Хёйбаккегор состоит из шести погребений по обряду трупоположения, датирующихся римским временем, впущенных в курган каменного века. Памятник раскопан в 2001 г.

Могильник Эллекильде состоит из 30 могил по обряду трупоположения, с погребениями детей, женщин и мужчин. Памятник раскопан в 2007 г.

Могильник Снуббекорсгор состоит из одного погребения женщины по обряду трупоположения, датирующегося позднеримским временем, которое окружают 75 могил, относящихся к эпохе викингов.

Девять этих памятников, состоящие из всего около 90 могил, дополняют сложную картину жизни Зеландии в позднеримское время несколькими новыми чертами. Все вместе они представляют центр сосредоточения богатства, характеристики которого были лишь

намечены ранее благодаря богатой могиле из Торслунде (Престегорсмаркена). Открытие нового центра, где сосредотачивалось богатство, заставляет внести ряд уточнений в существующую реконструкцию жизни Зеландии в позднеримское время. Но это не означает, что должна измениться и общая картина Зеландии и её структуры. Скорее, новые находки подтверждают вывод о существовании какого-то важного центра сосредоточения богатства позднеримского времени, расположенного непосредственно к западу от Копенгагена.

Богатые женские погребения

Анализ богатых женских погребений показывает, что практически во всех женских погребениях находилось множество стеклянных или янтарных бус, использованных в разных ожерельях на шее, на груди, в волосах и в виде ручных браслетов. Существует явная типологическая эволюция состава ожерелий. В начале позднеримского времени расцветки и форма бус была чрезвычайно разнообразной, тогда как в конце позднеримского времени бусы стали проще, более однообразными, на нитки нанизывали много неорнаментированных, одинаковых бус. Такая эволюция присуща не только восточной части Зеландии, но в этом регионе её можно проследить более отчётливо, поскольку тут имеется много погребальных памятников данного времени (рис. 5).

Изменения происходят не только с составом и внешним видом стеклянных бус, но также и с янтарными бусами. В фазах С1 и С3 существовали строгие правила, подразумевавшие сочетание грушевидных подвесок-кулонов и обычных обточенных янтарных бус, что подтверждается находками, например, в могилах из Снуббекорсгора и Кон-Свендс-Парка (рис. 6). Разные наборы и эволюция стеклянных и янтарных бус могут намекать, и даже не просто намекать, на типологические особенности. На этом и будет сфокусировано внимание доклада.

Перевёл с английского Никита Храпунов

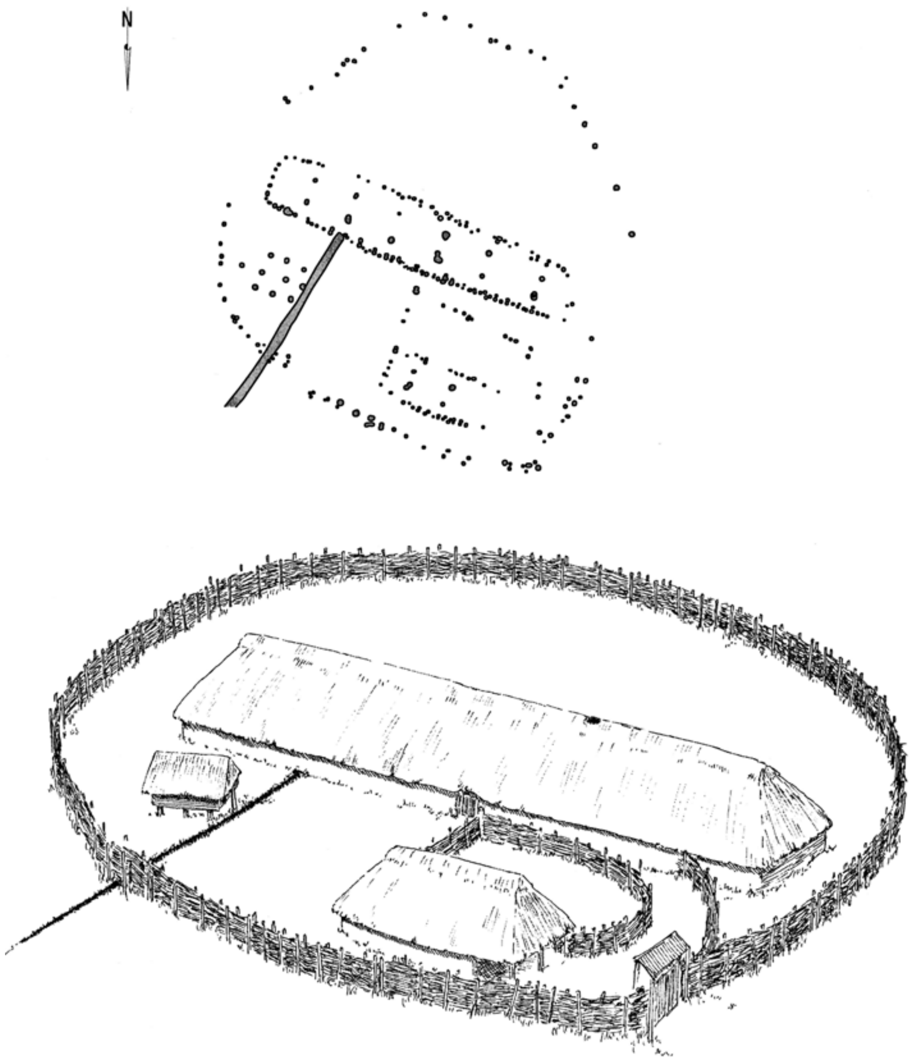


Fig. 1. Different house-types and farms from Late Roman Iron Age, Eastern Zealand, Denmark (Drawings: J. Poulsen, Kroppedal Museum)

Рис. 1. Дома и сельские усадьбы различных типов позднеримского времени в Восточной Зеландии в Дании (рис.: Й. Поульсен, Музей Кроппедаль)

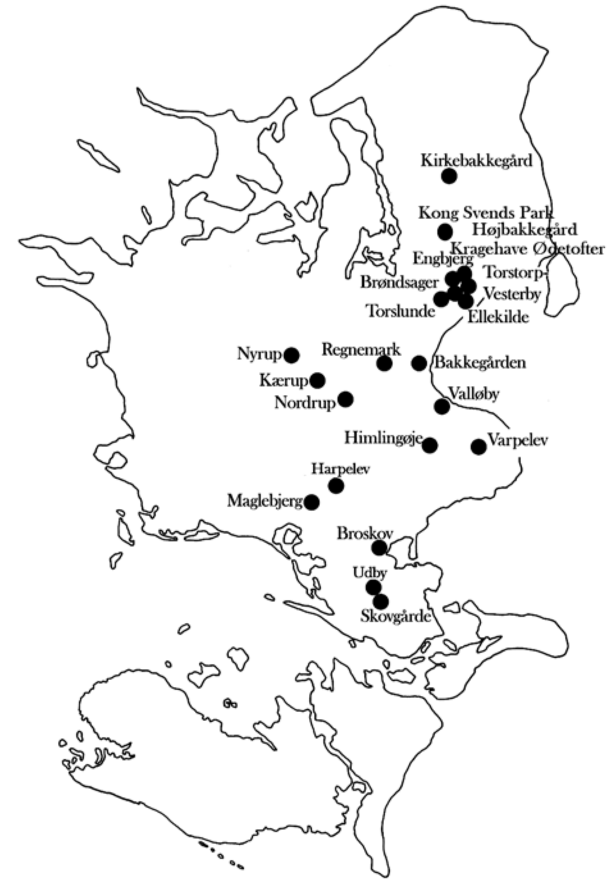


Fig. 2. Map with the burial sites (drawing: F. Oldenburger, A. Larsen, Kroppedal Museum)

Рис. 2. Карта погребальных памятников (рис.: Ф. Олденбургер, А. Ларсен, Музей Кроппедаль)

Fig. 3. The Brøndsager local leader. Late Roman Iron Age C2 (photo: Kroppedal Museum)

Рис. 3. Местный вождь из Брёндсагера. Позднеримское время, фаза С2 (фото: Музей Кроппедаль)

Fig. 4. Rich woman grave 4 from the Engbjerg burial site (photo: Kroppedal Museum)

Рис. 4. Богатое женское погребение 4 из могильника Энгбьер (фото: Музей Кроппедаль)

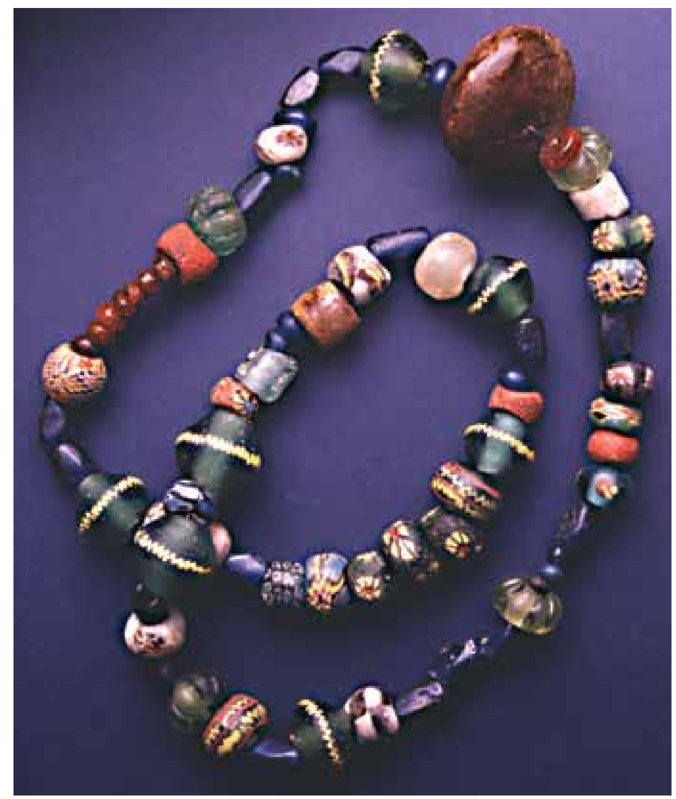


Fig. 5. To the left glass, beads dated to Late Roman Iron Age C2, and to the right, glass beads from late Roman Iron Age C3 (photo: Kroppedal Museum)

Рис. 5. Слева — стеклянные бусы, датированные позднеримским временем, фазой С2; справа — стеклянные бусы позднеримского времени, фазы С3 (фото: Музей Кроппедаль)

Fig. 6. Amber necklace from Snubbekorsgård.
Late Roman Iron Age C2
(photo: Kroppedal Museum)

Рис. 6. Янтарное ожерелье из Снуббекорсгора.
Позднеримское время, фаза С2
(фото: Музей Кроппедаль)

David Braund

The Baltic, Black Sea and Nile in the Plans of the Emperor Nero

Geography is not only a matter of physical fact, but also the focus and expression of ideas, so that the process of mapping, for example, entails both scientific precision about the locations of places and the like and also what psychologists tend to call “conceptual mapping.” A glance at most modern maps serves to illustrate that very large and important observation: for example, a map of the world produced in Australia usually shows Australia at its centre, with the rest of the world set out around it. Meanwhile, we have to consider also the impact of notions about the past: for example, I recall a map of Armenia in Paris which showed Armenia not only at the centre of the world, but also at many times the size that it has ever been, embracing not only all the Caucasus but also most of the Near East. This is a whole field of scholarship which I introduce briefly here because it is relevant to the theme of our conference (it is natural that the organizers should focus upon connections between their neighbouring seas, the Baltic and the Black) and, more importantly, because it is necessary to our understanding of Roman views of the world and its geography.

My particular concern is with the Rome of Nero. The enormous image of that emperor includes a very great deal, but little attention has been devoted to his geographical interests and schemes, which (as usual with exploration at Rome and elsewhere) are also bound up with imperialist behaviour and expansionism. For Nero, as for Romans in general, the agenda was not only to explore and discover new knowledge about the world, but also to exploit that world and ensure Roman domination of it, whether through direct rule or (as often at the periphery) by maintaining a measure of indirect control and sufficient influence to achieve its ends. Whereas a huge body of scholarship (and also the public imagination outside the scholarly world) has grown up around Nero’s interests in the “humanities” (the writing of poetry, the performance of plays, singing, musicianship and, we may include, architectural invention), it is only recently that we have started to think seriously about Nero's concern with knowledge of different kinds, such as medicine, engineering and, especially, geography. The largely hostile tradition about him draws attention to his involvement in more trivial scientific breakthroughs (the water organ, the development of drink-cooling and the like), but even so we hear a good deal about much more serious interests too. When Seneca (*NQ* 6. 8. 3) praises his pupil Nero's dedication to the attainment of truth in all kinds of fields of knowledge, we should take his flattery seriously, at the very least as an expression of what he thought that his pupil-emperor wanted to be praised for. To be seen as such a "scientist" was evidently Nero's ambition, however it might be accommodated with his other ambitions.

The elder Pliny, who completed his great *Natural History* in AD 77, shortly before his death, provides a wide range of detailed information about Nero's regime, which he had known well at first hand. After all, as is well known, Pliny's other, historical writings, were of the first importance as source material for *Annals* 13–16 of Tacitus, our main source for most of Nero's reign. In this paper I wish to draw attention to two different expeditions of Nero's day, mentioned by Pliny, which seem on closer inspection to have much in common.

Pliny (*NH* 37. 45) tells us that a certain Iulianus (almost certainly an imperial freedman) sent an expedition to bring amber from the Baltic. Pliny also states that the equestrian sent on this mission was still alive at the time of writing, evidently in the 70s AD: he had survived the wars of 68–69 AD. Apparently, Iulianus had wanted this amber to decorate in sumptuous fashion the gladiatorial spectacles which he was staging for Nero. The man had brought back so much amber that it was used in the most obscure ways to make the spectacle all the more striking, for example decorating the knots of the nets which protected the spectators from injury, the equipment of those who dealt with dead bodies in the amphitheatre and so on. However, there is much that Pliny does not explain. These special spectacles were probably the celebrations which marked the completion of Nero's new wooden amphitheatre in AD 57, as scholars usually suppose. That would mean that the expedition set off from Rome quite early in the reign of Nero. If that is right, it was sent at much the same time as another expedition, sent south from Egypt to discover the source of the Nile, a key preoccupation of Nero's regime (cf. the poetry of Lucan, 10), as were also the *claustra* of the north, in the mountains of Caucasian Iberia (notably, Suet. *Nero* 19.2, apparently a later ambition).

Pliny (*NH* 6. 181 with 12. 19; cf. Dio 63. 8. 1–2) makes it clear that the Nile expedition was also led by an equestrian, whom he identifies in military terms as a military tribune. It is unclear whether Iulianus' man was also a tribune, and whether he had with him praetorians, including at least two centurions, as in the Nile expedition. The Nile expedition was only partially successful, but it brought back considerable information about the upper Nile and its flora and fauna. These seem to have been used in the grand games staged for Nero's guest Tiridates of Armenia, when he first met the emperor at Puteoli. For in those games "Ethiopians" (as Romans termed the Nubian peoples of the upper Nile) occupied a whole day. Similarly, the spectacles staged by Iulianus at Rome evidently included arctic fauna which had been brought back by the amber-expedition (cf. Calp. Sic. 7).

The precise date of the Nile expedition is unclear, but Seneca wrote about its return in his *Natural Questions* of AD 62/3, so that the two expeditions start to look rather similar in both content, chronology and consequence, though it must be admitted that our knowledge of the amber-expedition is particularly slight. It must also be observed that that expedition is not as closely associated with Nero in our evidence as is the Nile expedition. However, it seems reasonable to infer from the fact that this imperial freedman (if such he is) sent the equestrian north with regard to Nero's great celebration, that the emperor himself knew and approved the expedition.

Many questions remain to be considered, including the causes of Tacitus' complete silence on these matters (unless we assume that he wrote of them later for some reason, in the lost portion of the *Annals*). Of most interest for our conference, however, is the route taken by the amber-expedition. For Pliny is clear that it went north by way of Carnuntum on the Danube in Upper Pannonia. Presumably, the expedition had in mind the old traditions that amber came that way from the north, traditions which even located the production of amber on the Po in northern Italy and made Apollo key to its production. No doubt it was important that amber's colour was golden, for Apollo too was golden, not least under Nero, for whom the god had especial significance (e. g. Sen. *Apoc* 4). All that makes sense enough. However, where is the Black Sea in all this? Of course, it is easy to see why a mission towards the Baltic from Rome would not pass through the Black Sea. On the other hand, however, the riverine routes from the Baltic to the Black Sea might have been expected to make this Sea the entry-point for amber into the Greco-Roman world. Evidently, the Black Sea was not regarded in that way, as both this expedition and the rest of the literary tradition on amber make clear enough. There are many potential corollaries to that simple observation:

How much amber do we suppose came to the ancient Black Sea from the Baltic? Archaeology shows some, but why is the literary evidence lacking? To what extent is the (limited?) supply of amber a consequence of Scythian and other local tastes? Or should we think instead of the obstruction of riverine routes by local populations between the Baltic and the Black Sea?

Дейвид Браунд

Прибалтика, Чёрное море и Нил в планах императора Нерона

География — это не просто явление материального мира, но также и пункт сосредоточения и выражения представлений, так что, например, составление карт влечёт за собой как научную корректность в отношении местоположения населённых пунктов и тому подобных вещей, так и то, что психологи обычно называют «картированием концепций». Это весьма пространное и важное умозаключение можно проиллюстрировать, бросив взгляд на большинство современных карт: например, на карте мира, составленной в Австралии, Австралия обычно изображена в центре, вокруг неё расположен весь остальной мир. Между тем, мы должны также принимать во внимание влияние, которое оказывают представления о прошлом: например, мне вспоминается парижская карта Армении, на которой Армения не просто показана в центре мира, но также и многократно превосходит свои реальные размеры, охватывая не только весь Кавказ, но также и большую часть Ближнего Востока. Изучение этого вопроса составляет целую отрасль научного знания; здесь я вкратце остановился на нём, поскольку он соответствует теме нашей конференции (естественно, организаторы должны сфокусировать усилия на связях между соседними морями — Балтийским и Чёрным) и, что ещё более важно, поскольку он необходим для понимания римского взгляда на мир и его географию.

В частности, интересующий меня вопрос связан с Нероновым Римом. Чудовищный образ этого императора включает в себя колоссальное количество аспектов, хотя не так уж и много внимания уделяется его географическим интересам и схемам, которые (как правило, и в Риме, и повсеместно) также связаны с империалистическим поведением и захватнической политикой. Как для Нерона, так и для римлян в целом, на повестке дня стоял вопрос не просто об изучении мира и получении новых знаний о нём, но также об эксплуатации этого мира и обеспечении римского в нём господства, путём осуществления прямой власти или же (как это часто бывало на периферии) придерживаясь той степени непрямого воздействия, которая была достаточной для реализации их целей. Несмотря на колоссальную историографию (а равно и общественные представления, лежащие вне научного мира), выросшую вокруг интересов Нерона к «гуманитарным дисциплинам» (сочинение поэзии, исполнение пьес, пение, сочинение и исполнение музыки, к чему можно прибавить архитектурные затеи), мы лишь недавно стали задумываться о Нероновом интересе к разным областям знания, например, медицине, инженерному делу и в особенности географии. Существует обширная традиция, враждебно относящаяся к нему и заостряющая внимание на его увлечённости более мелкими научными проблемами (водяной орган, охлаждение питья и тому подобное), но даже в этом случае мы также многое узнаём о куда более серьёзном интересе. Когда Сенека (Nat. Quaest., VI, 8, 3) прославляет стремление своего ученика Нерона к постижению истины в знаниях всякого рода, нам следует серьёзно отнестись к этой лести, ведь она говорит, по крайней мере, о том, за что, по его мысли, ожидал восхваления император, его ученик. Очевидно, стремлением Нерона было оказаться в образе такого «учёного», насколько это можно было совместить с другими его устремлениями.

Старший Плиний, завершивший свой выдающийся труд — «Естественную исорию» — в 77 г. н. э., незадолго до смерти, сообщает подробную информацию о режиме Неронова правления, прекрасно знакомого ему из первых рук. В конце концов, хорошо известно, что другие, исторические сочинения Плиния имели первостепенное значение как источник для книг 13–16 «Анналов» Тацита, нашего основного источника по большей части Неронова правления. В своём докладе я хочу привлечь внимание к двум разным экспедициям времён Нероновых, упомянутых Плинием, которые, как выясняется при более тщательном рассмотрении, имели между собой много общего...

По словам Плиния (Nat. Hist., XXXVII, 45), некий Юлиан (почти наверняка императорский отпущеник) отправил экспедицию за янтарём в Прибалтику. Плиний утверждает также, что всадник, отправленный в эту экспедицию, был ещё жив в то время, как он писал свою книгу, то есть надо полагать в 70 е гг. I в. н. э. — он пережил войны 68–69 гг. Несомненно, янтарь был нужен Юлиану, чтобы украсить им, следуя пышной моде, гладиаторские представления, постановкой которых он занимался по поручению Нерона. Посланник привёз столько янтаря, что его использовали самым нелепым образом, чтобы сделать представления как можно более необыкновенными, например, украшая им узлы защищавших зрителей сетей, снаряжение служителей, уносивших мёртвые тела из амфитеатра, и тому подобного. Тем не менее, многие вещи Плиний не объяснил. Обычно полагают, что эти особые зрелища были, вероятно, посвящены завершению строительства деревянного цирка Нерона в 57 г. н. э. Это означает, что экспедиция должна была выехать из Рима в начале правления Нерона. Если это правда, её отправили практически одновременно с другой экспедицией — из Египта на юг в поисках истоков Нила, ставшей ключевым предприятием Неронова правления (ср. стихи в 10й книге Лукана), наряду с поиском северной *claustra* в горах кавказской Иберии (особенно: Suet., Nero, XIX, 2 — но этот план, очевидно, возник позже).

Из слов Плиния (Nat. Hist., VI, 181, а также XII, 19; ср.: Dio, LXIII, 8, 1–2) ясно, что нильскую экспедицию также возглавлял всадник, которого он обозначил, в военных терминах, как военного трибуна. Неясно, был ли Юлианов человек также трибуном, и сопровождали ли его преторианцы, в том числе по крайней мере два центуриона, как это было в нильской экспедиции. Нильская экспедиция добилась лишь частичного успеха, но она принесла много информации о верховьях Нила, их флоре и фауне. Кажется, представителей последней использовали во время больших игр, данных гостем Нерона — Тиридатом Армянским, когда он впервые встретился с императором у Путеол. В тех играх целый день был посвящён «эфиопам» (так римляне называли нубийцев с верховьев Нила). Подобным образом на представлениях, данных в Риме Юлианом, очевидно, использовали представителей арктической фауны, привезённых «янтарной экпедицией» (ср.: Calp., Sic., VII).

Хотя точная дата нильской экспедиции неясна, о её возвращении писал Сенека в «Естественных вопросах» 62/3 г. н. э., так что эти две экспедиции начинают проявлять между собой сходство как в смысле хронологи, так и результатов, но следует отметить, что наши знания об экспедиция за янтарём очень не велики. Следует также отметить, что, согласно имеющимся сведениям, это предприятие не было так тесно связано с Нероном, как нильская экспедиция. Однако из того

факта, что в данном случае императорский отпущеник (если он был таковым) отправил на север всадника, имея в виду большие Нероновы игры, кажется, разумным будет вывод, что император лично знал об экспедиции и одобрил её.

Многие вопросы, в том числе проблема полного молчания Тацита об этих событиях (если, конечно, мы не сочтём, что он по каким-то причинам написал о них позже, в утраченной части «Анналов»), по-прежнему остаются неразрешёнными. Для нашей конференции, однако, наибольший интерес представляет путь, избранный «янтарной экспедицией». Плинию было ясно, что он вёл на север через дунайский Карнунт, что в Верхней Паннонии. Можно предположить, что экспедиция помнила древние рассказы, согласно которым янтарь поступал с севера по этому пути, традицию, помещавшую производство янтаря на р. По в северной Италии и сделавшую Аполлона ключом к его производству. Несомненно, важным обстоятельством был золотой цвет янтаря, ведь Аполлон также был «золотым», — не последний аргумент для Нерона, для которого этот бог имел особое значение (например: Sen., Apoc, IV). Этих оснований вполне достаточно. Однако где во всём этом место Чёрного моря? Конечно, нетрудно понять, почему римская миссия в Прибалтику не стала проезжать через Причерноморье. С другой стороны, можно было бы ожидать, что речные пути от Балтийского к Чёрному морю сделают последнее воротами, через которые янтарь попадал бы в греко-римский мир. Очевидно, Чёрное море в этом контексте не рассматривали, как свидетельствует история этой экспедиция и прочая литературная традиция, касающаяся янтаря. Из этого простого наблюдения следует множество потенциальных вопросов:

Какое количество янтаря, как можно предположить, поступало в древнее Причерноморье из Прибалтики? Археология обнаружила некоторое его количество, но почему отсутствуют письменные источники? В какой степени (ограниченные?) поставки янтаря были следствием потребностей скифов и других местных жителей? Или же вместо этого следует думать, что речные пути между Прибалтикой и Чёрным морем были недоступны для местного населения?

Перевёл с английского Никита Храпунов

Aleksander Bursche,
Kirill Myzgin

Imagines Maiestatis: Barbarian Imitations of Roman Coinage

Barbarian counterfeits of Roman coins were studied only to a limited extent and research focused mostly on individual elements, e. g., barbarous *denarii* or late *aurei.* Recent decades brought a major increase in the number of these finds, mostly in East-Central Europe, particularly as a result of the spread of metal-detectors. The largest series, from the Ukraine and Moldavia, is dominated by barbarous *denarii* and *subaerati*, together with imitations of *aurei*.

In this contribution we present a draft outline of a future international project on barbarian imitations of Roman coins. Next to various technological aspects, including the study of die-links, microscopic and metallurgical analysis, the main aim will be to determine the time and place of manufacture of these imitations and to grasp the reasons for their production. Most of the gold and gold-plated imitations are pierced or looped, a practice rarely observed in silver, silver-plated or bronze pieces.

Finds of barbarian imitations tend to cluster in the northern Pontic area, Moldova, western Ukraine, eastern Poland and southern Baltic Sea zone. This distribution strongly suggests direct ties of Gothic elites between the lower Danube region and south-western Scandinavia during the late Roman period.

Александер Бурше,
Кирилл Мызгин

Imagines maiestatis: варварские имитации римских монет

Изготовленные варварами подделки, имитировавшие римские монеты, изучены лишь в небольшой степени; исследования концентрировались в основном на отдельных элементах, например, варварских денариях или поздних ауреусах. Количество подобных находок, сделанных в основном в Центрально-Восточной Европе, значительно возросло за последние десятилетия, в частности, в результате распространения металлоискателей. В крупнейших сериях находок из Украины и Молдавии преобладают варварские денарии и субэратные (плакированные драгоценным металлом) монеты, а также имитации ауреусов.

В данном докладе мы представляем предварительный план международного проекта, посвящённого варварским имитациям римских монет, который будет реализован в будущем. Помимо анализа различных аспектов технологии, в том числе изучения одноштемпельных монет, микроскопии и исследования металла, основной целью будет определение времени и места изготовления этих имитаций, а также выявление причин их изготовления. Большая часть золотых и плакированных золотом имитаций имеют отверстия или ушки для подвешивания, что редко наблюдается на серебряных, плакированных серебром и бронзовых вещах.

Находки варварских имитаций имеют тенденцию концентрироваться в Северном Причерноморье, Молдавии, Западной Украине, Восточной Польше и на территории к югу от Балтийского моря. Такая зона распространения является сильным аргументом в пользу вывода о непосредственных связях, существовавших в позднеримское время между представителями готской знати от нижнего Подунавья до юго-западной Скандинавии.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Katarzyna Czarnecka

Padlocks in the Przeworsk and Chernyakhov Cultures in the Late Roman Period, as an Evidence of Mutual Contacts

Iron padlocks, found outside the *Limes*, have been treated as Roman imports. In fact only very few imported padlocks were found in the Barbaricum: one from settlement Brahlstorf, in Mecklemburg, and one, found together with a ring-key, from grave 17 on the Bogaczewo culture cemetery in Mojtyny (Moythynien), in Masuria. All other were locally made. The very idea of padlock, technical solution, was adapted from the Roman specimens[1], but their form and details of construction are different in specimens known from Roman provinces, and from the Barbaricum. Padlocks found outside the *Limes* consisted of a metal cylinder with attached along side a narrow metal sleeve. Barbed bolt (single or double) with a bow was inserted into cylinder by a small opening in a lid. Springing barbs were blocked on the lid. Another end of the bow was caught in a sleeve and any items (loops, chain-links) which were put on the bow were safely closed. A key, in a form of square frame set at an almost right angle on an elongated handle, was inserted by narrow slit in the bottom, then put on the bolt to catch the barbs, what allow opening of the padlock. All known padlocks from the Barbaricum have similar form and similar dimensions: a cylinder circa 6 cm long, diameter 2.5–3 cm. Almost all of them were made of iron. Bronze padlocks are known from the Migration period, e. g. from well known settlement in Jakuszowice.

Padlocks from the Przeworsk culture are known mostly from settlements; only few were found on cemeteries. It is possible that some specimens, badly preserved, were not recognized properly as parts of padlocks, and in fact there were more finds. They are dated to the Late Roman and Early Migration periods, phases C2–D.

[1] Roman craftsmen adapted it from Celts.

More or less complete padlocks are known from settlements in Zofipole and Igołomia, both Kraków district, Piwonice, Kalisz district, Przywóz, Wieluń district, and Zagórzyce, Kazimierza Wielka district. Keys are rare. There are finds from Toporów, Wieluń district, Mierzanowice, Opatów district, and Aleksandrowice, Kraków district. At least five padlocks are known from the settlement Walków Kurnica in Central Poland. Some of them were closed, that is with inserted inside bolt. The earliest find, a padlock case without a bolt, was found in a kiln on the settlement Zofipole, near Kraków, where wheel-made pottery was produced. On another settlement, in Igołomia, where large scale pottery production was confirmed, padlock was found in a hut, together with brooch A. 158, crucibles with traces of melted metal and other finds. A padlock bolts from settlement Piwonice, Kalisz district, and a key from settlement Mierzanowice, Opatów district, came also from huts where many various artifacts, confirming relative richness, were found.

Very interesting are finds from cemeteries. Padlocks are known from the cemetery Żerniki (Gross Sürding) in Silesia and from similary dated cemetery in Karczyn, central Poland, both dated to the Migration period. These are inhumation graves, not quite typical for the Przeworsk culture. All padlocks known from the cemeteries were closed, that is the bolt was inside case.

Very similar in shape and dimensions padlocks are known from the Chernyakhov – Sântana de Mureş culture. From settlement Ripnev, Lvov *oblast'* (administrative area), came a key and fragments of a padlock. In a hut from settlement Barbara 1, Poltava *oblast',* a padlock case was found. Complete padlock with a bolt came from grave 20 from Kaborga IV, Nikolayev *oblast'*, a cylindrical case was in child's grave from Gavrilovka, Kherson *oblast'*. A fragment of padlock box was found in a richly furnished (e. g. three imported Roman keys) grave from Ruzhichanka, Khmel'nitskiy *oblast'*. A lid of padlock case came, as a loose find, from cemetery in Budeşti, Kishinev *municipiu* (administrative unit), in Moldavia. Two badly corroded specimens were found in a settlement Bârlad – Valea Seacă, Vaslui *judeţ* (district), in Romania. Chronology of these finds is the same with the Przeworsk culture objects — the Late Roman period.

A padlock was found in a rich grave 85 from Druzhnoye, in the Crimea, and one more in a Sarmatian grave on a cemetery in Drăgăneşti-Olt, Olt *judeţ*, in Romania. They are also dated to the Late Roman period.

No padlocks are known from the Wielbark culture or Elbian circle (only imported Roman specimen from Brahlstorf). To some extend it could be a result of state of researches — corroded or uncompleted specimens could not be properly identified as padlocks, but comparison with the Przeworsk and Chernyakhov culture where padlocks are not common, but also not unique, is striking. The explanation of this observed difference is not easy.

Padlocks found in settlements could be treated as a sign of property — protection against possible theft. Found in graves could also be interpreted as indicators of wealth, but they could have also served as a way of magical closing the dead in a grave, as they were used exclusively for closing (often it is a part of handcuffs). Locks' elements and keys, mostly from caskets, were found almost exclusively in graves of women, and are treated as indicators of burials of women of high social position, not only in the Przeworsk culture, but also in other cultures of *Magna Germania*. Padlocks, however, are found mostly in graves of men and children, and their meaning could be different.

There are not many direct links between the Przeworsk culture and the Chernyakhov culture, and their mutual influence is not quite obvious. That is why finds of padlocks in both regions are so interesting and important for further studies.

Катажина Чарнецкая

Навесные замки позднеримского времени в пшеворской и черняховской культурах как свидетельство взаимных контактов

Железные навесные замки, найденные за пределами Лимеса, рассматриваются как римский импорт. Фактически же в Барбарикуме найдено всего лишь несколько импортных навесных замков: один на поселении Бральсторф в Мекленбурге и другой, найденный вместе с ключом-кольцом в могиле 17 некрополя богачевской культуры в Мойтынах (нем. Моитиниен) в Мазурии. Все остальные — местного производства. Сама идея навесного замка, техническое решение, заимствована у римских вещей,[2] но форма и конструктивные детали у экземпляров из римских провинций отличаются от вещей из Барбарикума. Найденные за приделами *Лимеса* навесные замки состоят из металлического цилиндра с закреплённой вдоль узкой металлической втулкой. Расположенный на конце дужки запор с

[2] Римские мастера взяли её у кельтов.

одним или двумя стопорными шипами вставлялся в цилиндр через небольшое отверстие в крышке, которая фиксировала пружинные шипы. Другой конец дужки находился внутри втулки, так что любой предмет (петля, звенья цепи), через который прошла дужка, был надёжно заперт. Ключ в форме квадратной рамки, помещённой практически под прямым углом к удлинённой ручке, вставляли в узкую прорезь внизу замка, а затем надевали его на запор, зажимая шипы, что позволяло открыть замок. Все известные навесные замки из Барбарикума имеют близкие размеры и форму: это цилиндр длиной около 6 см и 2,5–3 см в диаметре. Почти все они сделаны из железа. Бронзовые навесные замки известны начиная с эпохи Великого переселения народов, например, на широко известном поселении Якушовице.

В пшеворской культуре навесные замки известны главным образом на поселениях, в могильниках же найдено всего несколько штук. Возможно, некоторые экземпляры плохой сохранности не были определены в качестве деталей навесных замков, так что фактически находок могло быть больше. Они датируются позднеримским временем и началом эпохи Великого переселения народов, фазами C2–D.

Более или менее целые навесные замки известны на поселениях Зофиполе и Иголомя в Краковском повяте, Пивонице в Калишском повяте, Пживузе в Велуньском повяте, и Загужице в Казимежском повяте. Ключи встречаются редко. Они найдены в Топоруве в Велуньском повяте, Межановице в Опатувском повяте и Алекандровице в Краковском повяте. Не меньше пяти навесных замков известны на поселении Валкув-Курница в центральной Польше. Некоторые из них закрыты, то есть запор находится внутри. Древнейшая находка — корпус навесного замка без запора — обнаружена в печи на поселении Зофиполе близ Кракова, где делали кружальную керамику. На другом поселении, в Иголоме, где доказано существование крупномасштабного гончарного производства, навесной замок найден в одной из построек вместе с фибулой типа А.158, тиглями с остатками расплавленного металла, и другими находками. Запоры от навесных замков с поселения Пивонице в Калишском повяте и ключ с поселения Межановице в Опатувском повяте также найдены в постройках, где обнаружено ещё много разных вещей, что свидетельствует об относительном богатстве обитателей.

Очень интересны находки, сделанные в могильниках. Навесные замки известны на могильнике Жерники (нем. Грос-Зюрдинг) в Силезии и одновременном ему Карчин в центральной Польше — оба памятника относятся к эпохе Великого переселения народов. Погребения выполнены по обряду трупоположения, нехарактерному для пшеворской культуры. Все навесные замки с некрополей закрыты, то есть запор находится внутри корпуса.

Навесные замки очень похожей формы и размеров известны в черняховской культуре. Ключ и фрагмент навесного замка происходят с поселения Рипнев во Львовской области. Корпус навесного замка найден в жилище на поселении Барбара 1 в Полтавской области. Целый замок с запором происходит из могилы 20 в Каборге IV в Николаевской области, а циллиндрический корпус — из детского погребения в Гавриловке в Херсонской области. Фрагмент корпуса навесного замка найден в могиле с богатым инвентарём (в т. ч. тремя импортными римскими ключами) в Ружичанке в Хмельницкой области. Крышка корпуса навесного замка обнаружена в подъёмном материале с могильнике Будешты в муниципии Кишинев на территории Молдавии. Два сильно корродированных экземпляра найдены на поселении Бырлад — Валя-Сякэ в жудеце Васлуй на территории Румынии. Хронология этих находок такая же, как и в случае с вещами из пшеворской культуры, — это позднеримское время.

Навесной замок обнаружен в богатой могиле 85 в Дружном в Крыму, ещё один — в сарматском погребении в могильнике Дрэгэнешти-Олт в жудеце Олт на территории Румынии. Они также датируются позднеримским временем.

В вельбарской культуре и культурах эльбского круга навесные замки не известны (за исключением единственного импортного римского экземпляра из Бральсторфа). До некоторой степени это может быть следствием текущего состояния исследований, когда корродированные или неполные экземпляры могут быть не атрибутированы как замки. В этом отношении показательным будет сравнение с пшеворской и черняховской культурами, для которых навесные замки не характерны, но и не уникальны. Такое различие не так легко объяснить.

Найденные на поселениях навесные замки можно интерпретировать как индикатор собственности — ведь они были средством, с помощью которого пытались предотвратить кражу. Найденные в могилах вещи также могут служить показателями достатка, но они могли также служить своего рода магическим запором, закрывавшим мертвеца в могиле, так как их использовали исключительно для

запирания чего-либо (часто как часть «наручников»). Детали врезных замков и ключи, главным образом от шкатулок, найдены почти исключительно в женских погребениях, потому их считают показателями погребения женщины, занимавшей высокое общественное положение, причём не только в пшеворской культуре, но и в других культурах Великой Германии (*Magna Germania*). Однако навесные замки находят в основном в погребениях мужчин и детей, так что их значение могло быть другим.

Прямых связей между пшеворской и черняховской культурами существует не так и много, а их взаимное влияние не столь очевидно. Потому-то находки навесных замков в обоих регионах представляют особый интерес и имеют такое значение для дальнейших исследований.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Mads Drevs Dyhrfjeld Johnsen

The Presence of the Charon Custom in Graves from the Late Roman Iron Age in Southern Scandinavia

One of the many interesting results to emerge from the excavation of the princely grave and the surrounding burial ground at Ellekilde, carried out in the autumn of 2007 by Kroppedal Museum on eastern Zealand, Denmark, was found in the mouth of the deceased prince. Due to several examples of rich graves from the Late Roman Iron Age with special objects like glass shards, pieces of gold-clipping or amber placed in the mouth of the dead found in recent years, special attention was paid to excavating the area around the prince's skull and jaws. The result was that a small, very eroded glass shard was found during the excavation of the lower jaw of the deceased. This is the most recent example of the presence of the Charon custom in Southern Scandinavia, which in latter years has received a certain degree of attention.

The main focus of this poster is the presence of the Charon custom in graves from the Late Roman Iron Age on the Zealandic Isles in the eastern part of Denmark. Examples of other graves with Charon custom from the rest of Southern Scandinavia and Northern Germany are incorporated to discuss the emergence and spread of this new burial custom. It is a widespread idea, that the Charon custom spread to the Germanic area from northern Gaul in the Late Roman period, and was brought back to Germania by returning warriors, who had served as mercenaries in the Roman army.

The distribution of the Charon custom on the Zealandic Isles

The original version of placing a coin as Charon's payment in the mouth of the deceased has never been attested on the Zealandic Isles, but on the other hand 17 graves have been found on 11 sites on Zealand containing Charon's payment, where a substitute for a coin was used. The substitute payment is gold clippings, a golden disc, gold finger-rings,

amber or glass shards. The latter type of payment is mainly known from graves west of Copenhagen e. g. at Ellekilde.

The number of graves with identified Charon's payment might not cover the actual distribution of this custom, as the small glass shards and gold clipping might not have been discovered in earlier excavations of graves from the Late Roman Iron Age. The used glass shard could have been in a poor state of preservation, as was the case in the Ellekilde grave, or the gold clipping might be tiny as was the case in two graves from Bakkegård Øst.

The Charon custom are only found in graves from the periods C1b and C2 (AD 210/220–310/320) on Zealand, and mainly occur in graves with rich grave goods such as Roman imports and golden rings. Therefore, the custom is seen to be primarily connected to the elite, which is underlined by the fact that it occurs in some of the richest graves, e.g. Himlingøje grave 1894–1 and 1949–2, known from the Late Roman Iron Age. Likewise Charon's payment occur in the richest graves in the princely graves from Hassleben-Leuna. On the contrary there are a few examples of Charon's graves on Zealand with less rich grave goods e.g. without Roman imports or golden finger-rings, but in general the Charon's graves are among the richest graves on a given burial ground. This must be interpreted as the elite introducing the custom.

Charon custom combined with weapons equipment

The Ellekilde prince is one of the few, identified Zealandic examples of a presumed warrior buried with Charon's payment in the mouth. Anthropological investigations of the well preserved skeleton showed that the deceased had suffered a violent death, and that he was probably mounted on a horse, when an injury was inflicted to his left shin bone. The deceased prince was not buried with actual weapons equipment, but instead a signalling horn was put down probably to symbolize his high military rank.

This combination is also known from the aforementioned princely grave Himlingøje 1894-1 containing two bone arrowheads and from grave 2/1967 with three bronze arrowheads and two bronze spurs at the Häven burial ground in Mecklenburg, northern Germany. In both these cases a golden finger-ring was found in the mouth of the dead.

The combination might also be seen in a rich grave from Hågerup on the island of Funen, west of Zealand, where a *denarius* and a piece of gold clipping was found in the mouth of the deceased, and a sword might have been part of the grave assemblage. In other parts of Scandinavia the connection has been identified in grave 54 with weapons equipment and a piece of amber as Charon's payment, on the Simris burial ground in southeastern Scania, Sweden. The combination is also known in Sweden outside Scania, where one of the two buried men with weapons equipment in a double burial at Kälder on Gotland had an imitation of a coin or medaillon in the mouth. The last example to be mentioned is from the Gile grave in Oppland, southeastern Norway. This grave contained weapons equipment and a pierced silver disc was placed in the mouth of the deceased man.

The mentioned graves with weapons equipment and substitute Charon's payment might be the archaeological expression for the Charon custom being introduced by returning warriors, who had served in the Roman army. Obviously, it is possible to question whether some of the mentioned graves with weapons equipment and Charon's payment, e. g. Himlingøje, Ellekilde and Hågerup with their rich grave assemblage of gold fingerings, Roman imports etc., are to be viewed as examples of 'ordinary', Germanic auxiliary troops in the Roman army. These might instead possibly be Germanic princes, which as mercenaries held a higher, military office similarly to the well known case of the Cheruscan prince Arminius in the Varus-battle in AD 9. Therefore, one could consider, if the deceased in these graves also acted as officers in the Roman army and through the service gained knowledge of Roman burial rituals and e.g. the Roman written language, Latin. After the completion of their service they might then have returned with his knowledge and to some degree implemented these new impulses in slightly transformed versions i.e. the use of substitutes instead of coins in the Charon custom and the development of the Runic alphabet through the knowledge of Roman writing.

Zealandic contacts

It is noteworthy that several other finds from the mentioned areas with graves containing the combination of weapon's equipment and Charon custom show contacts to Zealand in general and Stevns region more specifically.

Interestingly, in terms of the Häven grave e. g. Ulla Lund Hansen has suggested a possible contact between Zealand and Mecklenburg-Vorpommern through the presence of certain types of fibulae and pottery vessels as well as two painted circus cups in the Jesendorf grave, which is suggested to have come to the latter area from Zealand.

In terms of Scania, Lund Hansen has suggested that the presence of weapon graves e. g. at Simris, could indicate that this area could have acted as an eastern defense zone for the Zealandic area. In this connection the presence of a grave with substitute Charon's payment, a custom mainly known from Zealand, is noteworthy and probably indicate a certain degree of contacts on elite level between Zealand and southeastern Scania.

Several finds from the southern and southeastern part of Norway indicate contacts to Zealand, and Lund Hansen has through the presence of a certain type of snake-headed golden finger-rings in the counties of Oppland and Buskerud suggested alliances to the Himlingøje dynasty. This is of great interest as the golden finger-ring in the Ellekilde grave is of a type (type 12 variant a), which otherwise is not known from Zealand, but occurs in two weapon graves in the same two counties: Nordsveen in Oppland and Veien in Buskerud. The latter grave furthermore contained bronze fittings for a signalling horn, not exactly the same but similar to the Ellekilde horn. A more precise parallel to at least the bronze mouthpiece on the Ellekilde horn is known from a double grave from Sætrang with weapons equipment, not far from Veien in Buskerud. These finds from Ellekilde indicate contacts to the southeastern part of Norway from other parts of Zealand than what was suggested in terms of the snake-headed finger-rings, and the golden finger-ring from Ellekilde might be interpreted as a possible "exotic" gift from a northern alliance partner in Norway.

Even within the Zealandic region contacts on elite-level can be identified. The Brøndsager grave, which contained a piece of gold-clipping as Charon's payment, contained one of the mentioned snake-headed finger-rings primarily found in the Stevns region. This ring could be seen as a prestigious gift from a southern alliance partner, as a similar case to the gold finger-ring in the Ellekilde grave.

The age of the deceased in the Brøndsager grave (c. 12 years old) makes it improbable that he had served as a Roman auxiliary. Instead, the knowledge of the Charon custom could have spread through contacts between the Stevns region and the area west of Copenhagen. Similarly, this burial ritual might have spread through the suggested elite contacts between Zealand, Scania, southeastern Norway and northern Germany.

Finally, in the discussion of the Charon custom on the Zealandic isles, it is important to stress that the use of substitutes instead of coins is not necessarily due to a lack of coins. This is seen through the fact that the mentioned Himlingøje grave 1949–2 and the Brøndsager grave had gold clippings for Charon's payment, but both had a reworked coin hanging as a pendant in a necklace. These coin pendants are found in seven graves on Zealand spread out through most of the Late Roman Iron Age (AD 210/220–375), and in all cases the graves belong to the uppermost echelons of society.

Мадс-Древс Дюхрфьелль-Йонсен

О существовании приношений Харону в могилах позднеримского времени в южной Скандинавии

Одним из многих интересных результатов, полученных в результате раскопок княжеской могилы и окружающего её некрополя в Эллекильде, которые велись осенью 2007 г. Музеем Кроппедаль в восточной Зеландии (Дания), стала находка, сделанная во рту умершего князя. Поскольку в недавние годы было найдено несколько богатых могил позднеримского времени с особыми предметами, например, фрагментами стекла, золота или янтаря, которые помещали в рот умерших, при раскопках особое внимание было уделено области вокруг черепа и челюстей князя. В результате при расчистке нижней челюсти погребённого был обнаружен небольшой, сильно корродированный фрагмент стекла. Это — новейший пример существования в южной Скандинавии даров Харону, которые в последнее время привлекают к себе определённое внимание.

В данном стендовом докладе основное внимание будет уделено существованию обычая приносить дары Харону в могилах позднеримского времени на Зеландских островах в восточной части Дании. При обсуждении проблемы возникновения и распространения этого нового погребального обряда используются примеры других могил с приношениями Харону в остальной части южной Скандинавии и северной Германии. Широко распространена мысль о том, что обычай приношений Харону попал на заселённую германцами территорию из северной Галлии в позднеримское время и был вновь возобновлён в Германии возвращавшимися воинами-наёмниками из римской армии.

Распространение приношений Харону на Зеландских островах

Оригинальный обряд, предусматривавший помещение монеты в качестве оплаты для Харона в рот покойного, на Зеландских островах никогда не фиксировался, однако, с другой стороны, на 11 памятниках Зеландии открыто 17 могил с оплатой для Харона, где использовали суррогаты монет. Заменители денег представляли собой кусочки золота, золотой диск, золотые перстни, фрагменты янтаря и стекла. Последний род оплаты известен главным образом в могилах к западу от Копенгагена, в т. ч. в Эллекильде.

Количество могил с выявленными приношениями Харону может быть меньшим, чем реальное распространение этого обряда, поскольку мелкие обломки стекла и фрагменты золота могли быть пропущены во время прежних раскопок могил позднеримского времени. Использованные обломки стекла могли иметь плохую сохранность, как в могиле из Эллекильде, а фрагменты золота могли быть очень мелкими, как в случае с двумя могилами из Баккегор-Эст.

Приношения Харону обнаружены лишь в двух могилах Зеландии, относящихся к периодам C1b и C2 (210/220–310/320 гг.); они открыты главным образом в погребениях с богатым инвентарём, например, римскими импортами и золотыми кольцами. Следовательно, этот обычай, кажется, был в основном связан со знатью, и это подчёркивает тот факт, что он зафиксирован в некоторых из богатейших могил позднеримского времени, например, в погребениях 1894–1 и 1949–2 в Химлингёе. Точно также оплата для Харона зафиксирована в богатейших из княжеских могил культуры Хасслебен – Лёйна. С другой стороны, есть несколько примеров могил с приношениями Харону в Зеландии, инвентарь которых не так богат, — например, без римских импортов или золотых перстней, но в основном могилы с приношениями Харону относятся к богатейшим погребениям в конкретном могильнике. Это можно интерпретировать таким образом, что обряд был привнесён знатью.

Сочетание приношений Харону с оружием

Князь из Эллекильде относится к числу немногочисленных в Зеландии примеров погребений, предположительно принадлежавших воинам, во рту у которых находилась плата для Харона. Антропологические исследования хорошо сохранившегося скелета показали, что умерший погиб насильственной смертью, и что он, вероятно, сидел на лошади, когда ему нанесли рану левой большеберцовой кости. Хотя погребение умершего князя не сопровождалось оружием, в нём найден сигнальный рог, вероятно, символизировавший его высокий воинский ранг.

Такое сочетание известно также по вышеупомянутой княжеской могиле 1894–1 в Химлингёе, где найдены два костяных наконечника стрел, могиле 2/1967 в том же могильнике с тремя бронзовыми наконечниками стрел, и погребению с двумя бронзовыми шпорами в могильнике Хефен в Мекленбурге (северная Германия). Во всех этих случаях во рту погребённого находился золотой перстень.

Такое сочетание можно увидеть также в богатой могиле из Хогерупа на острове Фюн к западу от Зеландии, где во рту погребённого находились денарий и фрагмент золотого изделия, а частью погребального инвентаря, возможно, был меч. В других районах Скандинавии это сочетание зафиксировано в могиле 54 с оружием и куском янтаря в качестве приношения Харону в некрополе Симрис в юго-восточной Скании (Швеция). Оно известно также в Швеции за пределами Скании — один из двух погребённых с оружием мужчин в парном погребении в Келдере на острове Готланд держал во рту имитацию монеты или медальона. В качестве последнего примера следует упомянуть захоронение в Гиле, что в регионе Оппланн (юго-восточная Норвегия). В этой могиле находилось оружие и пробитый серебряный диск, который лежал во рту погребённого мужчины.

Упомянутые могилы, инвентарь которых включал оружие и суррогаты оплаты для Харона, могут являться археологическим отражением обычая приносить дары Харону, привнесённым возвращавшимися воинами, ранее служившими в римской армии. Очевиден вопрос, можно ли рассматривать некоторые из упомянутых могил с оружием и оплатой для Харона, например, в Химлингёе, Эллекильде и Хогерупе, имевшие также богатый инвентарь, состоявший из золотых перстней, римских импортов и т. п., как захоронения воинов, служивших в «обычных» вспомогательных отрядах римской армии, состоявших из германцев. Ведь, помимо этого, они могли принадлежать германским князьям-наёмникам, имевшим более высокий военный ранг, подобно известному херусскому князю Арминию в битве Вара 9 г. н. э. Потому можно считать, что погребённые в этих могилах также служили в римской армии на офицерских должностях и, на протяжении своей службы, приобрели знания о римских погребальных обрядах и, например, письменном языке римлян — латыни. По завершении срока службы они могли вернуться, принеся с собой эти знания, и, в какой-то мере, дать начало новым импульсам в несколько трансформированном виде, т. е. используя заменители вместо монет в качестве приношений для Харона и развивая рунический алфавит благодаря знанию римской письменности.

Контакты Зеландии с другими регионами

Следует отметить, что в упомянутых регионах сделаны и некоторые другие находки, в том числе могилы, где сочетаются оружие и обряд приношений для Харона, что указывает на контакты с Зеландией в целом и регионом Стевнс в частности.

Интересно, что в отношении, например, погребения в Хефене, У. Лунн-Хансен предположила возможность контактов между Зеландией и Мекленбургом — Передней Померанией, основываясь на наличии некоторых типов фибул и гончарных сосудов, а также двух расписных кубков с цирковыми сценами в могиле из Езендорфа, которые, как полагают, попали туда из Зеландии.

В отношении Скании У. Лунн-Хансен предположила, что наличие погребений с оружием, например, в Симрисе может указывать на то, что для территории Зеландии эта область служила восточной зоной обороны. В этой связи наличие могилы с суррогатом платы для Харона — обычай, известный главным образом в Зеландии — не только показательно, но и вероятно указывает на определённые контакты на уровне знати между Зеландией и юго-восточной Сканией.

Некоторые находки из южной и юго-восточной Норвегии указывают на контакты с Зеландией. По материалам находок одного типа золотых перстней, украшенных змеиными головками, в регионах Оппланн и Бускеруд, У. Лунн-Хансен предположила существование союзов с династией из Химлингёёе. Весьма интересно, что золотой перстень из могилы в Эллекильде относится к тому типу (тип 12, вариант а), который более не известен в Зеландии, но обнаружен в двух погребениях с оружием в тех же самых регионах — в Нордсвеене в Оппланне и в Вейене в Бускеруде. К тому же, во втором погребении обнаружена бронзовая оковка сигнального рога, не точно такого же как рог из Эллекильде, но похожего на него. Более точная параллель, по крайней мере, для бронзового мундштука горна из Эллекильде известна в парном погребении с оружием из Сетранга, что недалеко от Вейена в Бускеруде. Эти находки из Эллекильде указывают на контакты юго-восточной Норвегии с другими частями Зеландии по сравнению с теми, которые предполагают на основании перстней со змеиными головками, а золотой перстень из Эллекильде можно интерпретировать как возможный «экзотический» дар от северного союзника из Норвегии.

Контакты на уровне знати можно выявить даже внутри самого Зеландского региона. В могиле из Брёндсагера, где найден предназначенный для Харона фрагмент золота, был один из упомянутых выше перстней со змеиными головками, изначально найденных в регионе Стевнс. Это кольцо можно рассматривать как престижный подарок от южного союзника; другой такой случай — золотой перстень в могиле из Эллекильде.

Возраст погребённого в могиле из Брёндсагера (ок. 12 лет) делает невозможной его службу в римских вспомогательных войсках. Наоборот, знакомство с обычаем делать дары Харону могло распространяться через контакты между регионом Стевнс и местностью к западу от Копенгагена. Точно также этот погребальный обряд мог распространяться через предполагаемые контакты знати между Зеландией, Сканией, юго-восточной Норвегией и северной Германией.

Наконец, рассматривая обычай делать приношения Харону на Зеландских островах, важно подчеркнуть, что использование заменителей вместо монет не обязательно связано с отсутствием монет. Это следует из того факта, что, хотя в вышеупомянутых могиле 1949–2 в Химлингёе и в погребении в Брёндсагер в качестве приношений Харону использованы фрагменты золота, в обоих случаях имелось и по монете, вторично использованной в качестве подвески в ожерелье. Эти монеты-подвески найдены в семи могилах в Зеландии — они заполняют большую часть позднеримского времени (210/220–375 гг.), причём во всех случаях могилы принадлежали представителям высшей прослойки общества.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Charlotte Fabech,
Ulf Näsman

A Lonely Rider? The Finding Place of the Sösdala Find and the Context of its Finds

The finds from Sösdala in Scania, Sweden, are both well-known and not well understood. In a way the name is more familiar to European archaeologists than the objects and their significance. Anna Bitner-Wróblewska has rightly pointed out the significance of the Migration period finds from Sösdala, but she also emphasized how difficult it is to understand the find. In the publication of the first *Inter Ambo Maria* conference in 2010, Maxim Levada discusses the Sösdala find and related European finds in an interesting paper, but we disagree in some of his conclusions. In this paper, we will first present the finding place and its local and regional contexts. Finally we will try to give the Sösdala find an interpretation based on the occurrence of similar finds in Europe and attempt to place the find in an historical context.

In June 1929 a man came to the bookshop in Sösdala to ask for the value of some metal objects found in the neighbourhood. Thus began the rescue of one of the most remarkable Migration period finds made in Scandinavia. It became the eponymous find of the Sösdala style.

The objects the man brought to the bookshop had been found by him and other men while getting gravel from a pit to be spread on a road nearby. The men divided the find among themselves in nine parts. The bookseller sent for Mr Mellton, a teacher interested in archaeology, who collected all the objects and made an investigation at the find spot. He sieved the gravel, observed three constructions, and within a week the finds were brought to the museum in Lund.

The objects were found in three pits roughly a spade spit deep under the sod. In one pit mounts of a horse bridles of silver were made, in the other two pits the objects were mainly of bronze. In July 1929, Mr Forssander made a small supplementary investigation. The only find made was a lance head, found among some stones taken away from the site. The following year a fourth pit was found which contained saddle mounts with silver-inlays. The owner of the site said that all four pits had been covered by a stone carpet, 5 x 2.5 m large. The finds from 1929–1930 are called Sösdala I. In 1961 some more bridle mountings were found in a gravel pit about 60 m from the first find spot, and the find is called Sösdala II.

The find Sösdala I consists, apart from the lance head, of about 280 mountings from horse bridles and saddles in bronze and/or silver, often gilded and nielloed. The mountings come from at least two different bridles and five saddles. Most of the mountings were violently destroyed before deposition. No human or animal bones were found. Nothing indicates the presence of graves. Thus sometime in the fifth century AD horse bridles and saddles were destroyed and dug down on the top of a gravel ridge.

A contemporary cemetery is found nearby at Vätteryd. Characteristic of the cemetery is the many ship-shaped stone settings. Some excavated graves date from the Migration period and later. One of the graves contained a so-called "hammer-shaped" mounting of a sword scabbard, typical of the fifth century.

Not far from Sösdala, a similar find was made at Fulltofta. And a third find with similar objects was made at Vennebo, Västergötland. The three finds belong to a category that we label "ceremonially deposited horse gear."

A lot of questions can be raised and many are still unanswered. Central is the question whether the objects were made in Scania, Scandinavia or elsewhere?

The attempts to reconstruct the Sösdala saddles on the basis of preserved mountings as saddles with saddle-bows indicate that the prototype belonged to a Nomadic tradition; the Huns are often mentioned. However, saddles with ring-mountings have only parallels in finds made in Sweden and Denmark, i. e. a restricted part of northern Europe, and the earliest finds of saddles with metal mountings and rings are already from periods C2–C3, found in bog deposits in Denmark and Scania. Saddles with saddle-bows and rings are thus known in South Scandinavia long before the Huns invaded Europe. Consequently, the saddle mountings of Sösdala and other Scandinavian finds probably represent a Scandinavian development of a Nomadic saddle type that came to Scandinavia already in the Late Roman Iron Age.

The bridle mountings, however, have their best parallels outside Scandinavia. The best parallels are well-known, a small group of exceptional finds: Coşoveni de Jos, Jakuszowice, Kachin, and Untersiebenbrunn. The finds are distributed from South Sweden down to the Danube, from Niederösterreich in the west and Wallachia in the east. The finds represent graves as well as hoards. Recently it has been suggested that horse gear in the so-called Sösdala style were in fact made in late Roman workshops, producing for the elite of barbarian allies. How to understand the Sösdala find in this context?

The Sösdala find belongs to the material culture that is characteristic of the super-regional elite of the early Migration period, the fifth century. Characteristic finds are swords and scabbard fittings, as well as horse gear. Finds of this elite culture are distributed across Europe from Scandinavia down to the Mediterranean and from England to the steppes of the Ukraine.

The international warrior elite was composed of people from various "*gentes*" or barbarian tribes. In the fifth century, the material culture of the elite reveals influences from the Roman empire filtered through East Germanic peoples like the Goths but also from nomadic culture like the Huns.

The significance of the horse increased in Scandinavian finds during this period. This is evinced by grave finds, ritual finds of horse bones, pictorial art, and finds of horse gear like Sösdala. Certainly, contacts with nomadic peoples like the Sarmatians, Alans or the Huns were of importance, but probably influences from the Goths and other East Germanic "*gentes*" were more fundamental. Perhaps the Sösdala bridles reveal Scandinavian participation in the East Germanic cavalry of the Roman army or one of its allies. But the saddles in Sösdala are Scandinavian.

The meeting with the nomadic peoples and the East Germanic peoples, which became conquered by the Huns, brought Scandinavians into contact with a culture in which the horse was central to power and prestige as well as in ritual. Perhaps Scandinavians have attended the funerary offerings according to Nomadic customs or at least heard stories about the ritual. When a Hun leader died, he was buried with exclusive equipment. After the burial a funeral feast was celebrated in the neighbourhood. Here meat from the horse of the deceased was eaten. Bones of the horse, part of the horse gear, and some weaponry of the deceased were deposited near the fire where the horse meat had been prepared. During the ritual all objects were destroyed in various ways. At last the remains were covered up. The Sösdala deposits could represent such a ritual. The dead warriors could have been buried at the Vätteryd cemetery.

The fifth century was in Scandinavia a period with several wars as demonstrated by a number of offerings of military gear in bogs, distributed from the Danish-German borderland to central Sweden. The wars have varied from small scale raiding and larger attempts to conquer an enemy to get control over resources and communication routes. But the wars probably also demonstrate that changes of the period were met with resistance. Perhaps an old ideology fought against new ideas brought home from the Continent.

Many of the finds from the fifth century can be explained by Scandinavian participation in the conflicts on the Continent. The many *solidi* coins found are for instance witness of soldiers pay. Younger members of the Scandinavian elite obviously took part in the wars on the Continent between Roman and barbarians. Scandinavian thus acquired new skills and qualifications through their participation in the Roman army, or in one of the barbarian armies fighting Romans or other barbarians. They got other experiences than those who stayed at home and lived according to the traditional values of their tribe.

It is not easy to understand that the remarkable Sösdala find was deposited far away in the transition zone between the agricultural plain of southern Scania and the forested northern part. But the Sösdala region in central Scania has in fact several interesting finds from the Migration period, finds that demonstrate contacts with central and Eastern Europe: Sösdala itself, Fulltofta, Sjörup, etc. Remains of several large cemeteries with erected stones and ship settings are still preserved. Place-names indicate the presence of sacral places. So obviously this was a region of some importance. Perhaps warriors returning from the Continent was placed here to control traffic through the area — and to keep them out of the business of the old elite.

The Sösdala find and other Scandinavian finds reveal that Scandinavian warriors returned home from the Continental war scene and contributed to the changes visible in the archaeological record of the sixth century and later.

Шарлотта Фабек,
Ульф Несман

Одинокий всадник? О месте, где была обнаружена находка из Сёдала, и о контексте её содержимого

Находки из Сёдала, что в шведском регионе Скания, хорошо известны, но не очень хорошо поняты. В определённом смысле, название известно европейским археологам больше, чем сами находки и их значение. А. Битнер-Врублевская, справедливо отметив значение на-

ходок времени Великого переселения народов из Сёдала, подчеркнула, насколько сложно будет понять эту находку. В материалах первой конференции «*Inter Ambo Maria*», состоявшейся в 2010 г., М. Е. Левада опубликовал интересную статью, в которой рассмотрел находку из Сёдалы и связанные с ней европейские памятники. С некоторыми из его выводов мы не согласны. В данном докладе мы впервые расскажем о месте находки и о её локальном и региональном контекстах. Наконец, мы попытаемся дать интерпретацию находки из Сёдала на основании сопоставления с подобными находками в Европе и попытаемся поместить её в исторический контекст.

В июне 1929 г. в книжную лавку в Сёдале зашёл какой-то человек, попросивший оценить несколько металлических изделий, найденных в окрестностях. С этого момента начинается операция по спасению одной из самых примечательных находок времени Великого переселения народов в Скандинавии. Эта находка дала название стилю «Сёдала».

Предметы, которые тот человек принёс в книжную лавку, были найдены им самим и его товарищами, когда они добывали щебень из какой-то ямы, чтобы затем рассыпать его по соседней дороге. Находчики поделили находку на девять частей, которые распределили между собой. Владелец лавки послал за г-ном Мельтоном, учителем, который интересовался археологией. Тот собрал все предметы и произвёл обследование места находки. Он просеял щебень и осмотрел три конструкции. В течение недели находки были переданы в музей в Лунде.

Предметы находились в трёх ямах, на глубине примерно в штык под уровнем дёрна. В одной из ям обнаружили серебряные накладки от конской узды, найденные в двух других ямах вещи были в основном бронзовыми. В июле 1929 г. г-н Форссандер повёл дополнительные исследования Единственная сделанная им находка — наконечник копья, обнаруженный среди камней, выброшенных с территории памятника. На следующий год нашли четвёртую яму, в которой находились оковки седла с серебряными вставками. По словам владельца земли, все четыре ямы перекрывала каменная вымостка размером 5 х 2,5 м. Находки 1929–1930 гг. называют «Сёдала I». В 1961 г. обнаружили новые фрагменты узды, лежавшие в яме для добычи щебня приблизительно в 60 м от того места, где была сделана первая находка, — эту находку называют «Сёдала II».

Если не считать наконечника копья, находка «Сёдала I» состоит из приблизительно 280 деталей конской узды и седла из бронзы и/или серебра, зачастую украшенных позолотой и чернением. Эти детали происходят от по крайней мере двух разных уздечек и пяти сёдел. Большинство накладок сильно повредили перед тем, как поместить в комплекс. Костей людей или животных обнаружено не было. Ничто не указывает на существование могил. Таким образом, однажды в V в. н. э. люди разломали конские уздечки и сёдла и закопали их на вершине гравийной гряды.

Поблизости, в Веттерюде, открыт синхронный могильник. Для этого некрополя характерны многочисленные каменные конструкции в форме лодок. Некоторые из раскопанных могил датируются эпохой Великого переселения народов или более поздним временем. В одной из могил найдена так называемая «молотовидная» накладка от ножен меча, характерная для V в.

Похожая находка сделана недалеко от Сёсдалы, в Фультофте. Третья находка с подобной вещью открыта в Веннебо, в регионе Вестергётланд. Три эти находки относятся к категории, которую мы определили как «конскую упряжь, захороненную с церемониальными целями».

Можно задать множество вопросов, причём на многие из них ответа до сих пор нет. Центральным является вопрос о том, делали ли подобные объекты в Скании, Скандинавии или вообще повсюду?

Попытки реконструкции сёдел из Сёсдалы на основании сохранившихся накладок в виде сёдел с луками указывают на то, что их прототипы принадлежали к кочевой традиции; часто говорят о гуннах. Однако параллели сёдлам с кольцевидными накладками известны лишь в Швеции и Дании, то есть в ограниченном регионе в Северной Европе, а наиболее ранние находки сёдел с металлическими накладками и кольцами относятся к периодам C2–C3 — они происходят из болотных комплексах в Дании и Скании. Таким образом, сёдла с луками и кольцами известны в южной Скандинавии задолго до того, как гунны вторглись в Европу. Следовательно, накладки на сёдла из Сёсдалы и других скандинавских памятников, вероятно, представляют собой скандинавское развитие типа сёдел, распространённого среди кочевников, который попал в Скандинавию в позднеримское время.

Тем не менее, наилучшие параллели уздечным накладкам обнаруживаются вне Скандинавии. Наилучшие параллели известны очень хорошо — это небольшая группа выдающихся вещей: Кошовениде-Жос, Якушовице, Качин и Унтерзибенбрунн. Эти находки были распространены от южной Швеции до Дуная и от Нижней Австрии на западе до Валахии на востоке. Такие находки представлены в могилах, а также в кладах. Недавно было выдвинуто предположение о том, что конскую упряжь в так называемом стиле «Сёсдала», на

самом деле, изготовляли в позднеримских мастерских, обслуживавших знатных союзников-варваров. Как же в этом контексте следует понимать находку из Сёсдалы?

Находка из Сёсдалы относится к материальной культуре, характерной для над-региональной знати начала эпохи Великого переселения народов, — V в. Характерными являются накладки мечей и ножен, а также конская упряжь. Относящиеся к этой элитной культуре находки распространены по всей Европе, от Скандинавии до Средиземноморья и от Англии до украинских степей.

Полиэтничная воинская знать состояла из представителей различных «родов» (*gentes*) или варварских племён. В V в. материальная культура знати обнаруживает черты влияния Римской империи, прошедшего через фильтр восточногерманских народов, например, готов, а также со стороны культуры кочевников, например, гуннов.

В скандинавских находках этого времени возрастает роль лошади. Об этом свидетельствуют погребения, ритуальные находки костей лошади, изобразительное искусство, и находки конской упряжи, например, в Сёсдале. Конечно, контакты с кочевыми народами, например, сарматами, аланами или гуннами имели значение, но, вероятно, влияние готов и других восточногерманских «родов» (*gentes*) было более фундаментальным. Возможно, уздечки из Сёсдалы указывают на то, что скандинавы составляли часть восточногерманской конницы в составе римской армии или же были одним из её союзников. Но сёдла из Сёсдалы — скандинавские.

Встреча с кочевыми этносами и теми восточногерманскими народами, которые были покорены гуннами, открыла для скандинавов контакты с культурой, в которой конь был центром власти и престижа, а также и ритуала. Возможно, скандинавы посещали погребальные жертвоприношения по кочевому обряду или, по крайней мере, слышали истории об этом обряде. Когда умирал один из гуннских вождей, его хоронили в сопровождении выдающегося инвентаря. После погребения поблизости проводили тризну, где ели мясо лошади покойного. Кости лошади, часть её упряжи и некоторые предметы вооружения умершего помещали у костра, на котором готовили мясо лошади. Во время ритуальной церемонии все вещи приводили в негодность разными способами. В конце концов, остатки закапывали. Скопления вещей из Сёсдалы могли быть остатками такого ритуала. Мёртвых воинов могли похоронить в могильнике Веттерюд.

В Скандинавии V в. был временем нескольких войн, на что указывает количество приношений военного снаряжения в болотах, охватывающих территорию от датско-германской границы до центральной Швеции. Войны эти были разными — от незначительных по масштабу набегов до крупномасштабных попыток завоевать врага, поставить под контроль ресурсы и транспортные коммуникаций. Но, вероятно, войны эти также показали, что в то время перемены наталкивались на сопротивление. Вероятно, старая идеология боролась с новыми идеями, принесёнными домой с континента.

Многие находки V в. можно объяснить тем, что скандинавы принимали участие в конфликтах на континенте. Об оплате, которую получали воины, свидетельствуют, например, многочисленные находки монет — солидов. Молодые представители скандинавской знати, очевидно, принимали участие в войнах между римлянами и варварами на континенте. Таким образом, скандинавы получали новые знания и умения благодаря службе в римской армии, или в одном из варварских войск, сражавшихся с римлянами, или от других варваров. Они приобретали новый опыт в сравнении с теми, кто оставался дома и жил согласно традиционным ценностям своего племени.

Нелегко понять, как замечательная находка из Сёдалы оказалась зарытой вдалеке от переходной зоны между сельскохозяйственной равниной южной Скании и её лесистой северной частью. Однако в регионе Сёдала в центральной Скании на самом деле обнаружено несколько интересных находок времени Великого переселения народов, находок, указывающих на контакты с Центральной и Восточной Европой: собственно Сёдала, Фульторфа, Шёруп, и другие. До нашего времени сохранились остатки нескольких крупных могильников с конструкциями из камней, в том числе в виде лодок. Топонимы указывают на существование святых мест. Так образом, очевидно, что это был довольно значимый регион. Возможно, здесь размещали возвращавшихся с континента воинов, с целью как установить контроль над транспортными путями в данной местности, так и держать этих воинов подальше от дел старой знати.

Находка в Сёдале и другие скандинавские памятники говорят о том, что скандинавские войны, возвращавшиеся с театра военных действий на континенте, приносили с собой перемены, заметные по археологическим находкам VI в. и более позднего времени.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Fig. 1. Three of the silver bridle mountings from Sösdala, all gilt and one nielloed (photo: Charlotte Fabech)

Рис. 1. Три серебряные уздечные накладки из Сёдалы. Все изделия позолочены, одно украшено чернью (фото: Шарлотта Фабек)

Fig. 2. Silver strap end and three silver mountings from the same bridle, all gilt, from Sösdala (photo: Charlotte Fabech)

Рис. 2. Серебряный наконечник ремня и три серебряные накладки для той же самой узды из Сёсдала. Все изделия позолочены (фото: Шарлотта Фабек)

Igor' Gavritukhin

Brooches of the Levice – Tokari Sub-Group

The Great Migration period gave birth to a number of types of cross-regional artefacts with wide distribution area. A more detailed investigation of these types allows one to trace both the system of distant contacts and local particulars in the development of goods. Actually these finds are the most important for the problems to discuss in the "*Inter Ambo Maria*" conference. Among them, there are brooches to be analysed in the given paper.

Brooches of the type Levice – Prša (fig. 1) were distinguished as a single group by Joahim Werner (1959). Their detailed analysis, catalogue and distribution map were presented by Angelika Heinrich (Holl 1983; Heinrich 1990). In his dissertation and studies published after it, Anatoliy Ambroz called such brooches "small cast ones with relief cut-and-incised ornamentation" (Амброз 1992: 73; Амброз 1994: 35); Aleksandr Aibabin termed the brooches in question "double-plated with *Kerbschnitt* (chip-carving) and triangular or semicircular head-plate" (Айбабин 1990: 19).

For the sub-group of brooches outlined by Ambroz and Aibabin, including, among others, the "Levice – Prša" type, I have suggested the name of "Levice – Tokari" (Гавритухин 1994), taking into account both Werner's terminology as accepted by most part of researchers and clear typological connection of them with the forms with semicircular (rather than triangular, as that of the Levice – Prša type) head-plate (as on fig. 2. 2, etc). In the same research, I have suggested to determine series within the Levice – Tokari sub-group: main one (as on fig. 1. 1, 4, 5); relatively small in number and, probably, short-lived Pannonian (with elongated head-plate, as on fig. 1. 3) and Lower Danubian (with relatively large but not elongated head-plate, as on fig. 2. 3) ones; Black Sea one (with semi-circular head-plate, as on fig. 2. 2).

During 15 years that passed, the number of specimens of the brooches of the sub-group under study raised considerably, especially because of the finds from Eastern Europe, including those discovered in places where they were not known before, like in the Upper Don area (fig. 2; Обломский 2011: рис. 12). My work with originals of some of the specimens (for example, all the items on figs. 1 and 2 are drawn from the originals or checked with the originals) allowed me to clarify features of many brooches, as well as circumstances of discovery and place of storage for several artefacts. The result is the re-consideration of attribution of several artefacts and the clarification of composition of the series (some of the observations have been published at: Гавритухин 2004: 213–214). There also are new observations regarding probable prototypes to be the background for the development of both the sub-group under analysis and some other sub-groups of brooches, typologically similar and of close context to the former (Гавритухин 2005b: 236–238, with bibliography).

In the given paper, I will present:

a) a catalogue of finds with clarified characteristics, drawings and photographs;

b) amended typology of the brooches within the given sub-group, with probable evolutionary and typological lines;

c) backgrounds to develop chronology for series and variants;

d) a map of the finds according to series and variants.

Against this background, I would like to discuss the historical and cultural context of the appearance and development of the brooches under analysis both as the sub-group in general and as series reflecting local variations of the above processes in particular. My observations are subject to compare with the results of researches of several series of brooches of other groups and sub-groups: double-plated brooches with appliques, double-plated brooches of the Bratei – Vyškov type (sub-group), trefoil *Zikadenfibeln* (fly brooches), and others.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov[1]

[1] While working on this and other translations, I have got invaluable help from Maxim Levada, especially when it comes to terminology and aspects of archaeology. I am very obliged to him, as well as to all those colleagues who have taken the trouble to read ready translations and to clarify or correct them.

Игорь Гавритухин

Фибулы подгруппы Левице – Токари

Эпоха Великого переселения народов породила ряд типов интеррегиональных вещей с обширным ареалом. Более детальное исследование этих типов позволяет проследить как системы дальних связей, так и локальные особенности эволюции схожих вещей. Именно такие находки являются наиболее важными для проблематики конференции «*Inter Ambo Maria*” К их числу принадлежат и фибулы, которым посвящена эта работа.

Фибулы типа Левице – Прша (рис. 1) были выделены И. Вернером (Werner 1959). Их развернутый анализ, каталог и карта находок представлены А. Хайнрих (Holl 1983; Heinrich 1990). А. К. Амброзом в диссертации и более поздних опубликованных работах такие фибулы назывались «маленькие литые с рельефной гранёно-выемчатой орнаментацией» (Амброз 1992: 73; Амброз 1994: 35); А. И. Айбабин назвал интересующие нас фибулы «двупластнчатые с кербшнитной резьбой, с треугольной или полукруглой головкой» (Айбабин 1990: 19).

Для подгруппы фибул, намеченной А. К. Амброзом и А. И. Айбабиным, включающей и тип Левице – Прша, мной было предложено название «Левице – Токари» (Гавритухин 1994), учитывая как принятую большинством исследователей терминологию И. Вернера, так и явную типологическую связь с ними форм, имеющих полукруглую (а не треугольную, как у типа Левице — Прша) головную пластину (как рис. 2. *2* и др.). В этой же работе мной в рамках подгруппы Левице – Токари было предложено выделять серии: основную (как рис. 1. *1, 4, 5*); сравнительно немногочисленные и, вероятно, кратковременные паннонскую (с удлиненной головной пластиной; как рис. 1. *3*) и нижнедунайскую (со сравнительно крупной, но не удлиненной головой пластиной; как рис. 2. *3*); причерноморскую (с полукруглой головной пластиной; как рис. 2. *2*).

За прошедшие 15 лет заметно увеличилось число экземпляров фибул рассматриваемой подгруппы, особенно за счет восточноевропейских находок, в том числе и там, где ранее они известны не были, например, на Верхнем Дону (рис. 2; Обломский 2011: рис. 12). Работа с рядом образцов в оригинале (например, все образцы на рис. 1 и 2 прорисованы с оригиналов или проверены по оригиналам) позволила уточнить характеристики многих фибул, обстоятельства находки и место хранения ряда экземпляров. Это привело и к пересмотру атрибуции некоторых образцов, уточнению состава серий (некоторые наблюдения опубликованы в: Гавритухин 2004: 213–214). Появились и наблюдения о вероятных прототипах, на основе которых сложилась как рассматриваемая, так и некоторые другие близкие типологически и по контексту подгруппы фибул (Гавритухин 2005b: 236–238, там же библиография).

В данной работе представлены:

а) каталог находок, их уточненные характеристики, прорисовки, фотографии;

б) уточненная типология фибул, входящих в рассматриваемую подгруппу, вероятные эволюционно-типологические ряды;

в) основания для датировки серий и вариантов;

г) карта находок по сериям и вариантам.

На этой основе обсуждаются историко-культурный контекст появления и эволюции рассматриваемых фибул как в рамках подгруппы в целом, так и в рамках серий, отражающих локальное своеобразие этих процессов. Полученные наблюдения сопоставляются с результатами исследования некоторых серий фибул других групп и подгрупп: двупластинчатых фибул с накладками, двупластинчатых фибул типа (подгруппы) Братей – Вышков, фибул-цикад в форме трилистника и других.

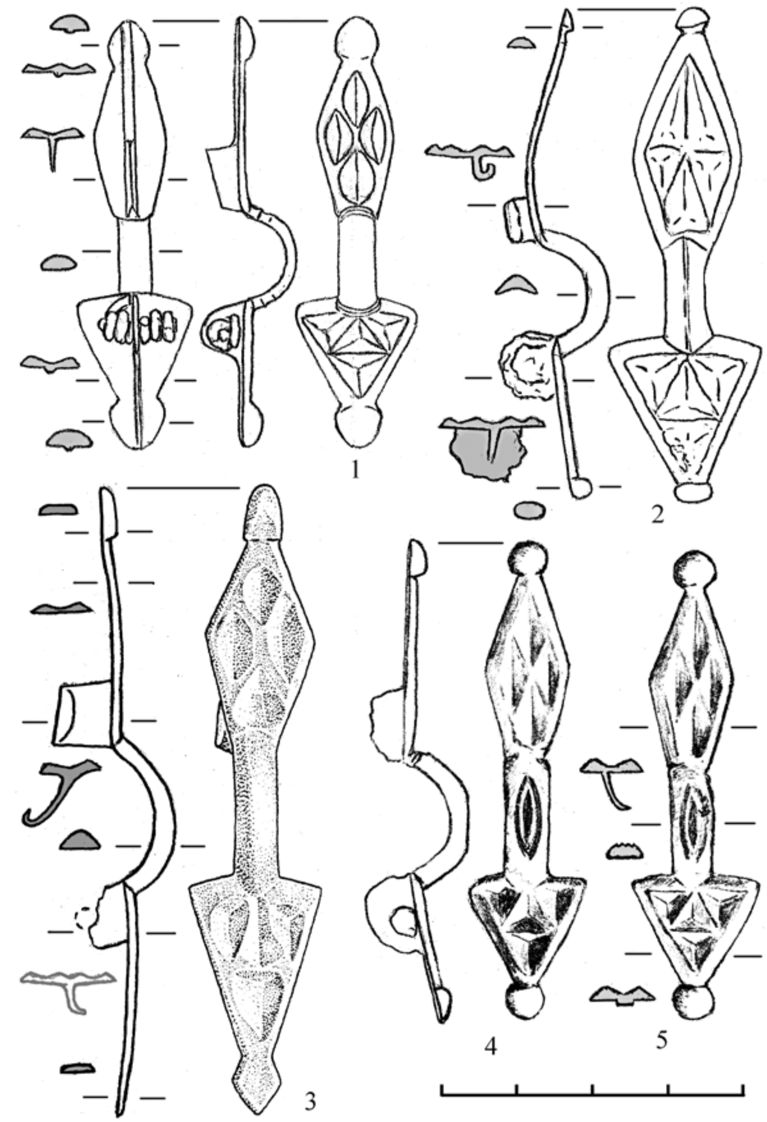


Fig. 1. ***1, 2*** **— Kerch (Museum of Prehistory and Early History, Berlin);**
3 **— Halbturn (Holl 1983, with amendments; Museum of Natural History, Vienna);**
4, 5 **— Levice (Transcarpathian Regional Museum, Uzhgorod)**

Рис. 1. ***1, 2*** **— Керчь (Музей доисторического периода и ранней истории Берлин);**
3 **— Хальбтурн (по: Holl 1983, с уточнениями; Музей естествознания, Вена);**
4, 5 **— Левице (Закарпатский краеведческий музей, Ужгород)**

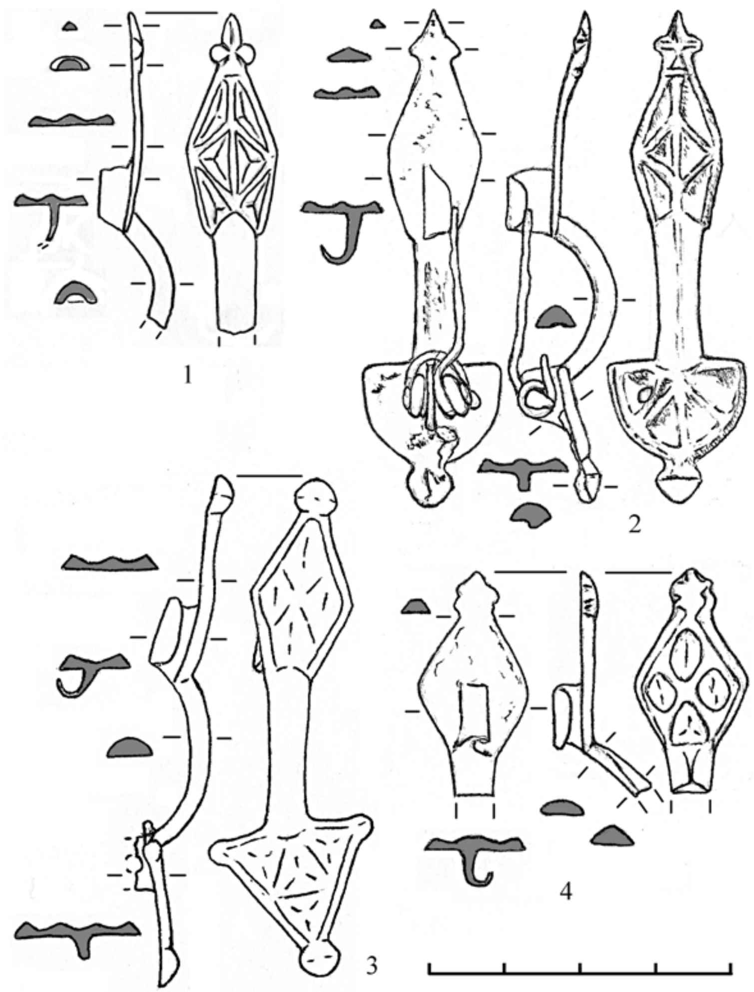


Fig. 2. *1, 3, 4* **— Ksizovo 19;** *2* **— Ksizovo 8**
(State Directorate for the Cultural Heritage Protection
in the Lipetsk Administrative Area, Lipetsk)

Рис. 2. *1, 3, 4* **— Ксизово 19;** *2* **— Ксизово 8**
(Государственная дирекция по охране культурного наследия
Липецкой области, Липецк)

Thomas Grane

Varpelev — Carsium — Constantinople. Contacts across the Barbaricum

From the late third century AD, we see a shift in Europe of the political and cultural balance from the West to the East, a shift that is exemplified by the transformation of Roman emperor Constantine I of the Greek city of Byzantion into the Imperial residence of Constantinople in AD 330. This shift is equally visible in the Germanic world, as it is in the Roman empire.

A key site for the study of this transition is the cemetery of Varpelev on Eastern Zealand traditionally dated to C2 (AD 250/60–310/20). The grave goods of two of the graves from this cemetery show, on the one hand, a close relationship to the Germanic power centre of Himlingøje, which was founded in the middle of the second century AD. On the other hand, the grave goods link to the Germanic warrior elites, as they are represented in graves from the fourth and fifth centuries AD.

As such, the Varpelev cemetery is exemplary to the transition from the Roman to the Germanic Iron Age, at the same time a link to late Antiquity in a proto-historical part of Europe.

The cemetery of Varpelev is situated on the peninsula of Stevns on the eastern side of Zealand. It was discovered in 1876 by a farmer digging for gravel and was excavated by Conrad Engelhardt in 1876–1877 and published right away in the journal of *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie* (Engelhardt 1877). Due to the closeness of the site of only a few kilometres from the rich elite grave sites of Himlingøje and Valløby, it is considered a part of the East Zealandic power centre from the Late Roman Iron Age. The Himlingøje cemetery was the subject of a large study by Ulla Lund Hansen and published in 1995 (Lund Hansen et al. 1995). Since the publication of the Varpelev cemetery in 1877, nobody has worried much about the site as a whole, whereas the individual objects and object groups have received some attention over the years in connection with various examinations and analyses. Based on these studies, the two rich graves have been dated to period C2 and with them, the entire grave site.

New studies, however, show that the cemetery might very well span more generations.

The cemetery contains 28 inhumation graves, of which four are more elaborate than the rest. The deceased have been laid to rest on their backs with the head towards south, as we know is the custom for elite burials in the Roman Iron Age. The remaining graves, as much as it is possible to determine have been placed in hocker position with the heads towards north. Of the four elaborate graves, two were richly furnished with Roman imports and objects of gold and silver (graves *a* and *alfa*, figs. 1 and 2), while the other two were furnished with only a few ordinary objects, such as a bone comb and a bronze fibula. Most likely, these latter graves represent the earliest burials on the site, while the rich graves represent the following generation(s).

The latest is grave *a* (fig. 1). This is the richest elite grave of the period in Scandinavia with six glass vessels and a bronze vessel of Roman origin, an arm ring, two finger rings and a pin of gold, a *denarius* from emperor Probus (282–286 AD), a belt with silver fittings of the late Roman type, a signal horn with silver fittings, a wooden bucket with bronze fittings, a comb and gaming pieces of bone, four bear's claws and a ceramic jar.

I will here focus on the Roman objects. Four of the six vessels are unique, while one is of the rather common type Eggers 230 and one is lost. Most famous is a *kantharos* of blue glass blown into an open work silver frame. Several of these vessels point towards the Eastern part of the Roman empire. Of interest, is also the silver belt buckle and fittings. The type of buckle is clearly Roman, but details indicate a Germanic touch. The belt has few obvious parallels, in fact, only two finds come really close. One is a small buckle from the Chernyakhov — Sântana de Mureş cemetery of Spantov in Romania. The other is a number of buckles and fittings found in a grave on the necropolis of the Roman town of Carsium, modern Harsova, also in Romania. Regarding the Carsium belts, it is not so much the similarity of the buckles rather than the similarity of individual details that show an affinity. The Carsium grave has been tentatively dated to 320 AD. A similar date for grave a would put it on the transition of C2 and C3.

When we view the Varpelev cemetery and the grave goods found there and compare it with the contents of the earlier elite graves of Himlingøje and other prominent site in the North, it is clear that the objects in the

Varpelev graves reflect a closer contact to the Romans than do the earlier graves.

If we take a look at the development in the Roman Empire from the crisis in the third century to the period of Constantine I, it is clear that the political situation in the western provinces change in a way that would have had a significant impact on any Germanic tribes interacting with the Romans. Any models of contact that might have been in action before the crisis would have to have been renegotiated in order to reflect the new situation. Concerning a power centre on eastern Zealand, the wish to uphold the wealth of former times would have required a much more pro-active strategy by the leading families. This may be reflected in graves *a* and *alfa* from the Varpelev cemetery.

Томас Гране

Варпелев — Карс — Константинополь. Контакты через Барбарикум

Начиная с III в. в Европе наблюдается сдвиг политического и культурного баланса с Запада на Восток, сдвиг, примером которого является превращение римским императором Константином I греческого города Византия в императорскую резиденцию — Константинополь в 330 г. Точно так же, как в Римской империи, данный сдвиг наблюдается и в германском мире.

Ключевым памятником для изучения этих изменений является могильник Варпелев в восточной Зеландии, традиционно датируемый фазой C2 (250/60–310/20 гг.). С одной стороны, инвентарь двух погребений этого могильника указывает на близкую связь с германским центром власти в Химлингёе, основанным в середине II в. С другой стороны, погребальный инвентарь обозначает связи с германской военной знатью, поскольку он представлен в погребениях IV–V вв.

Могильник Варпелев сам по себе является примером перехода от римского к германскому времени, но в то же время проявляет и связь с поздней античностью в доисторической части Европы.

Могильник Варпелев расположен на полуострове Стевнс на восточном побережье Зеландии. Его открыл в 1876 г. один крестьянин, копавший землю в поисках гравия. Раскопки велись в 1876–1877 гг., а результаты их были незамедлительно опубликованы в журнале

«*Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie*» (Engelhardt 1877). Благодаря близости этого памятника к богатым некрополям знати в Химлингёе и Валлёбю, от которых его отделяют всего несколько километров, его считают частью восточнозеландского центра власти позднеримского времени. Могильнику Химленгёе посвящено подробное исследование У. Лунн-Хансен, изданное в 1995 г. (Lund Hansen el al. 1995). После публикации могильника Варпелев в 1877 г. никого особенно не волновал памятник в целом, тогда как отдельные предметы и группы предметов привлекали определённое внимание на протяжении многих лет, становясь объектом различных анализов и исследований. Основываясь на этих работах, могилы, а по ним и погребальный памятник в целом, датируют периодом C2,

Тем не менее, новые исследования показывают, что период существования данного могильника вполне мог растянуться ещё на несколько поколений.

Могильник состоял из 28 могил по обряду трупоположения, причём четыре погребения выполнены по более сложному обряду. Умерших укладывали на спине, головой к югу, что, как мы знаем, обычно для погребений знати римского времени. Прочих погребённых, насколько можно судить, укладывали в скорченном положении на боку, головой к северу. В двух из четырёх особых могил находился богатый инвентарь, включавший римские импорты, а также изделия из золота и серебра (погребения *a* и «*альфа*» — рис. 1–2), тогда как в двух других найдены немногочисленные обычные вещи, например, костяной гребень и бронзовая фибула. Вероятнее всего, последние являются самыми ранними погребениями на памятнике, тогда как богатые могилы относятся к следующему поколению или поколениям.

Самым поздним является погребение *a* (рис. 1). Это самое богатое из всех погребений знати этого времени в Скандинавии. Находки включают римские сосуды — шесть стеклянных и один бронзовый, наручный браслет, два перстня и булавку из золота, денарий императора Проба (282–286 гг.), пояс с серебряными украшениями позднеримского типа, сигнальный рог с серебряными оковками, деревянное ведро с бронзовыми оковками, костяные гребень и игральные фишки, четыре медвежьи когтя и керамический кувшин.

Внимание моего доклада будет сконцентрировано на римских вещах. Четыре из шести сосудов уникальны, один принадлежит к довольно обычному типу 230 по Х.-Ю. Эггерсу, а ещё один утрачен.

Наиболее знаменит канфар из синего стекла, изготовленный в технике выдувания, в ажурной серебряной оправе. Некоторые из этих сосудов указывают на восточную часть Римской империи. Также интересны серебряная пряжка и накладки на пояс. Тип пряжки, очевидно, римский, но её детали указывают на германское влияние. Пояс находит не так много близких параллелей — фактически, есть лишь две действительно похожие на него находки. Первая из них — небольшая пряжка из могильника Спантов в Румынии, который относится к черняховской (Сынтана-де-Муреш) культуре. Вторая — группа пряжек и накладок из одной из могил некрополя римского городка Карс, ныне Харсова, также в Румынии. На близость ремня из Карса к нашей находке указывает сходство индивидуальных деталей, а не пряжек в целом, которые на самом деле не так и похожи. Могила в Карсе условно датируется 320 г. Подобная датировка погребения *a* поставит его в рамки перехода от периода C2 к C3.

Рассматривая могильник Варпелев и открытый в нём погребальный инвентарь, и сравнивая его с содержимым ранних могил знати в Химлингёе и на других выдающихся памятниках Севера, становится ясно, что вещи из могил в Варпелеве указывают на более тесные контакты с римлянами, чем ранние погребения.

Если обратиться к истории Римской империи от кризиса середины III в. до периода Константина I, очевидно, что политическая ситуация в западных провинциях менялась таким образом, что должна была оказать существенное влияние на всякое германское племя, взаимодействовавшее с римлянами. Любые модели контактов, которые могли происходить до кризиса, должны были пересматриваться, чтобы соответствовать новой ситуации. Что же касается центра власти в восточной Зеландии, желание сохранить богатство прежних времён потребовало бы от знатных семейств гораздо более активных действий, которые могут отражать погребения *a* и «альфа» в могильнике Варпелев.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Fig. 1. Varpelev cemetery (Sb.8[1]), grave *a*
(photo: John Lee, National Museum of Denmark)

Рис. 1. Могильник Варпелев (Sb. 8[2]), погребение *a*
(фото: Дж. Ли, Национальный музей Дании)

[1] Parish description number in the archives of the National Museum, Copenhagen.
[2] Данный индекс указывает номер памятника в приходе Варпелев согласно архиву Национального музея (Копенгаген).

Fig. 2. Varpelev cemetery (Sb.8), grave *alfa*.
(photo: John Lee, National Museum of Denmark)

Рис. 2. Могильник Варпелев (Sb. 8), погребение «*альфа*»
(фото: Дж. Ли, Национальный музей Дании)

Eszter Istvánovits,
Valéria Kulcsár

Sarmatians or Germanics: Influence or Ethnic Presence? Old Problem — New Hypothesis

One of the long debated questions in the research of the Barbaricum of the Carpathian basin is the appearance and ethnic background of a cultural group in the Upper Tisza region. According to both the written sources and archaeological material, Vandalic groups settled at this area next to the Sarmatians during or after the Marcomannic wars (fig. 1). Early Vandalic material can be identified with typical Przeworsk warrior cremation graves. However, we are not able to follow the further history of the Vandals in this region, because the horizon of cremation burials soon disappears and there is no archaeological evidence for the Przeworsk population of the northern part of the Hungarian plain. Traditionally Hungarian and international research tried to identify its archaeological traces from the third century with the so-called Geszteréd–Herpály–Hortobágy group.

The common features of the graves from these sites are that these are Sarmatian barrow graves dated most probably after the mid-third century AD with some finds of Germanic (Przeworsk) character. Among the latter, the elements of weaponry are usually emphasised. According to a general view accepted long ago Sarmatian grave-goods do not include shields. This applies also to the earliest (post Marcomannic wars) Sarmatian burials of the Upper Tisza region the inhabitants of which were, in all probability, neighbours with the Przeworsk people living on the other side of the "Iranian-Germanic border" (fig. 1). Mihály Párducz, the first to interpret the Hortobágy-Poroshát cemetery has considered it to be Sarmatian (Roxolanian) (Párducz 1950: 252–253); István Bóna thought this group to be of Sarmatian (Alanic) origin with Germanic features (Bóna 1986: 63–66). Appearance of Germanic weapons in the burials made several researchers neglect the fact that most of the features of the burial rite referred to Sarmatians. It is important to

emphasise that the number of Germanic objects is extremely low: for example, in 220 graves of the Hortobágy-Poroshát cemetery a single shield boss, a pair of shears and some further objects of uncertain origin can be listed. However, Mihály Nagy (1994: 163–165, 172–173) and Péter Prohászka (2008: 50–55) in his recent work simply attributed the sites in question (so-called Geszteréd-Herpály-Hortobágy group) to the Vandals. According to Marek Olędzki (1999: 129) this group indicates a Sarmatian-Germanic culture. The main idea of these researchers is based on István Bóna's hypotheses about the gradual assimilation of the Vandals of the Upper Tisza region, who, according to him, changed their burial rite (incineration to inhumation), way of decorating the costume etc. This would explain where did the archaeological traces of Vandals "disappeared." However, there is no explicit evidence for the actual presence of Germanics at the northern part of the Sarmatian Barbaricum in the second half or end of the third century. At the same time, there is no doubt that the group in question represents — at least partly — a new wave, new archaeological horizon of Iranian population (either the Roxolans, or the Alans, or any other Sarmatian tribe or group).

An interesting observation is that the Przeworsk elements appeared in the Crimea in the same period. It cannot be a coincidence that one of the typical Germanic finds coming from Neyzats, vault 306 is a shield boss, belonging to the same type (Ikljær 3b, Jahn 7a — see: Храпунов 2011a: 8) as the one from Hortobágy-Poroshát, barrow II/10. Similar umbos from the same region of Sarmatian dominance are known also from Nyíregyháza — Árpád Street, a grave with typical Sarmatian burial rite (S-N orientation, inhumation), and from stray finds of Geszteréd and Tiszalök-Rázompuszta (both from the territory of Sarmatian dominance) (Istvánovits, Kulcsár 1992: 55, 32, 50, 63). The most well-known piece of this type is the one from Herpály. Judging from the burial rite (barrow, horse skeleton) and the context (neighbouring barrows with typical Sarmatian grave-goods, like e. g. beads) it should be considered a Sarmatian burial with a Germanic prestige object (Istvánovits, Kulcsár 1994: 416). Written sources do not specify on Germanic presence at this territory in the period in question. The same is the situation with find from Neyzats vault 306 which, according to Igor' N. Khrapunov can belong to the time preceding Gothic campaigns to the North Pontic coast (Храпунов 2011a: 8).

In the Crimea and at the northern part of the Hungarian plain, finds of Germanic character appear in clearly Sarmatian milieu at the same period. In Hungary previous research has explained the presence of Vandalic objects with Sarmatian-Przeworsk neighbourship. However, a similar situation in a Sarmatian assemblage in the Crimea made us suggest that there could be another possible explanation. In both cases we deal with fresh immigrants. In neither of the cases are the Przeworsk features dominant. On the basis of the considerations represented above, a possible solution can be that at least part of both Hungarian and Crimean new Sarmatian population must had arrived from a Sarmatian-Germanic contact zone. Objects of Germanic (Przeworsk) character would more likely attest to an impact and not an actual presence of Germans in the Upper Tisza region. However, in the Crimea their sporadic presence is evidenced by single cremation burials in the cemeteries of the same period (Храпунов 2004: 141).

In the third century, a general crisis can be observed in the whole of the "known world" (*Weltkrise*) (Alföldi 1967). This is the period of the Hunnic, Gothic and Sassanid expansions, all of which had some kind of impact onto the peoples examined by us. Taking into consideration the phenomenon of the "world crisis," it can be suggested that the simultaneous appearance of Germanic material in the Carpathian Basin and the Crimean Peninsula is the consequence of the same historic process. For the deeper interpretation of this process we need further investigations. In this paper only would like to draw attention to some aspects of it.

Эстер Иштванович,
Валерия Кульчар

Сарматы или германцы: влияние или этническое присутствие? Старая проблема — новая гипотеза

Одна из давних дискуссионных проблем в изучении Барбарикума Карпатского бассейна — это появление и этнический состав культурной группы в Верхнем Потисье. По свидетельству письменных источников, которые подтверждаются и археологически, вандальские группы осели в этом регионе во время или после Маркоманнских войн по соседству с сарматами (рис. 1). Памятники ранних вандалов связывают с воинскими погребениями-сожжениями пшеворского облика. К сожалению, дальнейшую историю вандалов на этой территории проследить невозможно, так как горизонт кремаций быстро исчезает, и позднейших археологических признаков пшеворского населения в северной части Алфёльда не остаётся. Венгерские и зарубежные исследователи традиционно пытаются идентифицировать их археологический материал III в. с так называемой группой Гестеред–Херпай–Хортобадь.

Памятники этой группы включают в себя сарматские курганные погребения, датирующиеся с наибольшей вероятностью периодом после середины III в., и во всех них обнаружены находки германского (пшеворского) характера. В числе последних обычно подчеркивается роль оружия. Согласно давнему общепринятому мнению, в сарматских комплексах присутствие щитов не характерно. Это относится и к наиболее ранним (период после маркоманнских войн) сарматским погребениям Верхнего Потисья, население которого, по-видимому, соседствовало с пшеворцами, жившими по ту сторону «ирано-германской границы» (рис. 1). М. Пардуц, впервые интерпретировавший могильник Хортобадь-Порошхат считал, что здесь хоронили своих покойников сарматы (роксоланы) (Párducz 1950: 252–253), а И. Бона высказал мнение, что это сарматская (аланская) группа с германскими чертами (Bóna 1986: 63–66). Некоторые исследователи, концентрируя свое внимание на появлении германского вооружения в погребениях Хортобадя, совершенно забыли о том, что подавляющее большинство элементов погребального обряда было типично сарматским. Необходимо подчеркнуть, что число германских вещей очень незначительно: например, в 220 погребениях могильника был найден один единственный умбон (рис. 2), ножницы для стрижки овец и несколько других находок неясного происхождения. Несмотря на это, сначала М. Надь (Nagy 1993: 163–165, 172–173), а затем П. Прохаска (Prohászka 2008: 50–55) в своей недавней работе идентифицировали вышеупомянутые памятники (так называемая группа Гестеред–Херпай–Хортобадь) просто с вандалами. По мнению М. Олендзкого (Olędzki 1999: 129), это сармато-германская группа. Гипотезы этих исследователей исходят из предположения Иштвана Боны, согласно которому вандалы в Верхнем Потисье были постепенно ассимилированы, в ходе чего они поменяли погребальный обряд (кремацию на ингумацию), способ украшения костюма, и т. д. Это, по их мнению, объясняет, каким образом „исчезли" археологические следы вандалов. Однако мы не располагаем непосредственными доказательствами в пользу присутствия германцев в северной части сарматского Барбарикума во второй половине – конце III в. В то же время несомненно, что данная группа населения — хотя бы частично — представляет собой новую волну, новый археологический горизонт иранского населения (будь то роксоланы, аланы или другое сарматское племя или группа).

Интересно отметить, что германские (пшеворские) элементы появляются в Крыму в этот же период. Нельзя считать совпадением, что одна из характерных германских находок из склепа 306 могильника Нейзац — умбон щита типа Ikljær 3b, Jahn 7a (см.: Храпунов 2011а: 8), тождественный находке из кургана II/10 могильника Хортобадь-Порошхат. Такие же умбоны известны в том же регионе сарматского расселения из погребения с типичным иранским обрядом — южная ориентировка, ингумация — в Ниредьхазе, на ул. Арпад; а также из случайных находок: Гестеред и Тисалёк-Разомпуста (Istvánovits, Kulcsár 1992: 55, 32, 50, 63). Наиболее известная находка этого типа — умбон из Херпая. Судя по обряду (курган, скелет коня) и контексту (в соседних курганах были найдены типичные сарматские вещи, например бусы) это погребение должно рассматриваться как сарматское, содержащее германский престижный предмет (Istvánovits, Kulcsár 1994: 416). В письменных источниках нет специального упоминания о германском присутствии на данной территории в данное время. Схожая ситуация представляется нам в отношении находки из склепа 306 в Нейзаце, который, по мнению И. Н. Храпунова, принадлежит ко времени, предшествующему готским походам в Северное Причерноморье (Храпунов 2011а: 8).

В Крыму и в северной части Алфёльда находки германского характера появляются в чисто сарматском контексте более или менее одновременно. В Венгрии вандальские вещи объясняли географической близостью сарматов и пшеворской группы в Верхнем Потисье. Однако, схожая ситуация в сарматском комплексе в Крыму навела нас на мысль о том, что возможно и другое объяснение. В обоих случаях речь идет о недавно переселившихся мигрантах. Пшеворские элементы представлены в их материале слабо. На основании соображений, представленных выше, можно предположить, что обе сарматские группы — крымская и «венгерская» — хотя бы отчасти родом из какой-то сармато-германской контактной зоны. Вещи германского (пшеворского) характера говорят, скорее

всего, о влиянии, а не о собственно присутствии германцев в Верхнем Потисье. На их спорадическое присутствие в Крыму указывают единичные случаи кремаций, датируемых схожим периодом (Храпунов 2004: 141).

В III в. во всём «обозримом мире» наступил всеобщий кризис *(Weltkrise)* (Alföldi 1967). Это время начала гуннской, готской и сасанидской экспансий. Все эти процессы неизбежно должны были повлиять на этнические группы, обсуждаемые в данной работе. Принимая во внимание феномен «мирового кризиса», можно предположить, что одновременное появление германского материала в отдельных регионах Карпатского бассейна и Крыма является последствием одного и того же исторического процесса, на некоторые аспекты которого мы хотели бы привлечь внимание. Для его более глубокого понимания требуются дальнейшие исследования.

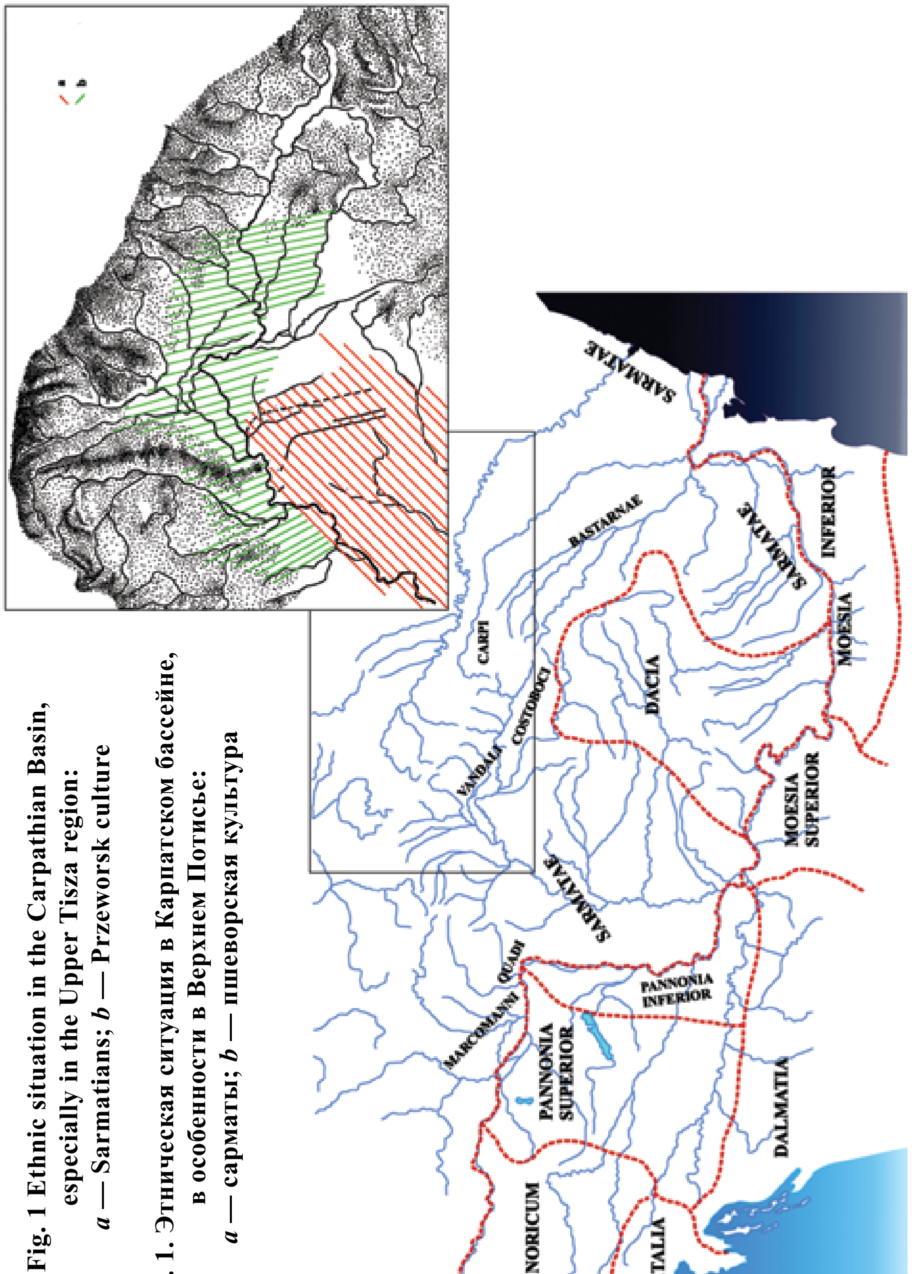


Fig. 1 Ethnic situation in the Carpathian Basin, especially in the Upper Tisza region:
***a* — Sarmatians; *b* — Przeworsk culture**

Рис. 1. Этническая ситуация в Карпатском бассейне, в особенности в Верхнем Потисье:
***a* — сарматы; *b* — пшеворская культура**

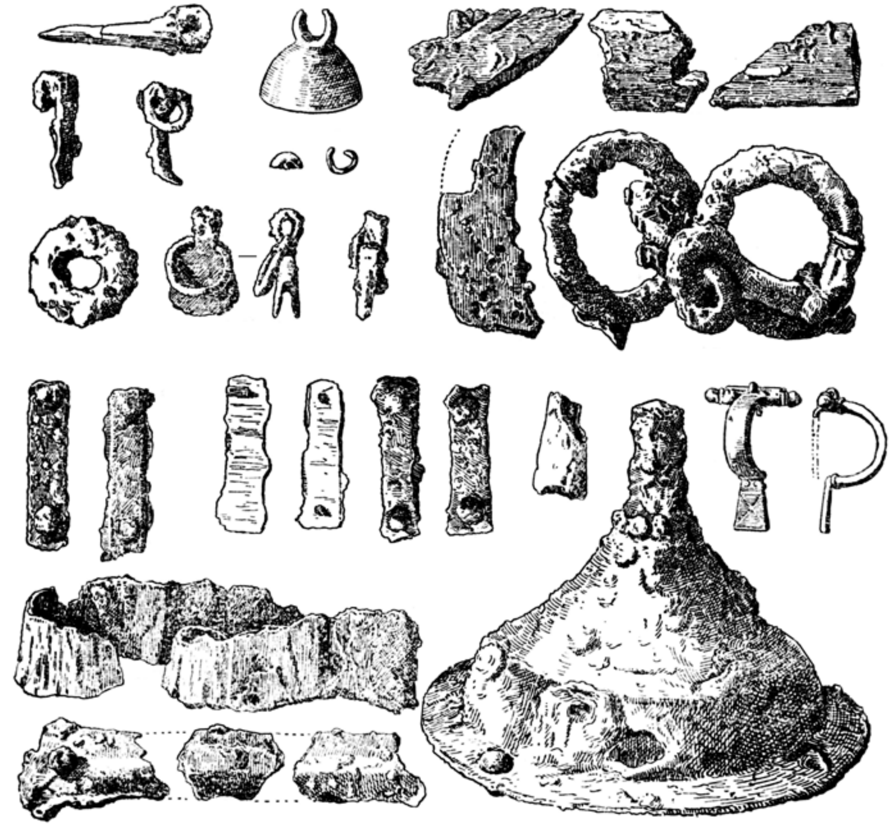


Fig. 2. Hortobágy-Poroshát barrow II/10
(Zoltai 1911: Taf. III. 10, 12–14, 18–37)

Рис. 2. Курган II/10 в Хортобадь-Порошат
(Zoltai 1911: Taf. III. 10, 12–14, 18–37)

Michel Kazanski

Water Routes from the Baltic to the Black Sea and Northern Barbarians in the Migration Period

There were three well-known water routes from the Baltic Sea to the Pontos that functioned in the Roman period: by the Vistula and the Bug, by the Neman and the Berezina, and by the Dvina and the Dnieper. Let us analyse the archaeological evidence concerning the existence of these routes in the Great Migration period as well.

The most familiar route went from the south Baltic Sea area along the Vistula and the Western Bug and further to the basin of the Dniester and Southern Bug; it is reliably traceable by many categories of archaeological finds from the Late Roman period. There is no written source to describe this route in the great Migration period. However, being a part of the famous "Amber Road," the Vistula was certainly used in the Great Migration period as a connection between the Baltic Sea and the Middle Danube, as rather numerous archaeological and numismatic finds suggested (for details see: Казанский 2010: 21–24). A group of artefacts from the Great Migration period in the Ukraine and the north ern Black Sea area supplies evidence for operative water road along the Vistula and the Western Bug that probably met in some way water communication system of the Dniester, the Southern Bug, and the Dnieper basin.

Let us mention first the finds in the upper course of the Dniester and the Prut rivers. There is curved strap-end discovered in the settlement of Ripnev II (fig. 1. *2*). Such end-pieces are typical of the cultures of the Western Balts in Prussia and of the Germanics of the Wielbark culture from phase D1 according to the chronology of the European Barbaricum (360/370–400/410 AD) (Madyda-Legutko 2011: mapa 22). Most likely, crossbow fibula of the Prague – Vil'kantsy type (fig. 1. 1) from the settlement Kodyn I of the Prague culture was delivered to the upper Prut river by the Vistula route. Such fibulae date back to the fifth century

and were distributed from the south-east ern Baltic Sea area (Медведев 2009). I can suppose that the fibula from Kodyn I is an evidence for some connections between the south-east Baltic Sea area and the Dniester area, which, from the point of view of logic, should be along water roads in the Vistula basin.

However, "northern" artefacts from the Great Migration period are also known on the east, as far as the Crimea and the Lower Don area. Our attention should be paid to fibulae with returned foot, flat and sometimes ornamented bow, and knob on the head; they are similar to Oscar Almgren's type 163 of fibulae and probably are derivatives of the latter. The distribution area of these fibulae coincides with the are of the Wielbark culture, where they have a relatively wide chronological frames. Fibulae with returned foot and knob appear in the sites of the Chernyakhov culture and in the north Black Sea area. There are the finds of such fibulae in grave no. 421 from the cemetery of Skalistoye (fig. 1. 5), from the cemetery of Almalyk-Dere (fig. 1. 3), as well as from a barrow near Tanais (fig. 1. 4), all belonging to the Great Migration period.

In the Great Migration period, the area of the Chernyakhov culture experienced the strengthening of some elements originated from other cultures in the north, particularly in the Przeworsk culture (Malaeşti and Bashmachka). The early Great Migration period was the time of depopulation of Central and Northern Poland, i. e. the Przeworsk culture area. Kaziemerz Godłowski has supposed that the demographic decline north of the Carpathians was related to the migration of a great deal of the population to the south, to the area under the "patronage" of the Huns (Godłowski 1985: 155–156). I can infer that some group of the Przeworsk people migrated to the Chernyakhov area (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: 145). This is one of the possible reasons for the revival of the Vistula–Bug road in the Great Migration period.

Archaeological data suggest that the water route via the Neman — Wilia — Berezina — Dnieper existed in the Great Migration period similarly to the Roman period. The indications are the finds of coins from the late fourth century in the Neman area and the appearance of Western Balts' artefacts in the Dnieper area. Among them are bow-shaped fibulae with spade-shaped foot (Gury, Kamenevo 2, Grigor'yevka — Chernechiy Lis, Kanev and Pereyaslav area, Lashchova: fig. 2. 6–10), as well as fibulae of the types Schönwarling (Babina Gora: fig. 2. 12), Sensburg–Mrągowo (Shul'govka: fig. 2. 13), and Dollkeim–Kovrovo (Dnieper area: fig. 2. 14). In the area of the Neman–Berezina road there were more exotic artefacts. The top layer of the fortified settlement of Labenshchina in one of the tributaries of the Svisloch' in the Berezina basin contained strap-end from Gotland, of the type Stora Hästnüs (fig. 2. 1–5) (Казанский 2010: 106–107). It is demonstrative that in the Great Migration period there were many Scandinavian elements in the beginning of the road under analysis: from the south coast of the Kursh bay to the Elbląg upland. Let me remind that it was the time then the mouth the Neman could be the Pregola river.

The route via Neman and Berezina, skirting around the basins of the Vistula, the Oder and the Danube, was probably related to certain political events in Central Europe. From time to time, there were violent conflicts that temporarily interrupted the network of Trans-European connections, for example during the invasion of the Huns and immediately after the death of Attila. Northern barbarians possibly participated in this "roundabout way."

One more thing to discuss is the possible route taken by northern barbarians to go to the forest zone of Eastern Europe — along the Riga bay and the Western Dvina, which was known as early as the Roman period. The estuary of the Western Dvina was depopulated in the Roman period. In the fifth century, a settlement developed in its left bank, and its residents made the flat cemetery of Katlakalns–Pļavniekkalns. It could be a result of the development of routes via rivers and sea near the estuaries of the Western Dvina and the Gauja in the Great Migration period. The finds of early Byzantine coins could indicate a certain road along the south coast of the Riga bay somehow related to the estuaries of the Western Dvina and the Gauja (Казанский 2010: 103).

Latvian archaeologists have expressed an opinion that the route via the Western Dvina was destabilized in the middle of the first millennia AD. The finds of the fibulae of Western Balt origin in the lower course of the Western Dvina show that there still were some contacts via this route in the Great Migration period. These contacts probably followed this river down to some place in its course. There is a hoard with gold coin of Valens (364–378 AD) discovered in Braslav in the Dvina area, not far from modern borderline between Byelorussia and Latvia, that marks the easternmost point of the road via the Western Dvina.

However, Western Balt import did not penetrated upstream on the Dvina, to the area of the Tushemlya culture. There probably were reasons why the population that created the Tushemlya sites in the Western Dvina area did not let the owners of West ern Balt artefacts through their

territory. It is interesting to note that the area of the Tushemlya sites on the Dvina received artefacts typical of the Eastern (Letto-Lithuanian) Balts. Although the contacts with some groups of the Eastern Balts probably continued, the route via the Dvina did not function in the Tushemlya area (Казанский 2010: 103–106).

In the Great Migration period, a series of "southern" imports from the Middle Danube and south area of Eastern Europe was recorded in the area of the Tushemlya culture. These artefacts from the Pontic-Danubian area could be arguments for the suggestion that in the late fourth and first half of the fifth century the Upper Dnieper area received groups of "southern" and "western" populations: the Veneti, their allies from the Huns, the Goths defeated by the Huns, and others. Warlike destructions from the period are recorded in the fortified settlement of Demidovka (for details see: Фурасьев 1996; Казанский 1999a; Kazanski 2000). It looks like these events destabilized the route via the Dnieper and the Dvina.

Thus, there are few archaeological materials supplying evidence for the river roads between the Baltic Sea and the Black Sea that worked in the Roman period still existed in the Great Migration period. First of all, there were routes via the Vistula and the Western Bug, and via the Neman, the Wilia, the Berezina, and the Dnieper. The development of the route via the Vistula and the Bug could be related with the migration of a part of Central European population to the south-east. The appearance of several Scandinavian artefacts in the Neman – Berezan route marks the appearance of persons originated from the Baltic area.

According to the distribution of coins and Western Balt artefacts, the water route along the Western Dvina to the Upper Dnieper was broken in the fifth century, so only its section in the Lower Dnieper was used. Most likely, it was because of some population groups penetrated into the Upper Dnieper area from the south or south-west.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Мишель Казанский

Водные пути из Балтики к Чёрному морю и северные варвары в эпоху переселения народов

Хорошо известны три водных пути из Балтийского бассейна к Понту, которые функционировали в римское время: висленско-бугский, неманско-березанский и двинско-днепровский. Рассмотрим археологические данные, свидетельствующие об их существовании и в эпоху переселения народов.

Наиболее известна дорога из Южной Прибалтики по Висле и Западному Бугу, далее в бассейн Днестра и Южного Буга, хорошо намечаемая по целому ряду категорий археологического материала позднеримского времени. Для переселения народов письменных источников о функционировании этого пути не имеется. Однако Висла, как один из отрезков знаменитого янтарного пути, несомненно использовалась в эпоху переселения народов для связей между Балтикой и Средним Дунаем. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные археологические и нумизматические находки (подробнее: Казанский 2010: 21–24). Ряд находок эпохи переселения народов на Украине и в Северном Причерноморье свидетельствует о функционировании водной дороги по Висле и Западному Бугу, который, видимо, так или иначе смыкался с водными коммуникациями по Днестру, Южному Бугу и бассейну Днепра.

Упомянем в первую очередь находки в верховьях Днестра и Прута. Это наконечник ремня изогнутой формы, найденный на поселении Рипнев II (рис. 1. 2). Такие наконечники типичны для западнобалтских культур Пруссии и германцев вельбаркской культуры периода D1 по хронологии европейского Барбарикума (360/370–400/410 гг.) (Madyda-Legutko 2011: mapa 22). Скорее всего по Висленскому пути попала на верхний Прут и арбалетная фибула типа Прага – Вильканцы, встреченная на поселении пражской культуры Кодын I (рис. 1, 1). Эти фибулы датируются в рамках V в. и распространяются из Юго-Восточной Прибалтики (Медведев 2009). Можно предполагать, что фибула из Кодына свидетельствует о каких-то связях между Юго-Восточной Прибалтикой и Приднестровьем, осуществлять которые логичнее всего по водным путям бассейна Вислы.

Но «северные» вещи эпохи переселения народов известны и восточнее, вплоть до Крыма и Нижнего Дона. Привлекают внимание подвязные фибулы с пластинчатой, иногда декорированной спинкой и с кнопкой на головке, похожие на застежки типа Альмгрен 163, — видимо, их дериваты. Зона основного распространения таких фибул совпадает с ареалом вельбарской культуры, где они имеют довольно широкую дату. Подвязные фибулы с кнопкой встречаются и на памятниках черняховской культуры и в Северном Причерноморье. Ко времени переселения народов в Северном Причерноморье относятся находки таких фибул в погр. 421 могильника Скалистое (рис. 1. 5), в некрополе Алмалык-Дере (рис. 1. 3), а также в одном из курганов Танаиса (рис. 1. 4).

В эпоху переселения народов, в зоне черняховской культуры отмечается усиление некоторых инокультурных элементов северного происхождения, в частности, пшеворских (Малаешты, Башмачка). Как раз в это время, в начале эпохи переселения народов происходит обезлюдение Центральной и Северной Польши, т. е. зоны пшеворской культуры. К. Годловский полагал, что демографический спад к северу от Карпат связан с уходом большой массы населения на юг, под «протекцию» гуннов (Godlowski 1985: 155–156). Можно предположить, что какая-то часть носителей пшеворской культуры мигрировала в черняховскую зону (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: 145). Это одна из возможных причин активизации висленско-бугского пути в эпоху переселения народов.

Судя по археологическим данным, путь по водной трассе Неман — Вилия — Березина — Днепр, существовавший в римское время, функционирует и в эпоху переселения народов. На это указывают монетные находки конца IV в. на Немане, а также появление серии западнобалтских вещей в Поднепровье. Это арбалетные фибулы с лопатковидной ножкой (Гуры, Каменево–2, Григоровка — Чернечий Лис, район Канева — Переяслава, Лащова; рис. 2. 6–10), а также фибулы типов Шонверлинг (Бабина Гора; рис. 2, 12), Сенсбург — Мронгово (Шульговка; рис. 2, 13), Долльхайм — Коврово (Поднепровье; рис. 2. 14). Есть в районе неманско-березанской трассы и более экзотические вещи. В верхнем слое городища Лабенщина, располагающемся на одном из притоков Свислочи в бассейне Березины, найден готландский ременной наконечник типа «Stora Hästnüs» (рис. 2. 1–5) (Казанский 2010: 106–107). Показательно, что для эпохи Переселения народов фиксируется заметное присутствие скандинавских элементов в начале рассматриваемой здесь трассы — от южной части Куршского побережья до Эльблонгской возвышенности. Напомним, что в это время устьем Немана могла быть р. Преголя.

Функционирование неманско-березанского пути, как бы в обход бассейнов Вислы, Одера и Дуная возможно связано с какими-то конкретными политическими событиями в Центральной Европе, где время от времени, например при вторжении гуннов и сразу после смерти Атиллы, вспыхивали жесткие вооруженные конфликты, временно нарушавшие сложившуюся систему транс-европейских связей. Возможно и северные варвары участвовали в этом «обходном манёвре».

Остается рассмотреть еще один возможный путь проникновения северных варваров в лесную зону Восточной Европы, по Рижскому заливу и Западной Двине, известный уже в римское время. В устье Западной Двины, пустующем в римское время, в V в. на левом берегу появляется население, оставившее могильник Катлакална Плявниекалнс с грунтовыми могилами. Это может быть связано с активизацией речных и морских трасс в районе устьев Западной Двины и Гауи в эпоху Великого переселения народов. Возможно, на существование в конце эпохи переселения народов какой-то трассы вдоль южного берега Рижского залива, так или иначе связанной с устьями Западной Двины и Гауи, указывают находки ранневизантийских монет (Казанский 2010: 103).

По мнению латвийских археологов, путь по Западной Двине был дестабилизирован в середине 1 тыс. н. э. Находки фибул западнобалтского происхождения на нижнем участке течения Западной Двины свидетельствуют, что какие-то контакты по этому водному пути всё же осуществлялись и в эпоху переселения народов. Видимо, контакты по реке все же продолжались до какой-то точки. Клад из Браслава, содержавший золотую монету Валента (364–378 гг.), найденный в Подвинье, недалеко от современной латвийско-белорусской границы, как бы маркирует конечную восточную точку западнодвинской речной магистрали. Однако вверх по Двине, в зону тушемлинской культуры, западнобалтский импорт не идёт. Видимо, по каким-то причинам население, оставившее тушемлинские памятники Западной Двины, не пропускало на свою территорию носителей западнобалтских вещей. Интересно отметить, что при этом в зону тушемлинских памятников Подвинья проникают типичные

для восточных (летто-литовских) балтов вещи. Видимо контакты с какими-то группами восточных балтов продолжались, но путь по Двине при этом на тушемлинской территории не функционировал (Казанский 2010: 103–106).

Для эпохи переселения народов в ареале тушемлинской культуры фиксируется серия «южных» импортов, со Среднего Дуная, и из южной части Восточной Европы. Эти находки из понто-дунайской зоны могут свидетельствовать о проникновении на Верхний Днепр в конце IV – первой середине V в. групп «южного» и «западного» населения: венедов, их союзников гуннов, разбитых гуннами готов и др. Разрушения военного характера, относящиеся к этому времени, отмечены на городище Демидовка (подробнее: Фурасьев 1996; Казанский 1999а; Kazanski 2000). Похоже, что эти события и дестабилизировали днепро-двинский путь.

Итак, археологические материалы, пусть и немногочисленные, свидетельствуют о том, что речные пути между Балтикой и Чёрным морем, функционировавшие в римское время, продолжали существовать и в эпоху переселения народов. Это, в первую очередь, трассы Висла — Западный Буг и Неман — Вилия — Березина — Днепр. Возможно, активизация висленско-бугского пути связана с подвижкой части центральноевропейского варварского населения на юго-восток. Появление отдельных скандинавских вещей на неманско-березанском пути фиксирует присутствие здесь выходцев из Балтийского региона.

Судя по распространению монет и западнобалтских вещей, водный путь по Западной Двине на Верхний Днепр в V в. нарушается, функционирует лишь его нижнедвинский отрезок. Скорее всего, это связано с прорывом в Верхнее Поднепровье каких-то групп населения с юга или юго-запада.

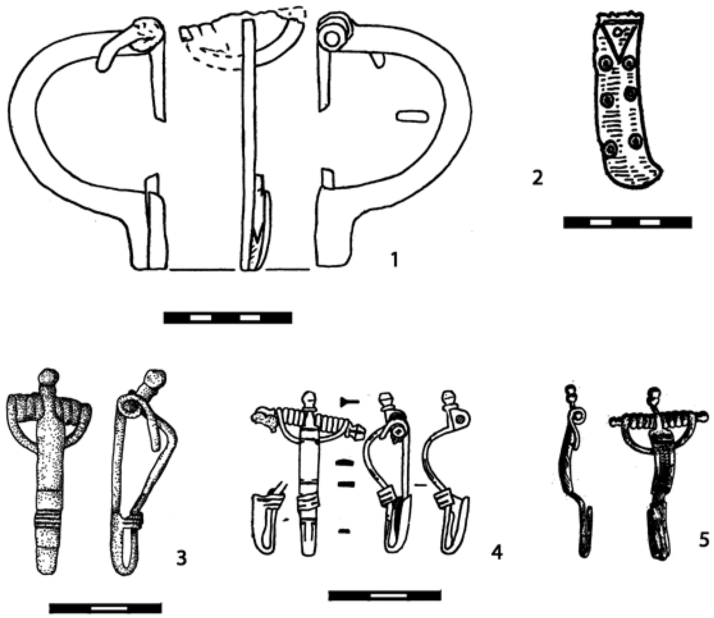


Fig. 1. Artefacts of the Great Migration period from the Vistula basin in the Dniester area and in the north ern Black Sea area.
***1* — Kodyn I, dwelling 21 (Гавритухин 2005a);**
***2* — Ripnev (Баран 1981); *3* — Almalyk-Dere, burial 2/2001 (Mączyńska, Urbaniak, Jakubczyk 2011);**
***4* — Tanais, barrow 1, burial 1, 1960 (Амброз 1969);**
***5* — Skalistoye, burial 421 (Веймарн, Айбабин 1983)**

Рис. 1. Вещи эпохи Переселения народов из бассейна Вислы в Поднестровье и Северном Причерноморье.
***1* — Кодын I, жил. 21 (Гавритухин 2005а);**
***2* — Рипнев (Баран 1981); *3* — Алмылык-Дере, погр. 2/2001 (Mączyńska, Urbaniak, Jakubczyk 2011); *4* — Танаис, курган 1, погр. 1, 1960 г. (Амброз 1969);**
***5* — Скалистое, погр. 421 (Веймарн, Айбабин 1983)**

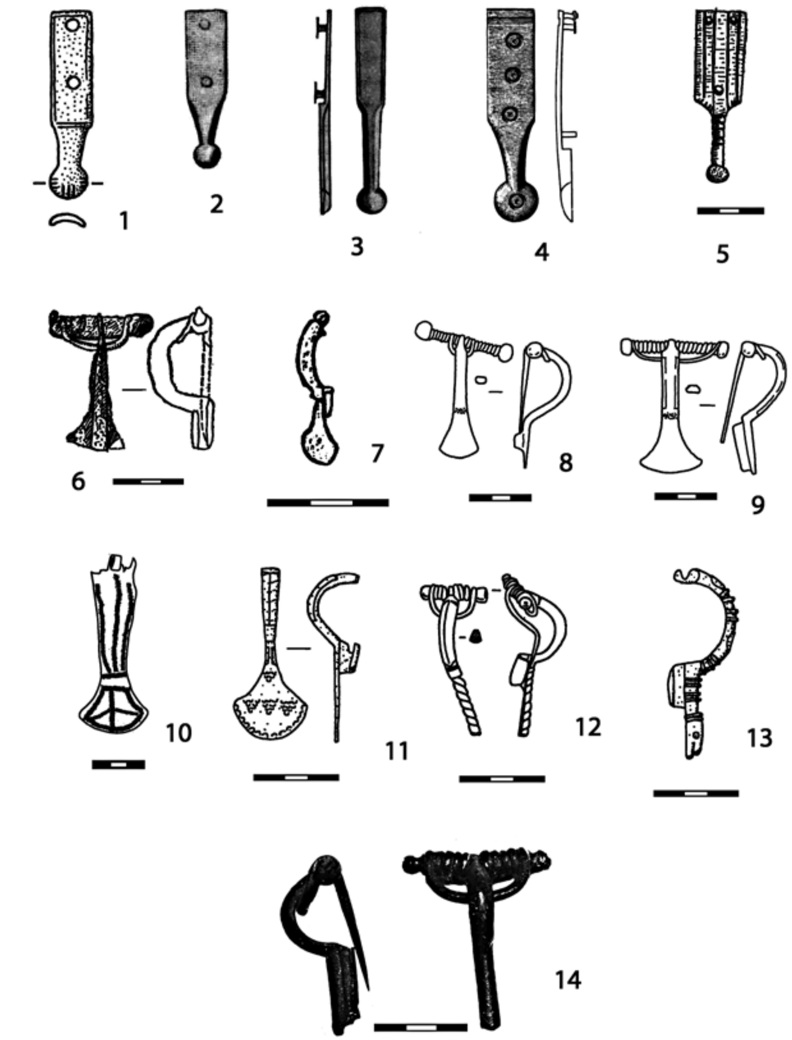


Fig. 2. Western Balts' and Scandinavian artefacts distributed in the Neman – Berezina roads and their parallels (*1–4*).
***1* — Kuninguste; *2–3* — Stora Hästnäs; *4* — Gotland (*1–4*: Quast 2004);**
***5* — Labenshchina; *6* — Gury (*5–6*: Митрофанов 1978);**
***7* — Grigor'yevka — Chernechiy Lis (Петрашенко, Циндровська 1999);**
***8–9* — Kamenevo (Терпиловский 2004); *10* — Lashchova (drawing: Maxim Levada); *11, 14* — Dnieper area (*14* — photo: the author);**
***12* — Babina Gora; *13* — Shul'govka (*11–13*: Kazanski 2000)**

Рис. 2. Западнобалтские и скандинавские вещи, распространявшиеся по Неманско-Березанскому пути, и их параллели (*1–4*).
***1* — Кунингусте; *2–3* — Стора-Хестнес; *4* — Готланд (*1–4*: Quast 2004);**
***5* — Лабенщина; *6* — Гуры (*5–6*: Митрофанов 1978);**
***7* — Григоровка — Чернечий Лес (Петрашенко, Циндровська 1999);**
***8–9* — Каменево (Терпиловский 2004); *10* — Лащова (рис.: М. Е. Левада); *11, 14* — Поднепровье (14: фото автора);**
***12* — Бабина Гора; *13* — Шульговка (*11–13*: Kazanski 2000)**

Igor' Khrapunov

Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats

The cemetery of Neyzats is located in the centre of Crimean foothill area, about 20 km east of Simferopol. During the period of excavations that started in 1996, we investigated 492 graves, including burial vaults, undercut and simple pit graves. The cemetery dates from the second to fourth century AD.

Among the abundant grave goods, there is an outstanding group of artefacts that could be related to the appearance of Germanic tribes in the Crimean peninsula with a greater or lesser degree of probability.

Shield boss and shield grip

Iron shield boss (fig. 1. 3) finds multitude of analogies in Central and Western Europe, especially in the Przeworsk culture area. Such shield bosses existed during phases B2b to C1a, i. e. in the second and early third century AD. Although one can hardly attribute shield grip (fig. 1. 1) to a certain type due to its poor preservation, it looks like some finds from Scandinavia, as well as the grip discovered in the cemetery of Chatyr-Dag in the Crimea.

All the researchers consider that shield bosses were absolutely not typical of the Sarmatian and Scythian weaponry and appeared in the northern Black Sea area together with the Germanics. There is one more shield boss discovered in the cemetery. However, in contrast to Germanic artefacts, it is made of bronze, so it impedes its comparison with Central and Western European finds.

Axe

One of five iron axes discovered in the cemetery, in contrast to the others, does not have a pronounced butt (fig. 1. 2). It belongs to the same type with almost all the axes in the Chernyakhov culture. The axe from Neyzats could be attributed to Grzegorz Kieferling's Western series of group 5. Axes of this series from the Roman and early Great Migra-

tion periods were discovered, apart from the area of the Chernyakhov, Wielbark, and Przeworsk cultures, in the Elbe area, South-Western Germany, and Bohemia. This artefact gives an evidence of the north-western connections of the population of the Crimean foothill area in the fourth century AD, and, specifically, of the contacts between the Sarmatians and Germanics.

Artefacts made of metal rings

Excavations of several women's graves from the mid-second to the first half of the third century AD discovered 4 to 7 cm long artefacts made of interwoven iron rings. Similar goods were found in other Crimean cemeteries.

There are interesting artefacts excavated in the Przeworsk culture area. The finds of interwoven iron rings, analogous to the Crimean ware, have been discovered in many women's graves from horizon B2/C2; in other words, they date back to ca. 160–200 AD. Few similar finds originate from the west, as far as Jutland, as well as from the Chernyakhov culture area, and from the Sarmatian graves in the north-western Black Sea area. Obviously, the tradition of placing artefacts of interwoven iron rings into women's graves appeared in the Przeworsk culture area and thence spread in different directions.

Combs

Two bone combs excavated from the cemetery of Neyzats belong to Sigrid Thomas' type I (fig. 1. 4) or variant IB1 of Boris Magomedov's classification for the Chernyakhov combs, though all the rest belong to Thomas' type III (fig. 1. 5) or the most late variant IIIB1 of the Chernyakhov combs. The ware of the latter variant concentrated mainly in the Chernyakhov culture area, where many of the artefacts were possibly produced. The researchers unanimously consider that bone combs came to the Crimea from the area of eastern Germanic cultures.

Horn bracelet

Such goods (fig. 1. 6) are sometimes discovered in the area of Germanic cultures — Przeworsk, Masłomęcz group of the Wielbark, Sântana de Mureș, and Chernyakov. In a few cases, they were, as their small size and position in graves suggest, amulet pendants and not bracelets. The bracelet from the cemetery of Neyzats is the only one discovered in the Crimea so far. There is no doubt that it came to the peninsula from the area of Germanic cultures.

Glass vessels

Beakers with cut ovals of type Eggers 230 (fig. 2. 2–3) and extremely rare type Eggers 223 (fig. 2. 1) penetrated to the cemetery from the territory of the European Barbaricum where they were widely distributed as far as Denmark and Norway. Most likely, they were brought to the peninsula from the Chernyakhov culture area, which was the main concentration of beakers of type 230. The Crimea is the south-eastern border of the area of both types of vessels.

Grey clay wheel-made vessels

The excavations of the cemetery of Neyzats have uncovered more than 1,000 hand-made and more than 450 red slip vessels. A small group of wheel-made vessels with grey surface stands against this background. All of them have been excavated in the fourth century vaults (fig. 2. 4–7).

Almost all the grey clay wheel-made vessels in Neyzats find direct analogies in the Chernyakhov culture. They are certainly different from the most part of the vessels discovered in the cemetery. The differences are the type of surface treatment, clay colour, decoration, and bi-conical form of the body: the latter feature is extremely typical of the Chernyakhov pottery and absolutely not to red slip and hand-made ware in the cemetery of Neyzats. This is the reason to suggest Chernyakhov origin of the grey clay pottery in Neyzats. However, there is one thing to raise doubts. Excavations of the cemetery of Neyzats have found wheel-made grey clay bowls with black coating (fig. 2. 8). Same vessels have been unearthed in a few more cemeteries in the Crimean foothills to become one of the most widespread types of wheel-made grey clay pottery in the Crimea. There is nothing similar in the Chernyakhov culture. Therefore, we can infer the existence of some Chernyakhov centre where grey clay wheel-made pottery was produced, whence it later penetrated to Crimean barbarians.

Brooches

There is the only specimen of small radiate-headed brooch (fig. 1. 8). Such artefacts are absent in all synchronous cemeteries of the same culture in the Crimea. It was likely brought to the Crimea from the Chernyakhov culture area in the final stage of the cemetery, i. e. in the very late fourth or very early fifth century.

A fragment of fibula A83 or A84 was used as a pendant in a necklace (fig. 1. 7). The main concentration of such fibulae was in the northern part of the Roman province Pannonia. Whence they spread in all directions, with their number getting smaller the further they were. Fibulae of the type date from the second and early third century AD. Undoubtedly, the Neyzats find reflects some western connection of the Sarmatian population in the Crimea. We cannot be sure about the region whence this fibula came to the Crimea, was it, for example, Pannonia or the Przeworsk culture area, where a number of such clasps was discovered.

Bucket-shaped pendants

There is one gold bucket-shaped pendant from Neyzats (fig. 1. 12), though the rest are of iron (fig. 1. 13–15). All of them have been discovered within assemblages from the late second and first half of the third century AD. In the northern Black Sea area, bucket-shaped pendants appeared in no later than the first century BC, almost simultaneously with the finds from some graves in Romania and southern Germany. In the Crimea, pendants in the form of small buckets were continuously used till the fourth century AD inclusive. Obviously, these pendants were produced both by Germanic and northern Black Sea tribes. One can not be sure if the pendants discovered in the cemetery of Neyzats were locally made or brought to the Crimea from the area populated by the Germanics.

Axe-shaped pendants

One pendant is made of glass (fig. 1. 11) and another of bronze (fig. 1. 10). Glass pendants of different colours and different morphological features were made in Greco-Roman cities and towns and never passed the limits of the northern Black Sea area.

Bronze pendant belongs to Anastasiya Stoyanova's type 3 of metal axe-shaped pendants in the Crimea. Pendants of the form were very popular in the European Barbaricum. They initially appeared among the northern Thracians, and afterwards, having the Sarmatians in the Great Hungarian plain as mediators, they penetrated to the Germanics. Because of the fourth century AD chronology of the pendant from Neyzats, it could be brought to the Crimea by the Germanics. However, other interpretations are also possible. In the Crimea, there are few pendants in the form of wedge-shaped axe discovered in the sites from the first to the third century AD. Nevertheless, their number became considerably larger in the second half of the third and fourth century. Therefore, the case of axe-shaped pendants looks like the case of bucket-shaped pendants: with equal degree of probability, they could be of Germanic or local origin.

Amber pendants

These pendants in the shape of a figure of eight were discovered in many, mainly children's, graves from the fourth century AD (fig. 1. 16–18). According to a popular interpretation, they penetrated to the Crimea from the Chernyakhov culture area. Because the fashion of amber ornaments spread far away from the Germanics area by the fourth century AD, the above interpretation is not the only possibility, though it still remains the most probable. Besides, it is interesting to note that the number of finds of amber figure-of-eight-shaped pendants in the Crimea is three times as large as in the Chernyakhov culture area. One of these pendants has specific circular cross-section and small top part (fig. 1. 19). It was discovered in a grave from the late second or first half of the third century AD. Such artefacts are also known in Ust'-Al'ma and Chyornaya River cemeteries. They were obviously not related to Germanic tradition, but were produced in the Crimea from the first century AD onwards.

There is an amber pendant decorated with grooves (fig. 1. 9) to find the only analogy in the cemetery of Nienburg on the left bank of the Elbe.

* * *

The most important problem standing in front of the researchers of Germanic antiquities in the Crimea is how did the artefacts from the area of Germanic cultures come to the Crimean peninsula. The exploration of the cemetery of Neyzats has not answered this question. There is no grave made according to a rite used by any of Germanic tribes and no grave where Germanic goods concentrated. The latter are scattered as individual inclusions through an extraordinary number of Sarmatian grave goods. Therefore, we have no reason to infer that there were Germanics who buried among the Sarmatian creators of the cemetery of Neyzats. One can only speculate about the way in which Germanic artefacts penetrated into the Crimea — was this a result of military, trade, or cultural contacts, and where exactly did these contacts happen. Every of the above speculations is possible theoretically, though none of them could be proved by the analysis of this or that assemblage excavated in the cemetery.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Игорь Храпунов

Германские вещи из могильника Нейзац

Могильник Нейзац расположен в центре крымских предгорий, приблизительно в 20 км восточнее Симферополя. За время раскопок, ведущихся с 1996 г., исследовано 492 погребальных сооружения. Среди них склепы, подбойные и грунтовые могилы. Датируется могильник II – IV вв. н. э.

Среди значительного количества погребального инвентаря выделяется группа вещей, которую с большей или меньшей вероятностью можно соотнести с появлением на Крымском полуострове германских племен.

Умбон и рукоять щита

Железный умбон (рис. 1. 3) имеет множество аналогий в центральной и западной Европе, особенно на территории пшеворской культуры. Такие умбоны были распространены в фазах B2b–C1a, т. е. во II – начале III в. н. э. Плохая сохранность рукояти щита (рис. 1, 1) затрудняет отнесение ее к какому-либо типу, но она очень напоминает некоторые находки из Скандинавии, а также рукоять, найденную в могильнике Чатыр-Даг в Крыму.

По мнению всех исследователей, умбоны, совершенно не характерные для вооружения сарматов или поздних скифов, попали в Северное Причерноморье вместе с германцами.

В могильнике найден еще один умбон, но он, в отличие от германских, сделан из бронзы, что затрудняет его соотнесение с центрально- и западноевропейскими находками.

Топор

Один из пяти железных топоров, найденных в могильнике, в отличие от остальных, не имеет выделенного обуха (рис. 1. 2). Он относится к одному типу почти со всеми топорами черняховской культуры. По классификации Г. Киферлинга, нейзацкий топор может быть отнесен к западной серии группы 5. Топоры этой серии римского времени и начала эпохи Переселения народов обнаружены, помимо территории черняховской, вельбарской, пшеворской культур, на Эльбе, в юго-западной Германии, в Богемии. Этот экземпляр свидетельствует о северо-западных связях населения крымских предгорий IV в. н. э., а говоря конкретнее, по всей вероятности, о сармато-германских контактах.

Изделия из железных колец

При раскопках нескольких женских погребений середины II – первой половины III в. н. э. найдены изделия длиной 4–7см, сплетёные из железных колец. Аналогичные артефакты обнаружены в других крымских могильниках.

Любопытные аналогии обнаруживаются в ареале пшеворской культуры. Аналогичные крымским изделия из железных колец найдены во многих женских погребениях, относящихся к горизонту B2/C1, иными словами, датирующихся приблизительно последними четырьмя десятилетиями II в. н. э. Единичные подобные находки сделаны западнее, вплоть до Ютландии, а также на территории черняховской культуры и в сарматских погребениях северо-западного Причерноморья. Очевидно, обычай помещать в женские погребения изделия из железных колец появился на территории пшеворской культуры и оттуда распространялся в разных направлениях.

Гребни

Два из найденных в нейзацком могильнике костяных гребней относятся к типу Томас I (рис. 1. 4) или варианту IB1 по классификации черняховских гребней Б. В. Магомедова, все остальные — к типу Томас III (рис. 1. 5) или наиболее позднему варианту IIIB1a черняховских гребней. Наибольшая концентрация изделий последнего варианта приходится именно на ареал черняховской культуры, где многие из них, вероятно, были произведены. Исследователи единодушны в том, что костяные гребни попадали в Крым из ареала восточногерманских культур.

Браслет из рога

Такие предметы (рис. 1. 6) иногда встречаются на территории германских культур — пшеворской, масломенчской группы вельбарской, Сынтана-де-Муреш, черняховской. В некоторых случаях они служили не браслетами, а, судя по малым размерам и положению в могилах, подвесками-амулетами. Браслет из могильника Нейзац единственный из до сих пор найденных в Крыму. Нет сомнений в том, что он попал на полуостров из ареала германских культур.

Стеклянные сосуды

Кубки со шлифованными овалами типа Eggers 230 (рис. 2. 2–3) и очень редкого типа Eggers 223 (рис. 2. 1) попали в могильник с территории европейского Барбарикума, где они были широко распространены вплоть до Дании и Норвегии. Скорее всего, их привезли на полуостров с территории черняховской культуры, где отмечена наибольшая концентрация кубков типа Eggers 230. Крым является юго-восточной границей ареала сосудов обоих типов.

Сероглиняные гончарные сосуды

При раскопках могильника Нейзац найдено более 1000 лепных и более 450 краснолаковых сосудов. На этом фоне выделяется небольшая группа сосудов, сделанных на гончарном круге и имеющих поверхность серого цвета. Все они найдены в склепах IV в. н. э. (рис. 2. 4–7).

Почти все сероглиняные гончарные сосуды из Нейзаца имеют прямые аналогии в черняховской культуре. Они явно отличаются от большинства сосудов, найденных в могильнике. Отличия заключаются в характере обработки поверхности, цвете глины, орнаментации, а также в биконичности тулова, столь характерной для керамики черняховской культуры и совершенно не типичной для краснолаковой и лепной посуды из могильника Нейзац. На этом основании нейзацкую гончарную сероглиняную керамику можно было бы назвать черняховской. Однако есть одно смущающее обстоятельство. В могильнике Нейзац найдены гончарные сероглиняные миски с черным покрытием (рис. 2. 8). Такие же сосуды обнаружены еще в нескольких крымских предгорных могильниках. Это один из самых распространенных типов гончарной сероглиняной посуды, найденной в Крыму. Ничего подобного в черняховской культуре нет. Следовательно, можно предположить наличие какого-то не черняховского центра производства гончарной сероглиняной посуды, продукция которого попадала к крымским варварам.

Фибулы

Единственным экземпляром представлена маленькая двупластинчатая фибула (рис. 1. 8). Таких фибул нет ни в одном синхронном и однокультурном Нейзацкому крымском могильнике. Вероятно, она попала в Крым с территории черняховской культуры в финальной стадии использования некрополя, в самом конце IV или в самом начале V в. н. э.

Обломок фибулы типа А83 или А84 использовался в качестве подвески в ожерелье (рис. 1. 7). Наибольшая концентрация таких фибул приходится на северную часть римской провинции Паннония. Оттуда они распространялись во всех направлениях, но чем дальше, тем меньше их концентрация. Датируются фибулы этого типа II — началом III в. н. э. Несомненно, нейзацкая находка отражает какие-то западные связи живших в Крыму сармат. Откуда именно попала фибула в Крым, из Паннонии или, например, с территории пшеворской культуры, где найдено много таких застежек, сказать невозможно.

Ведёрковидные подвески

Одна из ведёрковидных подвесок, найденных в Нейзаце, изготовлена из золота (рис. 1. 12), остальные из железа (рис. 1. 13–15). Все они обнаружены в комплексах конца II – первой половины III в. н. э. В Северном Причерноморье ведёрковидные подвески появились не позднее I в. до н. э., практически одновременны им экземпляры из некоторых погребений в Румынии и на юге Германии. В Крыму использование подвесок в виде маленьких ведёрок не прекращалось до IV в. н. э. включительно. Очевидно, что производство таких подвесок германскими и северопричерноморскими племенами осуществлялось параллельно. Нельзя сказать, были подвески, обнаруженные в могильнике Нейзац, произведены на месте или попали в Крым с территорий, населенных германцами.

Подвески в виде топориков

Одна из них сделана из стекла (рис. 1. 11), другая из бронзы (рис. 1. 10). Стеклянные подвески разных цветов и отличающиеся друг от друга морфологическими характеристиками, производились в античных городах и за пределы Северного Причерноморья не распространялись.

Бронзовая подвеска относится к типу 3 металлических топоровидных подвесок из Крыма по классификации А. А. Стояновой. Подвески такой формы были широко распространены в европейском Барбарикуме. Раньше всего они появились у северных фракийцев, а затем, при посредничестве сарматов Венгерской низменности, распространились у германцев. Нейзацкая подвеска, учитывая ее датировку IV в. н. э., вполне могла быть принесена в Крым германцами. Но возможны и иные варианты. В Крыму единичные подвески в виде клиновидного топора известны в памятниках, суммарно датируемых I – III вв. н. э. Правда, во второй половине III – IV вв. н. э.

их количество заметно возросло. Таким образом, ситуация с топоровидными подвесками близко напоминает ситуацию с подвесками в виде ведёрок: их происхождение с равной степенью вероятности можно считать германским или местным.

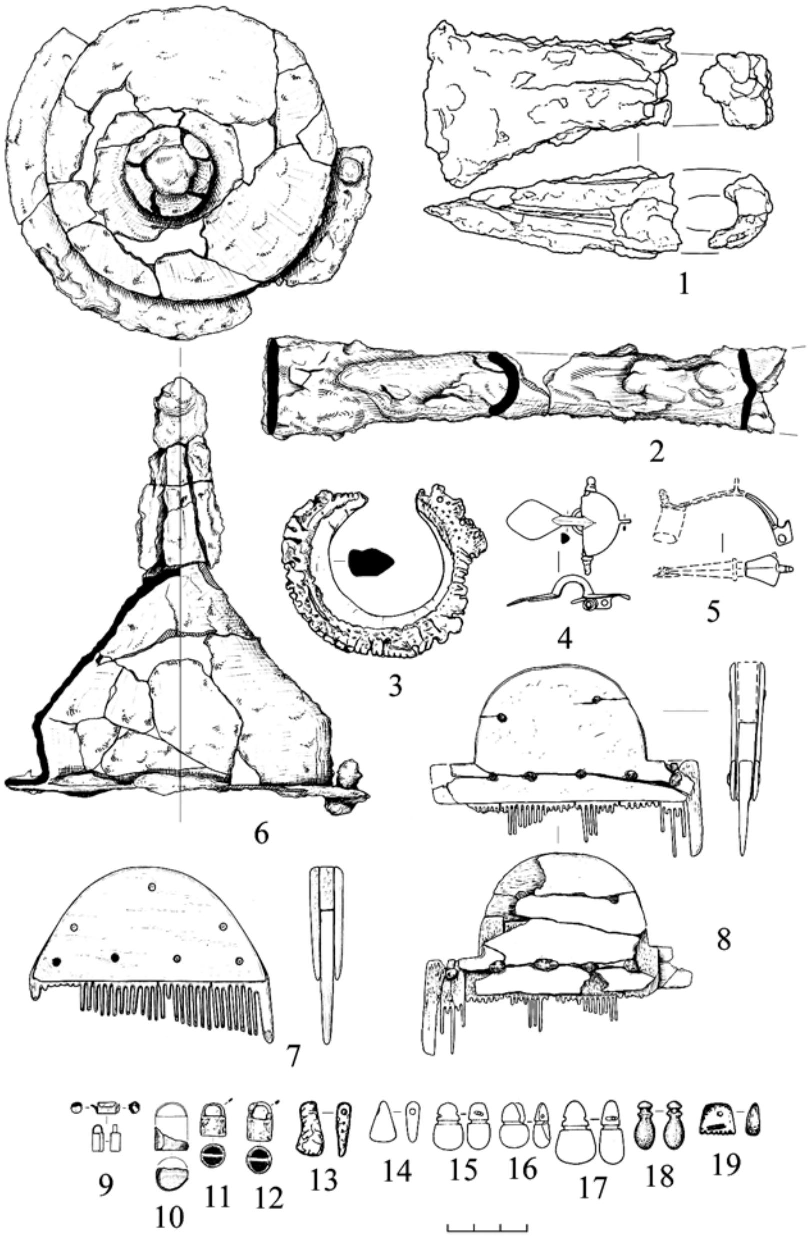
Янтарные подвески

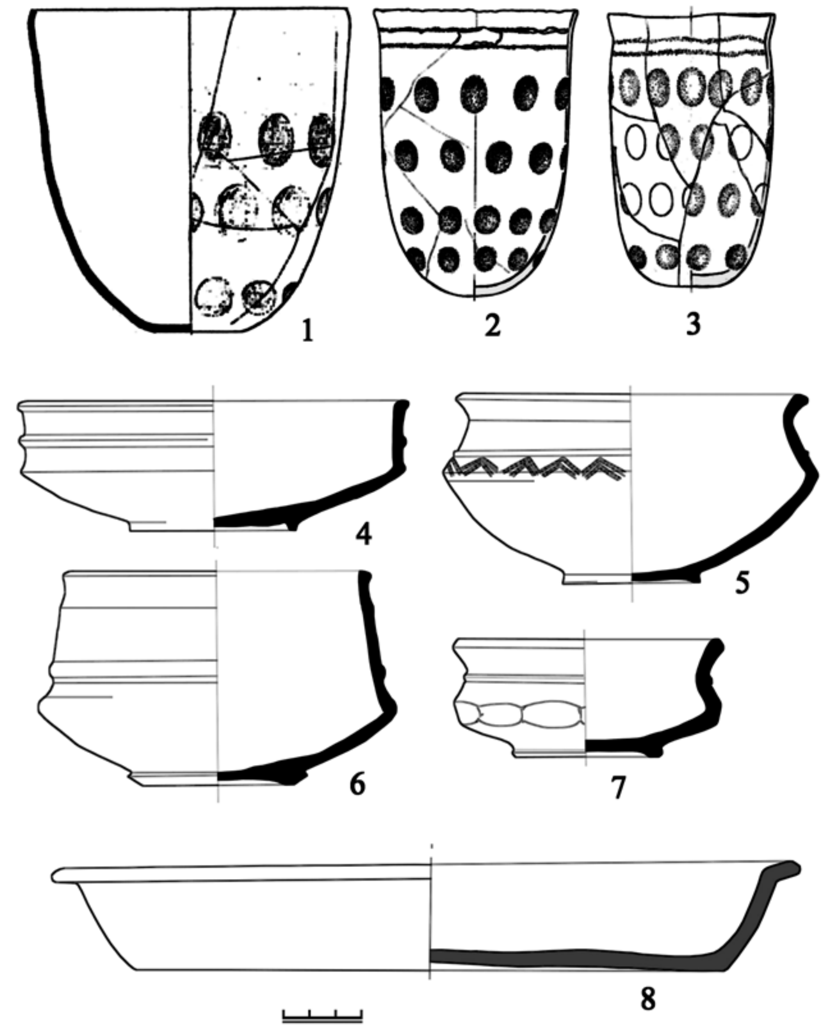
Подвески восьмерковидной формы найдены во многих, преимущественно детских, погребениях IV в. н. э (рис. 1. 16–18). Согласно распространенному мнению, в Крым они попадали из ареала черняховской культуры. В связи с тем, что к IV в. н. э. мода на янтарные украшения распространилась далеко за пределы ареала германцев, это мнение не является единственно возможным, но все же остается наиболее вероятным. Любопытно в то же время отметить, что в Крыму янтарных восьмерковидных подвесок найдено примерно в три раза больше, чем на территории черняховской культуры. Одна из подвесок отличается от обычных круглым сечением и небольшой верхней частью (рис. 1. 19). Она найдена в погребении конца II – первой половины III в. н. э. Такие изделия известны еще в Усть-Альминском и Чернореченском могильниках. Очевидно, что они не были связаны с германской традицией, а производились в Крыму, начиная с I в. н. э.

Украшенной бороздками янтарной подвеске (рис. 1. 9) удалось найти единственную аналогию в могильнике Ниенбург, расположенном на левом берегу Эльбы.

* * *

Главная проблема, которая возникала перед всеми, кто занимался изучением германских древностей в Крыму, заключалась в том, как вещи из ареала германских культур попадали на полуостров. Исследования могильника Нейзац не дали ответа на этот вопрос. Нет ни одного погребения, совершенного по обряду какого-либо из германских племен, нет ни одной могилы, где были бы сконцентрированы германские вещи. Они рассеяны в качестве единичных включений в огромное количество сарматского погребального инвентаря. Следовательно, нет никаких оснований полагать, что среди сарматов, оставивших могильник Нейзац, хоронили германцы. О том, как попали германские вещи в Крым — в результате военных, торговых или культурных контактов, где происходили эти контакты, остается только гадать. Любое из этих предположений теоретически правомерно, но ни одно из них нельзя подкрепить анализом конкретных комплексов, полученных при раскопках могильника.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19


1
2
3
4
5
6
7
8

Nikita Khrapunov

The Administration of Chersonesos in Taurica between the Empire and Barbarians from the Third to the Sixth Century

In contrast to most of the lectures presented in this conference, this one is based on written rather than archaeological sources. It will discus the administration of a city located on the border between the empire and barbarians.

Greek city of Chersonesos was established in the south-western tip of the Crimean peninsula in the sixth or fifth century BC. It was a regional centre, with its population doing farming and crafts, fish-industry, salt-mining, and trade with neighbouring barbarians. From the first century BC, Chersonesos appeared in the sphere of Roman influence. The Romans did not annexe the city and restricted themselves to the establishment of political protectorate, though the institutes of Greek *polis* were kept intact. Permanent garrisons of Roman army were established in Chersonesos and its environs in the first half of the second century. They were supported by a part of taxes collected from the city. The administration of the Roman province of Lower Moesia played a role of arbiter of conflicts between the city and the garrison.

Internal government of Chersonesos continued the tradition of *polis,* with small changes introduced in time. People's assembly and council still were supreme bodies of administration, with a few noble families to play a leading role in them. The assembly elected officials *(astynomoi, agoranomoi, nomophylakoi,* secretary of the council, and others). Leading role in the executive power was played by the board of *archontes* (Владимиров 2004).

When the Germanics started their invasions in the mid-third century, it forced the Roman troops to leave the Crimea for some time. But Chersonesos survived. Later on, the system of its government was cardinally changed. Theoretically, these changes could be a combination of three factors: internal city development, influence from the imperial

centre, and necessity to react toward the outer menace from the barbarians. It is not an accident that the main information regarding offices in Chersonesos is supplied by inscriptions, most of which is related to the building of defences.

Unfortunately, we know the history of Chersonesos throughout the Later Roman period just as a set of diverse facts, not as a continuous picture of gradual development. The number of epigraphical monuments declined, though in the earlier period they were the main source to reconstruct the administration of the city. It could be a result of the crisis in *polis* governmental system, which particularly reflected in the cease of erection of inscriptions to commemorate the decrees issued by the people's assembly. From the third century on, the main part of public inscriptions of Chersonesos, both in Greek and Latin languages, were related with the works of imperial powers, the most important function of which was the defence of the city.

Although we have in possession such an important source as chapter 53rd of *De administrando imperio*, which particularly discusses the events in the late third and fourth century (Constantine Porphyrogenitus 1967: 258–287), it reflects political ideology and pretensions of the city residents in the tenth century to much greater extent than what really happened in the Later Roman period. Not very helpful is also the account on the city administration provided by lives of local saints, which told about the events of the fourth century as well (Могаричёв et al. 2012: 21–119).

Before the mid-sixth century, Chersonesos was not actually annexed by the empire. Therefore, its name is absent in official lists of imperial cities and provinces (Notitia 1876; Hieroclis 1847). It probably kept it status of *civitas libera* from the previous period. However, the "freedom" of the city was restricted to its internal self-government, with foreign policy and military sphere, including fortification building, under imperial control.

The Romans were convinced in their firm position in the city: otherwise they would never use it as a place of exile. They banished there a certain Fronemios who was guilty of conspiracy against emperor Valens in 360s AD (Аммиан 2000: 377) and patriarch of Alexandria Timotheos Ailouros in 460 AD (The Syriac 1899: 79–80).

In this period, there were inscriptions erected in the city which began with praising the emperor; names and titles of high imperial officials might follow. Emperor could sentence Chersonesites for state crime and have mercy on them (CTh: 258), as well as commanded the taxes collected in this city (Латышев 1896: no. 7). The orders concerning Chersonesos were given by the Roman *prefectura per Oriens* (IOSPE I^2: nos. 449 and 655; CTh: 258).

By all appearance, civil imperial government did not have its representatives in Chersonesos. However, Roman military authorities appeared there from time to time. Roman garrison was dispatched in the mid-third century, returned back in the age of the *tetrarchs*, then left it in early fourth century, and returned again by the end of the century. Inscriptions mention Roman military officers *decemprimi* and *tribuni* (IOSPE I^2: nos. 449 and 450), who were subordinated to *magister militum per Thracia*. They probably commanded over the garrison and were responsible for technical support and organisation of building. These inscriptions discuss the construction of fortifications in the late fourth century, which could be caused by a danger from the Huns. A century after, the building was headed by another official, *komes*, who was sent from Constantinople especially for that purpose (Латышев 1896: no. 7). Although another *komes* is mentioned in a building inscription of unspecified date (Виноградов 2010: 145–147), the nature of this official remains obscure.

As it comes from two emperors' decrees, Chersonesos was a port of importance for trade and military-strategic purposes. Its residents built ships by themselves. When in the early fifth century barbarians got access to secrets of ship-building, some persons not specified by names were imprisoned. A bishop of Chersonesos interceded for them, probably because there were some of his flock. Finally, the emperor showed mercy on them, though he made a note that next time there will be dead penalty for those guilty of such a crime (CTh: 258). Obviously, the Romans had a good memory of the "Goths' " Black Sea campaigns in the mid-third century when they used of ships provided by residents of neighbouring Bosporos. In 575, Justin II made a one-time cessation of "sea duty" for several regions including Chersonesos (Corpus 1895: 751). This duty probably consisted of supplying ships with necessary equipment, or in servicing them.

After the establishment of Christianity in Chersonesos, local bishop started playing an important role in its government and became a mediator between the city and the emperor's power. For example, he interceded with the emperor for the city residents (CTh: 258). It corresponded to the empire's way of doing things: Rome tried to entrust bishops with responsibilities in civil government, as it came, for example, from the story of famous Synesios of Kyrenaika (Лебедев 1997: 141–142).

No late than in the late fourth century and probably because of an influence from other provincial Roman cities, Chersonesos introduced the office of *pater civitatis* (IOSPE I^2: no. 449). In that period, this probably was the highest, honourable title of the head of Chersonesos' community, person of local origin, who governed the city and was under imperial control. *Pater* likely was among new offices that replaced former bodies of power. From the third century AD onwards, sourced did not mention people's assembly, council, and other magistracies but, possibly, *archontes*, any more.

According to inscription of 488, there was a Roman garrison stationed in Chersonesos, though the rank and title of its commander remained obscure. It was supported by means collected from all-state taxes and custom duties in a special body, *prakteion*. Although this tax office was subordinated to the garrison, ordinary tax-collectors could be members of urban community. Probably, Chersonesos was made subject of emperor Zeno's decree of 485/86 granting a part of taxes collected in Roman cities and aimed at support of theses very cities to their communities. These means were used to reconstruct defensive walls of Chersonesos. To fulfil extraordinary operations like building of fortifications, officers of special deeds were sent from the empire to Chersonesos. The inscription does not have any information concerning officials of civil service (Латышев 1896: no. 7).

The Romans used Chersonesos to provide control over the situation in the south-western area of the Crimean peninsula. Stability in its eastern part was balanced by the Bosporan kingdom that, apart from the period of Gothic invasions in the third quarter of the fourth century, was the empire's trustworthy ally. However, it was very end of the fifth or early sixth century when Bosporos was captured by the Huns. It forced the empire to start expansion into the part of the Crimean peninsula with Greek cities and settlements, as well as sea communications (by all appearance, the Romans had no interest in steppes).

Justinian I (527–565) conquered Bosporos and constructed two forts in the southern coast between it and Chersonesos to protect navigation. The population of the south-western region, the "Goths," were allies of the empire. For a certain period, Chersonesos and Bosporos probably were independent administrative units. The position of the *doux* was probably established in 576–578 to command all the imperial troops stationed in the Crimea, that is in Chersonesos, Bosporos and southern coast. He had residence in Chersonesos. Therefore, the city was annexed by the empire *de jure*. Its name was spread on the entire province that had Cherson as its centre.

According to the inscriptions in possession, the *doux* constructed buildings in Chersonesos and Bosporos. We do not know if he was entrusted with civil government of the unit. By every appearance, fiscal aspects, mintage and charity were independent of him. A part of taxes collected in Chersonesos were managed by *arkarios*, and *ptochotrophos* was in charge of almshouse. Local mint revived its work, but we know nothing about its managers. Possibly, Chersonesos followed the example of other imperial cities and introduced offices in the hands of local community: those of *pater*, *ekdikos*, and *proteuontes*, which governed the civil sphere of the city (Храпунов Н. 2011).

It was the late fourth to sixth century when the name of the city finally changed. Greco-Roman "Chersonesos" was replaced with a shorter, mediaeval form "Cherson." The latter forced out the former from all the official and unofficial documents completely by the late sixth century. More changes in the administration of the city happened in the seventh century. The position of the *doux* was abolished. Bodies and principles of the government of Greco-Roman tradition were replaced with Byzantine ones.

It is generally known that for the Roman empire Chersonesos got more military and strategic than economic value. It was a northern outpost allowing the Romans to make observations of movements of the barbarians within the northern Black Sea area. In their own turn, the Chersonesites needed Rome as a protector from their disturbing neighbours and as a mean to realise their interests in trade. A reflection of this mutual interest was the city's specific status of long-lasted "ally" of the empire *de jure*. The Romans preferred not to interfere into the internal affairs of the city commune and restricted themselves to getting regular symbolical confirmations that the Chersonesites accept the imperial power, collected taxes to support the garrison, and control the situation in the environs of Chersonesos. Although the city administration was not a motionless body, by all appearances, the Romans normally did not want to change a working system capable of realisation of their goals. Reforms were done when a body, a function, or a system in general ceased to play the intended role. Later on, this method of relations with its possessions in Taurica was also followed by Byzantium.

Никита Храпунов

Администрация Херсонеса в Таврике между империей и варварами в III – VI вв.

В отличие от большинства представленных на конференции, этот доклад основан на изучении письменных, а не археологических источников. Речь пойдёт об управлении городом на границе между империей и варварами.

Греческий город Херсонес возник на юго-западной оконечности Крымского полуострова в VI или V в. до н. э. Это был региональный центр, жители которого занимались земледелием и ремеслом, рыбным промыслом, добычей соли и торговлей с окрестными варварами. С I в. до н. э. Херсонес оказался в сфере римского влияния. Римляне не стали присоединять город к своей империи, ограничившись установлением политического протектората и сохранив институты греческого полиса. В первой половине II в. н. э. в Херсонесе и его окрестностях появились постоянные римские гарнизоны, на содержание которого поступала часть собранных в городе налогов. Арбитром в конфликтах между городом и гарнизоном выступала администрация провинции Нижняя Мёзия.

Внутреннее управление Херсонесом продолжало традиции полисного строя, пускай и претерпевшие некоторые изменения. Высшими административными органами оставались народное собрание и совет, ведущую роль в которых стали играть несколько наиболее знатных семейств. Собрание избирало должностных лиц (*астиномов*, *агораномов*, *номофилаков,* секретаря совета и других). Ведущую роль в исполнительной власти играла коллегия *архонтов* (Владимиров 2004).

Начавшиеся в середине III в. вторжения германцев заставили римские войска на какое-то время покинуть Крым. Но Херсонес устоял. В дальнейшем в системе его управления происходят кардинальные изменения. Теоретически, они могли быть вызваны сочетанием трёх факторов — внутреннего развития города, влияния из имперского центра, и необходимости реагировать на внешнюю угрозу со стороны варваров. Не случайно основную информацию о херсонесских должностях дают надписи, большинство которых связано со строительством оборонительных сооружений.

К сожалению, известная нам история Херсонеса в позднеримское время представляет собой не непрерывную картину поступательного развития, но набор разрозненных фактов. Сокращается количество эпиграфических памятников, ранее бывших основным источником для реконструкции управления городом. Не исключено, что это связано с кризисом полисного управления, отражением чего было прекращение установки надписей, сообщавших о декретах народного собрания. Начиная с III в. основные надписи Херсонеса общественного характера, как на греческом, так и на латинском языке, связаны с деятельностью имперских властей, важнейшей функцией которых было обеспечение безопасности города.

Хотя в нашем распоряжении есть и такой важный источник, как 53я глава трактата «Об управлении империей», повествующая, в частности, о событиях конца III – IV вв. (Константин Багрянородный 1989: 246–259), она в куда большей степени отражает политическую идеологию и претензии жителей города X в., а не реалии позднеримского времени. Невелика и практическая польза от сведений об управлении городом, сохранившихся в житиях местных святых, действие которых разворачивается в IV в. (Могаричёв и др. 2012: 21–119).

До середины VI в. Херсонес формально не входил в состав империи. Поэтому его имени нет в официальных списках имперских городов и провинций (Notitia 1876; Hieroclis 1847). По-видимому, он сохраняет статус *civitas libera* с предшествующей поры. Но «свобода» города ограничивалась внутренним самоуправлением, тогда как внешнюю политику и военную сферу, включая строительство укреплений, контролировала империя.

Римляне были убеждены в прочности своих позиций в городе — иначе они не стали бы использовать его как место ссылки. В 360х гг. сюда отправили некоего Фронемия, виновного в заговоре против императора Валента (Аммиан 2000: 377), а в 460 г. — александрийского патриарха Тимофея Элура (The Syriac 1899: 79–80).

Установленные в городе в это время надписи общественного характера начинаются с прославления императора; затем могут следовать имена высших имперских сановников. Император мог осудить херсонеситов за государственное преступление и помиловать их (CTh: 258), а также распоряжался собранными в их городе налогами (Латышев 1896: № 7). Постановления в отношении Херсона принимала римская *префектура* Востока (IOSPE I^2: № 449, 655; CTh: 258).

Представителей гражданской администрации империи в Херсонесе, судя по всему, не было. Зато в городе периодически появлялись военные власти. Римский гарнизон был выведен в середине III в, вернулся в эпоху тетрархии, затем снова ушёл в начале IV в., и вновь появился к концу этого столетия. В надписях упоминаются римские офицеры — *децемпримы* и *трибуны* (IOSPE I^2: № 449, 450), подчинявшиеся *военному магистру* Фракии. Они, вероятно, возглавляли гарнизон, а также отвечали за техническую и организационную сторону строительства. Строительство укреплений конца IV в., о котором речь идёт в этих надписях, могло быть вызвано опасностью со стороны гуннов. Через сто лет строительством руководил военачальник — *комит*, специально для этой цели присланный из Константинополя (Латышев 1896: №7). Еще один *комит* упомянут в недатированной строительной надписи (Виноградов 2010: 145–147), но что это за чиновник, непонятно.

Из двух императорских законодательных актов следует, что Херсонес был портом, важным не только для торговли, но и в военно-стратегическом отношении. Жители города сами строили корабли. Когда в начале V в. секреты кораблестроения попали в руки варваров, неназванные виновные были заключены в тюрьму. За них просил херсонесский епископ, а значит, там были представители его паствы. В конце концов император их помиловал — с оговоркой, что в следующий раз виновных ждёт смертная казнь (CTh: 258). По-видимому, римляне хорошо помнили морские походы «готов» середины III в., корабли которым дали жители соседнего Боспора. В 575 г. Юстин II произвел разовое сокращение морской повинности для ряда местностей, в том числе Херсонеса (Corpus 1895: 751). Вероятно, эта повинность заключалась в поставке военных кораблей с необходимым снаряжением, или их обслуживании.

После утверждения христианства в Херсонесе важную роль в управлении, вероятно, стал играть епископ, ставший посредником между городом и императорской властью. Так, он выступал ходатаем за горожан перед императором (CTh: 258). Это соответствовало общеримской практике, когда империя стремились наделить епископов полномочиями в области светского управления, как следует, например, из истории знаменитого Синезия из Киренаики (Лебедев 1997: 141–142).

Не позднее конца IV в., очевидно под влиянием других провинциально-римских городов, в Херсонесе возникает должность *патера* (IOSPE I^2: № 449). В то время это был, по-видимому, высший почётный титул главы херсонесской общины, местного уроженца, управлявшего городом — под контролем империи. По-видимому, *патер* относился к числу новых должностей, заменивших прежние полисные органы власти. Начиная с III в. ни о народном собрании, ни о совете, ни о других полисных должностях, исключая быть может *архонтов*, источники больше не вспоминали.

По свидетельству надписи 488 г., в Херсонесе находился римский гарнизон, звание и должность командира которого остались неизвестны. Он содержался на средства, собранные в виде общегосударственных налогов и пошлин в специальном ведомстве — *практии.* Податное ведомство подчинялось гарнизону, но рядовыми сборщиками налогов могли быть члены городской общины. Вероятно, на Херсонес распространили постановление императора Зенона от 485/86 г. о передаче той части собранных в городах государственных доходов, которая предназначалась на содержание непосредственно данного города, его общине. На эти средства восстанавливали стены Херсонеса. Для исполнения чрезвычайных операций, например, фортификационного строительства, из империи присылали офицеров особых поручений. Сведений о гражданской администрации города в надписи не сохранилось (Латышев 1896: № 7).

Римляне использовали Херсонес для обеспечения контроля над ситуацией в юго-западной части Крымского полуострова. Стабильность в его восточной части поддерживало Боспорское царство, которое, за исключением времени «готских походов» третьей четверти III в., оставалось верным союзником империи. Однако в самом конце V или в начале VI в. Боспор перешёл под власть гуннов. Это побудило империю начать экспансию в той части крымского полуострова, где существовали греческие города и поселения, а также морские коммуникации (степи римлян, по-видимому, не интересовали).

Юстиниан I (527–565 гг.) завоевал Боспор и построил две укрепления на южном берегу между ним и Херсонесом для защиты мореплавания. Жители юго-западного горного региона — «готы» были союзниками империи. Какое-то время Херсонес и Боспор, вероятно, оставались самостоятельными округами. Вероятно, в 576–578 гг. учредили пост *дуки*, которому поручили командование всеми расквартированными в Крыму, то есть в Херсонесе, на южном берегу и Боспоре, войсками империи. Его резиденция разместилась в Херсонесе. Это означало, что город формально стал частью империи. Его название распространилось на всю провинцию, центром которой он являлся.

Судя по надписям, *дука* вёл строительство в Херсонесе и на Боспоре. Неизвестно, располагал ли он полномочиями по гражданскому управлению округом. По всей видимости, независимыми от него были фискальные вопросы, монетная чеканка и благотворительные учреждения. Частью собранных в Херсонесе налогов ведал *аркарий,* приютом для бездомных заведовал *птохотроф.* Возобновляется деятельность монетного двора, но о его руководстве ничего не известно. Возможно, в это время, по образцу прочих имперских городов, в Херсонесе функционировали должности, занимаемые представителями городской общины — *патер*, *экдик* и *протевонты*, в руках которых находилось гражданская администрация (Храпунов Н. 2011).

В конце IV–VI вв. окончательно изменилось название города. На смену античному «Херсонесу» приходит краткая средневековая версия — «Херсон». К концу VI в. она полностью вытесняет старую из всех официальных и неофициальных документов. В VII в. происходят очередные изменения в управлении городом. Был ликвидирован пост *дуки.* Органы и принципы управления античной традиции заменяются византийскими.

Общеизвестно, что для Римской империи Херсонес имел не столько экономическое, сколько военно-стратегическое значение. Это был северный аванпост, откуда можно было вести наблюдение за передвижениями варваров Северного Причерноморья. В свою очередь, херсонеситы нуждались в Риме для защиты от беспокойных соседей и для обеспечения своих торговых интересов. Отражением этой взаимной заинтересованности был специфический статус города, долго остававшегося формально независимым «союзником» империи. Римляне предпочитали не вмешиваться во внутренние дела городской общины, ограничиваясь получением регулярных символических подтверждений признания херсонеситами императорской власти, сбором налогов на содержание гарнизона, а также контролем военной обстановки в окрестностях Херсонеса. Администрация Херсонеса не была застывшим организмом, но,с удя по всему, римляне обычно не стремились менять сносно работавшую систему, обеспечивавшую реализацию их интересов. Реформы происходили, когда какой-то орган, функция или система в целом переставали выполнять требуемую роль. Впоследствии этого принципа взаимоотношений с владениями в Таврике будет придерживаться и Византия.

Bartosz Kontny

New Traces to Solve the Riddle. Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research

The cemetery Chatyr-Dag has drawn attention of scholars since years. This is namely because of the fact, that unique weapon finds were documented here. The interest has grown after publication presented by Viktor Myts, Aleksandr Lysenko, Mark Shchukin, and Oleg Sharov. So far the weapons were frequently treated as a prove of migration of a certain people, most probably the Goths, who appeared in the Crimean peninsula in the middle of the third century AD, according to written sources but also archaeological finds, e. g., hoards horizon. The origin of newcomers (supposedly barbarian members of Roman auxiliary forces) was placed in the territory of today's Norway. Such conclusion was drawn on the basis of burial rite, i. e., box graves with weapons but also agricultural utensils (sickles). But do we really deal with Goths or their descendants? In author's opinion it is not so clear. Firstly, we cannot state for sure that Norway was inhabited by Goths, but also archaeological analysis doubts this proposition. Against speaks also the fact that Goths consequently deprived their dead of weapons. Goths' interments lack fighting equipment independently from time and space limits. One should remind here the fact that lately Norwegian archaeologist, Frans-Arne Stylegar has commented on the problem, treating weapon graves from Chatyr-Dag as non-Scandinavian. He claimed, i. a., that although stone-box graves are known from Norway, weapons found there were not the exact equivalents of Crimean specimens and also scythes (delivered by excavations at Chatyr-Dag) are absent in graves from Norway. The above made the author to revise the matter.

The first element in a puzzle in a chronology. Studying it in details one may draw conclusion that in weapon graves there are indicators of the later chronological stages than the advent of Goths (e. g. sword of Meotian type — with notches on the blade, closely to the handle, oval

buckle with thickened frame, shield boss close to type Zieling K, etc.), i. e. the fourth century (stages C3–D1).

Second riddle is the origin of the weapons. It would be presented in details during the conference and here it could be only written that there are obvious nomadic (but not Alanic) elements — documented also in the Przeworsk culture (more or less ornamental rings at the opening of the lance-heads' sockets), Balt tribes ones (shapes of particular lance-heads, i. e. type III after Vytautas Kazakevičius), influences which could be linked with Tsebelda culture (axe but also combined tool axe-adze, in shape close to Roman *dolabra*). Additionally there are elements typical of the wider area, i. e., sword of Maiotian type (most frequent in Caucasus but in the fourth century appearing also in the Crimea and in the Chernyakhov culture) or shield elements (documented in Scandinavia, in the Dollkeim – Kovrovo culture, the Przeworsk culture, the Chernyakhov culture, in the Crimean peninsula as well in the Tsebelda culture, i. e., from the Baltic Sea to the Black Sea). From the other side the axe doesn't possess frequent precise parallels although quite close analogies are proved for the Crimea (e. g., Kilen-Balka), Tsebelda culture (Pichvnari). as well as the territory of Poland (hoard A from Wolica Brzozowa); its asymmetry reminds also the outline of Lithuanian axes. For possible connections with Sambian peninsula speaks also finding of the sickles: woodworking and agricultural tool appear quite frequently in graves of the Dollkeim – Kovrovo culture.

How to explain the complicated view presented above? The author tries to present his theory, basing on mixed provenance of the artefacts and reminding the well known concepts of exchange of goods among the south Scandinavia and the Pontic zone in the Late Roman period (see: Joachim Werner's idea of so called Dancheny – Brangstrup horizon), expressed, e. g., by spread of glass beakers of type Kowalk, rosette-like fibulae, belt elements etc. Apparently this phenomenon could be supplemented with weapons. So who was the warriors from Chatyr-Dag? You would hear the author's last word during the conference...

Бартош Контны

Новые возможности для решения загадки. Оружие из Чатыр-Дага в свете последних исследований

Могильник Чатыр-Даг привлекает внимание исследователей на протяжении многих лет. Это связано с тем фактом, что там зафиксированы уникальные находки оружия. Интерес к проблеме увеличился после публикации В. Л. Мыца, А. В. Лысенко, М. Б. Щукина и О. В. Шарова. К настоящему времени эти предметы вооружения часто рассматриваются как показатель миграции какого-то народа, вероятнее всего готов, которые, согласно не только письменным источникам, но и археологическим находкам, например, горизонту кладов, появились на Крымском полуострове в середине III в. н. э. Происхождение переселенцев (предположительно, варваров, служивших во вспомогательных римских войсках) связывают с территорией современной Норвегии. Этот вывод был сделан на основании погребального обряда, то есть по погребениям в каменных ящиках, сопровождавшихся не только оружием, но и сельскохозяйственным инвентарём (серпами). Но действительно ли мы имеем дело с готами или их потомками? По мнению автора, это не так уж ясно. Во-первых, мы не можем утверждать с уверенностью, что в Норвегии жили готы, тем более, что анализ археологических находок ставит это предположение под сомнение. Против него говорит тот факт, что готы последовательно избегали сопровождения умерших оружием. В готских погребениях отсутствуют предметы вооружения вне зависимости от хронологии и топографии. Следует вспомнить и тот факт, что недавно норвежский археолог Ф.-А. Стюлегар изложил своё видение проблемы, согласно которому погребения с оружием из Чатыр-Дага оставлены не скандинавами. Между прочим, по его мнению, хотя могилы в виде каменных ящиков и известны в Норвегии, найденное там оружие не является полностью эквивалентным крымским экземплярам, а серпы (открытые раскопками Чатыр-Дага) в норвежских могилах отсутствуют. Указанные обстоятельства побудили автора вновь обратиться к данной проблеме.

Первым элементом загадки является хронология. После подробного её изучения можно прийти к выводу, что в погребениях с оружием имеются индикаторы более поздних, чем появление готов, хронологических этапов (например, меч меотского типа — с вырезами на клинке у рукояти, овальная пряжка с утолщённой рамкой, умбон щита, близкий типу К по Н. Цилингу, и пр.), т. е. IV в. (фазы C3–D1).

Второй загадкой является происхождение оружия. Подробности будут представлены на конференции, а сейчас можно лишь указать, что там есть очевидные кочевнические (но не аланские) элементы, также зафиксированные в пшеворской культуре (более или менее декоративные кольца у устья втулки наконечника копья), у балтских племён (формы некоторых наконечников копий, т. е. тип III по В. Казакевичусу), влияния, которые можно связать с цебельдинской культурой (топор, а также комбинированное орудие, топор-тесло, форма которого напоминает римскую долабру). К тому же, имеются элементы, характерные для более обширной территории, т. е. меч меотского типа (чаще всего встречающиеся на Кавказе, а в IV в. также и в Крыму и в черняховской культуре) или детали щитов (зафиксированные в Скандинавии, в культуре Доллькайм – Коврово (самбийско-натангийской), пшеворской и черняховской культурах, на Крымском полуострове, а также в цебельдинской культуре, т. е. от Балтийского до Чёрного моря). С другой стороны, этот топор не имеет достаточно точных параллелей, но лишь довольно близкие аналогии в Крыму (например, в Килен-балке), цебельдинской культуре (Пичвнари), а также на территории Польши (клад A из Волицы-Бжозовой); его асимметричная форма напоминает также контур литовских топоров. О возможных связях с Самбийским (Калининградским) полуостровом также говорят находки серпов — эти орудия земледелия и деревообработки достаточно часто находят в могилах культуры Доллькайм – Коврово.

Как объяснить описанную выше сложную картину? Автор попытается представить свою теорию, основываясь на смешанном происхождении вещей и вспомнив хорошо известные концепции обмена вещами в южной Скандинавии и Понтийской зоне в позднеримское время (см. идею И. Вернера о так называемом «горизонте Данчены – Брангструп»), выразившиеся, например, в распространении стеклянных кубков типа Ковалк, фибул с розетками, деталей поясов и т. д. Очевидно, этот феномен можно дополнить оружием. Так кем же были воины Чатыр-Дага? Последнее слово автора вы услышите на конференции...

Перевёл с английского Никита Храпунов

Maxim Levada

Early Contacts between Scandinavia and the Crimea

One of the main problems related to the appearance of the Germanics in the Crimea is the absence in the peninsula of unequivocal archaeological finds typical only of the Germanic culture from the period when the Goths appeared in the Black Sea. It is considered that traces of destruction recorded in many Greco-Roman centres in the region in the mid-third century are related to Germanic invasion into the northern Black Sea area. However, the majority of the finds that could be interpreted as Germanic (several types of shield bosses, swords, fibulae or buckles) either have wide chronology stepping out the mid- or late third century as their top frame or even date from a later period. Some of these artefacts could also be interpreted as multicultural.

The only exception among the artefacts of undoubtedly very early period is military buckle with double tongue from Kerch belonging to type M-L. G 36/37 (fig. 1. 1). The chronology of the buckles of the type is within the interval of phases B2b–C1a, that is to say, as early as the second half of the second century. Such buckles, however only iron, are known in the graves of the Przeworsk culture. However, the Przeworsk finds are not known in the Black Sea coast: the south-eastern border of this culture area goes in the Upper Dniester basin. Nevertheless, the reliability of the find in question for the Crimea could be disputed because it was purchased by the Odessa museum in early twentieth century from a trader of antiquities in Kerch. At any rate, this buckle has nothing to do with Scandinavian region, it just marks a single impulse in the Black Sea area before the famous invasions started.

A principle research for the investigation of connections between Scandinavia and the north ern Black Sea area is Joachim Werner's study of 1988 entitled "Dančeny und Brangstrup" (Werner 1988). There are maps and analysis of some finds to allow one to see the route of the contacts discussed. Werner shows this way by three categories of

artefacts: fibulae of *monstruoso* series in group VII according to Oscar Almgren, iron combs, and glass vessels of Hans Jürgen Eggers' type 230. These beakers generally indicate the fourth century, combs, as it becomes clear later, a wide interval in the third and fourth centuries, though the most narrow early date, mainly the second half of the third century, is discovered by the fibulae.

In the time of Werner, *monstruoso* fibulae were known only in a very small area in the north-western Black Sea area — in the basin of the Prut and on the right bank of the Middle Dniester. Later on, new finds started to appear, thus allowing me to introduce two amendments of the map (Levada 2000; Левада 2006) enlarging this zone so it covered the entire forest-steppe zone of the northern Black Sea area west of the Dnieper.

In parallel to the studies of the Black Sea finds, there are investigations in the north of Europe. Ulla Lund Hansen and Marzena Przybyła have made a special survey suggesting a typology for these fibulae (Lund Hansen, Przybyła 2010). They have discovered that only two types of brooches (rosette fibulae of types 6 and 7), which were related to a relatively small area in the north — the sea coast near Elbląg, penetrated into the northern Black Sea area.

Simultaneously with the mentioned study, Przybyła has analysed all the categories of artefacts with rosette decoration (Przybyła 2011). It allows a better understanding that such a style is typical of all Scandinavian region (in wide sense of the term), though maximum concentration of such artefacts are in Jutland and the islands between Funen and Gotland, with individual types and categories of finds composing local groups. The latter is probably an evidence for the heterogeneity of the population, among which this artistic style was popular.

Peculiarity of rosette fibulae from the Ukraine is that the finds also include blank fibulae, which are not known in the north. It means that the population bringing these ornaments to the forest-steppe area needed a local production of new fibulae in the style. However, in contrast to Northern Europe, the artistic style of rosette decoration did not sustain a further development there. The fourth century finds in this region were typical style of plain bi-plated brooches, which later transformed into typical Germanic ornaments, brooches of Smolin type, with various intermediate variants.

An outstanding number of rosette fibulae, finished and blank pieces is discovered recently due to a catastrophic scope of illegal excavations in the Ukraine. Unfortunately, most part of these artefacts could not be located precisely, therefore, they are not capable of full-scale analysis. The only conclusion could be drawn against this information: the Scandinavian impulse into the Black Sea was much stronger than we supposed. And, according to the data in possession, all the new finds are related to the same two types (rosette fibulae of types 6 and 7).

Early "Scandinavian" artefacts were not known in the Crimea until recently. However, Igor' Khrapunov's accurate publications of the materials from the cemetery of Neyzats including those excavated by Nikolay Ernst in 1927 (Храпунов 2011b) allow us to reconsider the former ideas about the contacts between Scandinavia and this area. There was a grave (no. 169), plundered, that appeared to contain a fragments of an artefact decorated with typical rosettes (fig. 2). Today these finds require conservation, therefore, it is hard to attribute them to this or that type of ornaments. Nevertheless, there are only two possible explanations for the appearance of such an artefact in the Crimea. If it is a fibula of type 6 or 7, its appearance in the Crimea is most likely related to the population migrated from the north to the forest-steppe area. In other case, we can imagine a single and direct contact between Scandinavia and the Crimea.

It seems that the second hypothesis finds more background, because, by a reason unclear for me, the discussion concerning the early Germanics in the Crimea omits a long-known fibula from Chersonesos excavated in 1853 by count Aleksey Uvarov. This silver artefact with iron axle of spring was richly adorned with wires with ribbed decoration. Anatoliy Ambroz's publication supplies a schematic drawing of it, probably made from a photograph (Амброз 1966). A new drawing kindly supplied by Daniil Kostromichyov allows me to clarify that its foot was decorated with facets (fig. 1. 2). We can be confident that this fibula belongs to Scandinavian circle of finds, though such a dedcoration did not appear after the third century. At the moment, such artefacts are not known in the Black Sea forest-steppe area, so we can imagine a kind of a "direct hit" from Scandinavia to the Crimea.

Be that as it may, two these finds from Northern Europe are still the only pieces allowing one to suppose an early Scandinavian presence in the Crimea.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Максим Левада

О ранних контактах между Скандинавией и Крымом

Одной из основных проблем появления германцев в Крыму является отсутствие там однозначных археологических следов, присущих исключительно материальной культуре германцев времени исторического появления готов на Чёрном море. Считается, что следы разрушений, фиксируемые тут на многих античных центрах в середине III в., связаны с германским вторжением в Северное Причерноморье. Но при этом большинство находок, которые можно приписать германцам (некоторые типы умбонов, мечей, фибул или пряжек), либо имеют широкую датировку, выходящую за верхний рубеж середины – конца III в., либо вообще датируются более поздним временем. А некоторые из этих находок могут быть интерпретированы и как мультикультурные.

Из однозначно очень ранних находок исключение составляет воинская пряжка с двойным язычком из Керчи типа M-L. G 36/37 (рис. 1. 1). Хронология пряжек этого типа укладывается в промежуток фаз B2b–C1a, т. е. ещё во вторую половину II в. Такие пряжки, хотя только железные, известны в погребениях пшеворской культуры. Но пшеворские находки этого периода на побережье Чёрного моря неизвестны, юго-восточная граница ареала этой культуры проходит по бассейну Верхнего Днестра. Правда, достоверность этой находки для Крыма может быть поставлена под сомнение, поскольку она была куплена Одесским музеем в начале XX века у керченского торговца древностями. В любом случае, эта пряжка не имеет отношения к скандинавскому региону, а маркирует только ранний единичный германский импульс в Причерноморье ещё до начала знаменитых вторжений.

Для исследования связей между Скандинавией и Северным Причерноморьем принципиальной является работа 1988 г. Иоахима Вернера «Данчены и Брангструп». В ней были картографированы и проанализированы некоторые находки, позволившие увидеть путь, по которому осуществлялись эти контакты.

Этот путь у И. Вернера фиксируется тремя категориями находок — фибулами серии Монструозо VII группы по О. Альмгрену, железными гребнями и стеклянными сосудами типа Эггерс–230.

При этом кубки указывают в целом на IV в., гребни (что выяснилось со временем) — на широкий промежуток III – IV вв., а наиболее узкую раннюю дату (преимущественно вторую половину III в.) показывают фибулы.

Во времена И. Вернера фибулы типа Монструозо в Северо-Западном Причерноморье были известны в очень компактном регионе — бассейне Прута и правобережья Среднего Днестра. Позднее стали появляться новые находки, что позволило мне дважды дополнить карту (Levada 2000; Левада 2006) и расширить этот ареал на всю лесостепную часть Северного Причерноморья к западу от Днепра.

Параллельно с изучением причерноморских находок велись исследования и на Севере Европы. В специальной работе Уллы Лунн-Хансен и Мажены Пшибылы (Lund Hansen, Przybyła 2010) была предложена новая типология для этих фибул. Оказалось, что в Северное Причерноморье попадают фибулы только двух типов (фибулы с розетками типа 6 и 7), связанных на Севере с довольно узким регионом — побережьем в районе Эльблонга.

Одновременно с этой работой М. Пшибыла проанализировала все категории вещей, декорированных розетками (Przybyła 2011). Это позволило лучше понять, что такая манера характерна для всего Скандинавского региона (в широком значении этого термина), но максимальная концентрация приходится на Ютландию и острова между Фюном и Готландом. При этом отдельные типы и категории находок составляют локальные группы. Последнее, вероятно, свидетельствует в пользу неоднородности населения, среди которого был распространён такой художественный стиль.

Особенностью фибул с розетками на Украине является то, что здесь найдены и заготовки для этих фибул, неизвестные на севере. Это значит, что население, которое принесло в лесостепь эти украшения, некоторое время испытывало потребность в местном производстве новых фибул этого стиля. Но, в отличие от Северной Европы, дальнейшего развития художественная традиция розеток тут не получила. Для находок IV в. этого региона характерна манера, связанная с появлением гладких двупластинчатых фибул, которые позже трансформировались в типично восточногерманские украшения — фибулы типа Смолин с разнообразными промежуточными вариантами.

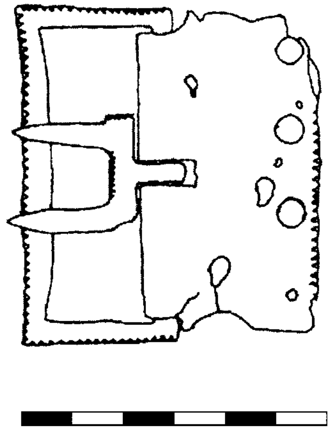
За последние годы на Украине из-за катастрофического объёма нелегальных раскопок выявлено множество новых и фибул с розетками, а также их заготовок. К сожалению, большую часть этих находок

узко локализовать невозможно, поэтому они непригодны для полноценного анализа. Единственный вывод, который можно сделать на основании такой информации — скандинавский импульс в Северное Причерноморье был намного мощнее, чем мы представляли. И, судя по имеющейся информации, все эти новые находки связаны с теми же двумя типами (фибулы с розетками типа 6 и 7).

Непосредственно в Крыму ранние «скандинавские» находки пока известны не были. Но благодаря тщательным публикациям И. Н. Храпуновым материалов могильника Нейзац, в том числе из раскопок Н. Л. Эрнста ещё 1927 года (Храпунов 2011b), появились основания пересмотреть наши представления о контактах между Скандинавией и этим регионом. Оказалось, что тогда в одной из ограбленных могил (№ 169) были найдены фрагменты украшения, декорированные характерными розетками (рис. 2). Сегодня эти находки нуждаются в реставрации, поэтому сложно сказать к какому именно типу украшений они относятся. Но появление такой находки в Крыму можно объяснить лишь двумя версиями. Если это фибула типа 6 или 7, то её появление в Крыму, скорее всего, связано с населением, переселившимся с Севера в лесостепную зону. В другом случае — можно говорить о прямом единичном контакте между Скандинавией и Крымом.

Оснований для второй версии, похоже, больше, поскольку по непонятным мне причинам вне дискуссии о ранних германцах в Крыму остаётся давно известная фибула из Херсонеса из раскопок 1853 г. графа А. С. Уварова. Это серебряное изделие с железной осью для пружины, богато украшенное проволоками с рубчатым декором. В публикации А. К. Амброза (1966) она изображена схематично, вероятно, это рисунок по фотографии. Новое изображение, любезно предоставленное мне Д. А. Кострамичёвым, позволяет уточнить наличие фасеток на ножке (рис. 1. 2). Эту фибулу можно уверенно отнести к находкам скандинавского круга, а такой декор позже III в. уже не встречается. В причерноморской лесостепи подобные находки пока неизвестны, что даёт возможность говорить о «прямом попадании» из Скандинавии в Крым.

Как бы там ни было, но пока только эти две североевропейские находки позволяют говорить о раннем скандинавском присутствии в Крыму.



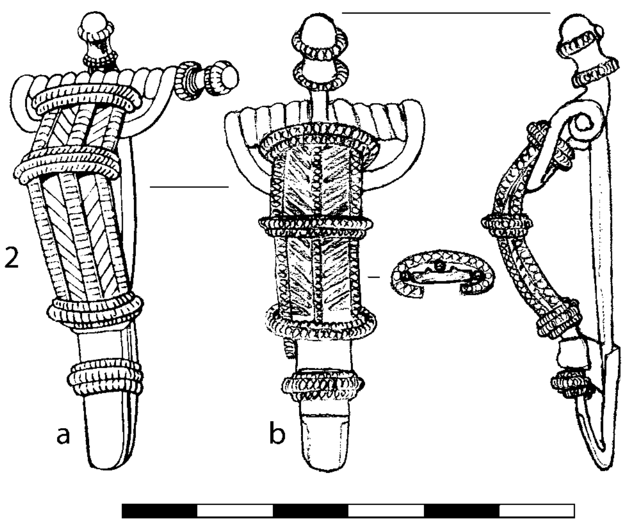


Fig. 1. ***1*** **— A buckle from Kerch (Васильев 2011),**
2 **— a fibula from Chersonesos**
(*a* — Амброз 1966, *b* — drawing: Daniil Kostromichyov)

Рис. 1. ***1*** **— пряжка из Керчи (Васильев 2011),**
2 **— фибула из Херсонеса**
(*а* — Амброз 1966, *b* — рис.: Д. А. Костромичёв)

Fig. 2. Fragments of an ornament in rosette style
from the cemetery of Neyzats
(photo: Nikita Khrapunov)

Рис. 2. Фрагменты украшения в розеточном стиле
из могильника Нейзац
(фото: Н. И. Храпунов)

Ulla Lund Hansen

What about Beads? Glass and Amber Beads in the Late Roman Iron Age – Relations between Scandinavia and the Black Sea? Thoughts about Production and Trade

Some archaeologists have regarding the Late Roman Iron Age (phase C1–C3) and the Migration period (phase D) suggested a relation between South-Eastern Europe through the Eastern part of Central Europe heading for Scandinavia — a contact which among other things brought drinking glass vessels from the South-East to the North. But drinking glass vessels is not the only group of objects illustrating this far reaching contact.

The lecture will in this context concentrate on beads, both glass and amber beads and especially beads from the third to early fifth century AD. In Scandinavian and other Northern European grave finds beads are very seldom in the Early Roman Iron Age (B1–B2, i. e. from the beginning of the first to mid-second century AD), and when beads now and then do occur it is nearly always in rich equipped female graves. But from the beginning of the Late Roman Iron Age beads become frequent in female graves of a certain status. During most of the Late Roman Iron Age the stock of beads is considerable and of great variety (fig. 1). Very often the richness of a female grave is combined with exclusivity of the beads.

There can be observed some minor differences in the distribution pattern of the types of glass beads, but basically it is the same types of glass beads which are found over great parts of Barbaric Europe. Around the beginning of phase C3 (most of the fourth century AD) the glass bead material — maybe the bead fashion — change in Southern Scandinavia and in general in Barbaric Europe. In Southern Scandinavia the number of beads in averages per grave increase, but at the same time the type of beads change. The glass beads become more uniform — meaning that the bead strings are composed by fewer different bead types and by many beads of the same type (fig. 2). The most delicate types of glass

beads from the Late Roman Iron Age phase C1 and C2 do not longer exist and the bead strings are now dominated by small, simple, rounded, plain monochrome opaque glass beads mostly of the colours brick red and yellow, more seldom white, green and blue. All glass beads from this period (C3) are not opaque, but most are. In spite of this change one can — just as in the phase C1 and C2 — observe local variations.

Focus in the lecture is to discuss what the reason for this change could be? Most researchers of Roman glass vessels and glass beads hold the variety of glass beads dated before C3 for being produced in the Roman provinces and very likely especially produced for export for Barbaric Europe — as the jewellery fashion was quite different inside the Roman empire. The question is whether this change is caused by the rising of new glass bead production sites/workshops — as they for example are known at several sites in South-Eastern Europe, for example around the Black Sea region, in Romania, in Hungary, etc. Is it a parallel phenomenon to the simultaneous transition from Late Roman to Early Frankish glass vessel production?

It must be underlined, that this change in bead fashion took place simultaneous with the decrease of imported Roman bronze- and silver vessels in barbaric graves. On the other hand, this is not the situation for glass vessels — but in phase C3 most glass vessels in Southern Scandinavia are of types which are considered being of South-Eastern European products.

Could there be a connection between the change in bead fashion (bead import) and trade relations? It would be interesting to discuss this — could some of the glass beads in South Scandinavian grave finds have there origin in the same production sphere as the majority of the imported glass vessels?

In relation to this question it must be mentioned that amber also is important as bead material during the Roman Iron Age, especially in the Late Roman Iron Age. To day modern analyses hold near all European amber for having its origin from the Baltic Sea and Danish coasts. It is not possible to distinguish between amber from these two areas as the amber belongs to the same formation. Never mind the enormous amounts of amber also in the European Neolithic, Bronze Age, Hallstatt culture, at the Celts etc. tell about a far reaching exchange system emanating from the northernmost Europe.

Berlok-shaped amber beads are because of their distribution pattern interesting in relation to the behaviour of the glass beads. The spread of *berlok*-shaped amber beads is very interesting when looking at distribution maps as at Magdalena Tempelmann-Mączyńska (1985) and Mark Shchukin (Щукин 1977) clearly demonstrating the distribution in Southern Scandinavia, the Baltic Sea area, Poland, and in minor amounts from there to the Black Sea region. In contrast there are only a limited number of *berlok*-shaped beads in the western parts of Northern and Middle Europe, where this type of amber bead only occur in aristocratic graves belonging to the so-called Hassleben–Leuna group — for example the rich female grave in Hassleben in Thuringia — and in South-Western Germany.

The preference of *berlok*-shaped amber beads in the eastern part of Central and South-Eastern Europe might be accidental, but interesting is the coincidence of spread when comparing this bead type with distribution maps of Germanic Late Roman iron combs (Levada 2000), the distribution map of Rosette Fibulae (Przybyła 2010) and the new paper by Igor' Gavritukin about the cut glass beakers of type Kowalk and the thick-walled cutglass beakers (Gavritukhin 2011) — then it becomes obvious, that one has to deal with relations, which it might be interesting to discuss.

It must be underlined, that there are several other signs of contact between Southern Scandinavia and the regions south of the Baltic Sea coast — not only fibulae and other jewellery as for example the peculiar neck ring from the Kong Svends Park grave 1060 at Zeeland published by Adam Cieśliński (2009). Other examples are the remarkable distribution patterns of a limited number of "Roman imports" as for example the glasses of type Eggers 189 (Kokowski 2001) and similarities between some aristocratic Late Roman graves at Zealand (for example, Himlingøje grave 1980) and Northern Polish Late Roman grave field Wecklice (grave 208) (Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011), but also for example Pruszcz Gdański (Pietrzak 1997).

All in all it seems sensible to debate a relation between Southern Scandinavia and the Black Sea region when dealing with glass beads and amber beads, rosette fibulae, iron combs and glass vessels from the Late Roman Iron Age.

Улла Лунн-Хансен

Ну а что же бусы? Стеклянные и янтарные бусы позднеримского времени — отражение связей между Скандинавией и Причерноморьем? Размышления о производстве и торговле

По предположению некоторых археологов, в позднеримское время (фазы C1–C3) и в эпоху Великого переселения народов (фаза D) существовали контакты, начинавшиеся в Юго-Восточной Европе, проходившие через восточную часть Центральной Европы и заканчивавшиеся в Скандинавии, причём в результате этих контактов, помимо всего прочего, с юго-востока на север проникали стеклянные сосуды для питья. Но стеклянные сосуды для питья — не единственная группа вещей, иллюстрирующая такого рода контакты между отдалёнными друг от друга регионами.

В этом контексте, внимание данного доклада будет фокусировано на бусах, как стеклянных, так и янтарных, в особенности же на бусах III – начала V вв. н. э. В скандинавских и других североевропейских погребениях раннеримского времени (B1–B2, начало I – середина II в. н. э.) бусы встречаются крайне редко, а если они время от времени появляются, то почти всегда — в женских могилах с богатым инвентарём. Но с начала позднеримского времени бусы часто встречаются в могилах женщин, занимавших определённое общественное положение. На протяжении большей части позднеримского времени бус было много и они были самые разные (рис. 1). Богатые женские погребения очень часто включали уникальные наборы бус.

Хотя можно выделить некоторые незначительные различия в распространении разных типов стеклянных бус, но в основном на обширных пространствах варварской части Европы найдены одни и те же типы стеклянных бус. Приблизительно в начале фазы C3 (большая часть IV в. н. э.) изменяется материал стеклянных бус, а возможно, и мода на бусы, как в южной Скандинавии, так и в варварской Европе в целом. В южной Скандинавии возрастает среднее количество бус в могиле, и одновременно изменяется тип бус. Стеклянные бусы становятся более однообразными — это значит, что нитки бус теперь составляют из меньшего количества различных типов, но из большего числа однотипных бус (рис. 2). Наиболее изысканные типы стеклянных бус фаз C1 и C2 позднеримского времени более не используются, в ожерельях теперь доминируют небольшие, простые, округлые, неорнаментированные, монохромные бусы из глухого стекла, главным образом, кирпично-красного и жёлтого цвета, реже белые, зелёные и синие. Хотя и не все стеклянные бусы этого времени (фаза C3) изготовлены из глухого стекла, но таковых большинство. В свете этих изменений можно выделить локальные варианты — точно также, как и для фаз C1 и C2.

Целью настоящего доклада является анализ вопроса о причине, которая могла вызвать эти изменения. Большинство исследователей римских стеклянных сосудов и стеклянных бус придерживаются того мнения, что большинство стеклянных бус датируются временем до фазы C3, поскольку их производили в римских провинциях и, весьма вероятно, в особенности для экспорта в варварскую Европу — поскольку мода на украшения в самой Римской империи была совершенно другой. Вопрос заключается в том, насколько данные изменения вызваны появлением новых центров или мастерских по производству стеклянных бус — ведь они известны на нескольких памятниках в Юго-Восточной Европе, например в Причерноморье, в Румынии, Венгрии и пр. Не развивалось ли это явление параллельно с переходом от позднеримского к раннефранкскому производству стеклянной посуды?

Следует подчеркнуть, что эти изменения в моде на бусы случились одновременно с уменьшением количества импортных римских бронзовых и серебряных сосудов в погребениях варваров. С другой стороны, это не касается стеклянных сосудов — хотя в фазе C3 большинство стеклянных сосудов в южной Скандинавии относятся к типам, которые, как полагают, производились на юго-востоке Европы.

Могла ли существовать связь между изменением моды на бусы (импорт бус) и торговыми отношениями? Было бы интересно обсудить и такой вопрос: не могло ли происхождение некоторых стеклянных бус из южноскандинавских погребений быть связано с той же самой производственной сферой, что и у большинства импортных стеклянных изделий?

В связи с этим вопросом следует упомянуть, что важным материалом для производства бус в римское, и в особенности в поздне-

римское, время являлся также янтарь. Сейчас исследователи считают, что происхождение практически всего европейского янтаря связано с Балтийским морем и побережьем Дании. Различия между янтарём с двух указанных территорий провести нельзя, поскольку янтарь принадлежит к одной и той же формации. Тем не менее, огромное количество янтаря в европейском неолите, бронзовом веке, гальштатской культуре, у кельтов и пр. говорит о системе обмена, в которую были вовлечены даже самые отдалённые территории, истоки которой лежали на крайнем севере Европы.

Интересно сравнить модели распространения грушевидных подвесок-кулонов из янтаря и способы распространения стеклянных бус. При взгляде на соответствующие карты, например, у М. Темпельманн-Мончинской (Tempelmann-Mączyńska 1985) и М. Б. Щукина (1977), становится исключительно интересен ареал янтарных грушевидных подвесок-кулонов, распространявшихся в южной Скандинавии, Прибалтике, Польше и, в небольшом количестве, оттуда в Причерноморье. В противовес этому, в западных районах Северной и Средней Европы известно лишь ограниченное количество грушевидных подвесок-кулонов — здесь этот тип янтарных бус находят исключительно в могилах аристократии, принадлежащих к так называемой культуре Хасслебен – Лойна, например, в богатом женском погребении в Хасслебене в Тюрингии, а также в юго-западной Германии.

Предпочтение, которое на востоке Центральной и в Юго-Восточной Европе оказывали янтарным грушевидным подвескам-кулонам, могло быть случайным, однако интересно совпадение, возникающее при сопоставлении зон распространения этого типа бус с картами находок железных германских гребней позднеримского времени (Levada 2000), фибул с розетками (Przybyła 2010), а также с данными новой статьи И. О. Гавритухина о стеклянных шлифованных кубках типа Ковалк и толстостенных шлифованных стеклянных кубках (Gavritukhin 2011), — становится ясно, что речь идёт о контактах, которые интересно было бы обсудить.

Следует подчеркнуть, что есть ещё несколько признаков контактов между южной Скандинавией и регионами к югу от Балтийского побережья — это не только фибулы, но и другие ювелирные изделия, например, примечательная гривна из погребения 1060 в Кон-Свендс-Парке в Зеландии, опубликованная А. Цеслиньским (Cieśliński 2009). Другие примеры — характерные модели распространения ограниченного числа «римских импортов», например, стеклянных изделий типа 189 по Х.-Ю. Эггерсу (Kokowski 2001) и сходство между некоторыми аристократическими погребениями позднеримского времени в Зеландии (например, могила 1980 в Химлингёе) и в могильнике позднеримского времени Веклице в северной Польше (погребение 208) (Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn 2011), а также, например, в Прущ-Гданьском (Pietrzak 1997).

В целом, представляется целесообразным обсудить взаимосвязи между южной Скандинавией и Причерноморьем на материале стеклянных и янтарных бус, фибул с розетками, железных гребней и стеклянных сосудов позднеримского времени.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Fig 1. Necklace from phase C1b, Skovgårde grave 209, Seeland (Ethelberg 2000: 94, fig. 87)

Рис. 1. Ожерелье фазы C1b, погребение 209 в Шовгорде, Зеландия (Ethelberg 2000: 94, fig. 87)

Fig. 2. Necklace from phase C3, Torstorp Vesterby grave 3368, Seeland (Boye, Lund Hansen 2009: 116, fig. 2)

Рис. 2. Ожерелье фазы С3, погребение 3368 в Торсторп-Вестербю, Зеландия (Boye, Lund Hansen 2009: 116, fig. 2)

Mikhail Lyubichev

North-Western Elements of the Sites from the Late Roman Period in the Forest-Steppe Area between the Dnieper and the Donets

Hereinafter “north-western” refers to the elements of the Wielbark and Przeworsk cultures, as well as of other cultural groups from Central and Northern Europe, discovered in Eastern European sites of archaeological communities from the Roman period. The problem of the degree of their influence on cultural and historical processes in the latter region in general and their contribution to the genesis of the Chernyakhov culture in particular became one of the most important in the archaeology of Eastern Europe in the Later Roman period. In the forest-steppe area from the Dnieper to the Severskiy Donets — an important component of the Barbaricum in that period — there were sites of the Boromlya horizon from the Later Roman period (ca. 250/275–325 AD) (Любичев 2008: 51) and those of the Chernyakhov culture (ca. 325–425 AD) (Обломский 2002: 87–89).

Vessels of the north-western tradition comprises a small part amidst typical hand-made ware in the sites of the Boromlya (pre-Chernyakhov) horizon. They originate from buildings 1 and 5 and settlement layer in Bukreyevka 2, as well as from constructions 7 and 8 of the eponymic unfortified settlement of Boromlya 2 (Некрасова 2006: рис. 30. 4, 6–7, 10–11, 15–17; 34. 3, 6, 12) (fig. 2. 1–7). Fragments of vessels from Golovino 1 (Обломский 2001–2002: рис.9. 25; 20. 16–17) possibly belong to the same horizon (fig. 1). Their presence is a reflection of the migration of the people from the Dem’yanov — Cherepin type of sites.

The Chernyakhov culture in the area contains north-western elements both in the settlements and cemeteries. Various types of hand-made vessels of the north-western tradition are documented in unfortified settlements of Barbara, Dmitrovka 3 (Башкатов 2010), Peny 3 (Радюш 2010b: рис. 3. 32–35; 6. 6), Tsybli, Maksimovka, Novolipovskoye (Дидык 2005: рис. 2. 16–17; 3. 6), Belopol’ye (Некрасова 1994), Dubovoye, Khokhlovo 2, Snagost' 2 (Кропоткін, Обломський 1991: рис. 7. 2, 8–10), Mamroi 2 (Обломский 2002: рис. 59. 2), Boromlya 2 (construction 5: in top layer of the infill) (Некрасова 2006: рис. 27. 7, 9, 11–12) (рис. 1).

Similarly with the settlements, cemeteries also possess wheel-made vessels imitating Wielbark / Przeworsk hand-made forms (Магомедов 1998: рис. 1. 5, 7; 6. 1). Pit-house 1 in area "A" of unfortified settlement Voytenki contained a fragment of wheel-made pot with a row of flat facets on the body (Любичев 2006: рис. 10. 9) (рис. 2. 8). In my point of view, such an ornamentation originates from the technique of horizontal row of vertical pits on the body of some of the Przeworsk vessels (Czarnecka 2007: Taf. CXXXI; Gr. 124. 18).

Bi-ritualism of the Chernyakhov cemeteries is a north-western element in itself because it is a feature of the Wielbark culture (Магомедов 2001: 33–34). The cemetery of Kompaniytsy contained hand-formed vessels of the north-western tradition in inhumation graves 28, 82, 115, 122, 286 and cremation graves 7, 9, 11, 31,39, 40, 56, 59, 86, 117, 128, 139, 164, 171, 173 (Обломський 1997: 79; Некрасова 2006: рис. 57–83). In grave 56, this type of ceramic ware combined with a pot of the Late Scythian / Sarmatian tradition (Некрасова 2006: рис. 66. 3–7) (fig. 1). The Wielbark culture has parallels to almost all the types of the Chernyakhov cremations in pits and urns (Магомедов 2001: 33–34), with the following types of cremation graves most likely related to the north-western influences: 1) in urns, placed in other pottery or covered with several vessels (Oleg Petrauskas' type 3): Sosnova, grave 624 (Петраускас 2002: 50); 2) urn / urnless cremations with / without additional vessels, covered with layer of ceramic fragments (Petrauskas' types 4 and 5): Kompaniytsy: grave 11, 19, 22, 23, 39, 40, 42, 44, 49, 52, 56, 62, 65, 79, 112, 117, 121, 123, 128, 131, 132, 139, 159, 164, 166, 173, 190, 214 (Обломський 1997: 79) (fig. 1).

Grave 1 in the cemetery of Rodnoy Kray consists of calcined bones in urn with fragments of ceramic ware around and comprises an individual assemblage (Петренко 1991: 11, 19–20, рис. 4. 1–3; 11) belonging to type 9 with "remains of cremation at the same place" (Петраускас 2002: 58–59). The urn is bi-conical hand-made pot with out-turned rim similar to pots of the Kievan culture, though such type of burials is absolutely not typical of it (Терпиловский, Абашина 1992: 39–41). Pots with this profile are among the vessels of the Przeworsk culture (Dzięgielewska, Kulczyńska 2008: Taf. XXIX. 13; XLI. 22). In this cemetery, two graves more contained north-western elements: wheel-made bowl of open type,

with coarse body (similar to Wołągiewicz XaA) (fig. 2. 10), single-handled jug (similar to Wołągiewicz IX) (fig. 2. 9) in grave 3 (inhumation) (Петренко 1991: рис. 5. 8, 10), and hand-formed bowl of open type (Wołągiewicz XaA) in grave 10 (cremation) (Петренко 1991: рис. 9. 4). In grave 1 (cremation: cenotaph) in Zamoshchanskaya Dyuna, there was a cup Wołągiewicz XV (Липкинг 1979: рис. 1. 3). In grave 41 of the cemetery of Voytenki, there were abundant goods including a pendant in the form of bronze plate rolled into a tube, with silver coating and a line of holes on either end (Любичев 2011). Analogies (Illerup) allows me to be confident that this pendant initially was nothing but a plate for sword scabbard (Ilkjær 2007: 86).

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Михаил Любичев

Северо-западные элементы на памятниках позднеримского времени днепро-донецкой лесостепи

Элементы вельбаркской, пшеворской культур, других культурных групп Центральной и Северной Европы на памятниках археологических общностей Восточной Европы римского времени могут быть обозначены как «северо-западные элементы». Вопрос о степени их влияния на культурно-исторические процессы в этом регионе вообще, вкладе в генезис черняховской культуры в частности стали одной из ведущих проблем археологии Восточной Европы позднеримского времени. В лесостепи от Днепра до Северского Донца — важной составной части Барбарикума того периода — в позднеримское время существовали памятники горизонта Боромля (около середины / третьей четверти III – первая четверть IV вв.) (Любичев 2008: 51) и черняховской культуры (около второй четверти IV – первая четверть V вв.) (Обломский 2002: 87–89).

На памятниках предчерняховского горизонта Боромля керамика северо-западной традиции составляет малую часть среди присущей для них лепной посуды. Она происходит из построек 1, 5 и слоя поселения Букреевка 2, а также сооружений 7, 8 эпонимного селища Боромля 2 (Некрасова 2006: рис. 30. 4, 6–7, 10–11, 15–17; 34. 3, 6,

12) (рис. 2. 1–7). Возможно, к этому горизонту относятся фрагменты сосудов из Головино 1 (Обломский 2001–2002: рис. 9. 25; 20. 16–17) (рис. 1). Её присутствие является отражением миграции носителей памятников типа Демьянов – Черепин.

В черняховской культуре региона северо-западные элементы присутствуют как на поселениях, так и на могильниках. Лепные сосуды северо-западной традиции различных типов встречены на селищах Барбара, Дмитровка 3 (Башкатов 2010), Пены 3 (Радюш 2010b: рис. 3. 32–35; 6. 6), Цыбли, Максимовка, Новолиповское (Дидык 2005: рис. 2. 16–17; 3. 6), Белополье (Некрасова 1994), Дубовое, Хохлово 2, Снагость 2 (Кропоткін, Обломський 1991: рис. 7. 2, 8–10), Мамрои 2 (Обломский 2002: рис. 59. 2), Боромля 2 (сооружение 5: в верхнем слое заполнения) (Некрасова 2006: рис. 27. 7, 9, 11–12) (рис. 1).

Как на поселениях, так и на могильниках присутствуют гончарные сосуды-имитации вельбаркско-пшеворских лепных форм (Магомедов 1998: рис. 1. 5, 7; 6. 1). Из полуземлянки 1 участка «А» селища Войтенки происходит фрагмент гончарного горшка, имеющего на корпусе пояс из плоских граней (Любичев 2006: рис. 10. 9) (рис. 2. 8). Истоки подобного орнамента видятся нам в приеме нанесения горизонтального ряда из вертикальных углублений на тулове некоторых пшеворских сосудов (Czarnecka 2007: Taf. CXXXI; Gr. 124. 18).

Биртуализм черняховских могильников является уже сам по себе северо-западным элементом, ибо присущ вельбаркской культуре (Магомедов 2001: 33–34). На могильнике Компанийцы лепные сосуды северо-западной традиции были в погребениях-ингумациях 28, 82, 115, 122, 286 и погребениях-кремациях 7, 9, 11, 31,39, 40, 56, 59, 86, 117, 128, 139, 164, 171, 173 (Обломський 1997: 79; Некрасова 2006: рис. 57–83). В погребении 56 такая керамика сочетается с горшком позднескифско-сарматской традиции (Некрасова 2006: рис. 66. 3–7) (рис. 1). В вельбаркской культуре имеются соответствия практически всем типам черняховских ямных и урновых сожжений (Магомедов 2001: 33–34) и вероятнее всего только с северо-западными влияниями связаны такие типы погребений-кремаций как: 1) в урнах, вложенных в другую посуду или накрытых несколькими сосудами (Петраускас тип 3): Соснова, погребение 624 (Петраускас 2002: 50); 2) урновые / безурновые кремации с сосудами-приставками и без них, покрытые слоем из фрагментов керамики (Петраускас, тип 4, 5): Компанийцы: погребения 11, 19, 22, 23, 39, 40, 42, 44, 49,

52, 56, 62, 65, 79, 112, 117, 121, 123, 128, 131, 132, 139, 159, 164, 166, 173, 190, 214 (Обломський 1997: 79) (рис. 1).

Погребение 1 могильника Родной Край — кальцинированные кости в урне и фрагменты керамики вокруг нее, составляют отдельный комплекс (Петренко 1991: 11, 19–20, рис. 4. 1–3; 11) — относится к типу 9 «с остатками сожжения на месте» (Петраускас 2002: 58–59). Урной являлся биконический лепной горшок с отогнутым веничком, напоминающий горшки киевской культуры, но для нее совершенно не характерен такой тип погребений (Терпиловский, Абашина 1992: 39–41). Горшки подобного профиля есть среди керамики пшеворской культуры (Dzięgielewska, Kulczyńska 2008: Taf. XXIX. 13; XLI. 22). На этом могильнике еще два погребения содержали северо-западные элементы: гончарная миска открытого типа со специально ошершавленным туловом (близкая к Wołągiewicz XaA) (рис. 2. 10), одноручный кувшин (близкий к Wołągiewicz IX) (рис. 2. 9) в погребении 3 (ингумация) (Петренко 1991: рис. 5. 8, 10) и лепная миска открытого типа (Wołągiewicz XaA) в погребении 10 (кремация) (Петренко 1991: рис. 9. 4). Из погребения 1 (кремация: кенотаф) Замощанской Дюны происходит кружка Wołągiewicz XV (Липкинг 1979: рис. 1. 3). В погребении 41 могильника Войтенки среди многочисленного инвентаря находилась подвеска в виде свернутой в трубку бронзовой пластинки с серебряным покрытием и рядами отверстий на концах (Любичев 2011). Аналогии (Иллеруп) позволяют утверждать, что первоначально эта подвеска была ни чем иным как пластиной от ножен меча (Ilkjær 2007: 86).

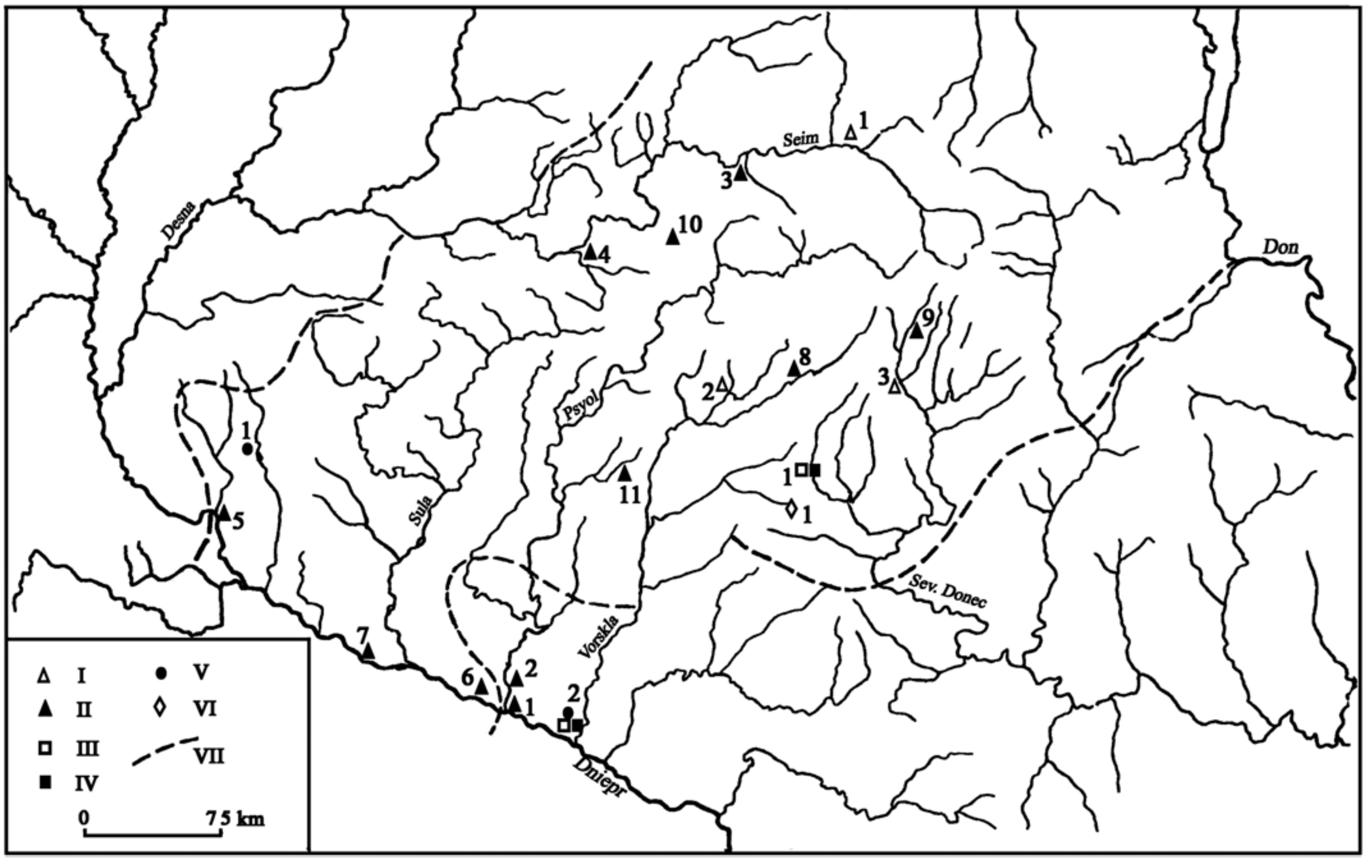


Fig. 1. North-western elements in the sites from the Later Roman and Early Great Migration periods in the forest-steppe area between the Dnieper and the Donets (map):
I — **ceramic ware of the north-western tradition in unfortified settlements of the Boromlya horizon:**
1 — **Bukreyevka 2;** *2* — **Boromlya 2;** *3* — **Golovino 1;**
II — **ceramic ware of the north-western tradition in unfortified settlements of the Chernyakhov culture:**
1 — **Barbara;** *2* — **Dmitrovka 3;** *3* — **Peny 3;** *4* — **Belopol'ye;** *5* — **Tsybli;** *6* — **Maksimovka;** *7* — **Novolipovskoye;**
8 — **Dubovoye;** *9* — **Khokhlovo 2;** *10* — **Snagost' 2;** *11* — **Mamrai;**
III — **cremation graves with ceramic ware of the north-western tradition in the cemetery of the Chernyakhov culture:**
1 — **Rodnoy Kray;** *2* — **Kompaniytsy;**
IV — **inhumation graves with ceramic ware of the north-western tradition in the cemeteries of the Chernyakhov culture;**
V — **types 3, 4, 5, 9 of cremation graves (according to Petrauskas) in the cemeteries of the Chernyakhov culture:** *1* — **Sosnova;**
VI — **secondary use of the artefacts from the north-western origin:** *1* — **Voytenki;**
VII — **border of the forest-steppe area**

Рис. 1. Северо-западные элементы на памятниках позднеримского времени-начала эпохи Великого переселения народов в днепро-донецкой лесостепи (карта):
I — **керамика северо-западной традиции на селищах горизонта Боромля:**
1 **–Букреевка 2;** *2* — **Боромля 2;** *3* — **Головино 1;**
II — **керамика северо-западной традиции на селищах черняховской культуры:**
погребения-ингумации с керамикой северо-западной традиции на могильниках черняховской культуры:
1 — **Барбара;** *2* — **Дмитровка 3;** *3* — **Пены 3;** *4* — **Белополье;** *5* — **Цыбли;** *6* — **Максимовка;**
7 — **Новолиповское;** *8* — **Дубовое;** *9* — **Хохлово 2;** *10* — **Снагость 2;** *11* — **Мамраи;**
III — **погребения-кремации с керамикой северо-западной традиции на могильниках черняховской культуры:**
1 — **Родной Край;** *2* — **Компанийцы;**
IV — **погребения-ингумации с керамикой северо-западной традиции на могильниках черняховской культуры;**
V — **типы 3, 4, 5, 9 погребений-кремаций (по О. В. Петраускасу) на могильниках черняховской культуры:** *1* — **Соснова;**
VI — **вторичное использование вещей северо-западного происхождения:** *1* — **Войтенки;**
VII — **граница степи-лесостепи**

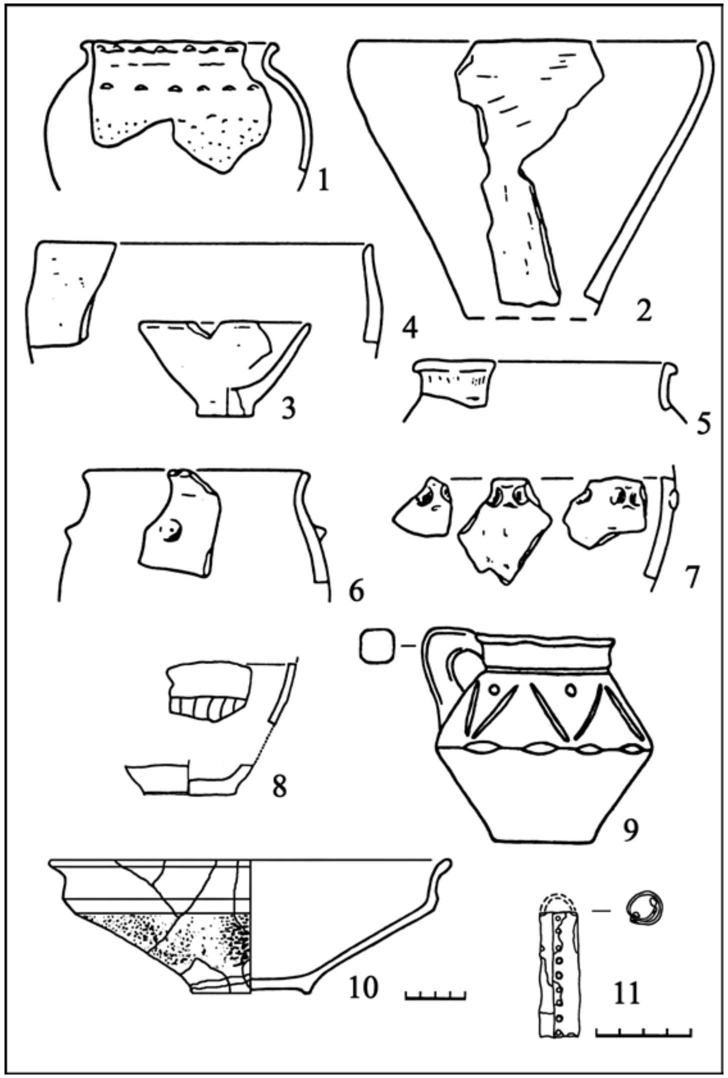


Fig. 2. Fragments of hand-made vessels of the north-western tradition from the Boromlya horizon (*1–5* — dwelling 7; *6–7* — building 8 in the unfortified settlement of Boromlya 2) (Некрасова 2006: рис. 30. 4–7, 10; 8. 3, 6), sites of the Chernyakhov culture (*8* — pit-house 1 in area "B" in Voytenki unfortified settlement; *9–10* — grave 3 in the cemetery of Rodnoy Kray) (Любичев 2006: рис. 10. 9; Петренко 1991: рис. 5. 8, 10), *11* — pendant from grave 41 in Voytenki cemetery. *1–7*, *9* — hand-made vessels; *8*, *10* — wheel-made vessels; 11 — bronze, silver

Рис. 2. Фрагменты лепных сосудов северо-западной традиции горизонта Боромля (*1–5* — жилище 7; *6–7* — постройка 8 селище Боромля 2) (Некрасова 2006: рис. 30. 4–7, 10; 8. 3, 6), памятников черняховской культуры (*8* — полуземлянка 1 участка «В» селища Войтенки; *9–10* — погребение 3 могильника Родной Край) (Любичев 2006: рис. 10. 9; Петренко 1991: рис. 5. 8, 10), *11* — подвеска из погребения 41 могильника Войтенки. *1–7, 9* — лепная керамика; *8, 10* — гончарная керамика; *11* — бронза, серебро

Magdalena Mączyńska

A Polychrome Brooch from Młoteczno (Hammersorf), Braniewo Powiat, in North-Eastern Poland

There were at least 17 gold and silver artefacts discovered between 1783 and 1917 in various areas of the village of Młoteczno. Those preserved to this moment are: medallion of Constantius II produced in Constantinople in 335–336 AD, three gold bucket-shaped pendants, gold polychrome brooch with a chain, fragments of two silver eastern Roman vessels (*lances*), and two gold neck-rings. These artefacts do not have a common chronology; the earliest of them are three pendants and the brooch.

Gold brooch with semicircular head-plate and three knobs in the form of stylised snake's heads is decorated with semi-precious stones, filigree, and granulation. On the head-plate, there are stylised images of sea monsters made with filigree and granulation. Different researchers have dated this brooch from the late fourth to the first half of the fifth century, so its chronology according to the generally accepted time-line should be phase D2 (380/400–440/450 AD). It is interesting that the knobs of the brooch are decorated in the same way as the pendants, with S-shaped wires, to give us argument to interpret these artefacts as originated from the same jeweller's workshop. Although ornamented bucket-shaped pendants, in most cases, date back to phase C2, one should take their long use into account.

Gold polychrome brooch belongs to Robert Stark's group 1 and Radu Harhoiu's group IV. III. It does not find close analogies among the Danubian and Pontic polychrome brooches and, moreover, the sea monsters ornamentation makes doubtful its origin. On the other hand, there is very similar decoration on the head-plates of two brooches from Szilágysomlyó II, as well on mask-buckle from the area of Sagi, near Alyoshki, at the Dnieper estuary. Filigree and granulation techniques, in their own turn, makes this find closer to Scandinavian artefacts, though hollow knobs on the head-plate are on the brooches from Polish Pomerania known by hoards of Schwellin and Kelpin, therefore, they could indicate its local origin. The ornamentation of S-shaped wires is also known on the back-plate of a brooch from Zamość hoard.

Even it would not be possible to discover the exact place where the brooch of Młoteczno was made, it was found east of the Lower Vistula, within the Germanic rather than Western Balt context, in the period of the final stage of the Wielbark culture or even after this culture disappeared, which was an evidence of distribution of the polychrome style far to the north and of its influence on the artistic goods produced in the southern Baltic Sea area.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Магдалена Мончиньская

Фибула из Млотечно (Хаммерсорф) повята Бранево в Северо-Восточной Польше

Между 1873 и 1917 гг. в разных местах деревни Млотечно было найдено не меньше 17 золотых и серебряных предметов, из которых до нашего времени сохранились: медальон Констанция II, изготовленный в Константинополе в 335–336 гг., три золотые ведёрковидные подвески, золотая полихромная фибула с цепочкой, фрагменты двух серебряных восточноримских сосудов (*lances*) и две золотые гривны. Предметы эти не имеют общей датировки, к наиболее ранним относятся медальон, три подвески и фибула.

Золотая фибула с полукруглой головной пластиной и тремя кнопками в форме стилизованных змеиных головок декорирована полудрагоценными камнями, сканью и зернью. На головке расположены стилизованные изображения морских животных выполненных при помощи скани и зерни. Фибулу разные авторы датируют концом IV и первой половиной V в., в общепринятой хронологической системе её надо датировать фазой D2 (380/400–440/450 гг.). Интересно, что на кнопках этой фибулы находится точно такой же орнамент из S-образных проволочек, как и на подвесках, что позволяет думать, что предметы эти были изготовлены в одной ювелирной мастерской. Декорированные ведёрковиные подвески датируются,

прежде всего, фазой C2, но тут, однако, следует учитывать их длительное использование.

Золотая полихромная фибула относится к группе 1 по Р. Старку и к группе IV. III по Р. Хархойу. Она не имеет близких аналогий среди подунайских и понтийских полихромных фибул, а, помимо этого, орнамент в виде фигур морских животных ставит под знак вопроса её происхождение. С другой стороны, очень похожий декор находится также на головке пары фибул из Силадьшомйо II, а также на пряжке с маской из местности Саги возле Алёшек в устье Днепра. В свою очередь, использование филиграни и зерни сближает этот экземпляр со скандинавскими экземплярами, а полые кнопки на головке выступают на фибулах из Поморья, известных по кладам в Швелино и Келпине, что может указывать и на её местное происхождение. Орнамент из S-образных проволочек известен также на спинке фибулы из клада в Замостье.

Даже если место изготовления фибулы из Млотечна не удастся узко определить, то находка её на востоке от Нижней Вислы в контексте германском, а не западнобалтском, в период финальной фазы вельбарской культуры или уже после её исчезновения, свидетельствует о распространении полихромного стиля далеко на север и о его влиянии на художественную продукцию южной части Балтийского моря.

Перевёл с польского Максим Левада

Boris Magomedov

Correlation between North-Western and Local Elements in the Chernyakhov Culture

According to the opinion of many modern scholars, the Chernyakhov culture is an archaeological reflection of the Gothic federation of different barbarian peoples. However, the ratio of different cultural and ethnic elements in it is still controversial. The way to resolve this dispute is to accumulate and to study the archaeological evidence — types of house-building, funeral rites, complex of artefacts — and to search for similar evidence in geographically and chronologically close cultures. It is necessary also to observe the anthropological and historical data.

The bearers of Chernyakhov Culture are considered to be Germanics, Slavs, Sarmatians, Late Scythians, and Thracians.

The Germanics — they are first of all the Goths, the bearers of the Wielbark culture of the Early Roman period (Lubowidz phase). During the migration from the Baltic to the Black Sea the Goths were joined by the group of people from other Germanic tribes. There were the Gepids (the population of the late phase of the Wielbark culture), Vandals (the bearers of the Przeworsk culture), Herulians (who came from Jutland), Burgundians (the population of Luboszycka Culture) and possibly others.

The Wielbark element on the Chernyakhov sites is usually presented with different groups of archaeological materials, often in the form which is common for Germanic cultures. The most popular types of the Chernyakhov dwellings — dug-outs and timber frame huts — are typical for the Wielbark settlements. There is the Wielbark feature in the Chernyakhov funeral ceremony, such as bi-ritualism (a combination of cremation and inhumation). The Wielbark elements appear in the peculiarity of cremation, as well as in predominance of inhumations made in simple pits with the north orientation (80 % of inhumations). The graves of "aristocrats" made in large pits with wooden chambers also have the parallels in Germanic cultures. Handmade ceramic of the Wielbark types has been found

on the most parts of the Chernyakhov territory, especially on the sites of the early periods. The Chernyakhov style of pottery was formed as a combination of the provincial handicraft and the Wielbark handmade traditions. Details of clothing, jewellery, household items, weapons of the Wielbark types completely dominate on the Chernyakhov territory. The Gothic woman costume of early medieval period came through "Wielbark" and "Chernyakhov" stages of development.

The characteristic feature of the Przeworsk culture is the presence of burnt burials with weapons. These burials were found on seven Chernyakhov cemeteries. The wide distribution of vases with three hands and handmade pots of a certain type is also connected with the Przeworsk traditions. The presence of the Herulians is marked by the existence of the "long houses," by the presence of monster-brooches, items with runic inscriptions, iron combs and a certain type of pottery. According to Oleg Sharov, the appearance of Leuna — Hassleben horizon and some types of ware is connected with the eastern branch of the Burgundians.

Among the population of the Chernyakhov culture there could be two representative groups of **Iranian** origin — the Sarmato-Alans and Late Scythians. The most reliable archaeological feature to highlight the Sarmato-Alanic element in the Chernyakhov culture is the types of burial pits — niches and catacombs (in most regions they are about 1 % burials, and in the Black Sea region 20 % burials). Among other features are rare cases of presence of weapons in inhumations (seven cemeteries) and artificially deformed skulls (four cemeteries). The remains of two stationary *yurts* found at two southern sites indicate the presence of settled nomads. In the Black Sea and Lower Danube regions there are pots of Sarmatian types. The metal mirrors of Hunnic period (five finds) also have the Sarmatian origin. The Sarmatian influence can be seen in the Chernyakhov female costume — incidental findings of anklets made of beads. The signs of presence of settled Sarmatians among the Chernyakhov population can be found mainly in the northern Black Sea area and in the Lower Danube. On the rest of territory such presence was tracked in some graves.

Late Scythians in the Chernyakhov community are anthropologically close to the population of the sites in the Lower Dnieper and in the Crimea of previous time. The distinguished features for it are stone houses (in the Black Sea region), the funeral traditions (western orientation of the dead), the pits with steps, the custom to plaster the bottom of the pit with a layer of green clay, the handmade ceramics (pots of the "Late Scythian" type).

Slavic element is presented in the Chernyakhov culture with two groups of sites — western and eastern. Western group consists of settlements in the Upper and Middle Dniester. There were dug-outs with features typical for the Slavic Prague culture in the Early Middle Ages. No burial grounds were found on these settlements. The ceramic complex contains 34–60 % of handmade ware, many types of them have the analogy in the Prague culture.

In eastern Ukraine and in the adjacent regions of the Russia the Slavic population of late Roman period is presented with the Kievan culture. Its elements were detected mainly on the Chernyakhov settlements in the Middle Dnieper. There were typical huts with a central supporting pillar as well as handmade ceramics (from the settlement of Zhuravka) and single finds of ceramics on other seven settlements.

The south-western part of the Chernyakhov area was previously occupied by the circle of **Thracian** cultures, represented by the Carpians and Dacians. We know about finds of handmade ceramics of Thracian types on te Chernyakhov settlements and cemeteries in Romania.

Let us supplement the archaeological research with **anthropological data**. Most of the genetic connections of the Chernyakhov population are directed to the north-west, to Central and Northern Europe. Among the skulls there are morphotypes similar to the number of Germanic populations, to the Celts and to the Balts. The ethnic core of Goths moved to the South Baltic area from Scandinavia. During the movement to south the Goths were joined by representatives of different tribes. Therefore, the anthropological type of the "Chernyakhov" Goths has a complex structure, including the Northern and the Eastern-Germanic elements, as well as the descendants of the assimilated Celts and Balts.

Skulls with features that are typical for the Sarmatians are up to 5–12 % of all skulls in different Chernyakhov regions. The "Late Scythian" morphotype is presented on the most Chernyakhov sites of the Black Sea region. It dominates on some cemeteries in Central and Eastern Ukraine, and it is less common in other regions. Slavic features were documented in small series of female skulls from burial grounds of Chernelev-Russkiy (Western Ukraine) and Nagornoye 2 (close by the mouth of the Danube). This type is similar to the women's series of Masłomęcz group of the Wielbark culture.

Mediterranean anthropological type can be found quite rarely on the cemeteries of the Black Sea region, in Moldova, Wallachia, Western and Central Ukraine. This type represents the different peoples — the

Thracians as well as the Greeks and the Romans, who lived among the barbarians.

Conclusions. The homogeneity of the majority Chernyakhov sites can be explained by the homogeneity of its population, represented mainly by the Goths. Some people formed quite large ethnic arrays. This is the group of western Slavs in the Upper and partly in the Middle Dniester, and, to a lesser extent, the Later Scythians of the northern Black Sea region. Signs of presence of the Late Scythians, Slavs of the Kievan culture and Carpo-Dacians have been found on the sites of the main population.

Translated from Russian by Lidia Orlova

Борис Магомедов

Соотношение северо-западных и местных элементов в черняховской культуре

По мнению большинства современных исследователей, черняховская культура представляет собой археологическое выражение готской федерации различных варварских народов. Однако соотношение разных культурно-этнических элементов в ней остается спорным. Путь к истине лежит через накопление и изучение комплекса археологических фактов — типов домостроительства, погребального обряда, вещевого комплекса — и поиск подобных признаков в географически и хронологически близких культурах. Необходимо привлекать также данные антропологии и истории.

Среди носителей черняховской культуры видят германцев, славян, сармат, поздних скифов, фракийцев.

Германцы — это прежде всего готы, носители вельбарской культуры раннеримского времени (любовидзкая фаза). При переселении готов из Прибалтики в Причерноморье и в ходе последующих войн к ним могли присоединяться группы людей из других германских племен. Это гепиды, ближайшие родственники готов — население поздней, цецельский фазы вельбарской культуры, вандалы — носители пшеворской культуры, герулы — выходцы из Ютландии, бургунды — население любошицкой культуры и, возможно, другие.

На черняховских памятниках вельбарский элемент, часто в форме, общей для германских культур Центральной Европы, проявляется в различных группах археологического материала. Наиболее распространенные в черняховской культуре типы жилых построек — наземные каркасные и полуземлянки — свойственны и для вельбарских поселений. В черняховском погребальном обряде вельбарской чертой является биритуализм (сочетание кремации и ингумации). Вельбарские элементы выступают в особенностях обряда кремации, а также в преобладании трупоположений в простых ямах с северной ориентировкой (более 80 % ингумаций). Параллели в германских культурах имеют и могилы «аристократов» в обширных ямах с деревянными камерами. Лепная керамика вельбарских типов встречается на большей части черняховской территории, преимущественно на памятниках раннего этапа. Черняховский стиль гончарной керамики сложился в результате синтеза провинциальной ремесленной школы и вельбарской лепной традиции. Детали одежды, украшения, бытовые предметы, оружие вельбарских и центральноевропейских (т. е. общегерманских) типов не только полностью господствуют в черняховской среде, но и передаются соседним культурам (киевской и сармато-аланам). «Вельбарскую» и «черняховскую» стадии развития прошел готский раннесредневековый женский костюм.

Характерная особенность пшеворской культуры — наличие на могильниках сожжений с оружием. Такие погребения встречены и на семи черняховских могильниках. С этими же традициями следует связывать широкое распростанение в черняховской культуре трёхручных ваз и определенного типа лепных горшков. С присутствием герулов связано распространение «длинных домов», фибул-монстров, вещей с руническими надписями, железных гребней, керамики определенного типа. По мнению О. В. Шарова, восточная ветвь бургундов приняла участие в формировании черняховской культуры. С ними связано появление горизонта древностей Лёйна – Хасслебен и некоторые типы посуды.

Среди населения черняховской культуры могли присутствовать две группы представителей народов **иранского** происхождения — сарматы, среди которых лидировало племя алан, и поздние скифы. Наиболее надежными археологическими признаками для выделения сармато-аланского элемента в черняховской культуре являются типы погребальных ям — подбойные и катакомбы (в большинстве регионов около 1 % погребений, в Причерноморье — 20 %), а также редкие случаи наличия оружия в ингумациях (на семи могильниках) и искусственно деформированных черепов (на четырех могильниках). С процессом оседания кочевников связаны следы стационарных юрт (на двух южных поселениях). В Причерноморье и на Нижнем Дунае встречаются горшки сарматских типов. К вещам сарматского происхождения относятся также металлические зеркала гуннского времени (5 находок). В черняховском женском костюме отмечено некоторое сарматское влияние — эпизодические находки на ногах украшений из бус. Признаки расселения оседлых сармат среди черняховского населения наблюдаются в основном в Причерноморье и на Нижнем Дунае, на остальной территории они представлены в отдельных погребениях.

Поздние скифы в составе черняховской общности антропологически близки населению позднескифских памятников Нижнего Днепра и Крыма предшествующего времени. Для него характерно каменное домостроительство (в Причерноморье), в погребальном обряде — западная ориентация умерших, ямы с заплечиками (ступеньками), обычай обмазывать дно ямы слоем зеленой глины, в лепной керамике — горшки «позднескифского» типа.

Славянский элемент представлен в черняховской культуре двумя группами памятников — западной и восточной. Западную группу представляют поселения на Верхнем и Среднам Днестре. На них найдены жилища-полуземлянки с особенностями, характерными для славянской пражской культуры раннего средневековья. Могильники при этих поселениях не найдены. Керамический комплекс содержит 34–60 % лепной посуды, среди которой многие типы находят соответствия в пражской культуре.

На востоке Украины и в прилегающих областях Российской Федерации славянское население позднеримского времени представлено древностями киевской культуры. Ее элементы обнаружены на черняховских поселениях, в основном, в Среднем Поднепровье. На поселении Журавка — характерная полуземлянка с центральным опорным столбом и лепная керамика, еще на семи поселенях — отдельные находки керамики.

Юго-запад черняховского ареала ранее занимали культуры **фракийского** круга, представленные карпами и даками. На некоторых черняховских поселениях и могильниках на территории Румынии известны находки лепной керамики фракийских типов.

Дополним археологические наблюдения **данными антропологии**. Большинство генетических связей черняховской популяции ориентировано на северо-запад, в области Центральной и Северной Европы. Среди черепов выделены морфотипы, близкие ряду германских популяций, кельтам и балтам. Этническое ядро готов переселилось в Южную Прибалтику из Скандинавии. Во время движения на юг к готам присоединялись представители разных племен. Поэтому антропологический тип «черняховских» готов имеет сложный состав, включающий северо- и восточногерманские элементы, а также потомков ассимилированных балтов и кельтов.

Черепа с признаками, характерными для сармат, в разных регионах черняховской культуры составляют от 5 до 12 %. «Позднескифский» морфотип присутствует на большинстве черняховских памятников Причерноморья. Он же преобладает на некоторых могильниках Центральной и Восточной Украины, реже встречается в других регионах. Славянские признаки зафиксированы в небольших сериях женских черепов из могильников Чернелев-Русский (Западная Украина) и Нагорное 2 (вблизи устья Дуная). Этот тип находит аналогии в женских сериях Масломенчской группы вельбарской культуры.

Средиземноморский антропологический тип изредка встречается на могильниках побережья Черного моря, в Молдове, Мунтении, Западной и Центральной Украине. К этому типу могли принадлежать представители разных народов — фракийцев, а также греков и римлян, проживавших среди варваров.

Выводы. Однородность большинства черняховских памятников можно объяснить однородностью оставившего их населения, представленного в основном готами — в прошлом носителями вельбарской культуры. Некоторые народы составляли достаточно крупные этнические массивы. Это западная группа славян на Верхнем и частично на Среднем Днестре, а также, в меньшей степени, поздние скифы Северо-Западного Причерноморья. Признаки присутствия другой части позднескифского населения, славян киевской культуры и карпо-даков встречаются на памятниках основного населения.

Anna Mastykova,
Mariya Dobrovol'skaya

Funeral Rite of the Sambian-Natangian Culture in the Late Roman and Early Mediaeval Periods and Anthropological Accounts

The problem of sex and age attribution of burials of the Sambian-Natangian (Dollkeim – Kovrovo) culture in the Late Roman period and Early Middle Ages is topical for the archaeology of the Western Balts. The rite of cremation dominates in their graves, and no attribution of bone remains has been done so far. Therefore, almost all the sex-and-age attributions of these graves are according to the analysis of grave goods. The latter are attributed as "man's" (e. g. weapons, horse harness, the so-called warriors' belt sets) or "woman's" (ornaments and details of costume, artefacts related to home production) according to the all-European experience of archaeology of the "barbarians." These purely hypothetical conclusions are a usual background for the deductions about the chronological evolution of local costume or social stratification of ancient Balts. Therefore, topical are the results obtained by anthropological researches of the materials from cemeteries of Mitino and Schlakalken-5 in the Sambian peninsula (fig. 1).

Methodical approaches

Obviously, the reliability of determination of sex and age depends on the preservation of fragments that remained. Therefore, almost every determination of sex of individuals belong to accumulations of bones weighing more than 100 g, where the probability to discover one or few anatomically attributable fragments is higher. There are few cases with low weight rate (less then 10 g) and only fine fragments, so it is not possible to determine age and gender. In some cases, small weight of cremation is because of the person was of child's age. However, to identify a cremation as child's, there must be cranial bone fragments with sutures, parts of cranial vault with under-developed diploe, orbital parts of frontal bone, epiphysis areas of long bones, etc. In case when we are dealing with accumulated small fragments without "features of a child," we can suppose that these small fragments could be remains of a longer burning of the body on funeral fire.

Mitino cemetery

The excavations of the cemetery of Mitino (Gur'yevsk district of Kaliningrad *oblast'*, i. e. administrative area) uncovered 259 graves from the late fifth to fourteenth century (Скворцов 2010). Numerous cremation graves from the late fifth to early eighth century are rather standard type and consist of remains of cremations made somewhere in another place and buried into pits in soil often covered with stonework. There were few cases when the graves were accompanied with horse's burials. The anthropological analysis includes bones from 73 graves from the late fifth to early eighth century (Добровольская 2010: 199–217). With high or small degree of probability, 30 of these graves were determined as man's, 21 as woman's, sometimes with child, and 22 as child's.[1]

The comparison of palaeoanthropological data with the composition of grave goods allows us to determine which of the artefacts or funeral rite features are typical of men's and which of women's graves. In this case, the most important is the fact that Mitino cemetery is a rather "ordinary" site, that is to say, it reflects mass structure of the main bulk of the Sambian-Natangian population and therefore could be a kind of reference point for further investigations of the antiquities from the late fifth to early eighth century in the Sambian peninsula.

Although the number of graves of men, women, and children (the latter without determination of gender) was almost equal, so the comparison was correct, the total number of cremation under anthropological research makes our conclusions preliminary.

According to the composition of grave goods, burials of children contained the same artefacts and followed the same funeral rite as adults' burials. A great part of categories of grave goods is common for all three groups of burials, man's, woman's, and child's. The number of graves with these goods sometimes varies corresponding to sex/age of the deceased, so one can determine some tendencies in the composition of grave goods.

[1] According to the data, amended after the publication of Mitino cemetery in 2010 (Добровольская 2010: 215–217).

— ***Single crossbow fibula*** was discovered in:
8 (8)[2] **men's** graves, i. e. ca. **27 %**;
4 (3) women's graves, i. e. ca. **19 (14) %**;
4 (3) children's graves, i. e. ca. **18 (14) %**.

As we can see, single fibula appeared in comparable percentage of men's and women's graves, but more often in man's graves.

— ***A pair of crossbow fibulae*** was discovered in:
6 (6) men's graves, i. e. **ca. 20 %**;
4 (3) women's graves, i. e. **ca. 19 (14) %**.

Therefore, pairs of fibulae are presented only in adult's graves. They are as often in women's graves as in man's.

— ***Isolated beads*** were discovered in:
7 (7) men's graves, i. e. **ca. 23 %**;
5 (4) women's graves, i. e. **ca. 24 (19) %**;
4 (2) children's graves, i. e. **ca. 18 (9) %**.

It appears that such a traditional artefact of woman's attire as beads (as scattered items) was in graves of every kind in almost equal number, but beads were rare in graves of children.

— ***Buckles*** were discovered in:
8 (8) men's graves, i. e. **ca. 27 %**;
7 (7) women's graves, i. e. **ca. 33 %**;
1 (1) child's grave, i. e. **ca. 4.5 %**.

In this case, there is an obvious trend that buckles were in graves of adults, both men and women.

— ***Knives*** were discovered in:
17 (17) men's graves, i. e. **ca. 57 %**;
12 (11) women's graves, i. e. **ca. 57 (52) %**;
4 (3) children's graves, i. e. **ca. 18 (14) %**.

Obviously, knife in grave was more typical of adults' burials, though it was not a doubtless indicator of them.

There were some artefacts related mainly with graves of men:

— ***Single spurs*** were discovered in **2 (2) men's** graves only, i. e. **ca. 7 %**.

— ***Strap-ends*** were also found in **2 (2) men's** graves only, i. e. **ca. 7 %**.

[2] The first number indicates total quantity (or percentage) of specific burials of the given sex/age, brackets contain the quantity of graves with big mass of remains, i. e. with high degree of reliability.

— ***Bracelets (neck-rings?)***[3] were discovered in:

4 (4) men's graves, i. e. **ca. 13 %**;

1 (1) woman's grave, i. e. **ca. 5 %**;

1 (1) child's grave, i. e. **ca. 4.5 %**.

— ***Horse's*** graves to accompany the main burial, often with elements of tack, are discovered at:

9 (9) men's graves, i. e. **ca. 30 %**;

3 (3) women's graves, i. e. **ca. 14 %**;

3 (2) children's graves, i. e. **ca. 14 (9) %**.

Some elements of grave goods could probably indicate graves of women.

— ***Pins*** are discovered in:

3 (3) women's graves, i. e. **ca. 14 %**;

1 (1) child's grave, i. e. **ca. 4.5 %**.

As we can see, so far pins were discovered in women's and one child's graves only.

— ***Three fibulae*** were discovered in:

2 (2) women's graves, i. e. **ca. 9.5 %**;

1 (1) child's grave, i. e. **ca. 4.5 %**.

— ***Spindle whorls*** were discovered in the following graves:

4 (3) men's graves, i. e. **ca. 13 (10) %**;

4 (4) women's graves, i. e. **ca. 19 %**;

2 (2) children's graves, i. e. **ca. 9 %**.

In other words, women's graves more often contained spindle whorls, though it was not an indisputable indicator.

Therefore, it is arguable that ***men's burials*** in Mitino cemetery are notable for the presence of spurs, strap-ends, and bracelets (neck-rings?) among grave goods, as well as horse's burials to accompany the main grave. Moreover, the presence of one fibula is more typical of man's grave. The features of ***women's burials*** are not so pronounced. Nevertheless, we can suppose that three crossbow fibulae or more, pin and ceramic spindle whorl among grave goods most likely indicate burial of a woman.

Schlakalken-5 cemetery

New research of the cemetery of Schlakalken-5 from the Late Roman period (Zelenograd district in Kaliningrad *oblast'*; before 1945 this

[3] According to the data in possession (preservation, dimensions, location in grave), bracelet-like rings could not be undoubtedly interpreted as bracelets or neck-rings, so we combined them into a single category for now.

settlement was named Schlakalken, *Kreis* [district] Fischhausen) has confirmed the results obtained from the materials of Mitino cemetery (Мастыкова 2011: 360–361.). There were six graves made according to cremation rite. According to grave goods, this cemetery dates back to the Late Roman period, i. e. phases C1–C3 (ca. 160/180–350/370 AD) according to the European Barbaricum timeline, corresponding to phases 2–4 of the chronology of Sambian antiquities (Nowakowski 1996: 50–53).

Anthropological research has discovered **three (two) women's and two men's graves**. One **man's** burial contained crossbow ***brooch***, and an iron ***spear*** discovered not far from that grave — it was probably taken away from the grave by ploughing. ***Spindle whorls*** were discovered in two (one) **graves of women**.

The selection of physical anthropological data from Schlakalken-5 cemetery is certainly very small. Nevertheless, the materials of Schlakalken-5 cemetery supply evidence that the conclusion regarding the relation between the set of grave goods and anthropological data made for Mitino cemetery could work for other monuments also. Besides, these materials show that the determination of "man's" and "woman's" indicators among the grave goods in the Great Migration period and early Middle Ages are probably correct for the Late Roman period as well. Further accumulation of data by anthropological researches would help us to prove or disprove this observation.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Анна Мастыкова,
Мария Добровольская

Погребальный инвентарь самбийско-натангийской культуры позднеримского – раннесредневекового времени и данные антропологии

В археологии западных балтов достаточно остро стоит вопрос определения половозрастной атрибуции погребений самбийско-натангийской культуры римского времени и начала средневековья. Здесь доминируют захоронения по обряду кремации, определения костных останков из них не проводились. Поэтому практически все половозрастные атрибуции погребений базируются на анализе сопровождающего инвентаря. Последний определяется как «мужской» (например, оружие, предметы конского снаряжения, т. н. воинские поясные гарнитуры), или «женский» (украшения и элементы костюма, предметы, связанные с домашним производством), исходя из общеевропейского опыта «варварской» археологии. На базе таких, сугубо гипотетических заключений, зачастую делаются выводы о хронологической эволюции местного костюма или социальной стратификации древних балтов. Поэтому представляются актуальными результаты, полученные при палеоантропологических исследованиях, проведенных на материалах некрополей Митино и Шлакалькен-5 на Самбийском полуострове (рис. 1).

Методические подходы

Очевидно, что достоверность половозрастных определений пола зависит от размерности сохранившихся фрагментов. Поэтому практически все определения пола индивидов относятся к скоплениям костей, масса которых превышает 100 г, где выше вероятность встретить один или несколько анатомически определимых фрагментов. В ряде скоплений, характеризующихся низкими показателями массы (менее 10 г), присутствовали лишь мелкие фрагменты, поэтому определение половозрастных характеристик практически невозможно. В некоторых случаях малая масса кремации обусловлена детским возрастом индивида. Однако для того, чтобы идентифицировать кремацию как детскую, необходимо встретить участки костей черепа со швами, фрагменты костей свода черепа с несформированным диплоэ, части лобной кости в области глазницы, эпифизарные области длинных трубчатых костей и пр. В том случае, когда мы имеем дело со скоплением мелких фрагментов без «детских признаков» можно предполагать, что мелкие фрагменты могли остаться в результате более длительного сжигания тела на погребальном костре.

Могильник Митино

Всего на могильнике Митино (Гурьевский район Калининградской области) исследовано 259 погребений конца V – XIV вв. (Скворцов 2010). Многочисленные кремации, относящиеся к концу V – началу VIII в., достаточно стандартны и представляют собой остатки трупосожжений, произведенных на стороне и захороненных в грунтовых ямах, часто под каменными кладками. В ряде случаев погребения сопровождаются захоронениями коней. Антропологически были определены костные останки из 73 погребений конца V – начала VIII в. (Добровольская 2010: 199–217). Из них, с большей или меньшей долей вероятности, 30 захоронений были определены как мужские, 21 — как женские, иногда с ребенком, 22 — как детские.[4]

Сопоставление палеоантропологических данных и состава погребального инвентаря позволяет определить, какие предметы или черты погребального обряда присущи мужским захоронениям, а какие — женским. В данном случае особо важным представляется тот факт, что могильник Митино является вполне «рядовым», то есть отражает массовую культуру основной части самбийско-натангийского населения, и, таким образом, может служить своеобразным репером в дальнейших исследованиях древностей конца V – начала VIII в. на Самбийском полуострове.

Мужские, женские и детские (детские — без определения пола) погребения выявлены примерно в равном числе, что делает сопоставления корректными, хотя общее число антропологически исследованных кремаций заставляет считать наши выводы сугубо предварительными.

По набору вещей детские погребения содержали те же вещи, и были совершены по тому же обряду, что и захоронения взрослых людей. Значительная часть категорий погребального инвентаря является общей для всех трех групп захоронений — мужских, женских и детских. При этом количество могил с этими предметами иногда варьирует в зависимости от пола/возраста погребенных, что позволяет выявить некоторые тенденции в составе инвентаря.

— Одна арбалетная фибула встречена в:

8 (8)[5] **мужских** захоронениях — приблизительно **27 %**;

4 (3) женских — приблизительно **19 (14) %**;

4 (3) детских — приблизительно **18 (14) %**.

Как видим, наличие одной фибулы в сопоставимом процентном соотношении отмечено как в мужских, так и в женских захороне-

[4] По данным, уточнённым уже после публикации могильника Митино в 2010 г. (Добровольская 2010: 215–217).

[5] Первая цифра обозначает общее число (или процент) определённых погребений данного пола/возраста, в скобках — количество погребений с большой массой останков, т. е. с высокой степенью достоверности.

ниях, хотя в мужских могилах она встречается несколько чаще.

— ***Пара арбалетных фибул*** встречена в:

6 (6) мужских погребениях — приблизительно **20 %**;

4 (3) женских — приблизительно **19 (14) %**.

Таким образом, пары фибул представлены только в погребениях взрослых. При этом в женских захоронениях они присутствуют так же часто, как и в мужских.

— ***Единичные бусы*** встречены в:

7 (7) мужских погребениях **—** приблизительно **23 %**;

5 (4) женских — приблизительно **24 (19) %**;

4 (2) детских — приблизительно **18 (9) %**.

Получается, что такой традиционный предмет женского убора, как бусы, в виде разрозненных экземпляров, попадал в погребения всех категорий примерно в равном количестве, причем в детских погребениях бусы встречаются реже.

— ***Пряжки*** встречены в:

8 (8) мужских погребениях — приблизительно **27 %**;

7 (7) женских — приблизительно **33 %**;

1 (1) детском — приблизительно **4,5 %**.

В данном случае выявляется явная тенденция присутствия пряжек в погребениях взрослых людей как мужских, так и женских.

— ***Ножи*** встречены в:

17 (17) мужских могил — приблизительно **57 %**;

12 (11) женских — приблизительно **57 (52) %**;

4 (3) детских погребениях — приблизительно **18 (14) %**.

Видимо, помещение ножа в могилу более типично для захоронений взрослых людей, хотя и не является их однозначным индикатором.

Выделяются некоторые предметы, связанные преимущественно с мужскими погребениями:

— ***Одиночные шпоры*** встречены только в **2 (2) мужских** погребениях — приблизительно **7 %**.

— ***Ременные наконечники*** также присутствуют только в **2 (2) мужских** захоронениях — приблизительно **7 %**.

— ***Браслеты (гривны?)***[6] представлены в:

4 (4) мужских — приблизительно **13 %**;

[6] По имеющимся данным (сохранность, размеры, позиция в погребении) браслетообразные кольца не могут быть однозначно интерпретированы как браслеты или как гривны, поэтому мы объединили их пока в единую категорию.

1 (1) женском — приблизительно **5 %**;

1 (1) детском захоронении — приблизительно **4,5 %**.

— ***Конские*** сопровождающие захоронения, зачастую с элементами экипировки, отмечены в:

9 (9) мужских — приблизительно **30 %**;

3 (3) женских — приблизительно **14 %**;

3 (2) детских погребениях — приблизительно **14 (9) %**.

Некоторые элементы погребального инвентаря могут, вероятно, служить индикатором женских могил:

— ***Булавки*** встречены в:

3 (3) женских — приблизительно **14 %**;

1 (1) детском погребении — приблизительно **4,5 %**.

Как видим, булавки на сегодняшний день встречены только в женских и детских погребениях.

— ***Три фибулы*** встречены в:

в 2 (2) женских погребениях — приблизительно **9,5 %**;

в 1 (1) детском — приблизительно **4,5 %**.

— ***Пряслица*** встречены в следующих погребениях:

4 (3) мужских — приблизительно **13 (10) %**;

4 (4) женских — приблизительно **19 %**;

2 (2) детских — приблизительно **9 %**.

Иными словами, в женских погребениях пряслица встречаются чаще, но при этом они не являются неоспоримым индикатором.

Итак, можно утверждать, что ***мужские погребения*** могильника Митино отличаются присутствием в инвентаре шпор, ременных наконечников, браслетов (гривен?), а также сопровождающих конских захоронений. Кроме того, наличие одной фибулы более характерно для мужских могил. Признаки ***женских захоронений*** выступают не так четко. Можно тем не менее полагать, что нахождение в погребальном инвентаре трех арбалетных фибул, булавок и керамических пряслиц является скорее индикатором женских могил.

Могильник Шлакалькен-5

Новые исследования, проведенные на могильнике позднеримского времени Шлакалькен-5 (Зеленоградский район Калининградской области, до 1945 г. Шлакалькен, округ Фишхаузен) подтверждают результаты, полученные на материалах некрополя Митино (Мастыкова 2011: 360–361). Здесь было открыто шесть погребений, совершенных по обряду кремации. Некрополь, судя по погребальному инвентарю, относится к позднеримскому времени, т. е. к фазам C1-C3 (ок. 160/180–350/370 гг.) по хронологии европейского Барбарикума, что соответствует фазам 2–4 хронологии древностей Самбии (Nowakowski 1996: 50–53).

При антропологическом исследовании выявлено **3 (2) женских** и **2 мужских** погребения. При этом в одном из ***мужских*** погребений была встречена арбалетная ***фибула***, а неподалеку от погребения было найдено железное ***копье***, возможно вынесенное из погребения при распашке. ***Пряслица*** были обнаружены в **2 (1) женских** погребениях.

Конечно, выборка антропологических данных некрополя Шлакалькен-5 очень мала. Тем не менее, материалы могильника Шлакалькен-5 свидетельствуют, что выводы о соотношении набора погребального инвентаря и антропологических данных, сделанные для могильника Митино, могут быть распространены и на другие памятники. Кроме того, эти материалы показывают, что определения «мужских» и «женских» индикаторов погребального инвентаря, выявленные для эпохи Великого переселения народов и начала средневековья, видимо актуальны и для позднеримского времени. Дальнейшее накопление данных антропологических исследований позволит нам подтвердить или опровергнуть эти наблюдения.

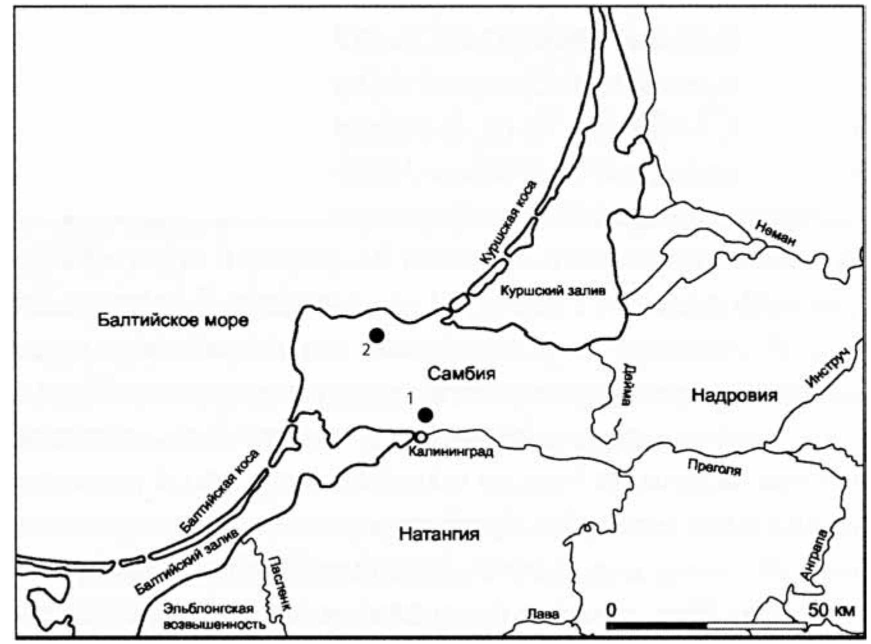


Fig. 1. Distribution map for cemeteries of Mitino and Schlakalken-5 in Kaliningrad *oblast'*: *1* — Mitino, *2* — Schlakalken-5 (Скворцов 2010, amended by the authors)

Рис. 1. Карта расположения могильников Митино и Шлакалькен-5 в Калининградской области: *1* — Митино, *2* — Шлакалькен-5 (Скворцов 2010, с дополнением авторов)

Valentina Mordvintseva

The Complexity of Interaction in the North Pontic Region from the Third Century BC to the Mid-Third Century AD (Based on the Elite Burials of the Barbarians)

The periphery of the North-Pontic Greek cities was inhabited by various barbarian tribes. Information of these peoples is rather sparse and confined by the interests of antique authors and their audience. Direct contacts of the Greeks with barbarians apparently happened only at some places, not far from the Greek settlements. It might be reflected by the geographical points of the North Black Sea Region known to the literary tradition.

According to the general modern view the steppes of the Dnieper, Don, and Volga valleys from the third century BC to the mid-third century AD were inhabited by the Sarmatian tribes using a burial mound rite. The Crimean steppes and partly the Lower Dnieper region were occupied by the Scythians — descendants of those defeated by the Sarmatians (so-called Late Scythian Culture). In the steppes of the Kuban Region lived partly Sarmatians with a *kurgan* burial rite, partly — Maiotians (flat cemeteries). However, this view does not reflect the real picture of the distribution of archaeological sites, which has changed several times from the third century BC to the third century AD.

The map of the fourth century BC shows clusters of *kurgan* mounds in the bend of the Dnieper and in the northern Crimea, and relatively small numbers of burials in the Lower Don and Volga regions. By the third century BC the number of sites in the Dnieper region is sharply reduced, and their types change. At the same time the numbers of burial sites increase in the Kuban, Lower Don, and Lower Volga valleys. The next change happened in the second half of the first century BC. All

these changes were apparently connected with events that have affected the entire North Pontic region. Let us try to identify the causes of these changes by studying the dynamics of development of the burial rite and the composition of the ostentatious burials in two quite different areas of the Northern Black Sea region — the Lower Dnieper and the Lower Volga.

The influence of the centres of civilization on the periphery was expressed most significantly in the burials of the barbarian elites. Political and economic interests of the centre suggested an immediate contact with representatives of the nobility of neighbouring barbarian peoples. The way in which the barbarian society buried their outstanding members identifies the entire culture, including the main cultural values, directions of foreign relations and contacts.

The features of the ostentatious burials of the North Pontic region have not yet been specified. To highlight these features, an analysis of the burial rite was undertaken in order to identify the statistical model of an average burial in each area of research at different chronological stages. The burials that rank above the average were separately analysed in order to find features of a high social status. In this way the elite complexes were selected for each area.

Following this, the elite assemblages were divided into levels, depending on the presence of particular categories of status objects. Each higher level includes, as a rule, items of the level below it.

Level 0. A burial includes only standard grave-goods. There are no status objects.

Level 1. Objects are presented which are usual for the burial rite of this culture, but they are made of precious material (silver, gold, precious/semiprecious stones), and there are imported objects which were not insignia in their culture of origin.

Level 2. The assemblages include insignia — the outward symbols of power in a given culture at a certain stage of social complexity (in our case study, it is the stage of chiefdom). Such symbols are known from the literary and pictorial sources and/or archaeological contexts.

Level 3. The burial assemblage includes insignia which are characteristic of a culture at a greater degree of social complexity than the culture of the case study (i.e. the state).

After this, a qualitative analysis of the composition of all elite burials was carried out.

1. Lower Volga Region

Archaeological sites of the Lower Volga from the third to the mid-first century BC are represented by the *kurgan* burials and depositions of grave goods without human remains (we would call them "votive depositions"), and from the mid-first century BC to the mid-third century AD solely by the *kurgan* burials.

Among the elite burials of the Lower Volga region, several distinctive groups were identified.

Third to the first half of the first century BC. The elite burials of the period can be divided in two levels. Level 1 is represented by female, male, and children's graves with gold jewellery as status objects. The graves of the second level are divided in four groups depending on the burial rite and composition of the grave goods.

At the beginning of the period, up to the mid-second century BC, there are no status objects which got here from distant countries. Most status objects were produced in local centres. Some finger-rings with smooth convex shields indicate a connection with the Lower Dnieper region.

About the mid-second BC the situation changed. Female and male elite burials now show different directions of connections. At Level 1 most status objects are of local provenance. Ear-rings made in the Lower Don centres (apparently in the Bosporan colony of Tanais) are rare finds in female graves.

The female graves of the second level contain many status objects produced in the Kuban region, and very rarely items from Hellenistic Iran.

Male burials of the second level indicate a variety of connections including those to the Eurasian steppes (belt plaques, *phalerae* of horse harness, animal style objects), Hellenistic Iran (precious cups), the Kuban region (jewellery, horse harness), and the Lower Dnieper region (some of *phalerae* in votive depositions).

Second half of the first century BC to the mid-second century AD. The second chronological period is marked by certain changes among the elite burials. The votive depositions ceased. The elite burials can now be divided into three levels.

For instance, the Kosika burial, dated to the second half of the first century BC, has a non-standard burial rite, far away from any *kurgan* cemetery. Finds there include insignia such as set of silver drinking vessels of the highest artistic quality, a golden funeral wreath, a gold pectoral with

animal style decoration, and many other imported precious objects. The funeral gold wreath and the set of high quality drinking vessels should be considered as insignia which came from a culture at a greater degree of social complexity.

From that time on, the origin of status objects indicates a remarkable change in contacts of the social elite of the Lower Volga. Female and male graves are furnished with Roman Provincial bronze and silver vessels. Jewellery and belt fittings, even animal style objects, are now produced in the Greek workshops of the North Pontic region.

Second half if the second to the mid-third century AD. In this period, the quantity of elite burials decreases sharply. There are mainly burials of level one, without insignia. In the male graves of level two the number of insignia and their composition is significantly reduced. At this time, most of jewellery and other status objects are of types which are widespread in the North Pontic region. The animal style objects are not represented any longer.

2. Lower Dnieper Region

As shown before, the pattern of archaeological monuments in the Lower Dnieper area changed markedly from the third century BC. In the fourth century BC the Dnieper bend was full of *kurgan* mounds of the Scythian Culture, and there were numerous settlements along the river. From the third to the mid-first century BC the archaeological evidence here consists of some settlements and a few rare burials — single *kurgan* graves, graves inserted into the occupation layers of settlements, and depositions of grave goods in *kurgan* mounds, natural hills and river banks. Around the mid-first century BC along the Dnieper, many settlements appeared in new locations. Burials are now represented by flat cemeteries, *kurgan* cemeteries and votive depositions.

The elite assemblages of the Lower Dnieper show the following picture.

Third to the mid-first century BC. In the first chronological period there are several depositions with grave goods of the female set (with jewellery), which indicates level one of elite assemblages. There is one grave inserted into the occupation layer of the Kamenskoye settlement, with insignia such as gold mouth- and eye-pieces, which may suggest its male character.

Most of other elite complexes are depositions of a male set of status objects and insignia with a clear military orientation.

The female sets are made up of jewellery of local and apparently of Crimean provenance. A clear connection to the Crimea appears by the gold mouth- and eye-pieces which are found in abundance in the elite burials of Neapolis Scythica and some other barbarian cemeteries of the pre-Mountain Crimea.

The votive depositions are military sets of grave goods containing status objects, which show connections mainly in westward directions. These are Montefortino-type helmets, silver *phalerae* of horse harness, and silver cups of Western Mediterranean provenance.

Second half of the first century BC to the mid-second century AD. Around the mid-second century AD, distinctive changes happened in types and composition of elite assemblages. Instead of votive depositions of grave goods three levels of elite burials appeared.

Elite burials of all levels contain Roman provincial goods of variable quality: from the highly artistic silverware to the stands of bronze vessels used secondarily as amulets.

The male burials of the second level contain status objects of eastern appearance, but made mainly in the Greek cities of the North Pontic region.

The female elite graves of the third level are remarkable for the high-quality jewellery of Eastern Mediterranean provenance and items originating from the distant lands of China (silk dress, lacquer, mirror) and the Near East (stands for mirrors, a fan, toilet vessels).

In the male burial of the third level, gold jewellery, belt fittings and Roman provincial tableware were found in addition to gold leaves of a funeral wreath which indicates insignia in Greek and Roman culture.

Second half of the second to the mid-third century AD. At this time the large *kurgan* and flat cemeteries of the Lower Dnieper area cease to exist; only single burials are found. Graves which could be interpreted as elite are very rare and all belong to level one. These burials contain status objects of local, Bosporan, and Roman provincial origin.

Conclusions

The comparison between the two regions makes it possible to reconstruct the following picture of their relationship with neighbouring and distant lands.

In the period from the third to the mid-first century BC both regions differ remarkably in the types and composition of elite burials and in the provenance of status objects.

The Lower Dnieper area at this time looks as a common cultural zone with the Barbarian cultures of the North-Western Pontic region and Eastern Europe (modern Romania, Bulgaria, and Hungary). This unity can be seen not only in the material of elite assemblages, but by the general appearance of the material culture, and the composition and types of archaeological monuments.

The Lower Volga region shows a type of material culture different from that of the Dnieper area. The elites of this region had permanent contacts with the Northern Caucasus, on the one hand, and cultures of the Eurasian steppes, on the other.

However, around the mid-first century BC something happened which caused changes in both regions discussed here. As a result, the elite burials of level three appeared. These ostentatious burials contained status objects common in both territories: Roman provincial tableware, jewellery, belt sets, and horse harness produced in the workshops of the Greek cities of the North Pontic region.

From the second half of the second to the mid-third century AD the quantity of elite burials declined sharply. Sets of status objects are represented now mainly by jewellery, belt sets, and horse harness of Bosporan provenance.

This picture which is based on archaeological evidence may be interpreted in historical terms as follows.

The significant differences between two regions noticed for the first chronological period most likely point to different self-identification of the respective populations. The structure and kinds of archaeological evidence in the Lower Volga region are characteristic of a nomadic economic and cultural type. This may be well reflected in the character and directions of the contacts of the regional elites. The appearance in the male elite graves of status objects of Central Asian and Eurasian steppe provenance may be linked to the well-known events at the end of the second century BC on the northern frontiers of Greco-Bactria. These events resulted in increased mobility in the nomadic world throughout the Steppe belt, activation of Xiunnu people, which may be reflected in the spread of certain status objects (for instance, belt plates) in the elite graves within this region.

The contemporary archaeological culture of the Lower Dnieper region in the first period belonged to a different type. It contains no features of the material culture that can be identified with nomads. It is worth recalling the literary and epigraphic sources which mention at exactly this time the presence of Celts and Bastarnae in the northern Black Sea region. This might explain the resemblance of the Lower Dnieper archaeological culture with its western neighbours. In the following periods this local culture changed, and a nomadic-looking culture came along with. It might be connected with an appearance of new people from the East. However, it was not the only event at the period, which influenced the composition of burial assemblages.

At the end of the second century BC, Rome's struggle for supremacy resulted in several wars with king of Pontus Mithridates VI Eupator whose allies in these wars were barbarian peoples of the Northern Caucasus and the Crimea. Precious drinking vessels of oriental origin found in the elite burials of the mid-first century BC may be part of diplomatic gifts received by the barbarians as a result of this alliance. The defeat of Mithridates radically changed the situation in the northern Black Sea region. It resulted in the subordination to Rome of the Greek *poleis* and the Bosporan kingdom, which were for a short time even under the direct governance of the empire. Later, until the disastrous Gothic wars, Rome followed a policy of support for Bosporos. The extreme rarity of elite burials with insignia in the second and first half of the third century AD in the Lower Dnieper and Lower Volga regions can be interpreted in several ways. But a stabilization of the political situation on the frontiers of the Bosporan Kingdom is one plausible explanation.

Валентина Мордвинцева

Контакты населения Северного Причерноморья в III в. до н. э. – середине III в. н. э. (по материалам погребений варварской знати)

Периферию северопонтийских греческих городов населяли различные варварские племена. Данные об этих народах весьма фрагментарны, будучи ограниченными интересами античных авторов и их читателей. Непосредственные контакты между греками и варварами, очевидно, происходили в ограниченном количестве мест, поблизости от греческих поселений. Их отражением могут быть географические названия в Северном Причерноморье, известные в литературной традиции.

Согласно общепринятым сейчас представлениям, в III в. до н. э. – середине III в. н. э. степи в долинах Днепра, Дона и Волги населяли племена сарматов, хоронивших под курганами. Крымские степи и частично Нижнее Поднепровье были заняты скифами — потомками тех, кого победили сарматы (так называемая «позднескифская культура»). В степях у реки Кубани жили отчасти сарматы, хоронившие под курганами, отчасти меоты (грунтовые могильники). Однако этот обзор не отражает реальную картину распространения археологических памятников, изменившуюся несколько раз на протяжении III в. до н. э. – III в. н. э.

На карте IV в. до н. э. показаны группы курганных насыпей у изгиба Днепра и в северном Крыму, а также относительно небольшое число погребений на Нижнем Дону и Волге. К III в. до н. э. количество памятников в Поднепровье сильно сократилось, а их тип изменился. В то же время возрастает количество погребальных памятников на Кубани, в Нижнем Подонье и на Нижней Волге. Следующие изменения произошли во второй половине I в. до н. э. Очевидно, все эти изменения были связаны с событиями, повлиявшими на весь северопонтийский регион. Попробуем выявить причины этих изменений, рассмотрев динамику развития погребального обряда и состав демонстративно богатых захоронений в двух достаточно разных регионах Северного Причерноморья — в Нижнем Поднепровье и в Нижнем Поволжье.

Влияние, которое центры цивилизации оказывали на периферию, сильнее всего отражалось на погребениях варварской знати. Политические и экономические интересы центра предполагали непосредственные контакты с представителями знати живших по соседству варварских племён. Способ захоронения выдающихся представителей варварского общества определяет всю культуру, в том числе основные культурные ценности, направление внешних сношений и контактов.

Черты демонстративно богатых погребений в северопонтийском регионе пока не выявлены. Чтобы подчеркнуть эти черты, был предпринят анализ погребального обряда, имевший целью выявить статистическую модель среднего погребения в каждой из исследуемых областей на разных хронологических стадиях. Погребения, выделяющиеся из среднего уровня, проанализированы отдельно, чтобы выделить черты высокого общественного положения. Таким образом, для каждого региона выбраны элитные комплексы.

Вслед за тем, элитные комплексы были разделены на уровни в зависимости от наличия конкретных категорий статусных вещей. Как правило, каждый следующий уровень включает и вещи, характерные для предшествующего.

Нулевой уровень. В погребении находятся только стандартный набор инвентаря. Статусных вещей нет.

Первый уровень. Представлены вещи, обычные для погребального обряда данной культуры, но изготовленные из ценного металла (серебро, золото, драгоценные или полудрагоценные камни), есть также импортные вещи, не являвшиеся знаками власти в той культуре, в которой они произведены.

Второй уровень. В комплексах имеются инсигнии — внешние символы власти в данной культуре на определённой стадии общественного развития (в нашем конкретном случае, на стадии вождества). Эти символы известны по письменным и изобразительным источникам и/или археологическому контексту.

Третий уровень. Погребальный комплекс со знаками власти, характерными для культуры на более высоком уровне общественного развития, чем исследуемая культура (т. е. государство).

После этого, производился качественный анализ состава всех погребений знати.

1. Нижнее Поволжье

Археологические памятники Нижнего Поволжья III – середины I в. до н. э. представлены подкурганными погребениями и захоронениями погребального инвентаря без человеческих останков (мы будем называть их «вотивными комплексами»), а в середине I в. до н. э. – середине III в. н. э. только подкурганными погребениями.

Среди погребений знати в Нижнем Поволжье было выделено несколько выраженных групп.

III – первая половина I в. до н. э. В погребениях знати этого времени можно выделить два уровня. Первый уровень представлен женскими, мужскими и детскими могилами, где в качестве статусных вещей выступают золотые украшения. Могилы второго уровня делятся на четыре группы в зависимости от погребального обряда и состава инвентаря.

Не известно статусных вещей, привезённых из далёких стран и датированных началом периода — до середины II в. до н. э. Большинство статусных вещей производилось в местных центрах. Некоторые перстни с гладким выпуклым щитком указывают на связи с Нижним Поднепровьем.

Положение дел изменилось около середины II в. до н. э. Женские и мужские погребения знати теперь указывают на разнонаправленные связи. На первом уровне наиболее статусные вещи местного происхождения. Изредка в женских погребениях обнаруживают серьги, изготовленные в центрах Нижнего Подонья (вероятно, в боспорской колонии Танаис).

В женских могилах второго уровня находят много статусных вещей, изготовленных в Прикубанье, и очень редко — вещи из эллинистического Ирана.

Мужские погребения второго уровня указывают на разнообразные связи, в том числе с евразийской степью (поясные накладки, фалары от конской упряжи, изделия в зверином стиле), Прикубаньем (ювелирные изделия, конская упряжь) и Нижним Поднепровьем (часть фаларов из вотивных комплексов).

Вторая половина I в. до н. э. – середина II в. н. э. Второй хронологический период отмечен некоторыми изменениями в погребениях знати. Прекращается традиция вотивных комплексов. Погребения знати теперь можно разделить на три уровня.

Например, в погребении у с. Косика, датированном второй половиной I в. до н. э., использован нестандартный обряд, совершенно непохожий на курганные некрополи. Среди находок были символы власти, например, набор серебряных сосудов для питья выдающегося художественного качества, золотой погребальный венок, золотая пектораль в зверином стиле и много других престижных импортных вещей. Золотой погребальный венок и набор высококачественных сосудов для питья следует считать знаками власти, происхождение которых связано с обществом, находившимся на более высоком уровне общественного развития.

С этого момента происхождение статусных вещей демонстрирует примечательные изменения в контактах верхушки общества нижнего Поволжья. В женских и мужских погребениях помещали римские провинциальные бронзовые и серебряные сосуды. Украшения и поясные наборы, и даже вещи в зверином стиле теперь делали в греческих мастерских в северопонтийском регионе.

Вторая половина II – середина III в. н. э. В это время количество погребений знати резко сокращается. В основном это погребения первого уровня, без символов власти. В мужских погребениях второго уровня количество знаков власти и их состав значительно сокращаются. В это время большая часть ювелирных изделий и других статусных предметов принадлежат распространённым в северопонтийском регионе типам. Изделия в зверином стиле больше не используются.

2. Нижнее Поднепровье

Как показано выше, начиная с III в. до н. э. заметно изменяется модель распространения археологических памятников в Нижнем Поднепровье. В IV в. до н. э. в районе у излучины Днепра находились курганные насыпи скифской культуры, а вдоль реки тянулись многочисленные поселения. В III – середине I в. до н. э. археологические памятники в этом районе сводятся к нескольким поселениям и очень немногочисленным погребениям — единичным подкурганным захоронениям, погребениям, впущенным в культурные слои поселений, и захоронениям погребального инвентаря под курганными насыпями, в естественных холмах и на берегах рек. Около середины I в. до н. э. многие поселения, находившиеся вдоль по течению Днепра, изменили местоположение. Теперь погребения представлены грунтовыми могильникамии и курганными могильниками, существуют также вотивные комплексы.

Элитные комплексы Нижнего Поднепровья представляют собой следующую картину.

III – середина I в. до н. э. К первому хронологическому периоду относятся несколько захоронений с погребальным инвентарём из женского набора (с ювелирными изделиями), указывающим на первый уровень элитных комплексов. Одна могила впущена в культурный слой на Каменском поселении, в ней найдены знаки власти, например, золотые наглазники и нагубники, которые могут указывать на её принадлежность к мужским погребениям.

Большинство других элитных комплексов — это захоронения мужских наборов статусных вещей и знаков власти, имеющие очевидный воинский харктер.

Женские наборы состоят из ювелирных изделий местного и, очевидно, крымского происхождения. На ясные связи с Крымом указывают золотые нагубники и наглазники, в изобилии найденные в погребениях знати скифского Неаполя и в нескольких других варварских могильниках в предгорном Крыму.

Вотивные комплексы представляют собой воинские наборы погребального инвентаря со статусными вещами, указывающие на

связи, главным образом, в западном направлении. Это шлемы типа Монтефортино, серебряные фалары от конской упряжи, и серебряные кубки западно-средиземноморского происхождения.

Вторая половина I в. до н. э. – середина II в. н. э. Около середины II в. н. э. происходят разительные изменения в типах и составе элитных комплексов. Место вотивных комплексов погребального инвентаря занимают захоронения знати трёх уровней.

В погребениях знати всех уровней найдены римские провинциальные вещи разного качества, от высокохудожественных серебряных изделий до подставок для бронзовых сосудов, использованных вторично в качестве амулетов.

В мужских погребениях второго уровня найдены статусные вещи восточного облика, но изготовленные главным образом в греческих городах северопонтийского региона.

Женские погребения знати третьего уровня примечательны наличием высококачественных ювелирных изделий восточно-средиземноморского происхождения и вещей, происходивших из отдалённых земель — Китая (шёлковое платье, лак, зеркало) и Ближнего Востока (подставки для зеркал, веер, туалетные сосуды).

В мужском погребении третьего уровня найдены золотые ювелирные изделия, поясная гарнитура и римская провинциальная столовая посуда, а также золотые листики от погребального венка, указывающие на существование символов власти греко-римской культуры.

Вторая половина II – середина III в. н. э. В это время прекращают использоваться крупные курганные и грунтовые некрополи в Нижнем Поднепровье; открыты лишь единичные погребения. Могилы, которые можно связать со знатью, очень редки, все они принадлежат к первому уровню. В этих могилах открыты статусные вещи местного, боспорского и провинциально-римского происхождения.

Выводы

Сопоставление двух регионов даёт возможным реконструировать следующую картину их взаимоотношений как с соседними, так и с далёкими землями.

В III – середине I в. до н. э. оба региона существенно различались по типам и составу погребений знати и по происхождению статусных предметов.

В это время Нижнее Поднепровье, кажется, было общей культурной зоной варварских культур Северо-Западного Причерноморья и

Восточной Европы (современные Румыния, Болгария и Венгрия). Это единство можно проследить не только на материалах погребений знати, но и по общему облику материальной культуры и по составу и типам археологических памятников.

Материальная культура региона Нижнего Поволжья оказалась другой по сравнению с Поднепровьем. В этом регионе знать имела постоянные контакты с Северным Кавказом с одной стороны и культурами евразийских степей с другой.

Тем не менее, около середины I в. до н. э. произошли какие-то события, вызвавшие изменения в обоих обсуждаемых регионах. Одним из результатов стало появление погребений знати третьего уровня. В этих демонстративно богатых погребениях находились статусные вещи, общие на обеих территориях: римская провинциальная столовая посуда, ювелирные изделия, поясные наборы, а также конская упряжь, изготовленная в мастерских греческих городов северопонтийского региона.

Во второй половине II – середине III в. н. э. количество погребений знати резко сократилось. Наборы статусных вещей теперь представлены главным образом ювелирными изделиями, поясной гарнитурой и конской упряжью боспорского происхождения.

Эту картину, основанную на археологических данных, в исторических терминах можно интерпретировать следующим образом.

Существенные различия между двумя регионами, отмеченное в первом хронологическом периоде, скорее всего, указывает на разную самоидентификацию соответствующих групп населения. Структура и виды археологических находок в Нижнем Поволжье характерны для кочевого хозяйственно-культурного типа. Он мог очевидно сказываться на характере и направлении контактов региональной знати. Появление статусных вещей, происходивших из Центральной Азии и евразийских степей, в мужских погребениях знати можно связать с широко известными событиями на северных границах Греко-Бактрийского царства в конце II в. до н. э. Эти события привели к увеличению мобильности кочевого мира по всему степному поясу, активизации народа ксюнну, выражением чего могло быть распространение некоторых статусных вещей (например, поясных накладок) в погребениях знати в данном регионе.

Синхронная археологическая культура Нижнего Поднепровья в первом периоде относилась к другому типу. В этой материальной культуре не было черт, которые можно связать с кочевниками. Она заставляет вспомнить литературные и эпиграфические источники, которые упоминают, и именно в это время, кельтов и бастарнов в Северном Причерноморье. Это может объяснять сходство археологической культуры Нижнего Поднепровья и её западных соседей. В дальнейшем эта местная культура изменяется, параллельно возникает культура кочевого облика. Это можно связать с появлением нового народа, пришедшего с востока. Однако это было не единственным событием в данное время, повлиявшим на состав погребальных комплексов.

В конце II в. до н. э. борьба Рима за мировое господство привела к нескольким войнам с Митридатом VI Евпатором, союзниками которого в этих войнах были варварские народы Северного Кавказа и Крыма. Найденные в погребениях знати середины I в. до н. э. драгоценные сосуды для питья восточного происхождения могли быть частью дипломатических даров, полученных варварами в результате этого союза. Поражение Митридата радикально изменило ситуацию в Северном Причерноморье. Результатом стало подчинение Риму греческих полисов и Боспорского царства, которое даже на короткое время оказалось в прямом управлении империей. Позднее и до самых катастрофических готских войн, Рим следовал политике поддержки Боспора. Чрезвычайную редкость погребений знати с символами власти во II — первой половине III в. н. э. в Нижнем Поднепровье и Нижнем Поволжье можно интерпретировать несколькими способами. Стабилизация политической ситуации на пограничье Боспорского царства является одним из возможных объяснений.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Barbara Niezabitowska-Wiśniewska

The Settlement Complex in Ulów, Tomaszów Lubelski Powiat, Lublin Voivodeship — Midway between Scandinavia and the Black Sea

The complex of sites in vicinity of village Ulów is located in the Middle Roztocze area (Tomaszów Lubelski *gmina* [commune], Tomaszów *powiat* [district], Lublin *voivodeship* [province]). It consists of eight archaeological monument, six of which were excavated (nos. 3, 6, 7, 8, 9, and 10). Among them, there are two settlements (nos. 9 and 10) and two cemeteries (nos. 3 and 7), separated from each other by a deep valley of a rivulet, now intermittent. At the same time, it is a border between two zones, sacral and profane (Низабитовская 2002; Niezabitowska 2003a; 2003b; 2004; 2005a; 2005b: 85–94; 2007; Niezabitowska-Wiśniewska 2007; 2008; 2009a; 2009b: 201–202; 2010; 2011; 2012; Niezabitowska-Wiśniewska, Wiśniewski 2011).

Geographically, the Ulów group of sites is located at the midway between Scandinavia and the Crimea (the distance between Ulów and Copenhagen and between Ulów and Simferopol is about 1,000 km as the crow flies). Before the regular excavation started in 2002, the area of Roztocze hills, especially central and southern, was considered a place not convenient for settlements from the late antique period (Niezabitowska 2005b: 78–83).

So far, the studies of the Ulów group of sites allowed one to date them to phases (C1b) C2–D1. However, it should be noted that the materials of the most investigated site no. 3 (cemetery) suggest its chronology as phases C2 and C3–D1. Some of the materials found there correspond to phase D2 as well. Younger is also the chronology of a part of the finds in the so-called Ulów collection: they date back to the second half of the fifth and, possibly, the early sixth century (Bagińska, Niezabitowska 2003; 2004).

On the map of archaeological culture in the Late Roman period and early stage of the Great Migration period, Ulów is located in the south-

western part of settlement zone F of the Wielbark area; it seems to point out its border in this zone.[1]

Therefore, the features typical of the Wielbark culture dominate over the cemeteries discovered in Ulów. However, no fewer is the number of features of funeral rite, location of the sites, as well as grave goods possessing parallels in other cultural units, and especially in Masłomęcz group and in the Chernyakhov culture. A part of the finds has even wider analogies scattered through a vast area of the European Barbaricum.

Elements typical of the circle of Gothic cultures

Many artefacts discovered in Ulów cemeteries have numerous analogies in the Wielbark culture and Masłomęcz group, as well as in the Chernyakhov and S*â*ntana de Mureş culture. They include fibulae of type A.172, fibulae derivative from A.181, buckles of Renata Madyda-Legutko's group J, and those with widened frame — group H, as well as specific ceramic artefacts of type Bernašivka.

The main feature of A.172 fibulae is hook-like construction of the catch-plate. These fibulae date back to phases C2/C3 and C3–D (Kokowski 1995: 15, 48–49; Schuster 2004a). Very often, their catch-plate has transverse cuts to imitate coils of wire. Other elements of A.172 fibulae and their derivatives are extremely diverse, which could be illustrated, among others, by specimens with richly decorated bow or with knob on the head. Fibulae with hook-like catch-plate in the area of the Chernyakhov and Sântana de Mureş cultures often have long springs and, a bit rarer, double cords. They also differ from "classical" specimens with their proportions and profile of the back. Few fibulae with hook-like catch-plates in the Przeworsk culture and those in the Western Baltic circle should probably be analysed separately. Their form greatly differs from classical artefacts of type A.172. One can suppose that hook-like construction of catch-plates was sometimes transmitted to other types of fibulae. There certainly are several variants of the fibulae with hook-like catch-plate, with classical artefacts of type A.172 certainly belonging to the Wielbark culture. Among

[1] Before the excavations in Ulów started, Wieprzec had been considered the southernmost Wielbark site in Poland, and this culture's border had been placed on the northern line of Roztocze hills (Urbański 1988; Kokowski 1988a: 17–18, 21, rys. 2; Kokowski 1988c: 251, 253, mapa 1). Isolated barrow L in Łukawica had been attributed to this culture's influence as well (Kokowski1988c: 251; 1988d; 1990: 5–17; 1991: 192–193; 2005: 442–446). Recent years excavations have added more sites to the list of the Wielbark monuments in this area of Lublin voivodeship, particularly a cemetery in Swaryczów (Sadowski 2007: 153, 156, 168–169; 2008).

the finds from Ulów there are classical specimens (site no. 3: grave 50; humus layer — 3 specimens; the Ulów collection — 1 specimen).

Classical fibulae of type A.181 in the Central European Barbaricum could be considered a feature of phase C1a. They are distributed mainly in Altmark, in eastern area of the Lower Saxony, and in the Czech Republic. Their concentrations do not appear in other areas including the Wielbark culture. In the Chernyakhov and Sântana de Mureş cultures, fibulae with triangularly-widened foot, similar to type A.181, date much wider, within stages C1b–D1 (Гороховский 1988: 43–44; Kokowski 1995: 43, Schuster 1998; Mączyńska 2005). However, they differ from classical specimens of the type usually with long springs and often with double cords. That is why two artefacts from grave 87 in site no. 3 in Ulów finds more firm analogies in the Chernyakhov culture. They are certainly not the same as classical fibulae of type A.181.

Grave 33 in Ulów site no. 7 contained bronze buckle with double oval frame, similar to Madyda-Legutko's type J2. Artefacts of the type appear, though rarely, in the Wielbark and Chernyakhov areas (the latter culture also contains double rectangular buckles). The specimens from the Wielbark culture area could be dated within the limits of phases C1b–C2, and in the Chernyakhov culture they possibly are from phase C2 (Madyda-Legutko 2005). The chronology of the assemblage from Ulów containing the buckle of our present interest corresponds to phase C2.

The purpose of ceramic artefacts of type Bernašivka, similar to "loaves" or "cakes," remains obscure (Kokowski 2000; Jonakowski 2001: 187–188, rys. 3. 9). They are known both in the Wielbark and Chernyakhov areas, with few specimens originating from the Przeworsk culture and Elba circle of monuments. Six artefacts of the type were discovered in Ulów (site no. 7, humus layer, and grave 7).

Main elements typical of the Wielbark culture and Masłomęcz group

The cemeteries of Ulów consist mostly of pit graves with cremation. Among them, there are graves with and without site of funeral fire. In the first case, cremated remains of the dead were as a rule packed in organic matter. Graves with site of funeral fire often did not contain grave goods or have them extremely poor. As a rule, cremation graves contained secondary burnt fragments of several vessels.

Among the funeral rite elements documented in Ulów are sites known in the cemeteries of the Wielbark culture as remains of funeral fires and open fireplacess (Okulicz, Bursche 1987: 223–229; Chowaniec 2005).

Sites of the kind have been discovered in site no. 3: they were located along the southern, south-western, and partly northern border of the burial ground.

A cultural layer related with cremations is typical of several cemeteries of the Wielbark culture and Masłomęcz group from the Late Roman and Early Migration period (Kokowski 1999: 123–124, rys. 155). Cemeteries with such a layer are typical, first of all, of Dobrodzień group (Szydłowski 1974). Probably, this feature of funeral rite existed in the Chernyakhov culture as well. One of the Ulów cemeteries (site no. 3) had humus layer containing numerous glass, metal, and ceramic artefacts that were seemingly initially scattered on the ground level. They were not accompanied with cremated bones of humans, which certainly made that layer different from known sites with layers of human cremations. In Masłomęcz, very close to the layer of cremations, there was a layer of artefacts scattered on the surface of the cemetery. It consisted primarily of details of costume, without traces of cremation, but with features of intentional damage (Kokowski 1999: 125–126, rys. 155). This peculiarity makes the layer drastically different from the layer with finds in Ulów, where the artefacts were secondary burnt or flowed.

Among the finds in the cemeteries of Ulów, mostly typical of the Wielbark culture, it is worth mentioning fibulae of Oscar Almgren's second series of group VI, with disks on the back. In Ulów, there are variant I — Skorbicze (site no. 3, graves 2 and 83) and variant II — Gródek (site no. 3, graves 1 and 80). One should date most fibulae of variant I — Skorbicze back to phase D. The specimens of variant II — Gródek appeared in the final phase of the Late Roman period and also existed in the earliest phase of the Great Migration period (Andrzejowski, Prochowicz, Rakowski 2008: 42–44, 49, 52, 54, fig. 2. b, f; 4. c–d).

In cremation grave no. 43A in Ulów site no. 7 there was, among others, heavily burnt silver neck-ring corresponding to Erich Blume's type 1 (Blume 1912: 87). Artefacts of the type are characteristic of mainly the Wielbark culture and cultures of the Western Baltic circle (for example: Белявец 2007: 326, 329, карта 2. I). It should be noted, however, that the most close stylistically analogy originates from grave L–44 in the cemetery of Bol'shoye Isakovo / Lauth (Skvorzov 2007: 137, 198, Taf. 52. 46).

Among the goods in inhumation grave no. 19 (site no. 7) there were 36 fragments of gold artefacts, intentionally cut into pieces. Among them there are *aureus* of Herennia Etruscilla, as well as fine fragments of gold wires and plate. In the Wielbark area, similar rite of destruction of gold ware was documented in a cremation grave from Pilipki (Okulicz 1970: 468–477; L'vova, Ščukin 1994) and in a hoard from Stara Wieś (Radig 1942).

Main elements related to the Chernyakhov culture

There is a find undoubtedly related to the Chernyakhov culture — an iron comb in openwork from point 43A (cremation grave) at site no. 7 in Ulów.[2] This comb seems to correspond to Maxim Levada''s type III–5 (Левада 1999: 113, 121, рис 2. III–5).[3]

It is known that the Wielbark culture has a small number of wheel-made pottery. Moreover, it has not yet been proved that the Wielbark population produced such a ware.[4] According to Andrzej Kokowski, wheel-made ware from the Wielbark sites are in most cases imported from the Sântana de Mureş area. Masłomęcz group might be intermediary in its distribution (Kokowski 1988b: 171).

In the light of the said above, surprising is the extraordinary number of wheel-made ceramic ware and its fragment discovered in Ulów. In site no. 7, they comprise more than a half of ceramic ware from the Roman and Migration periods. Especially interesting among the wheel-made ware are an artefact that imitates wooden vessel (site no. 3, grave 84) and fine vessel that imitates a bowl of group XVIII according to Ryszard Wołągiewicz's typology for the vessels of the Wielbark culture (site no. 7, grave 43A). Especially interesting are two fragments of three-handled wheel-made vase with wide handles and flat T-shaped rim (site no. 7, humus layer). In Poland, fragments of analogous vessels originate from settlements in Masłomęcz (site no. 9; Cieślak 1983: 2–3, rys. 1) and Strzyżów (site no. 1A) (Kokowski 1991: 166, 205). I can suppose that such a big number of wheel-made vessels in Ulów is related to the influence from the Chernyakhov culture and, possibly, from the Sântana de Mureş culture.

Connection with other cultures in the European Barbaricum

Excavations of site no. 3 in Ulów have also uncovered three rectangular platform-like structures supported by lines of pillars. The most

[2] It should obviously be taken into consideration that similar artefacts are known in Southern Scandinavia and in the Elba area. However, the distance between the above-mentioned regions and Ulów is much bigger than the distance from the latter to the Chernyakhov sites.

[3] Unfortunately, this extremely corroded artefact is under conservation now.

[4] Apart from the "episode" of, most likely, production of wheel-made vessels in Weklice in phase B2/C1 for the needs of "local" market only (Natuniewicz-Sekuła 2005).

close analogy is located in Liebersee in Germany, where such a construction has been interpreted as a foundation of cult object (Bemmann 2003: 119–120, 124–125, 145–148, Taf. 59; 132. 1–6).

The excavations in Ulów have also found several artefacts that were distributed in wide territories in the European Barbaricum, within areas of many cultural units. Among them, there are:

— fibula with caterpillar-like profiling of the bow (*Raupenfibel*) of type A.171 (Tuszyńska 1988; Mączyńska 2007: 374–375, 383–385). Discovered in Ulów site no. 3, in humus layer. According to Kokowski, it is the Wielbark model of these fibulae (Kokowski 1995: 14);

— fibula of type Prague (Schulze-Dörrlamm 1986: 600–605, 712; Bliujienė 2006: 132–133, 139). In Ulów, there is only one specimen from the Ulów collection;

— fibula with large disc on the bow from grave 91 (site no. 3) is similar to the fibulae from Dębczyń group and the Elba area (cf.: Niezabitowska 2007: 648; Niezabitowska-Wiśniewska 2010: 76–77);

— frame of a bronze buckle with two beast's heads of Schönfeld type, similar to Madyda-Legutko's type I2, from the Ulów collection (Kokowski 2009a: 202, Abb. 14. b; Rau 2010a: 330–335; 2010b: 25);

— tongue-shaped belt-ends, of Madyda-Legutko's group VI, type 12 (Madyda-Legutko 2011: 91–97, 160–163, Tabl. XLI. 8–15; XLII–XLIII; mapa 23). There are two specimens from the Ulów collection and three specimens more from site no. 3 (humus layer; graves 25 and 68);

— beak-shaped belt-ends, of Madyda-Legutko's group VI, type 11 (Madyda-Legutko 2011: 87–90, 158–160, tab. XL. 7–14; XLI. 1–7; mapa 22; Prochowicz 2005). There are two specimens from the Ulów collection and one specimen more from grave 96 (site no. 3);

— iron artefacts attributed as fire-steels of type Żerniki Wielkie, or Dobrodzień, or Ulów (Kokowski 2009a: 202–203; Piotrowski, Dąbrowski 2009: 233–237) or tools / perforators of type Dresden–Dobritz / Żerniki Wielkie (Schuster 2004b: 162–166, 291–292; 2011; Opreanu 2005). There are three specimens from the Ulów collection;

— axe-shaped pendants (Kokowski 1997a; 2009b; Стоянова 2005). There are 11 specimens in Ulów (site no. 3 — five pieces were discovered by metal detectors, five more were unearthed from humus layer, and one from grave 85);

— bucket-shaped pendants (Kaczanowski 1987). There are six specimens in Ulów (site no. 3 — three of them are discovered by metal detectors — Kokowski 2009b: 768; two specimens are from humus layer and one specimen from grave 43);

— keys (Kokowski 1997b); there are two specimens in Ulów, one imported Roman artefact from the Ulów collection, and one more from grave 43A (site no.7) representing Kokowski's type A.

* * *

It may well be so that the ancient population in vicinity of Ulów established relations with the Sarmatians from the northern Black Sea steppes. It is backed by the fragment of mirror pendant with relief design that was undoubtedly related to the Sarmatians. Unfortunately, condition of this artefact does not allow the one to attribute its type. This fragment is discovered by metal detector, so its chronology remains obscure. It seems that this find could not be dated earlier than the second century AD, with especial point on the end of this century.

Variety of material culture presented in the Ulów group of sites was influenced by their geographical situation. In this stage of the research, I dare affirm that the overlying and penetration of various cultural elements resulted in the formation of unique community with specific and unique features, having no analogy in other areas of the European Barbaricum. However, one can not be confident about its interpretation so far.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Барбара Низабитовская-Вишневская

Поселенческий комплекс в Улюве Томашув-Лубельского повята Люблинского воеводства — на середине пути между Скандинавией и Чёрным морем

Группа памятников в лесах близ деревни Улюв расположена на территории Центрального Расточья (гмина Томашув-Любельски, Томашувский повят, Люблинское воеводство). Она состоит из восьми археологических памятников, на шести из которых проводились раскопки (№ 3, 6, 7, 8, 9 и 10). Среди них два поселения (пункты № 9 и 10) и два могильника (№ 3 и 7), разделённые глубокой долиной небольшой речки, которая в настоящее время регулярно пересыхает. Это одновременно и граница двух зон — сакральной и профанной (Низабитовская 2002; Niezabitowska 2003a; 2003b; 2004;

2005a; 2005b: 85–94; 2007; Niezabitowska-Wiśniewska 2007; 2008; 2009a; 2009b: 201–202; 2010; 2011; 2012; Niezabitowska-Wiśniewska, Wiśniewski 2011).

С точки зрения географии, группа поселений в Улюве расположена на полпути из Скандинавии в Крым (расстояние по прямой между Улювом и Копенгагеном с одной стороны и Улювом и Симферополем с другой составляет около 1000 км). До начала раскопок в 2002 г. считалось, что в поздней античности территория Расточья, особенно центрального и южного, была местом, неподходящим для заселения (Niezabitowska 2005b: 78–83).

На данном этапе исследований группу поселений в Улюве можно обобщённо датировать фазами (C1b) C2–D1. Следует, однако, подчеркнуть, что материалы лучше всего изученного пункта № 3 (могильника) позволяют отнести его хронологию к фазам (C2) C3-D1. Часть открытых там материалов соответствует также фазе D2. Позднюю хронологию имеют также некоторые находки, входящие в так называемую «Улювскую коллекцию» — это вторая половина V и, возможно, начало VI в. н. э. (Bagińska, Niezabitowska 2003; 2004).

На карте археологических культур позднего римского времени и ранней фазы эпохи Великого переселения народов Улюв расположен на юго-западной окраине зоны F расселения носителей вельбарской культуры, одновременно, как представляется, маркируя границу её распространения в этом районе.[5]

Таким образом, на могильниках, открытых в Улюве, преобладают черты, характерные для вельбарской культуры. Но не меньше элементов погребального обряда и особенностей расположения памятников, а также часть находок, имеют аналогии в других культурных формациях, прежде всего в масломенчской группе и черняховской культуре. Часть находок находит и более широкие аналогии, распространённые на обширных пространствах европейского Барбарикума.

[5] До начала исследований в Улюве самым южным памятником вельбарской культуры в Польше считался Вепжец, а её границей — северный край гряды Расточья (Urbański 1988; Kokowski 1988a: 17–18, 21, rys. 2; Kokowski 1988c: 251, 253, mapa 1). С влияниями этой культуры связывали также обособленный курган L из Лукавицы (Kokowski1988c: 251; 1988d; 1990: 5–17; 1991: 192–193; 2005: 442–446). Проведённые в последние годы исследования позволяют дополнить список памятников вельбарской культуры в этой части Люблинского воеводства, помимо всего прочего, могильником в Сварычове (Sadowski 2007: 153, 156, 168–169; 2008).

Элементы, характерные для культур готского круга

Многие находки, открытые на могильниках в Улюве, находят многочисленные аналогии в вельбарской культуре, масломенчской группе, а также и в черняховской или Сынтана-де-Муреш культуре. Это фибулы типа А.172, фибулы, производные от типа А.181, пряжки группы J по Р. Мадыде-Легутко, пряжки с утолщённой в передней части рамкой группы H, а также небольшие глиняные изделия типа Бернашивка.

Главной особенностью фибул типа А.172 является пластинчатая конструкция подвязки приёмника. Датируются они фазой C2/C3, C3–D (Kokowski 1995, с. 15, 48–49; Schuster 2004a). Часто на этой пластине-подвязке расположены поперечные насечки, имитирующие витки проволоки. Другие части фибул типа А.172 и производных от них экземпляров очень разнообразны, что иллюстрируется, помимо прочего, наличием вещей с богато орнаментированной спинкой или с кнопками на головке. Фибулы с пластинчатой подвязкой приёмника в пределах черняховской культуры и культуры Сынтана-де-Муреш очень часто имеют длинные пружины и немного реже — двойные тетивы. От классических экземпляров они также отличаются пропорциями и оформлением спинки. Представляется, что немногочисленные фибулы с пластинчатой подвязкой приёмника пшеворской культуры и западнобалтского круга следует рассматривать отдельно. Форма этих фибул сильно отличается от классических экземпляров типа А.172. Можно допустить, что иногда конструкция пластинчатых подвязок переносилась на фибулы других типов. С полной уверенностью из всех фибул с пластинчатой конструкцией подвязки приёмника следует выделить несколько вариантов, при этом классические экземпляры типа А.172 можно уверенно отнести к вельбарской культуре. Экземпляры классического вида представлены находками в Улюве (пункт 3, погребение 50, слой гумуса — 3 экземпляра, Улювская коллекция — 1 экземпляр).

В центральноевропейском Барбарикуме классические фибулы А.181 можно считать признаком фазы C1a. Распространены они, главным образом, в Альтмарке, восточной части Нижней Саксонии, также в Чехии. Распространение этих находок на других территориях, в том числе вельбарской культуре, не дают выразительных концентраций. В пределах черняховской культуры и культуры Сынтана-де-Муреш подвязные фибулы с треугольной расширенной ножкой, производные от А.181, датируются намного шире, а их хронология включает фазы C1b–D1 (Гороховский 1988: 43–44; Kokowski 1995: 43, Schuster 1998; Mączyńska 2005). От классических экземпляров этого типа они, правда, отличаются — чаще всего наличием длинных пружин, и зачастую двойных тетив. Собственно, именно исходя из этих соображений два экземпляра, найденные в погребении 87 и пункте 3 в Улюве находят более определённые аналогии в пределах черняховской культуры. Уверенно относить их в классическим фибулам типа А.181 нельзя.

Из погребения 33 в пункте 7 в Улюве происходит пряжка с двойной овальной рамкой, близкая к типу J2 по Р. Мадыде-Легутко. Находки этого типа встречаются, пусть и нечасто, главным образом, в вельбарской и черняховской культурах (в последней имеются также пряжки с двойной прямоугольной рамкой). Экземпляры с территории вельбарской культуры можно датировать пределами фаз C1b–C2, а в черняховской культуре, скорее всего, фазой C2 (Madyda-Legutko 2005). Хронология комплекса, из которого происходит интересующая нас пряжка в Улюве, находится в пределах фазы C2.

Находками не до конца понятного, дискуссионного назначения остаются глиняные изделия в виде «лепёшек» или «хлебцов» типа Бернашивка (Kokowski 2000; Jonakowski 2001: 187–188, rys. 3. 9). Они известны на территории вельбарской и черняховской культур, единичные экземпляры открыты в пшеворской культуре и эльбском круге. Шесть таких предметов найдено и в Улюве (на пункте 7 в слое гумуса и в погребении № 7).

Основные элементы, связанные с вельбарской культурой и масломенчской группой

На могильниках в Улюве преобладают ямные кремации. Это как «чистые» погребения, так и захоронения с остатками погребального костра. В первом случае сожжённые останки умершего, как правило, помещались в могилу, упакованные в органический материал. Погребения с остатками погребального костра часто безынвентарные или очень бедные. Обычно в кремации помещали фрагменты нескольких вторично обожжённых сосудов.

В Улюве прослежены и такие элементы, известные по вельбарским могильникам, как остатки погребальных костров и открытых очагов (Okulicz, Bursche 1987: 223–229; Chowaniec 2005). Объекты этого типа открыты на пункте 3; они расположены вдоль южной, юго-западной и частично северной границ могильника.

На некоторых могильниках вельбарской культуры и масломенчской группы позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов появляется культурный слой, связанный с кремациями (Kokowski 1999: 123–124, rys. 155). Могильники с таким слоем характерны, прежде всего, для добродзеньской группы (Szydłowski 1974). Скорее всего, подобная особенность погребального обряда существовала также в пределах черняховской культуры. На одном из могильников в Улюве (пункт 3) в слое гумуса найдены многочисленные стеклянные, металлические и глиняные предметы, первоначально, вероятно, раскиданные на поверхности грунта. Правда, они не сопровождались пережжёнными человеческими костями, что сильно отличает этот памятник от могильников с культурным слоем или слоёв сожжений, известных по другим памятникам. В Масломенче, непосредственно возле слоя кремаций, открыт слой находок, разбросанных по поверхности могильника. Он состоял, главным образом, из элементов костюма, однако, без следов сожжения, а только со следами преднамеренного разрушения (Kokowski 1999: 125–126, rys. 155). Такая особенность резко отличает этот слой от слоя с находками в Улюве, где предметы были вторично обожжены или оплавлены.

Среди находок, характерных преимущественно для вельбарской культуры и сделанных также на могильниках в Улюве, можно упомянуть, среди других, фибулы второй серии VI группы О. Альмгрена с дисками на спинке. Последние в Улюве представлены вариантом I — Скорбиче (пункт 3, погребения 2 и 83) и II — Грудек (пункт 3, погребения 1 и 80). Фибулы варианта Скорбиче следует датировать преимущественно фазой D. Экземпляры, соответствующие варианту Грудек, появляются в последней фазе позднеримского времени и бытуют в ранней фазе эпохи Великого переселения народов (Andrzejowski, Prochowicz, Rakowski 2008: 42–44, 49, 52, 54, fig. 2. b, f; 4. c–d).

В трупосожжении 43А на пункте 7 в Улюве найдена, среди прочего, сильно пережжённая серебряная шейная гривна, соответствующяя типу 1 по Э. Блюме (Blume 1912: 87). Находки такого типа характерны, в основном, для вельбарской культуры и культур западнобалтского круга (например: Белявец 2007: 326, 329, карта 2. I). Наиболее близкая стилистическая аналогия происходит из погребения L-44 могильника Большое Исаково / Лаут (Skvorzov 2007: 137, 198, Taf. 52. 46).

Среди инвентаря погребения-ингумации № 19 (пункт 7) найдено 36 фрагментов умышленно порезанных золотых предметов. Среди

них ауреус Геренний Этрусциллы, а также мелкие фрагменты золотых проволочек и пластинки. В пределах вельбарской культуры подобный обычай уничтожения золотых предметов прослежен в кремации из Пилипок (Okulicz 1970: 468–477; L'vova, Ščukin 1994) и в кладе, найденном в Стара-Весь (Radig 1942).

Основные элементы, связанные с черняховской культурой

Находкой, которая, несомненно, связана с черняховской культурой, является железный ажурный гребень, найденный на объекте 43А (погребении-кремации) на пункте 7 в Улюве.[6] Представляется, то эта находка соответствует типу III-5 по классификации М. Е. Левады (1999: 113, 121, рис. 2. III-5).[7]

Общеизвестно, что в вельбарской культуре найдено незначительное количество гончарной керамики. Нет и свидетельств о её производстве на территории этой культуры.[8] Согласно А. Коковскому, посуду типов, известных в пределах вельбарской культуры, следует, в большинстве случаев, трактовать как импорты с территории культуры Сынтана-де-Муреш. Посредником в их распространении могла быть масломенчская группа (Kokowski 1988b: 171).

В свете вышеизложенных фактов удивляет очень большое количество гончарных сосудов и их фрагментов на памятниках в Улюве. На пункте 7 они составляют более половины керамики, связанной с римским временем и Великим переселением народов. Среди гончарных сосудов заслуживает внимания, среди прочих, экземпляр, имитирующий деревянный сосуд (пункт 3, погребение 84), а также сосудик, имитирующий мисочки группы XVIII по типологии лепной керамики вельбарской культуры Р. Волангевича (пункт 7, объект 43А). Особого внимания заслуживают два фрагмента трёхручной вазы с широкими ручками и плоским Т-образным венчиком (пункт 7, слой гумуса). С территории Польши фрагменты подобного сосуда происходят с поселения в Масломенче (пункт 9 — Cieślak

[6] Разумеется, следует помнить, что такие находки известны также в Поэльбье и Южной Скандинавии, но расстояние от этих земель до Улюве во много раз большее, чем расстояние от Улюва до памятников черняховской культуры, где также найдены вещи этого типа.

[7] К сожалению, этот предмет сильно корродирован. В настоящее время он находится на реставрации.

[8] Не считая одного «эпизода», которым, скорее всего, было производство сосудов с использованием гончарного круга в Веклицах в фазе B2/C1, предназначенных, однако, для «локального» рынка (Natuniewicz-Sekuła 2005).

1983: 2–3, rys. 1) и Стжижова (пункт 1А) (Kokowski 1991: 166, 205). Таким образом, на нынешнем этапе исследований можно предположить, что такое большое количество гончарной керамики в Улюве связано с влияниями черняховской культуры и, возможно, культуры Сынтана-де-Муреш.

Связи с иными культурами европейского Барбарикума

На пункте 3 в Улюве открыты также три прямоугольные конструкции — платформы, поддерживаемые рядами столбов. Ближайшая аналогия, происходит из Либерзее в Германии — по описанию, это остатки культового объекта (Bemmann 2003: 119–120, 124–125, 145–148, Taf. 59, 132. 1–6).

В Улюве сделан и ряд находок, представленных на обширных просторах европейского Барбарикума, в границах многих культурных образований. Среди них:

— фибула с «гусеничной» спинкой (*Raupenfibel*) типа A.171 (Tuszyńska 1988; Mączyńska 2007: 374–375, 383–385). В Улюве найдена на пункте 3 в слое гумуса. Представляет собой вельбарский образец этих фибул по А. Коковскому (Kokowski 1995: 14);

— фибула типа Прага (Schulze-Dörrlamm 1986: 600–605, 712; Bliujienė 2006: 132–133, 139). Представлена одним экземпляром из так называемой Улювской коллекции;

— фибула с большим диском на спинке, найденная в погребении 91 на пункте 3, находит ближайшие аналогии среди фибул с территории дембчыньской группы и эльбских земель (ср.: Niezabitowska 2007b: 648; Niezabitowska-Wiśniewska 2010: 76–77);

— рамка бронзовой пряжки с изображением двух звериных голов типа Шёнфельдь, близкая типу I2 по Р. Мадыде-Легутко, из Улювской коллекции (Kokowski 2009a: 202, Abb. 14. b; Rau 2010a: 330–335; 2010b: 25);

— язычковидные наконечники пояса группы VI типа 12 по Р. Мадыде-Легутко (Madyda-Legutko 2011: 91–97, 160–163, Tabl. XLI. 8–15; XLII–XLIII; mapa 23), представлены двумя экземплярами из так называемой Улювской коллекции и тремя из пункта 3 (слой гумуса, погребения 25 и 68);

— клювовидные наконечники пояса типа 11 группы VI по Р. Мадыде-Легутко (Madyda-Legutko 2011: 87–90, 158–160, tabl. XL. 7–14; XLI. 1–7; mapa 22; Prochowicz 2005), представлены двумя экземплярами из так называемой Улювской коллекции и экземпляром из погребения 96 из пункта 3;

— железные предметы, определяемые как кресала типа Жерники-Вельки, Добродзень или Улюв (Kokowski 2009a: 202–203; Piotrowski, Dąbrowski 2009: 233–237), или же как инструменты / проколки типа Дрезден — Дорбиц / Жерники-Вельки (Schuster 2004b: 162–166, 291–292; 2011; Opreanu 2005). Представлены тремя экземплярами из так называемой Улювской коллекции (Bagińska, Niezabitowska 2004: 284, nr 10–12);

— топоровидные подвески (Kokowski 1997a; 2009b; Стоянова 2005). В Улюве представлены 11 экземплярами (пункт 3 — пять найдено поисковиками с помощью детектора, пять из слоя гумуса, одна из погребения 85);

— ведёрковидные подвески (Kaczanowski 1987). В Улюве найдено шесть экземпляров (пункт 3 — три найдено поисковиками с помощью детектора (Kokowski 2009b: 768), два из слоя гумуса и один из объекта 43);

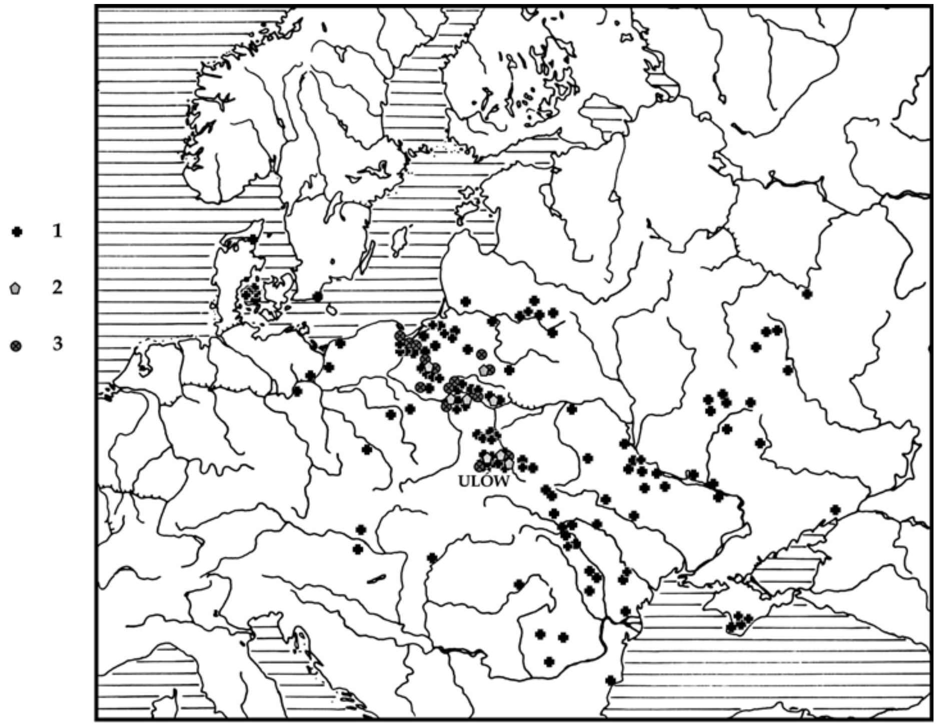
— ключи (Kokowski 1997). Представлены двумя экземплярами — один импортный римский из так называемой Улювской коллекции, другой происходит из объекта 43А в пункте 7, это тип А по А. Коковскому.

* * *

Не исключено, что население, жившее в округе Улюва, поддерживало связи с сарматами северопричерноморских степей. О них свидетельствует фрагмент зеркала-подвески, который с полной уверенностью можно связать с сарматами. К сожалению, степень сохранности этой находки не позволяет определить её тип. Кроме того, найдено оно при помощи детектора металла, из-за чего сложно точно определить его хронологию. Кажется, что эта находка не может быть датирована ранее, чем концом II века н. э., с упором на конец этого столетия.

Вне всякого сомнения, на столь неоднородную картину культурного комплекса памятников в Улюве повлияло его географическое положение. На нынешнем этапе исследований можно рискнуть утверждением, что накладывание и проникновение различных культурных элементов создало общность с отличными и неповторимыми чертами, не имеющую точных аналогий в других частях европейского Барбарикума. В настоящее время её, правда, ещё сложно однозначно интерпретировать.

Перевёл с польского Максим Левада



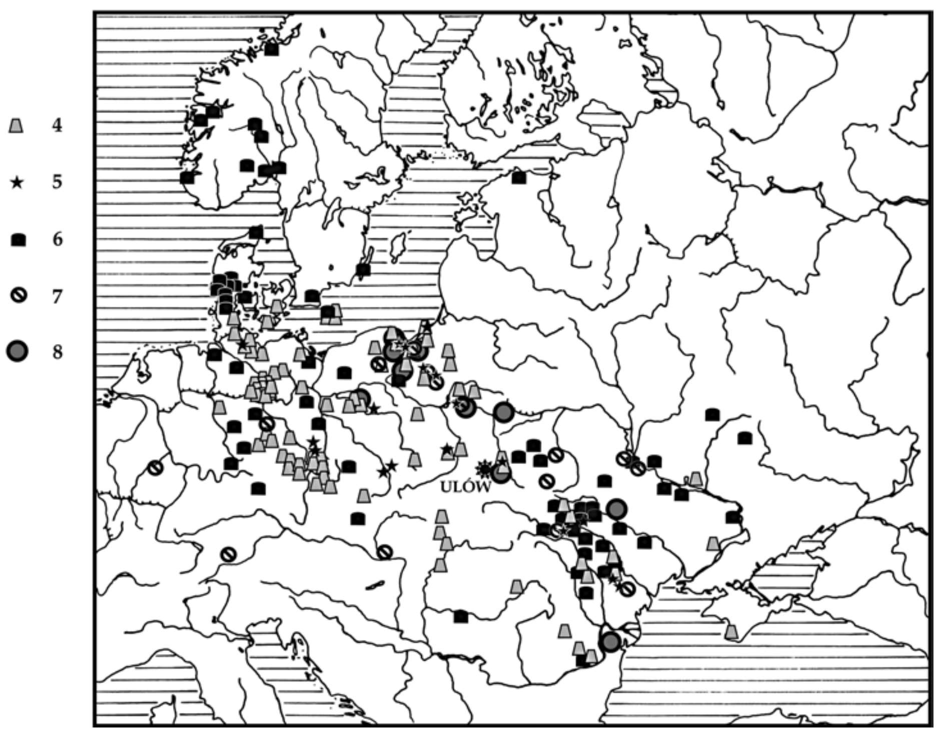
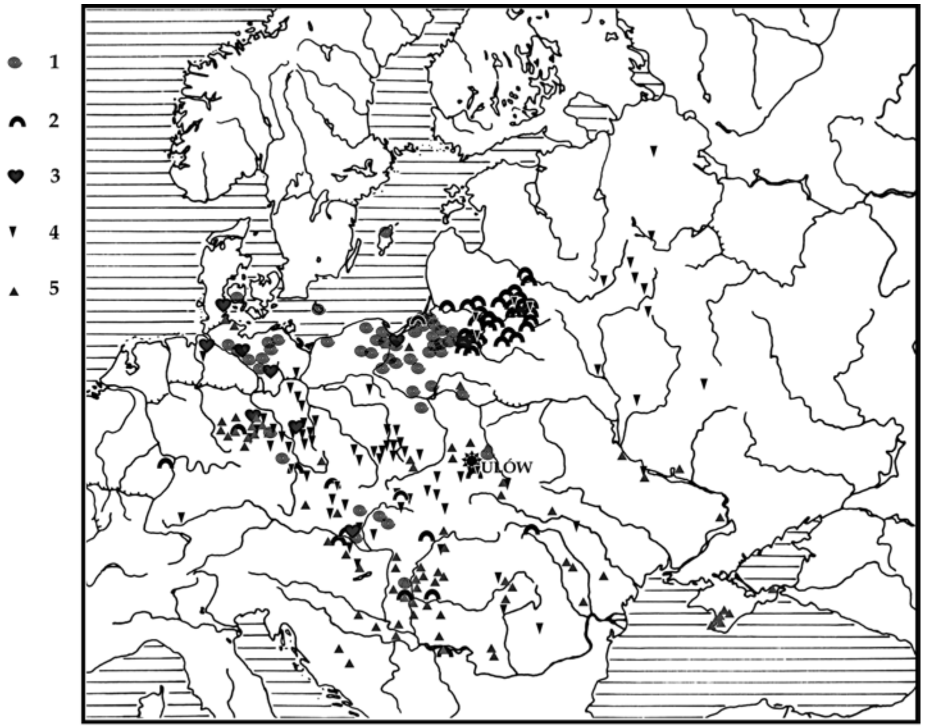


Fig. 1.
_1_ — fibulae A.172 and similar (Kokowski 1995; Schuster 2004a; amended by author);
_2_ — fibulae of variant I — Skorbicze (Andrzejowski, Prochowicz, Rakowski 2008);
_3_ — fibulae of variant II — Gródek (Andrzejowski, Prochowicz, Rakowski 2008);
_4_ — fibulae A.181 and similar to them (Kokowski 1995; Mączyńska 2005);
_5_ — ceramic artefacts of type Bernašivka, which purpose remains obscure (Kokowski 2000; amended by author);
_6_ — iron combs (Левада 1999);
_7_ — double oval and rectangular buckles (Madyda-Legutko 2005; amended by author);
_8_ — neck-rings from the area of Gothic circle of cultures (Белявец 2007; amended by author)

Рис. 1.
_1_ — фибулы типа A.172 и близкие им (Kokowski 1995; Schuster 2004a — с дополнениями автора);
_2_ — фибулы варианта I — Скорбиче (Andrzejowski, Prochowicz, Rakowski 2008);
_3_ — фибулы варианта II — Грудек (Andrzejowski, Prochowicz, Rakowski 2008);
_4_ — фибулы типа A.181 и близкие им (Kokowski 1995; Mączyńska 2005);
_5_ — глиняные предметы неясного назначения типа Бернашивка (Kokowski 2000 — дополнениями автора);
_6_ — железные гребени (Левада 1999);
_7_ — двойные овальные и прямоугольные пряжки (Madyda-Legutko 2005 — с дополнениями автора);
_8_ — гривны на территории культур готского круга (Белявец 2007 — с дополнениями автора)



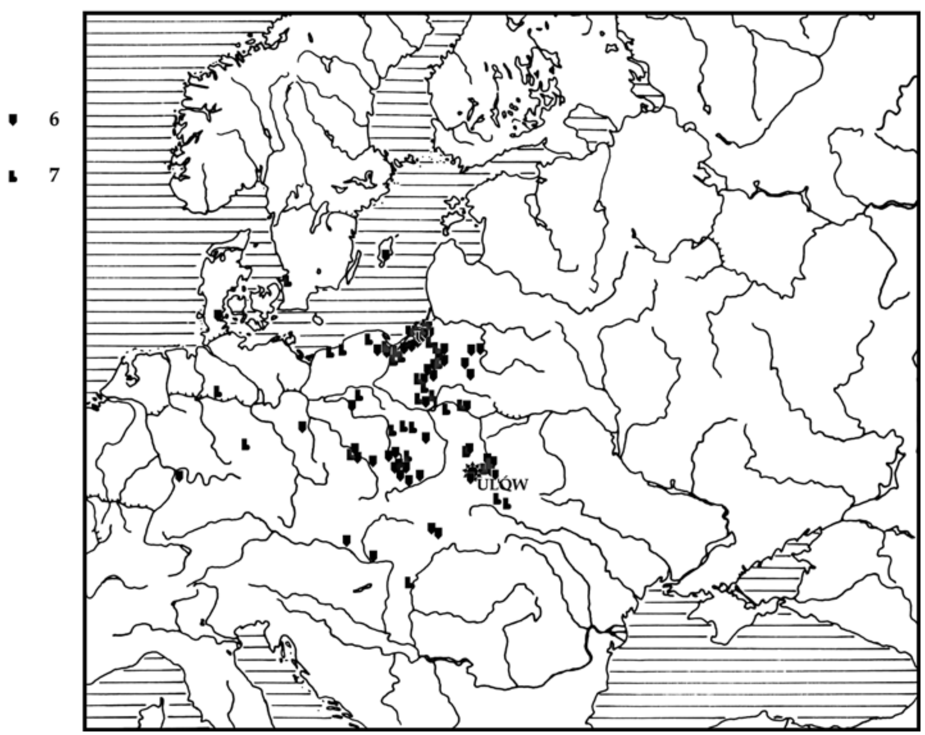


Fig. 2.
_1_ — fibulae with caterpillar-like profiling of the bow (Raupenfibeln) A.171 (Tuszyńska 1988; Mączyńska 2007);
_2_ — fibulae of type Prague (Schulze-Dörrlamm 1986; Bliujienė 2006; amended by author);
_3_ — buckles of type Schönfeld, similar to Madyda-Legutko's type I2 (Rau 2010);
_4_ — iron artifacts attributed as fire-steels of type of Żerniki Wielkie, or Dobrodzień, or Ulów, or as perforators of type Dresden–Dobritz / Żerniki Wielkie (Schuster 2011);
_5_ — axe-shaped pendants (Kokowski 1997a; Стоянова 2005);
_6_ — tongue-shaped belt-ends (Madyda-Legutko 2011c; amended by author);
_7_ — beak-shaped belt-ends (Prochowicz 2005; Madyda-Legutko 2011)

Рис. 2.
_1_ — «гусеничные» фибулы (Raupenfibeln) типа A.171 (Tuszyńska 1988; Mączyńska 2007);
_2_ — фибулы типа Прага (Schulze-Dörrlamm 1986; Bliujienė 2006 — с дополнениями автора);
_3_ — пряжки типа Шёнфельд, похоже на тип I2 по Р. Мадыде-Легутко (Rau 2010);
_4_ — железные изделия, определяемые как кресала типа Жерники-Велькие, Добродзень или Улюв, или как инструменты / проколки типа Дрезден — Добриц / Жерники-Велькие (Schuster 2011);
_5_ — топоровидные подвески (Kokowski 1997a; Стоянова 2005);
_6_ — язычковидные наконечники пояса (Madyda-Legutko 2011 — с дополнениями автора);
_7_ — клювовидные наконечники пояса (Prochowicz 2005; Madyda-Legutko 2011)

Andrey Oblomskiy

The Upper Don Area and the Northern Black Sea Area in the Mid-First Millennium AD. The Problem of the Trade Route[1]

In the Upper Don area, in the late fourth and fifth century (and possibly in the early sixth century) there were settlements of the type called "Chertovitskoye — Zamyatino" and cemeteries of the Zhivotinnoye circle of sites. They were located in the valleys of rivers Don, Voronezh, Krasivaya Mecha and Snova (fig. 1). So far, excavations investigated 20 settlements and 120 graves. Especial place in the system of settlements in the upper Don area was occupied by sites in Ostraya bend of the Don river.

It is the place where the largest settlements from the Hunnic period are located, near villages of Kamenka, Zamyatino, Ksizovo and Mukhino in the Zadonskiy district of Lipetsk *oblast'*, i. e. administrative area (Kamenka covers ca. 18 hectares; Zamyatino 16.19 hectares; Mukhino 12.25 hectares; and Ksizovo 24.5 hectares). The excavations recorded remains of such crafts as bone carving, bronze smelting, jewellery, pottery-making, and ferrous metallurgy. In Zamyatino-5, they produced or repaired chain mails. Imported Greco-Roman artefacts are rather often (beads, shards of glass vessels, amphorae, wheel-made table vessels, lamps, isolated ornaments and coins). Settlements in Ostraya bend of the Don were economical and probably administrative centre of the Upper Don area in the mid-first millennium AD.

There also are accounts of the presence of the Black Sea population in the territory of the forest-steppes on the Don, with the Black Sea tradition in the Upper Don area presented by both Late Greco-Roman and barbarian elements of culture.

A. Industrial assemblages and traditions. Excavations of the settlement Ksizovo-19 uncovered pottery kiln of two-tier construction. The

[1] The paper is prepared with support from the program of fundamental research of the Department of History of the Russian Academy of Sciences "Nations and State in the World History."

seize of its fire chamber and working chamber was much larger than those of kilns in the Chernyakhov culture. This kiln was used to fire burnished grey-clay ware and coarse ware made with fast-turning wheel.

In result of a special study of ferrous metal wares from the settlements near Zamyatino village, it has been discovered that they were made with both forest-steppe (capable of the Chernyakhov and the Kievan cultures) and Greco-Roman techniques of metal-working.

B. Graves. The richest burial was uncovered in the settlement of Mukhino. Noble lady was buried there, accompanied with costume embroidered with gold badges; according to Michel Kazanski and Anna Mastykova, this cloth was typical of the nobility of settled population in the Pontic area. Two striking assemblages of the Black Sea tradition were investigated in the cemetery of Ksizovo-19.

Site 1 in excavation trench 7 was a burial of four persons within the same pit. Skeletons of adult persons were oriented with the heads at the south-west or south-west-south. They made up four tiers and laid in anatomical order. The burial is dated by iron cheek-piece with polyhedral head, two holes and flat foot (fig. 2. 1). Such artefacts belong mainly to the first third or first half of the fifth century, though a few finds are later.

Although the tradition of repeated burials in vaults, large pits in ground, and catacombs is well known from the third to the fifth century in the Crimea and Northern Caucasus, these graves had different details especially in their top parts (vaulting or *dromos*) that were not discovered in Ksizovo due to the particulars of soil. So far, one can only point on the parallels to site 1 in wide area of the Crimea — North Caucasus. However, it is of fundamental importance that neither the upper Don area nor adjacent areas had analogous burial structures from the Late Roman and Hunnic periods.

Burial 13 was made into simple pit in ground. On the bottom, there was skeleton of woman 16–22-year-old, with the head at the north west. Under the skull, there was a part of head ornament *in situ*, that could be reconstructed as a piece of band about 5 cm wide with two lines of sewn blocks of fine yellow and black beads with fine bronze pendants hanging below. The band also had a string of larger beads that was locked with bronze ring on the front (fig. 2. 2). According to Max Martin, similar head ornaments are well known in the Late Greco-Roman Europe.

C. Hand-made vessels. The sites in the Upper Don area contained a small series of polished hand-made vessels with their origin related with ceramic complex from the Late Greco-Roman settlement of Tanais (late fourth to mid-fifth century) that was located in the outfall of the

Don. Among them there are bi-conical jugs with flaring neck (Mukhino, Kamenka, Chertovitskoye-6) and globular jug with elbow handle from Ksizovo-17A. Shards of polished hand-made bowls with ribbed decorations originate from settlements of Zamyatino-8, Mukhino-2, and Ksizovo-19 (fig. 2: 3, 8, 15).

D. Ornaments. Excavations of Zamyatino-10 discovered details of metal fitting, according to Igor' Gavritukhin, of Roman warrior's belt or imitations of it (fig. 2. 4–5).

Cultural layer on Ksizovo-19 contained silver flat earring in the form of three joined petals with traces of sockets for stone insets (fig. 2. 6), according to Elzara Khairedinova, typical of Bosporos in the first half of the fifth century AD.

Excavations of sites in the upper Don area discovered 30 fibulae of bronze and iron, with curved body and wide ring or socket to hold the spring axle that was made of edge of top part of bow curved up or down (fig. 2: 7, 10, 11). The main distribution area of these fibulae in Eastern Europe is the northern Black Sea region, lower Don area and Northern Caucasus, with total chronology from the late fourth to the sixth century. In Northern Caucasus, they are known to the seventh century. In the forest-steppe area apart from the Upper Don area, such a high concentration of such fibulae has never been discovered.

Bronze radiate-headed brooch from Ksizovo-19 (fig. 2. 9) belongs to Igor' Gavritukhin's Pontic series of the type Vyshkov — Chersonesos, with the general chronology in the middle ad second half of the fifth century.

Solid-cast fibula with chip-carving (*Kerbschnitt*) *f*rom Ksizovo-8 (fig. 2. 12) belongs to Gavritukhin's Black Sea series of the group Levice — Tokari. In Ostraya bend of the Don, we know also fragments of such artefacts.

Excavation of Ksizovo-19 uncovered fly brooch and similar appliqué (fig. 2: 13, 16). In the Black Sea area, Aleksandr Aibabin has dated such artefacts from the second half of the fifth to the first half of the sixth century. Similar ornaments are known in the Middle Danube area.

Fly brooch from Ol'shanets (fig. 2. 18) is of Northern Caucasian origin. According to Gavritukhin and Kazanski, similar ware dates from the second half of the fifth to the first half of the seventh century.

Two brooches with three projections in relief on the triangular head and lancet foot (fig. 2: 17) are similar with several finds from Kerch and Northern Caucasus from the second half of the fifth and early sixth century.

On the sites at the Ostraya bend of the Don, there are six fragments of bracelets with relief designs in the form of parallel concentric circles on

the ends (fig. 2: 14). According to Anna Mastykova, similar ornaments are typical of Northern Caucasus, Ciscaucasia, and the Crimea, although they also appear in the Danube area.

Two bronze bracelets with rectangular panel and narrow rod with round cross-section from the cemetery of Zhivotinnoye (fig. 2. 19) and Ksizovo-19 have direct analogies in the late Tanais and the cemetery of Dyurso.

E. House-building. The investigations of the Third Chertovitskoye fortified settlement discovered a building of the size of 3 x 4 m, with stone walls and adobe kiln, divided into two parts by a partition, and sunken into ground. The planning and the construction of walls and kiln make it analogous to the houses in the latest horizon of Tanais.

The data cited above supply evidences that in the upper Don area there were migrants from the north-eastern Black Sea area including the Crimea, Northern Caucasus and lower Don area. They were craftsmen, some horse-riders, and noblemen. More definite were the contacts of the population of the upper Don area with Tanais (according to hand-made vessels, house building, some typological details of fibulae). In the upper Don area, there was a fashion of Black Sea and Caucasian ornaments. In the Hunnic period and in the early Middle Ages, in Ryazan', Oka and ancient Mordovia cemeteries there were well-known bracelets with anthropo- and zoomorphic ends, that were rather often discovered in the Crimea and Northern Caucasus and, according to Aleksandr Trufanov, were of local origin in the Pontic area. The similar distribution axis, according to Mastykova and Irina Belotserkovskaya, is demonstrated by bracelets with ends widened into triangular blades, decorated with lines of pointed design. Bracelets of all these types are discovered from the sites in Ostraya bend of the Don as well (fig. 2. 14, 20–21). In the forest-steppe area on the Don, within the polyethnic population of the mid-first millennium AD, there were migrants from the Oka area, from the areas of Moshchino, Late D'yakovo, and Ryazan' — Oka cultures. Therefore, the contacts of the Black Sea and Caucasian population with the Oka population were direct in the Upper Don area. Therefore, we can trace a kind of route to connect the northern Black Sea area with the basin of the Oka (including neighbouring territories), with different kinds of contacts documented along this route. The intermediary link in the chain drawn above is the Upper Don area (first of all, the group of settlements in Ostraya bend of the Don, a kind of "capital" of the region), where the presence of the migrants from both the Oka area and Pontic region was recorded. Obviously, this route also served to distribute Greco-Roman imports to the north and north-east.

In the south part of this route was Tanais that certainly had connections with the population of the Upper Don area. Late Classical settlement at place of the city that perished in the fire of the mid-third century was revived in the Hunnic period, i. e. in the period when the ethnically mixed group of population appeared in the Upper Don area. Although the traces of large and market-oriented industries were almost not recorded in the settlement, late Greco-Roman Tanais stroke the researcher with the huge number of imported vessels: amphorae and red slip pottery. According to Sergey Bezuglov, there is a relatively big number of Roman and Bosporan coins in Tanais.

Late Classical Tanais was most likely a port and probably trading centre within the Hunnic realm. It is also possible that it was the beginning of a trade route along the Don having the Middle Don settlements as its intermediate bases.

The idea of the trading route along the line from the Upper Oka to the Don from "the time of Claudius Ptolemy" to the ninth century was also expressed by Kazanski. The data in possession so far suggest that this route existed only from the late fourth to the fifth century, i. e. in the period of the Upper Don sites of the type Chertovitskoye — Zamyatino.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Андрей Обломский

Верхнее Подонье и Северное Причерноморье в середине 1 тыс. н. э. Проблема торгового пути[2]

В Верхнем Подонье в конце IV – V в., не исключая начала VI в., известны поселения типа Чертовицкого-Замятино и могильники круга Животинного. Они распространены в долинах рек Дона, Воронежа, Красивой Мечи, Сновы (рис. 1). В настоящее время раскопками исследовано 20 поселений и 120 погребений. Особое место в структуре заселения верхнедонского региона занимали поселки на Острой Луке Дона.

Именно здесь, около сел Каменка, Замятино, Ксизово и Мухино Задонского района Липецкой области, расположены самые обширные по площади поселения гуннского периода (Каменка — около 18 га; Замятино — 16,19 га; Мухино — 12,25 га; Ксизово — 24,5 га). На них зафиксированы остатки косторезного, бронзолитейного, ювелирного, кузнечного, гончарного ремесел, черной металлургии. В Замятино-5 изготавливали или ремонтировали кольчуги. Достаточно часты предметы античного импорта (бусы, обломки стеклянных сосудов, амфор, гончарных столовых сосудов, светильников, отдельные украшения и монеты). Посёлки на Острой Луке Дона были экономическим и, вероятно, административным центром верхнедонского региона в середине 1 тысячелетия н. э.

Имеются также данные о непосредственном присутствии причерноморского населения на территории донской лесостепи, при этом причерноморская традиция в Верхнем Подонье представлена как позднеантичными, так и варварскими культурными элементами.

А. Ремесленные комплексы и традиции. На поселении Ксизово-19 раскопан гончарный горн двухъярусной конструкции. Объемы как топки, так и рабочей камеры этого сооружения были значительно больше, чем у горнов черняховской культуры. В печи обжигали сероглиняную лощёную и шероховатую керамику, изготовленную на круге быстрого вращения.

В результате специального исследования изделий из черного металла поселений у с. Замятино выяснилось, что при их изготовлении использовались не только лесостепные (черняховские и киевские), но и позднеантичные приемы металлообработки.

Б. Погребения. Наиболее богатое захоронение обнаружено на поселении Мухино. Расшитый золотыми бляшками костюм погребенной здесь знатной женщины по М. М. Казанскому и А. В. Мастыковой характерен для аристократии оседлого понтийского населения. Два ярких комплекса причерноморской традиции исследованы на могильнике Ксизово-19.

Объект 1 раскопа 7 представляет собой погребение четырех человек в одной яме. Скелеты взрослых людей ориентированы головами на юго-запад или на юго-западо-запад. Они составляли четыре яруса и лежали в анатомическом порядке. Захоронение датируется по железному псалию с полиэдрической головкой, двумя отверстиями и плоской ножкой (рис. 2. 1). Подобные изделия относятся, в основном, к первой трети — первой половине V в., но встречаются и позже.

Традиция коллективных захоронений в склепах, больших грунтовых ямах и катакомбах в III – V вв. хорошо известна в Крыму и на

[2] Доклад подготовлен при поддержке программы фундаментальных исследований Секции истории РАН «Нации и государство в мировой истории».

Северном Кавказе, но сами могильные сооружения различаются в деталях, особенно, верхней части (свод, дромос), которые в Ксизово из-за особенностей грунта не прослежены. Параллели объекту 1 пока могут быть указаны лишь в широких рамках крымско-северокавказского региона. Тем не менее, принципиально важно, что ни в Верхнем Подонье, ни на соседних территориях аналогичные погребальные сооружения в позднеримское и гуннское время не известны.

Погребение 13 совершено в простой яме. На ее дне головой на северо-запад лежал скелет женщины возрастом 16–22 года. Под черепом *in situ* сохранилась часть украшения головы. Его можно реконструировать, как отрезок ленты шириной около 5 см, на которую в два ряда были нашиты блоки желтого и черного бисера, со свисавшими с них маленькими бронзовыми подвесками. К ленте была прицеплена низка более крупных бусин. На лбу она замыкалась бронзовым кольцом (рис. 2. 2). Подобные украшения головы по М. Мартину хорошо известны в позднеантичной Европе.

В. Лепная керамика. На памятниках Верхнего Подонья имеется небольшая серия лепных лощеных сосудов, которые связаны по происхождению с керамическим комплексом позднеантичного поселения в Танаисе (конец IV – середина V в.), расположенного в устье Дона. К ним относятся биконические кувшины с раструбообразным горлом (Мухино, Каменка, Чертовицкое-6), округлобокий кувшин с коленчатой ручкой из Ксизово-17А. С поселений Замятино-8, Мухино-2 и Ксизово-19 происходят обломки лепных лощёных мисок, украшенных каннелюрами (рис. 2. 3, 8, 15).

Г. Украшения. В Замятино-10 обнаружены детали металлической гарнитуры римского воинского пояса или подражающие им (по И. О. Гавритухину) (рис. 2. 4–5).

Из культурного слоя Ксизово-19 происходит серебряная пластинчатая серьга в виде трех соединенных вместе лепестков со следами гнезд для каменных вставок (рис. 2. 6), характерная для Боспора первой половины V в. по Э. А. Хайрединовой.

На памятниках Верхнего Подонья найдены 30 фибул из бронзы и железа с прогнутым корпусом и широким кольцом или муфтой для крепления оси пружины, которая сделана из загнутого кверху или книзу края верхней части спинки (рис. 2. 7, 10–11). Основной ареал этих фибул в Восточной Европе — Северное Причерноморье, низовья Дона и Северный Кавказ, суммарная дата — конец IV – VI вв. На Северном Кавказе известны до VII в. В лесостепной зоне, кроме

Верхнего Подонья, столь высокая концентрация этих фибул нигде не отмечена.

Двупластинчатая фибула из бронзы из Ксизово-19 (рис. 2. 9) относится к понтийской серии типа Вышков – Херсонес по И. О. Гавритухину, общая дата которой — середина – вторая половина V в.

Целая литая фибула с кербшнитным орнаментом из Ксизово-8 (рис. 2. 12) относится к причерноморской серии группы Левице – Токари по И. О. Гавритухину. На Острой Луке Дона известны и обломки подобных изделий.

В Ксизово-19 найдены фибула-цикада и похожая накладка (рис. 2. 13, 16). В Причерноморье А.И. Айбабин датирует такие вещи второй половиной V в. – первой половиной VI в. Похожие украшения известны в Среднем Подунавье.

Фибула-цикада из Ольшанца (рис. 2. 18) имеет северокавказское происхождение. По И. О. Гавритухину и М. М. Казанскому, близкие изделия датируются второй половиной V – первой половиной VII в.

Две фибулы с тремя рельефными выступами на треугольной головке и ланцетовидными ножками (рис. 2. 17) близки к некоторым экземплярам из Керчи и Северного Кавказа второй половины V – начала VI в.

На памятниках Острой Луки Дона найдены 6 обломков браслетов с рельефным орнаментом в виде параллельных концентрических кругов на концах (рис. 2. 14). Подобные украшения, по А. В. Мастыковой, характерны для Северного Кавказа, Закавказья, Крыма, хотя встречаются и в Подунавье.

Два бронзовых браслета с прямоугольным щитком и узким круглым в сечении стержнем из Животинного могильника (рис. 2. 19) и Ксизово-19 имеют прямые аналогии в позднем Танаисе и на могильнике Дюрсо.

Д. Домостроительство. На Третьем Чертовицком городище исследована постройка размерами 3 х 4 м с каменными стенами и глинобитной печью, разделенная перегородкой на 2 части и углубленная в грунт. По планировке, конструкции стен и печи она аналогична домам позднего горизонта Танаиса.

Приведенные выше данные свидетельствуют о присутствии в Верхнем Подонье выходцев из Северо-Восточного Причерноморья, включая Крым, Северный Кавказ, низовья Дона. Ими были ремесленники, какие-то всадники, представители знати. Более определенны связи населения Верхнего Подонья и Танаиса (по лепной керамике, домостроительству, некоторым типологическим деталям фибул). В Верхнем Подонье распространяется мода на причерноморско-северокавказские украшения. В гуннское время и в начале средневековья в рязано-окских и древнемордовских могильниках хорошо известны браслеты с антропо- и зооморфными окончаниями, достаточно часто встречающиеся в Крыму и на Северном Кавказе и имеющие по А. А. Труфанову в понтийском регионе местные корни. Похожую ось распространения по А. В. Мастыковой и И. В. Белоцерковской демонстрируют браслеты с расширенными в треугольные лопасти окончаниями, украшенными линиями пуансонного орнамента. Браслеты всех этих типов имеются и на памятниках Острой Луки Дона (рис. 2. 14, 20–21). В донской лесостепи в составе полиэтничного населения середины I тысячелетия н. э. присутствовали выходцы из Поочья из ареала мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур. В Верхнем Подонье, таким образом, контакты причерноморско-кавказского и окского населения были непосредственными. Таким образом, вырисовывается некий путь, связывающий Северное Причерноморье и бассейн Оки (включая окрестные территории), по линии которого в середине I тысячелетия н. э. фиксируются различные по характеру контакты населения. Промежуточным звеном в очерченной цепочке является Верхнее Подонье (в первую очередь, группа поселений на Острой Луке Дона — своеобразная «столица» региона), где зафиксировано присутствие как выходцев из Поочья, так и из понтийских областей. Очевидно, что именно по этому пути шло распространение античных импортов на север и северо-восток.

В южной его части находится Танаис, связи которого с населением Верхнего Подонья явно существовали. Позднеантичное поселение на месте погибшего в пожаре середины III в. города было возобновлено в гуннское время, т. е. в тот же период, когда на Верхнем Дону появляется этнически смешанная группировка населения. На поселении практически не зафиксированы следы массового ориентированного на рынок ремесла, но позднеантичный Танаис поражает обилием импортной керамики: амфор и краснолаковой посуды. По С. И. Безуглову в Танаисе довольно много римских и боспорских монет.

Позднеантичный Танаис, скорее всего, был портом и, вероятно, торговым центром гуннской державы. Не исключено, что он служил началом торгового пути по Дону, а верхнедонские поселения играли роль промежуточной базы на этом пути.

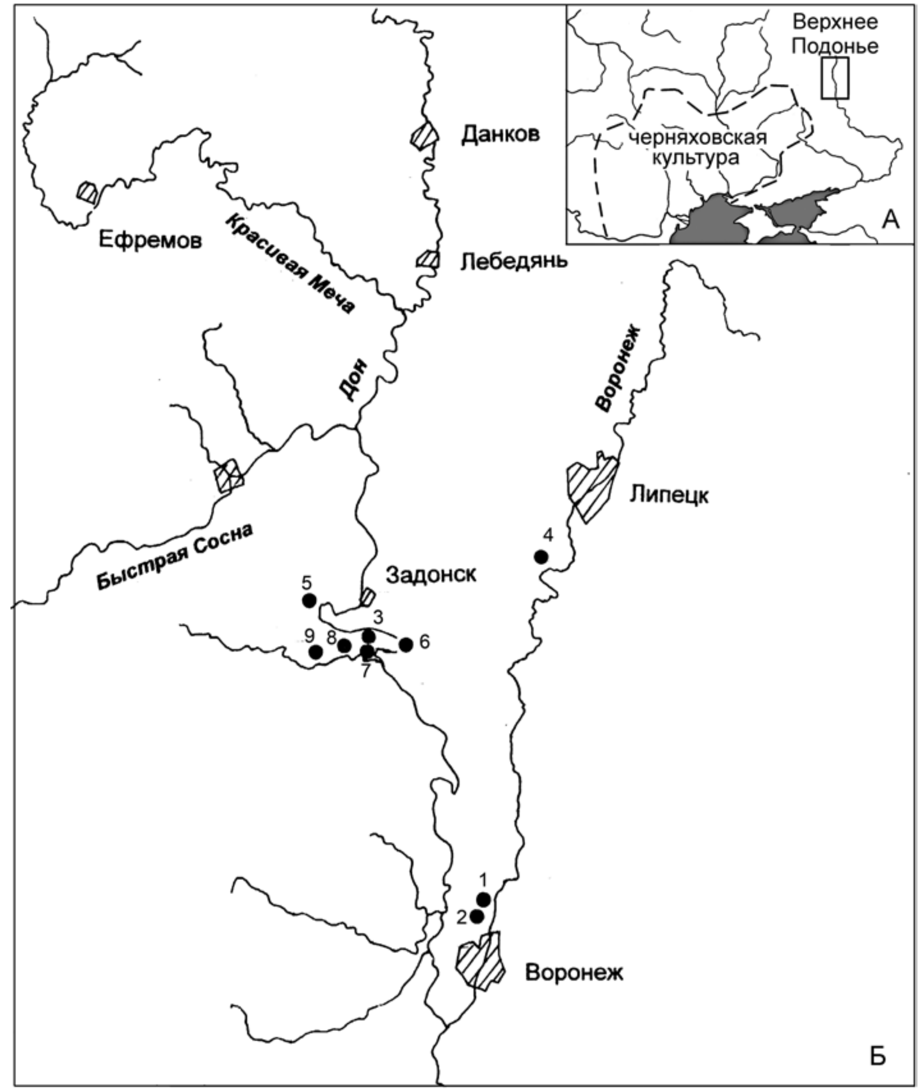


Fig. 1. Map of the sites in the forest-steppe area on the Don with the elements of the Black Sea culture: *1* **— Chertovitskoye-3;** *2* **— Chertovitskoye-6;** *3* **— an assemblage near Zamyatino village;** *4* **— Malyy Lipyag;** *5* **— Kamenka-4;** *6* **— an assemblage near Ksizovo village;** *7* **— Ksizovo-8;** *8* **— Mukhino — 2;** *9* **— Ol'shanets**

Рис. 1. Карта памятников лесостепного Подонья с элементами культуры Причерноморья: *1* **— Чертовицкое-3;** *2* **— Чертовицкое-6;** *3* **— комплекс у с. Замятино;** *4* **— Малый Липяг;** *5* **— Каменка-4;** *6* **— комплекс у с. Ксизово;** *7* **— Ксизово-8;** *8* **— Мухино-2;** *9* **— Ольшанец**

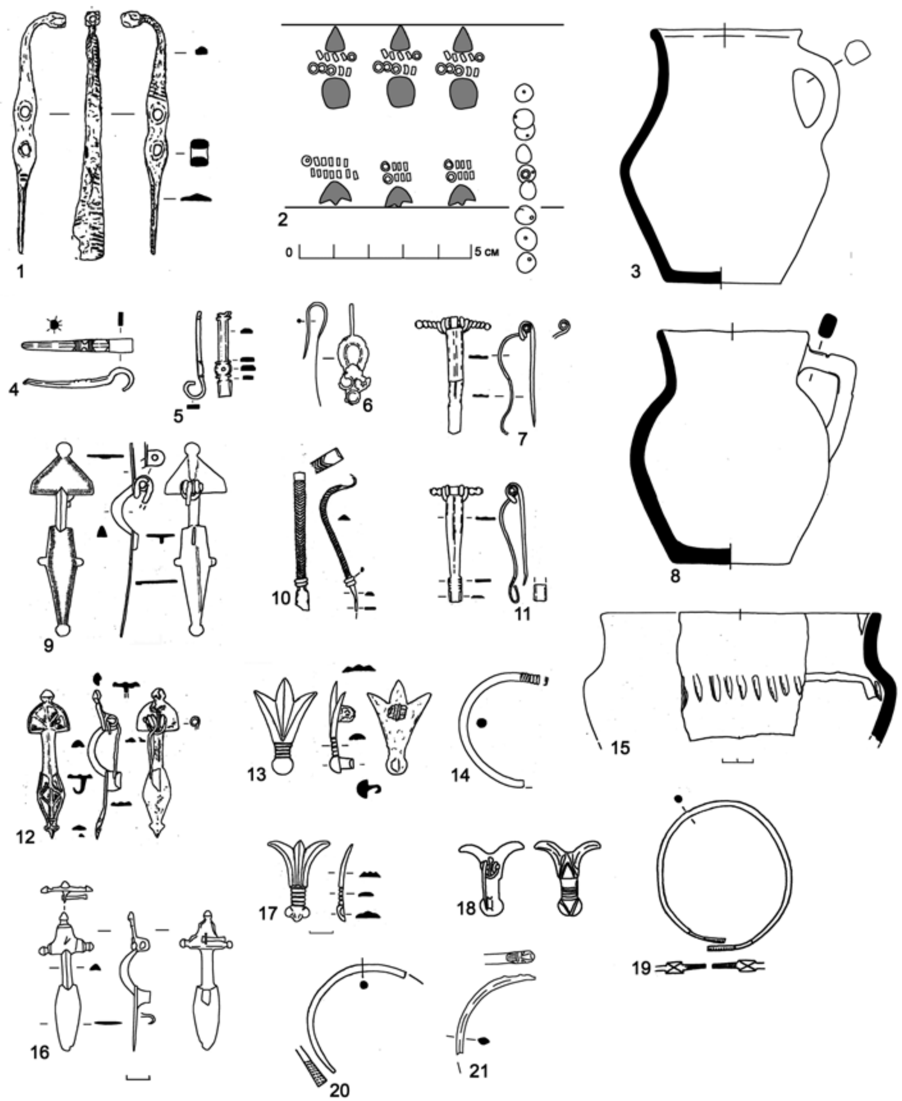


Fig. 2. Artefacts and pottery of Pontic tradition from the upper Don area: *1, 4, 5* **— iron;** *2* **— glass and bronze;** *3, 8, 15* **— burnished ware from the forest-steppe area;** *6, 16* **— silver;** *7–14, 17–21* **— bronze;** *1, 2, 6, 7, 9–11, 13, 14, 16, 17, 21* **— Ksizovo-19;** *3, 15* **— Mukhino-2;** *4–5* **— Zamyatino-10;** *8* **— Ksizovo-17A;** *12* **— Ksizovo-8;** *18* **— Ol'shanets;** *19* **— Zhivotinnoye;** *20* **— Zamyatino-7**

Рис. 2. Вещи и керамика понтийской традиции из Верхнего Подонья: *1, 4, 5* **— железо;** *2* **— стекло и бронза;** *3, 8, 15* **— лепная лощёная керамика;** *6, 16* **— серебро;** *7–14, 17–21* **— бронза;** *1, 2, 6, 7, 9–11, 13, 14, 16, 17, 21* **— Ксизово-19;** *3, 15* **— Мухино-2;** *4–5* **— Замятино-10;** *8* **— Ксизово-17А;** *12* **— Ксизово-8;** *18* **— Ольшанец;** *19* **— Животинное;** *20* **— Замятино-7**

Karol Pieta

The Fourth–Fifth Century Chamber Grave from Poprad and Its Surroundings

In 2006, during the construction of an industrial park in Poprad-Matejovce, researchers from the Podtatranské museum in Poprad and the Institute of Archaeology of the Slovak Academy of Sciences in Nitra managed to discover and examine a chamber grave of a German chieftain from the turn of the fourth and fifth century. A technically developed log-building with flat roof — a grave chamber made of larch — was well preserved in unique soil conditions, in stable wet environment, in the depth of five metres. From the outside its walls were isolated by a layer of charcoal and the joints of beams were filled with straps of bark, so that even during the research the surrounding underground water did not leak through the walls. In the chamber, filled from the inside with thin mud, a wooden sarcophagus with fallen saddle roof made of the same material was found. The exceptionally demanding four-month long research was carried out by Slovak experts as well as German conservationists.

The excavation confirmed that the tomb was thoroughly robbed already by the dead person's contemporaries, at the time when his body was decomposed. The robbers dug a shaft which ended in the tomb's antechamber. Here they made fire using it as light in their further procedure. In one place they cut through bare beams covering the chamber with axes and after their removal they got inside. Here they had to break wooden planks of the inner chamber's roof and only then they penetrated into the grave itself, furnished by the furniture as the *dead person's house*. Through the fallen wall as well as through the opening in the roof they were gradually throwing out the broken parts of the mobiliary from which they first broke off decorative silver fittings. At their departure they left only unnecessary tools — an iron hoe, a heavy axe with a short handle and three wooden shovels. They missed only a set of artefacts in the south-eastern corner of the outer chamber where stood a large clay bowl, antique glazed *mortarium*, as well as six small bowls and glasses for drinking. There was also a pig's thigh-bone — a ham with a little knife for cutting, packed in a mat, as well as a wicker basket with metal shears. Next to a candlestick's stand was an upturned bronze bucket. In addition to the pieces of dismantled furniture, only scattered hazelnuts and walnuts, which were probably related to a funeral rite, were found on the sarcophagus' floor. In the corner lay parts of the buried person´s skeleton and remnants of his clothes embroidered and interwoven with gold, combined by decorative leather accessories, including decorative lacing, similar to a Hungarian *dolman*. Similar clothes were not yet known in contemporary Europe, and the finds significantly change our views about the dressing of magnates from the age of the migration of peoples.

In spite of the thorough robbing, some decorative and utility artefacts made of glass, amber, silver and gold, which were not found by the robbers, were preserved in the grave. They included bronze arrowhead, silver shoe buckle, pendants and beads from a necklace, fragments of a mirror, a golden pendant made of a solidus of Emperor Valens of 375, as well as gaming pieces of white and dark green glass with wooden two-sided gaming board. As far as the level of preservation of wooden architecture and its inner furnishing is concerned, the grave of a German chieftain from Poprad is the only one of its kind in Europe.

After an extremely demanding exploration the whole find was transported to specialised laboratories Stiftung Schleswig-Holsteinische Landesmuseen, Schleswig, where individual parts are being conserved and documented in GIS and in 3D. Based on a long-term plan, construction elements of both chambers are being dried up and the materials taken out during the exploration, especially the exceptionally fragile pieces of organic materials, mats and decorative leather and textile parts of clothing, taken to pieces and processed. More than twenty of the *in situ* packed artefacts are still waiting in freezing boxes to be analysed.

A 25–30 year old man, approx. 178 cm tall, was buried in the tomb. The first results of the DNA analysis show that he may have belonged to the European U4 haplogroup, with frequency in the current population in the Volga and Ural regions. The finds in the tomb's inventory connect elements of ancient influence, signs of domestic environment as well as traces of eastern cultures. A demanding laboratory research connected with the assessment of a valuable monument will continue according to the original plan up to the end of 2015, when the whole tomb is going to be transported back to Slovakia. At present the conservation of a part of the grave's mobiliary (table, bed, stool) was finished and is available for further research.

Кароль Пьета

Камерная могила IV – V вв. в Попраде и её контекст

В 2006 г., во время строительства промышленного парка в Попраде – Матейовце, сотрудникам Подтатранского музея в Попраде и Института археологии в Нитре Словацкой академии наук удалось обнаружить и исследовать камерную могилу германского вождя рубежа IV – V вв. Сооружённая на высоком техническом уровне бревенчатая конструкция с плоской крышей — погребальная камера выполнена из лиственницы — хорошо сохранилась благодаря уникальным особенностям почвы, обеспечившим стабильную влажность среды, на глубине пяти метров. Снаружи стены были изолированы слоем древесного угля, а стыки брёвен были законопачены полосками коры, так что грунтовые воды не просачивались сквозь стены снаружи даже во время раскопок. В камере, наружное заполнение которой составлял тонкий слой грязи, был обнаружен деревянный саркофаг с обрушившейся двускатной крышкой из того же материала. Четырёхмесячные исследования, потребовавшие исключительных усилий и квалификации, были проведены силами словацких специалистов при участии немецких реставраторов.

Раскопки подтвердили, что данная гробница была полностью разграблена современниками погребённого в то время, когда его тело уже разложилось. Грабители прорыли лаз, оканчивавшийся во входе в гробницу. Там они развели огонь, чтобы воспользоваться его светом при дальнейших операциях. Они перерубили топорами закрывавшие камеру деревянные брусья и, удалив их, проникли внутрь. Здесь им пришлось разломать деревянные доски от крыши внутренней камеры, и только после этого они смогли попасть непосредственно в могилу, обставленную мебелью так, как будто это был дом умершего. Сквозь обрушившуюся стену, а также отверстие на крыше, они постепенно вытаскивали разломанную на части мебель, с которой сначала отламывали декоративные серебряные накладки. Уходя, они оставили лишь больше не нужные им инструменты — железную мотыгу, тяжёлый топор на короткой рукоятке и три деревянные лопаты. Они пропустили лишь набор вещей, находившихся в юго-восточном углу наружной камеры — большую глиняную чашу, античный стеклянный мортарий, а также шесть малых чаш и сосудов для питья. Обнаружены также бедренная кость свиньи, оставшаяся от куска мяса, а также небольшой нож для его нарезки, упакованные в кусок органического материала, а также плетёная из лозы корзина с металлическими ножницами. Рядом с подставкой для подсвечника находилось перевёрнутое бронзовое ведро. На полу саркофага, помимо фрагментов разобранной мебели, нашли только разбросанные лесные и грецкие орехи — вероятно, остатки погребального обряда. В углу лежали части скелета умершего и остатки его одежды, златотканой и расшитой золотом, а также декоративные изделия из кожи, в том числе декоративные шнуры, похожие на венгерский доломан. Подобная одежда неизвестна в Европе данного времени, потому эти находки значительно меняют представления об уборе знати эпохи Великого переселения народов.

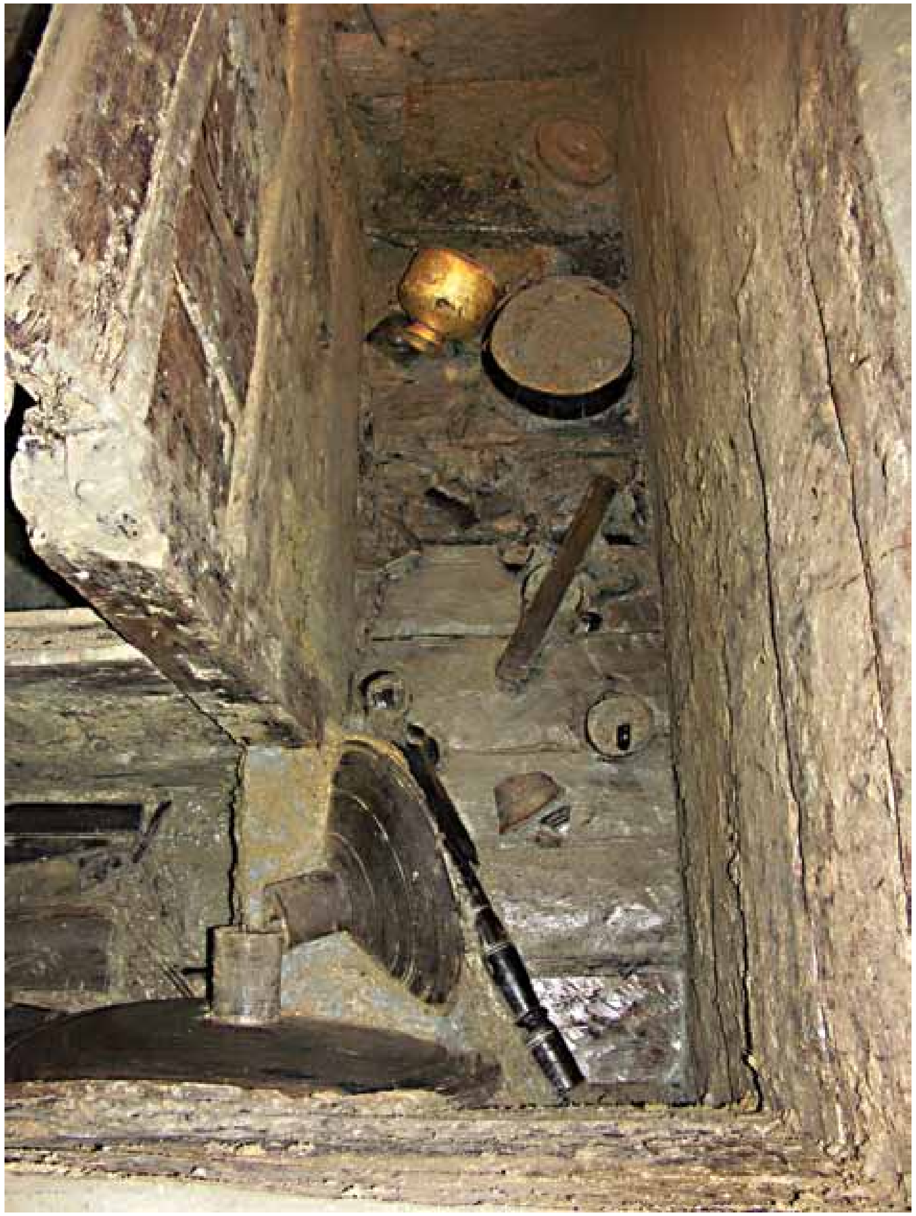
Несмотря на то, что могила полностью разграблена, в ней сохранились некоторые вещи декоративного и утилитарного назначения, сделанные из стекла, янтаря, серебра и золота, которые не были обнаружены грабителями. Среди них — бронзовый наконечник стрелы, серебряная обувная пряжка, подвески и бусы из ожерелья, фрагменты зеркала, золотая подвеска, сделанная из солида императора Валента 375 г., а также игральные фишки из кусочков белого и чёрного стекла и двусторонняя игральная доска из дерева. В том, что касается степени сохранности деревянной архитектуры и внутреннего убранства могилы, погребение германского вождя из Попрада является единственным в Европе памятником такого рода.

После изучения всей находки, потребовавшего исключительных усилий и квалификации, её отправили в специализированную лабораторию при Региональном музее Шлезвиг-Гольштейна (*Stiftung Schleswig-Holsteinische Landesmuseen*) в Шлезвиге, где производилось реставрация и фиксация отдельных её частей с использованием геоинформационных технологий (*GIS*) и трёхмерной съёмки (*3D*). В соответствии с долгосрочным планом работы, конструктивные элементы обоих камер высушивали, а изъятые при исследовании материалы, в особенности чрезвычайно хрупкие куски органических материалов, ковров, а также кожаные украшения и тканые части

костюма, разбирались на составные части и обрабатывались. Более двадцати находок, упакованных ещё в поле, до сих пор находятся в морозильных камерах в ожидании будущих исследований.

В гробнице был похоронен мужчина возрастом около 25–30 лет, ростом около 178 см. Первые результаты анализа ДНК показали, что он мог принадлежать к европейской гаплогруппе U4, которая часто встречается у современного населения Поволжья и Урала. Найденный в гробнице погребальный инвентарь указывает на существование связей между античным влиянием, местной средой, а также на следы восточных культур. В соответствии с первоначальным планом, лабораторное исследование этого выдающегося памятника, требующее значительных усилий и надлежащей квалификации, будет продолжено до конца 2015 г., когда вся гробница целиком будет возвращена назад в Словакию. К настоящему времени завершена реставрация части обнаруженной в могиле мебели (стол, ложе, табурет), которая теперь доступна для новых исследований.

Перевёл с английского Никита Храпунов



Radosław Prochowicz

Carnelian Beads in the Cemetery of the Wielbark Culture at Szelków Nowy, Poland — "a Souvenir from the Black Sea?"

Beads made from various kinds of stones, including a semi-precious ones, are relatively rare finds among the cultures of the European Barbaricum. Apart from some exceptions, they form neither distinct territorial clusters, nor can be linked to any particular time frame. In most cases they are interpreted as a manifestation of influences of the Black Sea cultural circle. That is why the group of several sites in northern Mazovia seems so interesting, as polyedric beads made of carnelian were discovered there. Beads of that kind have most similarities in finds of the Sântana de Mureş and the Chernyakhov cultures. Special attention should be paid to two graves (nos. 130 and 133) from the cemetery of the Przeworsk and Wielbark cultures at Szelków Nowy, as a significant number (14 items) of beads of that type were discovered there. The finds could be dated to C2 and C3 phases of the Late Roman period. Almost identical form of both tombs, with relatively rich furnishing and, a rarely found at that time in the Wielbark culture variant costume — comprising a three fibulae set, indicates a special social position of persons buried there.

Радослав Прохович

Сердоликовые бусы в вельбарском могильнике Шелкув-Новы (Польша) — «сувенир из Причерноморья»?

Бусы из различных камней, в том числе полудрагоценных, — довольно редкая категория находок в культурах европейского Барбарикума. За несколькими исключениями, они не образуют выраженных территориальных кластеров и не могут быть помещены в какие-то хронологические рамки. В большинстве случаев, их интерпретируют как показатель влияния круга северопричерноморских культур. Потому особенный интерес привлекает к себе группа из нескольких памятников в северной Мазовии, где обнаружены многогранные сердоликовые бусы. Бусы такого рода находят большинство аналогий среди находок культуры Сынтана-де-Муреш и черняховской культуры. Особое внимание следует уделить двум погребениям (№ 130 и 133) в могильнике вельбарской и черняховской культур Шелкув-Новы, поскольку в них найдено значительное количество (14 штук) бус этого типа. Находки можно датировать фазами C2 и C3 позднеримского времени. Почти идентичная форма обеих могил, содержавших довольно богатый инвентарь, а также своеобразный костюм, который редко находят в памятниках вельбарской культуры этого времени, включающий набор из трёх фибул, указывает на особое общественное положение погребённых.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Oleg Radyush

Horse Rider's Equipment in the Forest and Forest-Steppe Cultures in the Dnieper Area in the Second and Third Centuries AD

Until recently, archaeological evidence related to equipment of riders in the second and third centuries in the Middle and Upper Dnieper area were extremely fragmented. Therefore, the problems of the military culture of the local population remain disputable. The appearance of a great array of sources during recent decade, particularly bronze and bi-metallic spurs with or without enamelling, bi-metallic whips, or fragments of drinking horns, allow one to discuss the main categories of "horse-riders'" equipment at a new level. Of the above find, the most interesting are knob spurs, *Knopfsporen* (Jahn 1921), which meet with a great number of analogies with reliable chronology in burial assemblages within the European Barbaricum (Ginalski 1991). Apart from this type, there also are more finds of spurs with hooked ends (*Hakensporen*), however, their chronology has not been developed yet, though the finds in the Dnieper area originate only from unfortified and fortified settlement, therefore, they will not be analysed within the given paper. In the Dnieper area, there are no find of chair spurs (*Stuhlsporen*), which were widespread in Germanic cultures from the Early Roman period.

The earliest specimens of knob spurs date back to the turn of eras; they originate from the Zarubintsy culture settlements in Obolon' and Monastyryok (Kiev *oblast'*, i. e. administrative area, Ukraine) and a unique cemetery of a warlord's retinue in Mutin at the Seym river (Sumy *oblast'*, Ukraine). Later specimens were recorded in a few sites of the Late Zarubintsy and Kievan types, also in the Middle Dnieper area in the Ukraine and Belorussia (Казанский 1997). A single spur was discovered at the upper reaches of the Moksha river (burial 6, Razhkino cemetery, Penza *oblast'*, Russia). Among the chance finds discovered in the pre-Revolutionary period, there are several specimens from the Kiev governorate, including knob spur with enamel insets, from Perepel'nitsy village (fig. 1. 6), which is now stored in the Kiev Historical Museum. In the second half of 1960s, two similar details of equipment were discovered in the south-western Crimea, in grave 28 of Skalistoye III cemetery (Богданова, Гущина, Лобода 1976). For a long time, isolated finds of spurs did not supply a real picture of their variety and distribution. Such a situation existed till early 2000s, when illegal metal detecting became extremely popular, so the number of sources enlarges, without control, annually. A part of these finds have been monitored with the plunderers' web sites, a few of them appeared in museum storages. So far, I have recorded 26 spurs with enamel insets and more than 60 knob spurs without enamelling, of the types widespread in the second and third centuries AD. For some finds, it was possible to determine find spots, though for another group only the region or *oblast'* was identified. Taking the considerable scope and novelty of this information, it is not possible to ignore it.

Distribution area of knob spurs without enamel insets in the Dnieper region was rather wide: in the west and north-west, it meets with the areas populated by the Germanics' and Western Balts'. Eastern European variants are known as far as the Oka area (cemeteries of Bol'shaya Davydovka 2, Koshibeyevo, and Razhkino, as well as Rostislavl' fortified settlement). Spurs with enamel insets are located only in the Middle Dnieper area, on the left side of the Dnieper as far as the upper reaches of Seym and Psyol rivers and the area in between of the Dnieper and the Donets rivers, and in the north they are found as far as the upper reaches of the Neman river, therefore they almost entirely coincide with distribution areas of the artefacts of the "circle of enamels" (for the map see: Радюш 2010a: рис. 2).

A considerable sample of specimens is constantly supplied with new finds to allow one to analyse only typological features of these equipment details so far: the lack of information regarding their archaeological context does not allow them to be considered reliable ethnicultural indicators or precise chronological reference points. As typological features, I have used technological and constructive particulars of the spurs (form of knobs, yokes, shank, and their cross-sections), size, proportions of details, as well as decoration elements (design of knobs, platforms, yokes, or use of enamelling). Against this background, I have established three main types and their variants. All of them contained bot artefacts with and without enamelled insets.

Type I. Solid cast or composite spurs with yoke of simple form, without extra elements (fig.1. 1; fig. 2. 5, 8). Pricks could be circular or diamond-shaped, as well as star-shaped (fig. 2. 10). There are several composite

artefacts with iron shank and bronze body. Ornamentation and the form of cross-section of shanks are different. Analogous spurs are well-known in the cemeteries of the Przeworsk culture, in the Middle Danube area, and in area of the Western Baltic sites.

Type II. Solid cast or composite spurs with panels, or transverse "crests" at the base of the shank. ***Variant A***. With transverse crests, projections, or rectangular platform, most often with figural cuts along the edges, on the yoke at the base of the shank (fig. 1. 6; 2. 7, 13). Circular and diamond-shaped pricks are known. Outstanding among all the finds are several spurs with big shanks up to 6 cm high (fig. 1. 2). Platform and shank of some spurs are decorated with triangles filled with enamel (fig. 1. 2). ***Variant B.*** Distinguished by transverse cross-bars, located at the base of the shank and merged with sub-triangle projections to form a frame with slits (fig. 1. 3; 2. 3). Spurs of the type find a series of analogies in the Baltic Sea area and in Central Europe.

Type III. Bronze solid cast or composite spurs with rosettes and projections on yokes. ***Variant A***. With projections or rosettes on yokes and below the base of the shank (fig.1. 5, 7, 8; 2. 1, 2, 4, 9, 12). Pricks are circular and diamond-shaped. ***Variant B***. With outer cross-shaped projections at the base of the shank and "baroque-style" pricks (fig.1. 9; 2. 11). The knobs are circular, with "floriate" rosettes. Later specimens of both variants keep reduced crests on yokes. Most likely, both variants are exclusively local types, that possibly originated against the background of spurs of Leuna type (Giesler 1978). Prototypes for the shaping of Eastern European variants of spurs are Jerzy Ginalski's types E–F, widely distributed in Central Europe, that date back to within the late first to the second half of the third century AD. They developed further and independently in the Dnieper and Volga areas. Similarly with the cultures in the Western European Barbaricum, Eastern European spurs varied greatly. Genetic connection between the goods with enamel insets and ware without them is doubtless, so they were probably produced in the same territories. Enamelled spurs design used numerous elements typical of the "complex of enamels" in general, like cross-bars, rosettes, floriate crosses, geometric patterns, etc.

There is a series of finds indicating wide typological parallels. The spurs discovered at the river Psyol (fig. 1. 4) are very close morphologically to the finds made before the Second World War in the south-eastern Baltic Sea area, in Rybach'ye cemetery (former village of Rossitten, *Kreis* [district] Kurische Nehrung; Martin Jahn's archive, PM III 61 791; modern Kaliningrad *oblast'*, Russia); their main difference is the design of pricks. The same place supplies analogies to fragmented spur from Belgorod *oblast'* with star-shaped prick (fig. 2. 10) (Tischler Kemke 1902: taf. XVI. 5). The latest specimens of bronze prick spurs from the fourth century are found in the Upper Dnieper and the Oka areas only, though in the Middle Dnieper area was at that time occupied by the Chernyakhov culture, and had a distribution of new variants of horsemen's equipment, this time related with the provincial Roman tradition.

So far, establishment of the chronology for these spurs meets with difficulties: its based mainly on the chronology of similar variants from Central Europe. The find of Kursk (fig.1. 4) could be dated to phase B2 according to an analogy from the above-mentioned cemetery of Rybach'ye (Nowakowski 1996: 95). The spur discovered by excavations in Popovo — Lezhachi settlement in Kursk *oblast'* belongs to Ginalski's type F3b (Ginalski 1991: 66; Обломский, Терпиловский 1998) and dates back to phase B2/C1.

The reference closed assemblages with Eastern European spurs include a few burials only, all not related to the Dnieper area. Two spurs from Skalistoye III cemetery in the Crimea and one artefact from Razhkino cemetery in Penza *oblast',* Russia, were discovered within assemblages. The first of these graves has been dated reliably to 225–275 AD according to glass beaker of Hans Jürgen Eggers' type 247. Burial 6 in Razhkino cemetery has been dated from the second half of the second to early third century (Полесских 1959), with the spur from this assemblage meeting its exact analogy in Kursk *oblast'* (fig. 2. 2). I should also mention votive deposit in grave 3 in Bol'shoye Davydovskoye 2 cemetery (Ivanovo *oblast'*, Russia) that has radiocarbon dating. There were two flowed fragments of spur with diamond-shaped prick and projections on the prick and yoke being an exact analogy to the find in Verdikhovo village in Smolensk *oblast'* (fig. 2. 1). The above supplies us with the date within the limits from the second half of the third to the early fifth century AD; taking the age of the wood into account, the researchers suppose that the lower limit could be 30 to 40 years younger, i. e. the late third or the turn of the third and fourth century (Макаров, Красникова, Зайцева 2010: 49).

Besides spurs, horsemen's equipment also includes an earlier unknown category of artefacts that has been discovered recently among the hoards of the circle of enamels. There are bi-metallic whips that probably imitated Roman whip (*flagrum*). This type of equipment consists of bronze handle and end-piece with iron rod in between. In top part, there was a slot for ring holding plate with leather straps ending with lead or bronze

balls, plane or knobbed. The hoard in Usukh (Bryansk *oblast'*, Russia) contained a single entire specimen; isolated details are known from hoards and stray finds.

The final category of goods related with warlord's retinue, the "feast" culture of horse-riding elite of local tribes, was drinking horns. The hoards and stray finds of the "circle of enamels" contain their details: end-pieces, mouth-plates, and chain links, which number today becomes much larger than before. Therefore, if in former times they were discovered in the southern Baltic Sea area, Upper Oka area, and Northern Caucasus only (Корзухина 1978: 41), today they were known in Belorussia, as well as in Smolensk, Bryansk, Kursk and Belgorod regions of Russia. Exact analogies to end-pieces of drinking horns are within the materials from the European Barbaricum; Eastern European variants are closer to Jacek Andrzejowski's type D — they date back to not earlier than phase B2 (Andrzejowski 1991: 96).

This way, observations on the categories of horse-rider's equipment in general and spurs in particular indicate that horsemen's equipment was widely distributed among the pre-Chernyakhov population in the Dnieper area. The presence of whips of a Roman type and of drinking horns of European type could indicate that the stratum of military "horsemen" nobility developed during a long time. So far, we know few if any find of horse tack from the period, however, it is possible that elements of horse bridle were among the enamelled goods.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Олег Радюш

Всадническое снаряжение лесных и лесостепных культур Поднепровья во II – III вв. н. э.

До недавнего времени археологические свидетельства, связаные со снаряжением всадников периода II – III вв. на территории Среднего и Верхнего Поднепровья, оставались крайне отрывочными. В связи с этим проблемы изучения воинской культуры местного населения остаются дискуссионными. Появление в последнее десятилетие значительного массива новых источников: бронзовых и биметаллических шпор с эмалями и без них, биметаллических нагаек, деталей ритонов, позволяют на новом этапе рассмотреть основные категории

«всаднического» снаряжения. Наибольший интерес среди этих находок представляют шпоры с кнопками, *нем. Knopfsporen* (Jahn 1921), которые имеют значительное количество надежно датированных аналогий в погребальных комплексах Европейского Барбарикума (Ginalski 1991). Кроме данного типа известен и ряд находок шпор с зацепами (*нем. Hakensporen*), но их типология в целом недостаточно разработана, а находки из Поднепровья происходят только с поселений и городищ, поэтому в этой работе они не рассматриваются. На территории Поднепровья совершенно неизвестны находки стульчатых шпор (*нем. Stuhlsporen*), широко распространённых в германских культурах раннеримского времени.

Наиболее ранние экземпляры шпор с кнопками датированы рубежом эр и происходят с территории зарубинецких поселений Оболонь и Монастырёк (Киевская область, Украина) и уникального дружинного могильника Мутин на реке Сейм (Сумская область, Украина). Более поздние образцы зафиксированы на некоторых памятниках позднезарубинецкого и киевского типа также в Среднем Поднепровье на Украине и в Белоруссии (Казанский 1997). Одна шпора найдена в верхнем течение реки Мокша (погребение 6, Ражкинский могильник, Пензенская область, Россия). Из дореволюционных случайных находок происходят несколько экземпляров из Киевской губернии, среди которых сохранившаяся до настоящего времени в киевском историческом музее — шпора, украшенная эмалевыми вставками на кнопках из с. Перепельницы (рис.1. 6). Во второй половине 60-х гг. XX в. две подобные детали снаряжения были найдены в юго-западном Крыму (погребение 28, могильник Скалистое III) (Богданова, Гущина, Лобода 1976). Единичные находки шпор долгое время не давали подлинного представления об их разнообразии и зоне их распространения. Подобная ситуация сохранялась до начала 2000-х гг., когда из-за массового распространения грабительского поиска с помощью металлодетекторов количество источников стало неконтролируемо увеличиваться с каждым годом. Часть из этих находок отслежена на грабительских сайтах, некоторые из них были переданы в музейный фонд. К настоящему времени нами зафиксированы 26 шпор с эмалевыми вставками и более 60 шпор с кнопками без эмалей, относящихся к типам, распространенным во II – III вв. н. э. Для ряда находок удалось установить точные места обнаружения, часть локализовать в пределах района или области. Учитывая значительный объем и новизну информации игнорировать её не представляется возможным.

Область распространения шпор с кнопками без эмалевых вставок в Поднепровье достаточно обширна, на западе и северо-западе она смыкается с германским и западнобалтским ареалом. Восточноевропейские варианты известны до Поочья (могильники Большой Давыдовский 2, Кошибеевский, Ражкинский, городище Ростиславль). Шпоры с эмалевыми вставками локализуются исключительно в Среднем Поднепровье, на Днепровском левобережье вплоть до верховий Сейма и Псёла и днепро-донецкого междуречья, а к северу до верховьев Немана — практически полностью совпадая с зонами распространения вещей круга эмалей (см. карту: Радюш 2010а: рис. 2).

Постоянно пополняющаяся значительная выборка образцов позволяет в настоящее время рассматривать лишь типологические особенности данных деталей снаряжения, так как случайность находок, отсутствие сведений об их археологическом контексте не позволяют считать их надежным этнокультурными маркерами и точными хронологическими индикаторами. В качестве типологических признаков нами использовались технологические и конструктивные особенности шпор (форма кнопок, дужек, шипа, и их сечение), размеры, пропорции деталей, а также элементы декора (оформление кнопок, площадок, шипа, дужек, использование эмалей). На основании их совокупности были выделены три основных типа и их варианты. Все они представлены как образцами с эмалевыми вставками, так и без них.

Тип I. Цельнолитые или композитные шпоры с дужками, простыми по форме, без дополнительных элементов (рис. 1. 1; рис. 2. 5, 8). Кнопки бывают круглыми и ромбическими, звездчатыми (рис. 2. 10). Встречаются композитные экземпляры, шип которых изготовлен из железа, а корпус из бронзы. Орнаментация и форма сечения шипов разнообразные. Аналогии таким шпорам хорошо известны на могильниках пшеворской культуры, в среднем Подунавье, ареале западнобалтских памятников.

Тип II. Цельнолитые или композитные шпоры с площадками, или поперечными «гребнями», у основания шипа. ***Вариант А***. У основания шипа на дужках имеются поперечные гребни, отростки, либо прямоугольная площадка, чаще всего с фигурными вырезами по краям (рис. 1. 6; 2. 7, 13). Известны кнопки круглые и ромбические. Среди всех находок выделяются несколько шпор с массивными шипами высотой до 6 см (рис. 1. 2). Декор на площадке и шипе на некоторых образцах в виде треугольников заполненных эмалью (рис.1. 2). ***Вариант В***. Отличается расположенными у основания шипа сросшимися с подтреугольными выступами поперечными перекладинами (рис. 1. 3; 2. 3), образующими рамку с прорезями. Шпоры данного типа находят ряд аналогий в Прибалтике и Центральной Европе.

Тип III. Цельнолитые или композитные бронзовые шпоры с розетками и выступами на дужках. ***Вариант А***. С выступами или розетками на дужках и под основанием шипа (рис. 1. 5, 7, 8; 2. 1, 2, 4, 9, 12). Кнопки круглые и ромбические. ***Вариант В***. С наружными крестообразными выступами у основания шипа и кнопками «барочного» стиля (рис. 1. 9; 2. 11). Кнопки круглые и с «процветшими» розетками. У позднейших образцов обоих вариантов сохраняются редуцированные гребни на дужках. По всей видимости, оба варианта являются исключительно местными типом, возможно возникшим на основе шпор типа «Лёйна» (Giesler 1978).

Прототипами для формирования восточноевропейских вариантов шпор послужили широко распространенные в Центральной Европе типы E–F по Е. Гинальскому, датирующиеся в пределах конца I – второй половины III вв. н. э. На территории Поднепровья и в Поволжье они получили свое дальнейшее и самостоятельное развитие. Как и в культурах западноевропейского Барбарикума восточноевропейские шпоры имели значительную вариативность. Несомненна прямая генетическая связь изделий с эмалевыми вставками и без них — весьма вероятно, они производились синхронно на одних и тех же территориях. В декоре шпор с эмалями использовались многочисленные элементы характерные для эмалевого комплекса в целом — поперечные перекладины, розетки, проросшие кресты, геометрический орнамент и т. д.

Ряд находок указывает на широкие типологические параллели. Шпора, найденная на реке Псёл (рис. 1. 4) по своей морфологии очень близка находке, сделанной в довоенное время в юго-восточной Прибалтике на могильнике Рыбачье (бывш. *Rossitten*, округ Kurische Nehrung, архив М. Яна, PM III 61 791, совр. Калининградская область, Россия), основное отличие их заключаются в оформлении кнопок. Там же свои аналогии находит и фрагментированная шпора из Белгородской области со звездчатой кнопкой (рис. 2. 10) (Tischler, Kemke 1902: taf. XVI. 5). Наиболее поздние варианты бронзовых шпор с кнопками в IV в. встречаются только в верхнем Поднепровье и Поочье, в то время как на территории Среднего Поднепровья, занятой к этому времени черняховской культурой, распространяются новые варианты кавалерийского снаряжения связанного уже с провинциальноримской традицией.

Датировка шпор на данный момент затруднена, и основана на хронологии близких им вариантов из Центральной Европы. Курская находка (рис. 1. 4), на основании аналогии из вышеупомянутого могильника Рыбачье может быть датирована фазой B2 (Nowakowski 1996: 95). Шпора, найденная во время раскопок поселения Попово — Лежачи в Курской области относится к типу F3b по Е. Гинальскому (Ginalski 1991: 66; Обломский, Терпиловский 1998), который датируется фазой B2/C1.

К опорным закрытым комплексам непосредственно с восточноевропейскими шпорами относится лишь несколько погребений, при этом все они не связаны с территорией Поднепровья. В комплексах обнаружены две шпоры из могильника Скалистое III в Крыму и одна из Ражкинского могильника в Пензенской области России. Первое погребение достаточно надежно датируется второй-третьей четвертью III в. по стеклянному кубку типа Эггерс 247. Погребение 6 из Ражкинского могильника датировано второй половиной II – началом III в. (Полесских 1959), прямая аналогия шпоре из этого комплекса известна в Курской области (рис. 2. 2). Можно также отметить датированный радиоуглеродным способом жертвенный комплекс погребения 3 из могильника Большое Давыдовское 2 (Ивановская область, Россия) где были найдены два оплавленных фрагмента шпоры с ромбической кнопкой и выступами на кнопке и дужках — точной аналогии находки из д. Вердихово Смоленской обл (рис. 2. 1). Полученная дата находится в пределах второй половины III – начала V в. н. э.; с учётом возраста дерева, авторы исследований предполагают возможность омоложения нижней датировки на 30–40 лет, то есть до конца III – рубежа III и IV вв. *(*Макаров , Красникова, Зайцева 2010: 49).

Помимо шпор, к всадническим принадлежностям следует отнести ранее неизвестную категорию вещей, выявленную лишь в последнее время среди кладов эмалевого круга. Это биметаллические нагайки, по всей видимости, подражающие римским образцам (*лат. Flagrum*). Данная разновидность снаряжения собиралась из бронзовых рукоятей и наверший, соединенных между собой железным стержнем. В верхней части имелось отверстие для кольца, на котором располагалась обоймица с закреплёнными в ней кожаными ремешками, на концах которых располагались свинцовые или бронзовые шарики, как гладкие, так и с выступами. В Усухском кладе (Брянская область, Россия) обнаружен один экземпляр, сохранившийся целиком, также известны отдельные детали в кладах и случайных находках.

Наконец, еще одной категорией вещей, связанной с дружинной — «пиршественной» — культурой всаднической элиты местных племен, являются ритоны. В кладах вещей круга эмалей и среди случайных находок встречаются их детали — наконечники, оковки горловин, звенья цепей, которые сейчас также становятся все более многочисленными, и если ранее они были найдены только в Прибалтике, на верхней Оке и на Северном Кавказе (Корзухина 1978: 41), то в настоящее время известны и в Белоруссии, Смоленской, Брянской, Курской, и Белгородской областях России. Точные аналогии наконечникам рогов находятся в материалах европейского Барбарикума, восточноевропейские варианты близки типу D по Я. Анджеевскому и датируются не ранее фазы B2 (Andrzejowski 1991: 96).

Таким образом, наблюдения за категориями всаднического снаряжения в целом и шпор в частности, указывают на широкую распространённость всаднического снаряжения среди дочерняховского населения Поднепровья. Наличие нагаек римского типа, присутствие питьевых рогов европейского типа вполне может указывать на действительное сложение слоя воинской «всаднической» аристократии. До сих пор нам практически не известны находки конского снаряжения этого периода, однако не исключено, что в эмалевом вещевом комплексе присутствовали и элементы конской узды.

Fig. 1. Several variants of Eastern European spurs decorated with enamel insets:
***1* — Lithuania (?); *2* — Kursk *oblast'* (administrative area, Russia); *3* — Chapli, Kursk *oblast'* (Russia); *4* — river Psyol, border of Kursk *oblast'* and Belgorod *oblast'* (Russia); *5* — Gochevo, Kursk *oblast'* (Russia); *6* — former Kanev *uyezd* (district), Kiev governorate (Ukraine), *7* — Ostrovets, Grodno *oblast'* (Belorussia); *8* — Ukraine (?); *9* — Rudevichi, Grodno *oblast'* (Belorussia). All specimens are of bronze and enamel**

Рис. 1. Некоторые варианты восточноевропейских шпор украшенных эмалевыми вставками:
***1* — Литва (?); 2 — Курская область (Россия); *3* — Чапли, Курская область (Россия); *4* — река Псёл, граница**

Курской и Белгородской областей (Россия); *5* — Гочево, Курская область (Россия); *6* — бывший Каневский уезд, Киевская губерния (Украина); *7* — Островец, Гродненская область (Белоруссия); *8* — Украина (?); 9 — Рудевичи, Гродненская область (Белоруссия). Все — бронза, эмаль

Fig. 2. Some of the variants of Eastern European spurs without enamel insets:
***1* — Verdikhovo, Smolensk *oblast’* (Russia);**
***2* — Kursk *oblast’* (Russia); *3 —* Ostrino, Grodno *oblast’* (Belorussia);**
***4* — Bryansk *oblast’* (Russia); *5* — Kiev *oblast’* (Ukraine);**
***6* — Belgorod *oblast’* (Russia); *7* — Chernigov *oblast’* (?) (Ukraine);**
***8* — Kiev *oblast’* (Ukraine); *9 —* Sumy *oblast’* (Ukraine);**
***10* — Belgorod *oblast’* (Russia); *11* — border of Kaluga *oblast’* and Smolensk *oblast’* (Russia); *12* — Sumy *oblast’* (?) (Ukraine).**
***1–8, 10–12* — bronze, *9, 13* — bi-metallic (bronze and iron)**

Рис. 2. Некоторые варианты восточноевропейских шпор без эмалевых вставок: 1 — Вердихово, Смоленская область (Россия);
***2* — Курская область (Росссия);**
***3 —* Острино, Гродненская область (Беларусь);**
***4* — Брянская область (Россия); *5* — Киевская область (Украина);**
***6* — Белгородская область (Россия);**
***7* — Черниговская область (?) (Украина); *8* — Киевская область (Украина); *9* — Сумская область (Украина);**
***10* — Белгородская область (Россия); *11* — Граница Калужской и Смоленской областей (Россия); *12* — Сумская область (?) (Украина).**
***1–8, 10–12* — бронза, *9, 13* — биметаллические (бронза/железо)**

Boris Raev

An Interesting Find from the Cemetery of Valovyy 1 in the Lower Don Area

In 1987, Yevgeniy Bespalyy's team excavated barrow field Valovyy 1 in vicinity of Tanais, which consisted of a few tens of mounds. Five barrows contained burials from the Late Sarmatian period in catacombs and undercut graves. One of the graves was plundered, though in the others there were rich goods including artefacts manufactured in Roman provinces.

My attention has been drawn by an unusual find from barrow 9. In the niche in the wall of the burial chamber beyond the dead person's skull there were numerous goods, including a dense accumulation of amulets that consisted of stone pendants, large beads, including those of animal bones, and bronze ware. Among the latter, there was a fragment of cast bronze badge in openwork style. Thin bars form stylised floral design that is symmetrical around central axis, though side parts are carved-through following "paisley" pattern. Central bar forms a teardrop-shaped figure with its pointed top towards the centre of the composition, finishing with knob-ended hook on the outer side (fig. 1. 15).

The first complete publication of the materials from the cemetery describes this artefact as a "*lower attachment of bronze jug handle*" (Беспалый, Беспалая, Раев 2007: 27). A few years after, a monograph was published to discuss Late Sarmatian assemblages in the cemetery, which called this artefact a "*bronze detail in openwork*" (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 28). As for its purpose, the publishers supposed wittily that, since there was a hook, it was applied "*to hang extra* (in regard to what? — B. R.) *articles*" (ibid.: 84).

The examination of the above-described artefact allows me to attribute it as a fragment of openwork belt-hook: various forms of such belt-hooks were used from the Early La Tène period to the Great Migration. My search for exact analogies to the said hook has not come to success. However, chronological distribution and location of similar buckles discovered in Europe allow me to suppose from where and how this artefact came to the Lower Done area.

The earliest belt-hooks in openwork are documented in the Golasecca culture from the Early La Tène period in Northern Italy. They are decorated with symmetrically-located dragons or birds, often with human figure in the centre, and floral design filling free space (fig. 1. 1–4). As for the hook itself, it is located on back side of buckles, so the latter were most likely used in sword belts rather than in cloths (Megaw, Megaw 1990: 60).

In the northern Adriatic Sea area, openwork belt-hooks date back to the Early La Tène period (fig. 1. 8–9). Although their sub-triangular form and ornamentation generally follow the form and décor of northern Italian buckles, in northern Adriatic Sea area they do not have anthropo- and zoomorphic pictures. The entire decoration system simplified, though the system of fastening the belt at the base of the buckle changed. Most of belt-hooks are made of iron; although they date back to the same or close period as the finds in northern Italy, their local origin is beyond any doubt (Frey 1974: 137). These belt-hooks, as well as belt-hooks from Central Europe (fig. 1. 10–11), now have ornamentation with typical pattern of paisley, or "Persian pickles," or *Fishblasen*, as it is called in German-speaking scholarship (Kaufmann 1994: 142 ff.).

Floral decoration of similar composition, with symmetrical "pickles," appears in design of handles of metal vessels from the Late La Tène period. The researchers date silver jug from Arcisate and bronze jug from Domodossola burial back to ca. 75 BC (Baratte 1989: 74; Bolla 1991: fig. 1a, nota).

Belt-hooks from the Late La Tène and Roman periods differ from earlier specimens. They keep openwork design and triangular form, which is likely a result of their function: the buckle was fastened to the belt by flat base of the triangle, having the hook on the opposite, pointed end (fig. 1. 13–14). Similar belt-hooks were widespread in areas of typical mixed culture, where local elements closely entwined with Celtic tradition, and where highly developed bronze-making industry existed in the Late La Tène period and the early period of the Roman Empire. I mean the southern Baltic Sea area and Central European zones closely related to it (Voigt 1971: 229). I am not able to find belt-hooks analogous to the one under discussion in this area. In the Roman period, there were openwork belt-hooks, but these were decorated by geometric rather than floral design (fig. 1: 12). Belt-hook from the cemetery of Valovyy 1 and its European analogies from the Roman period have one detail in common: in contrast to earlier specimens, they have the hook to be fastened with belt on the face and not on the back side.

All this makes any suggestion concerning the place where the belt-hook under study was made hypothetical (fig. 1. 12), therefore, only the context of this find allows me to infer that it came to the Lower Don area most likely from the area in the Barbaricum outlined above. This speculation is based on some artefacts from barrows 25 and 33 in the same cemetery rather than on the composition of the assemblage of barrow 9 itself — even though it also contained artefacts of Celtic appearance. All the burials in barrows 25 and 33 were made during a short period of time equal to one generation and dated from the turn of the second and third century AD. Therefore we have every reason to think that all the goods related to the European Barbaricum were transported to the Don area in result of one-time event.

It is hard to decide whether the contact between the Lower Don nomads and the European Barbaricum was direct or indirect. On the one hand, the grave contained openwork pendant to mark the contacts between the Crimea and the Baltic Sea area via the Great Hungarian plane (cf.: Istvánovits, Kulcsár 2011: 88 f.); on the other hand, in neighbouring barrows there were artefacts related directly to the southern Baltic Sea area, which were only imported to other Eastern European regions.

Finally, I would like to point out the analogy, discovered strikingly far from the place where openwork belt-hooks were produced and used. It originates from village of Salba in Minusinsk hollow (fig. 1. 16). Arne Tallgren has described this buckle as a part of belt-set (pendant) having the hook curved along the long axis in its pointed end and two rivets at the base to fasten it to belt (Tallgren 1917: 84, pl. XI. 29). Although in the discussion of bronze belt fittings from Minusinsk hollow Tallgren has pointed out their decoration's similarity with European bronze ware from the La Tène period, it is not quite clear whether this observation concerns the buckle of Salba as well (ibid.: 11). Be that as it may, the find of such buckle in the Yenisey area is related to western imports reaching remote areas of the East that has been recently discovered (cf.: Ширин 2003: 88, табл. LXXIV, 62; Троицкая, Автушкова 2010: 54, рис. 2. 5. а–б). Most likely, this artefact from Central Europe first came to the Black Sea area (the Lower Don area?) and then, via the Volga (or Kama?) area moved to the southern Urals and southern Siberia.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Борис Раев

Об интересной находке из могильника Валовый 1 на Нижнем Дону

В 1987 году экспедицией под руководством Е. И. Беспалого в окрестностях Танаиса был раскопан курганный могильник Валовый 1, состоящий из нескольких десятков насыпей. Пять курганов содержали захоронения позднесарматского времени в катакомбах и подбоях. Одна могила была ограблена, остальные содержали богатый инвентарь, в том числе предметы провинциально-римского производства.

Необычный предмет, который привлек мое внимание, был найден в кургане 9. В нише, устроенной в стенке камеры за черепом погребенного, среди разнообразного инвентаря компактно лежал набор амулетов, состоящий из каменных подвесок, крупных бусин, пронизей из костей животного и бронзовых предметов. Среди последних был обломок литой ажурной бронзовой бляхи. Тонкие стержни образуют стилизованный растительный орнамент симметричный относительно центральной оси, боковые прорезанные части в форме «турецкого огурца». Центральный стержень образует каплевидную фигуру, заостренную к центру композиции, и заканчивающуюся на внешней стороне крючком с шишечкой на конце (рис. 1: 15).

В первой полной публикации материалов могильника этот предмет был описан как «нижний атташ бронзовой ручки кувшина» (Беспалый, Беспалая, Раев 2007: 27). Через несколько лет вышла монография, посвященная анализу позднесарматских комплексов могильника, где предмет назван «ажурная бронзовая деталь» (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 28). Относительно его назначения авторы остроумно предположили, что если уж есть крючок, то он служил «для подвешивания дополнительных (к чему? — *Б. Р.*) предметов» (там же: 84).

Исследование описанного предмета позволило атрибутировать его как обломок ажурного поясного крючка, разнообразные формы которых использовались с эпохи раннего латена до Великого переселения народов. Точных аналогий нашему крючку найти не удалось. Тем не менее, хронологическое и территориальное распределение находок подобных пряжек в Европе дает основание предположить откуда и как этот предмет попал в Низовья Дона.

Самые ранние ажурные поясные крючки фиксируются в культуре голасекка — раннем латене Северной Италии. Декор их составляют симметричные фигуры драконов или птиц, в центре часто расположена человеческая фигурка, а свободное пространство заполнено растительным узором (рис. 1. 1–4). Сам крючок у пряжек расположен с тыльной стороны и, наиболее вероятно, их использовали не в одежде, а как детали портупеи (Megaw, Megaw 1990: 60).

Эпохой раннего латена датируются ажурные крючки в Северной Адриатике (рис. 1. 8–9). Подтреугольная форма и орнаментация в общих чертах повторяют форму и декор пряжек североиталийских, но без антропо- и зооморфных изображений. Вся система декора упрощается, изменяется система крепления ремня у основания пряжки. Большинство поясных крючков сделаны из железа, датируются они тем же или близким временем, что и находки в Северной Италии, но их местное производство не подлежит сомнению (Frey 1974: 137). На этих крючках и на крючках из Центральной Европы (рис. 1. 10–11) в орнаменте появляется характерный мотив «турецкого огурца», который в европейской литературе описывается как *Fishblasen* (Kaufmann 1994: 142 ff.).

Композиционно близкий растительный орнамент с симметрично расположенными «огурцами» встречается в оформлении ручек металлических сосудов периода позднего латена. Серебряный кувшин из Арчизате и бронзовый кувшин из погребения в Домодоссола датируются исследователями временем около 75 г. до н. э. (Baratte 1989: 74; Bolla 1991: fig. 1a, nota).

Поясные крючки периода позднего латена – римского времени отличаются от ранних экземпляров. Они сохраняют ажурный декор и треугольную форму, что обусловлено скорее функционально: плоским основанием треугольника пряжка крепилась к ремню, крючок расположен на противоположном остром конце (рис. 1. 13–14). Подобные поясные крючки были широко распространены в регионах с характерной смешанной культурой, где местные элементы тесно переплетены с кельтскими традициями, и где в эпоху позднего латена – раннеимператорского времени существовала высокоразвитая бронзовая индустрия. Речь идет о Южной Прибалтике и связанных с ней территориях Центральной Европы (Voigt 1971: 229). Я не смог найти в этом регионе поясных крючков аналогичных нашему. В Римское время там существовали ажурные крючки, но в их оформлении использован не растительный, а геометрический орнамент (рис. 1. 12). Крючок из могильника Валовый и европейские аналоги

римского времени имеют одну общую деталь: в отличие от ранних экземпляров крюк, к которому цеплялся ремень, находится у них не с тыльной, а с лицевой стороны.

Все это делает предположение о месте изготовления нашего поясного крючка гипотетическим (рис. 1. 12), и лишь контекст находки позволяет говорить о ее проникновении в район Нижнего Дона, скорее всего, из очерченной области Барбарикума. Основанием для такого предположения служит не только и не столько состав комплекса самого кургана 9 — хотя и в нем есть предметы кельтского облика, — сколько некоторые предметы из курганов 25 и 33 того же могильника. Все погребения в них были совершены в течение непродолжительного отрезка времени, равного жизни одного поколения на рубеже II – III вв. н. э. В этом случае можно говорить о том, что предметы, связанные с Европейским Барбарикумом, были перенесены на Дон в результате какого-то единовременного события.

Трудно сказать, был ли контакт кочевников Нижнего Дона с Европейским Барбарикумом прямым или опосредованным. С одной стороны в погребении есть ажурная подвеска, которая маркирует контакты Крыма и Прибалтики через Венгерскую низменность (ср.: Istvánovits, Kulcsár 2011: 88 f.); с другой — в соседних курганах найдены предметы, связанные непосредственно с Южной Прибалтикой, и в других регионах Восточной Европы являющиеся импортными.

И в заключение об аналогии, поразительной по отдаленности от мест производства и использования ажурных поясных крючков. Она происходит из с. Салба в Минусинской котловине (рис. 1. 16). А. М. Тальгрен описал пряжку как деталь ременной гарнитуры (привеску) с крючком, загнутым по длинной оси на остром конце, и двумя заклепками для крепления к ремню в основании (Tallgren 1917: 84, pl. XI. 29). Говоря о бронзовых деталях ремней, найденных в Минусинской котловине, А. М. Тальгрен отметил сходство их декора с декором европейских бронз эпохи латена, но относилось ли это наблюдение в том числе и к салбинской пряжке непонятно (там же: 11). Как бы то ни было, находка этой пряжки на Енисее связана с диагностируемым в последнее время западным импортом, проникающим далеко на восток (ср.: Ширин 2003: 88, табл. LXXIV. 62; Троицкая, Автушкова 2010: 54, рис. 2. 5 а, б). Скорее всего этот предмет из Центральной Европы сначала попал в Причерноморье (Нижний Дон?) а затем через Поволжье (Прикамье?) и Южное Приуралье в Южную Сибирь.

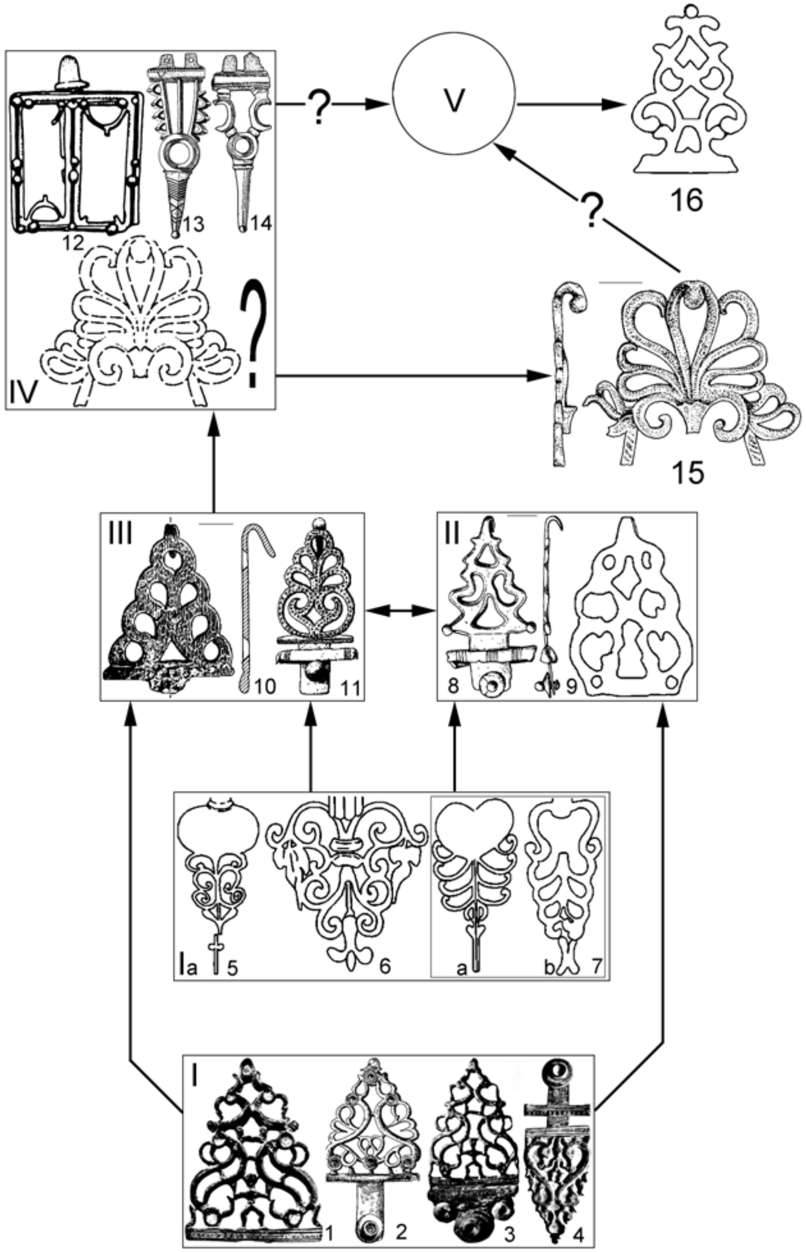


Fig. 1.
I **— (belt-hooks);** *I a —* **(attachments of handles to vessels), Northern Italy, Tyrol, South-Eastern France:**
1 **— Campo di Servirola (Megaw 1970: no. 96);**

2 **— Villa Benvenuti, grave 116 (Déchelette 1914: fig. 524. 3);**
3 **— Castaneda (Megaw 1970: no. 97);** *4* **— Hölzensau (ibid.: no. 95);**
5 — **Arcisate (Baratte 1989: fig. 14);** *6* **— Thorey (ibid.: fig. 8);**
7. a, b — **Domodossola (***a* **— Agostinetti 1985: fig. 1. 6;** *b* **— Caramella, De Giuli 1983: tav. XI. 7);**
II **— Slovenia:** *8* **— Magdalenska Gora, tumulus X, grave 32/33 (по: Frey 1974, Abb. 3: 3);**
9 — **Toplice, tumulus XIII, grave 4 (Frey 1974: T. 8);**
III — **Central Europe:** *10* **— Seebergen, grave 39 (Kaufmann 1994: Abb. 3: 3);** *11* **— Haute-Marne (Frey 1991: Abb. 1. 15);**
IV **— Baltic Sea area, eastern Prussia:** *12* **— Gur'yevsk [Gurievsk] (Madyda-Legutko 1990: Abb. 6. 3);** *13* **— Niedenstein (Voigt 1971: Abb. 8. l);** *14* **— Rechterfeld (ibid.: Abb. 12. c);**
15 — **Valovyy, barrow 9 (Беспалый, Беспалая, Раев 2006: табл. 38. 4);**
16 **— Salba, Minusinsk valley (Tallgren 1917: pl. XI. 29);**
V **— transit regions in Eastern Europe.**
All are not to scale;
5–7 — **silver,** *10* **— iron,** *others* **— bronze;**
5, 9, 16 **— drawn from photographs**

Рис. 1.
I **— (поясные крючки);** *I a* **— (атташи сосудов), Северная Италия, Тироль, Юго-Восточная Франция:**
1 **— Кампо-ди-Сервирола (Megaw 1970: no. 96);**
2 **— Вилла-Бенвенути, могила 116 (Déchelette 1914: fig. 524. 3);**
3 **— Кастанеда (Megaw 1970: no. 97);** *4* **— Хёльцензау (ibid.: no. 95);**
5 **— Арчизате (Baratte 1989: fig. 14);** *6* **— Торе (ibid.: fig. 8);**
7 a, b — **Домодоссола (***a* **— Agostinetti 1985: fig. 1. 6;** *b* **— Caramella, De Giuli 1983: tav. XI. 7);**
II **— Словения:** *8* **— Магдаленска-Гора, курган X, погребение 32/33 (Frey 1974: Abb. 3. 3);**
9 **— Топлице, курган XIII, погребение 4 (ibid.: T. 8);**
III **— Центральная Европа:** *10* **— Зеебергeн, могила 39 (Kaufmann 1994: Abb. 3. 3);** *11* **— От-Марн (Frey 1991: Abb. 1. 15);**
IV — **Прибалтика, Восточная Пруссия:** *12* **— Гурьевск (Madyda-Legutko 1990: Abb. 6. 3);** *13* **— Ниденштайн (Voigt 1971: Abb 8. l);**
14 **— Рехтерфельд (ibid.: Abb. 12. c);** *15* **— Валовый, курган 9 (Беспалый, Беспалая, Раев 2006: табл. 38. 4);**
16 **— Салба, Минусинская котловина (Tallgren 1917: pl. XI. 29);**
V — **транзитные регионы Восточной Европы.**
Все без масштаба;
5–7 **— серебро,** *10* **— железо, остальные — бронза;**
5, 9, 16 **— прорисовки с фотографий**

Martin Rundkvist

Distant Cousins. Pontic Connections with Fourth to Fifth Century Sweden

This contribution looks at recent developments on the issue of Sweden's contacts with the Pontic area during the fourth and fifth centuries AD. In archaeological terms, this means Hans Jürgen Eggers' phases C3 and D. I comment on new Swedish finds of Pontic glassware, on Thorsten Andersson's 2003 onomastic interpretation of *Gotland*, and on Lotte Hedeager's 2007 suggestion of a Hunnic hegemony over Scandinavia. Finally I suggest that the widespread shared ethnonym *Gothi* etc. goes back to a shared Proto-Germanic appellative and should be seen as mapping language rather than ethno-politics.

Мартин Рундквист

Дальние родственники. Понтийско-шведские связи в IV – V вв.

В настоящем докладе рассматриваются последние наработки по проблеме контактов между Швецией и Причерноморьем на протяжении IV и V вв. В терминах археологии, это фазы С3 и D по Х.-Ю. Эггерсу. Предлагается комментарий к новым находкам понтийских стеклянных изделий на территории Швеции, к ономастической интерпретации слова «Готланд» в работе Т. Андерссона 2003 г., и к гипотезе о гуннском владычестве над Скандинавией, высказанной Л. Хедеагер в работе 2007 г. Наконец, по моему мнению, широко распространённый этноним «готы» и пр. восходит к общему протогерманскому апеллятиву и должен рассматриваться скорее как элемент языка картирования, а не как этнополитический указатель.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Jan Schuster

Brooches and Rings — an Interregional Phenomenon in the Roman Iron Age

From the Germanic Barbaricum three Early Iron Age brooches made of gold are known only. The are part of the inventories of two rich equipped first century graves in Central Germany and Jutland. These fibulae show an interesting and rare detail which is hard to explain: Each is combined with a bigger golden ring hanging on the pin. Due to their measurement the rings seem to be finger-rings. Although these sets of artefacts where found in cremation graves, they are not touched by fire. There are only a few analogies of such combinations of ornaments in the Middle and Northern European Barbaricum, so the origin of that custom remains unclear. Looking for further analogies we find them in northern Pontic region, especially in the Crimea, and in the territories of Baltic tribes. But, in generally, they date much younger than the mentioned first century brooches from the West. For now a connection between these two phenomenons is not provable.

Ян Шустер

Фибулы и кольца — межрегиональный феномен римского времени

В германском Барбарикуме известно всего три золотые фибулы раннего железного века. Они были частью инвентаря двух богатых могил I в. из центральной Германии и Ютландии. У этих фибул имеется интересная, редка деталь, которую трудно объяснить — у каждой из них на иглу надето большое золотое кольцо. Судя по размерам, эти кольца использовались в качестве перстней. Хотя эти наборы вещей найдены в могилах с кремациями, на них нет следов огня. Поскольку для подобного сочетания украшений в средне- и североевропейском Барбарикуме существует лишь несколько аналогий, происхождение этой традиции остаётся неясным. Пытаясь отыскать дальнейшие аналогии, мы обнаружим их в северопонтийском регионе, особенно в Крыму, и на территории балтских племён. Но в целом они датируются гораздо более поздним временем, чем упомянутые выше фибулы I в. с Запада. В настоящее время наличие связи между этими двумя феноменами невозможно доказать.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Stanislav Shabanov

Two Glass Beakers from the Late Roman Period in the Cemetery of Neyzats

The cemetery of Neyzats is located in the middle of Crimean foothill area, on the right bank of the Zuya river, 1 km south of Balanovo village in Belogorsk district of the Autonomous Republic of the Crimea. Regular excavations of the site in 1996–1997 and 1999–2011 uncovered 492 burial constructions, including burial vaults, pit and undercut graves. The cemetery had two cultural-chronological horizons. The first horizon dates from the second to the mid-third century AD and consists mainly of undercut and pit graves. The second horizon is from the fourth century AD, when most burials were made into burial vaults (the earliest vaults in the cemetery appeared as early as the first half of the third century AD).

The many-year-long excavations of the cemetery discovered more than one hundred various glass vessels. There are two beakers worth of attention because their type is unique for the Crimea. They have conical body with flaring walls and circular bottom on solid-cast truncated conical base. Edges of both vessels are unevenly cut and fused. The body is decorated with thick soldered thread of the same glass as the vessel, shaped like large, oblong, vertical ovals and horizontal border below the tip of the rim. Both vessels are made of thick, semitransparent, light green glass.

The first beaker (*height 11.2 cm, rim diameter 8.5 cm, foot diameter near its base 2.4 cm*) (fig. 1.) was discovered in 2010 in pit with vessels no. 11. This pit probably was a chambered construction in antiquity. This interpretation is based on vertical slabs that limit the pit from the west. Besides, all the vessels remained intact, in contrast to usual pits which had many vessels crushed. Obviously, there was a niche made in the wall of the pit in ancient times to place vessels. In total, there were ten hand-made, three red slip and one glass vessels standing on the bottom of the niche. All the vessel pits in the cemetery of Neyzats date from the fourth century AD.

The second vessel (*height ~ 13.5 cm; rim diameter 11 cm; foot diameter near its base 2.5 cm*) (fig. 2) was discovered in 2011 in vault no. 485. Placed near the eastern wall of the chamber, it was crushed by fallen pieces of collapsed vaulting. The vault contained four burials of adult persons accompanied with many red slip and hand-made vessels. Among the finds, there are fragments of conical vessel of thin colourless glass, ornamented with blue drops (form 106 according to Clasina Isings), which dates back to the second half of the fourth or fifth century AD, bronze fibula with tubular hinge that ends with bulbous knobs in either side (its third knob is lost), long catch-plate and steeply arched bow that is ornamented with cuts on the outer side — the so-called T-shaped provincial Roman fibula from the fourth or fifth century, and a mirror of white metal with a loop in the centre of its back side. Such mirrors appeared in the Volga area from the second half of the third century AD onwards. In the Crimea, they are not known in assemblages earlier than the fourth century AD. Although burials were probably made into vault no. 485 throughout the fourth century AD, grave goods allow one to suppose that some burials in this vault could date back to the late fourth or early fifth century AD.

Glass vessels of the type are not known in synchronous barbarian sites and in the assemblages from the Roman period in Greco-Roman cities of the Crimea. Nevertheless, complete and fragmented beakers of similar form and ornamentation, of green and brown glass, have been excavated in the area of the Chernyakhov culture (cemeteries of Krasnyy Mayak, Kholmskoye, and Kosino in the Ukraine) and in Olbia. In Romania, such vessels were discovered in cemeteries of Independenţa and Izvoare. Three complete vessels have been unearthed in burial assemblage Salthammer in Norway, in glass-making workshop in Cologne, and in commune Thiétreville in northern France. All these beakers date from the fourth and fifth centuries and, according to the researchers, belong to Roman imports. If the beakers with applied ovals under analysis were produced in Greco-Roman centres, most likely, these centres were located in imperial frontier, near the Danube or the Rhine, and had their main customers from the outside of the empire. This idea is supported by almost total absence of such vessels among the finds from the territory of the Roman empire. As Aleksander Bursche has pointed out, glass vessels from phase B2–C1b discovered in Scandinavia, in the Wielbark culture area, and in the Western Balts culture area were imported from glass-making workshops in Cologne or Trier. When glass

beakers of Kowalk and Ługi types appeared in the first half of the fourth century, they, according to Bursche, supplied evidence for the contacts between the populations of Northern and Central Europe with the Black Sea area. The conclusion that these vessels were manufactured in the Black Sea area still does not find convincing arguments. We also do not have in possession good reasons to infer that local barbarians knew the art of glass-making.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Станислав Шабанов

Два стеклянных кубка позднеримского времени из могильника Нейзац

Могильник Нейзац расположен в центре предгорного Крыма, на правом берегу р. Зуя, в 1 км к югу от с. Баланово Белогорского района Автономной Республики Крым. За время планомерного изучения памятника в 1996, 1997, 1999–2011 гг. исследовано 492 погребальных сооружения, в том числе склепы, грунтовые и подбойные могилы. На территории могильника выделено два культурно-хронологических горизонта. Первый датируется II – серединой III вв. н. э.; он представлен, в основном, подбойными и грунтовыми могилами. Второй относится к IV в. н. э., когда большинство погребений совершались в склепах, первые из которых появились еще в первой половине III в. н. э.

За время раскопок могильника найдено более сотни разнообразных стеклянных сосудов. Заслуживают внимания два кубка уникального для Крыма типа. Они имеют коническую форму тулова с расширяющимися кверху стенками, округлое дно на усечено-конической литой ножке-подставке. Края у сосудов обрезаны неровно и оплавлены. На тулово нанесён орнамент толстой напаянной нитью из того же стекла, что и сам сосуд, в виде больших вытянутых вертикально овалов и одного горизонтального валика под краем венчика. Оба сосуда сделаны из толстого полупрозрачного светло-зеленого стекла.

Один кубок (*H — 11,2 см; D венчика — 8,5 см; D основания ножки — 2,4 см*) (рис. 1.) найден в 2010 г. в яме с сосудами № 11. Вероятно, яма представляла собой в древности камерную конструкцию. На эту мысль наводят установленные вертикально плиты, ограничивавшие яму с запада. Кроме того, все сосуды дошли до наших дней целыми, в то время как в обычных ямах многие из них бывают раздавленными. Очевидно, в древности в стене ямы сделали нишу и в нее поместили сосуды. Всего на дне ниши стояло десять лепных, три краснолаковых и один стеклянный сосуд. Все ямы с сосудами на могильнике Нейзац датируются IV в. н. э.

Ещё один сосуд (*H ~ 13,5 см; D венчика — 11 см; D основания ножки — 2,5 см*) (рис. 2) найден в 2011 г. в склепе № 485. Он был поставлен у восточной стенки камеры склепа и раздавлен упавшими на него кусками свода. Всего в склепе было совершено четыре взрослых погребения, которые сопровождало большое количество лепной и краснолаковой посуды. В склепе также найден фрагментированный стеклянный конический сосуд из тонкого прозрачного бесцветного стекла, орнаментированный каплями синего стекла (форма 106 по классификации К. Айсингс, датирующийся второй половиной IV – V вв. н. э., бронзовая фибула с трубчатым шарниром, завершающимся с обеих сторон луковичными головками (еще одна головка утрачена в древности), длинным приёмником и круто изогнутой спинкой, орнаментированной с внешней стороны насечками, т. н. Т-образная провинциальная фибула, датирующаяся IV – V вв., зеркало из белого металла с петлей в центре оборотной стороны. Такие зеркала получают распространение в Поволжье со второй половины III в. В Крыму в комплексах ранее IV в. такие зеркала неизвестны. Видимо захоронения в склепе № 485 совершались на протяжении IV в., однако инвентарь позволяют предположить, что какие-то погребения в склепе могли относиться ко второй половине – концу IV или началу V в.

Ни в синхронных варварских памятниках, ни в комплексах римского времени в античных центрах Крыма такие стеклянные сосуды неизвестны. Однако близкие по форме и орнаментации целые и фрагментированные кубки из зелёного и коричневого стекла найдены в ареале черняховской культуры (могильники Красный Маяк, Холмское, Косино в Украине) и Ольвии. На территории Румынии находки подобных сосудов известны в могильниках Индепенденца и Извоаре. Три целых сосуда найдены в погребальном комплексе Сальтхаммер в Норвегии, при раскопках стеклоделательной мастерской в Кёльне и в муниципалитете Тьетревилль на севере Франции.

Все эти кубки датируются IV – V вв. и относятся авторами к римскому импорту. Если согласится с тем, что рассматриваемые нами кубки с наплавленными овалами производились в античных центрах то, скорее всего, последние располагались в приграничных районах империи, на Дунае или Рейне, и были ориентированы на потребителей за пределами империи. В пользу этого говорит практическое отсутствие находок подобных сосудов на территории Римской империи. А. Бурше указывает на то, что стеклянные сосуды, относящиеся к фазе B2–C1b, найденные в Скандинавии, ареале вельбарской культуры и культуры Западных Балтов, привозились из стеклоделательных мастерских в Кельне или Трире. А уже в первой половине IV в. появляются стеклянные кубки типа Ковалк и Луги, которые, по мнению А. Бурше, свидетельствуют о контактах населения Северной и Центральной Европы с причерноморским регионом. Пока что версия об изготовлении таких сосудов в Причерноморье не находит подтверждения. Также пока нет веских оснований делать выводы о существовании собственного стеклоделательного производства в варварской среде.

Fig. 1. Glass beaker from the cemetery of Neyzats: (vessel pit no. 11)

Рис. 1. Стеклянный кубок из могильника Нейзац: (яма с сосудами № 11)

Fig. 2. Glass beaker from the cemetery of Neyzats: (burial vault no. 485)

Рис. 2. Стеклянный кубок из могильника Нейзац: (склеп № 485)

Oleg Sharov

In Search for the Land of Oium, or on the Time when the Germanics Appeared in the Northern Black Sea Area

The land of Oium, according to Jordanes' text (*Get.* 27–28), was the name of an area in Scythia in Gothic language, which was entered by the Goths during their migration from Gothiscandza to the south. Yelena Skrzhinskaya and Aleksandr Anfert'yev agree with Karl Viktor Müllenhoff's etimology of the word "Oium" from Gothic "Aujõm" meaning "the land abundant with water" (Иордан 1997: прим. 68; Анфертьев 1994: прим. 21). However, these researchers have produced different versions of the location of the land of Oium, which received the Goths as settlers, both in real (Иордан 1997: прим. 68–69), and epic (Анфертьев 1994: прим. 21) space. Anyway, they agree that the "saga of migration" reflects the real movement of the Goths to the Black Sea area.

Let me analyse, only briefly, the key points in the text of "Getica." When Filimer's army migrated from Gothiscandza to Scythia, the Goths divided into two halves by crossing some river. It probably concerns the description of the place where they crossed this river, when it comes that "*For the place is said to be surrounded by quaking bogs and an encircling abyss, so that by this double obstacle nature has made it inaccessible*" (Iord. *Get.* 27). Skrzhynskaya has supposed that it was ancient Greek Hylaie ("woodland," Latin *Hylaea*) described by Herodotus, a marshy land, often covered with plants, limited by lower stream of the South Bug and Dnieper (Иордан1997: 188, прим. 68). This variant is quite possible both because Jordanes description's similarity namely to Hylaie and the Goths' way from the north to the south-east passed via the Vistula, West and South Bug, and could finished in the interfluve of the Dnieper and South Bug.

When Filimer's Goths crossed the river and "***came into possession of the desired land***," they "*soon came upon the race of the Spali, joined battle with them and won the victory*" (Iord. *Get.* 28; Иордан 1997:

прим. 66). This tribe name echoes the name of the people of Spalaeos mentioned by Pliny who located them close to Tanais (Plin. *Hist. Nat*. 6. 22–23). Aleksandr Puzdrovskiy, taking into consideration the use of the ethnic names of "Spalaeos" and "Pali" by Pliny, located the tribe of Spalaeos–Satarchi most probably in the Crimean coast of Sivash lake (Пуздровский 1999: 211). According to Valeriy Ol'khovskiy, the Spalaeos–Satarchi lived in Crimean steppe (Ольховский 1981: 56); his idea was supported by Sergey Yatsenko (Яценко 1997: 155). Therefore, we have two possible locations of the land of Oium depending on the selection of version of the place where the Spalaeos lived: 1) between the Lower Dnieper and the Don / Tanais; 2) between the Lower Dnieper and the Crimean steppes.

Let us analyse which geographical reference points are in the text of "Getica" when it comes to the migration of the Goths. After the battle with the Spali, the Goths as "*the victors hastened to* ***the farthest part of Scythia****, which is near the sea of Pontus*" (Iord. *Get.* 28). And later on, Jordanes writes, after a brief digression, that the Goths "***had Filimer as king while they remained in their first home in Scythia near Maeotis***" (Iord. *Get.* 39); he was the one who leaded them on their way from Gothiscandza. These two excerpts from "Getica" do not contradict to each other much.

Let us pay attention to another passage in Jordanes' text discussing the farthest parts of Scythia. According to Jordanes, Scythia extends "*all the way to Lake Maeotis. Beyond Lake Maeotis it spreads on the other side of the straits of Bosphorus to the Caucasus Mountains and the river Araxes*" (Iord. *Get*. 30). The direction of the migration of the Goths in the three passages cited above is quite definite: they went eastwards, towards Maeotis, and thence to the farthest lands of Scythia: to the Taman' peninsula and Northern Caucasus. The Goths did not stay there but settled "*near Lake Maeotis*," in the area that occupied the wast space around the Azov Sea as far as the Kerch strait and, possibly, the Crimean peninsula inclusive. Therefore, precise location of the land of Oium could hardly be established when taking into account the book by Jordanes; we can only draw the conclusion that it was somewhere behind the Dnieper, near lake Maeotis. It could be the territory of the Crimea or the Azov Sea area as far as the Tanais.

So far, it is generally accepted idea to relate the migration of Germanic tribes from the Lower Vistula area with changes in the Wielbark culture in phase B2/C1, i. e. from the mid-second to the early third century AD, and the migration of the Wielbark population to the south-west (Щукин 1994: 244–249, Щукин 2005: 93–95). We know early sites of the Goths, in phase B2/C1, in Wolhynia (Brest–Tishin), which are almost absent to the south and east of it but cremation graves in Mokra, the Dniester area (Щукин 2005: 93–97, рис. 30), and in Mangalia, Dobruja (Щукин 2005: 93–97, рис. 29. 4). But, then, where were the "Goths" mentioned by written sources quite early, from the fourth to the sixth century, as the residents of the northern Black Sea area? Could the "Goths" from the turn of the second to third century in the northern Black Sea area be simply a later genealogical myth? Although it is quite possible, may it be that we are looking for them not in the right place? And what about the search for not only the Wielbark and Gothic elements?

As we know from Jordanes' "Getica," the Goths in Gothiscandza conquered and subdued the Ulmerugi and the Vandals, i. e. the tribes who lived along the Baltic Sea as far as the Elba (Iord. *Get*. 26, Иордан 1997: 185–187, прим. 64–65). The Rugi are mentioned in the text earlier, when the tribes of Scandza are listed (Iord. *Get.* 24); following Claudius Ptolemy, Jordanes locates Scandza near the Vistula estuary. As it is well-known, Claudius Ptolemy places the Gythones (Goths) not in the map of Germania but in the map of European Sarmatia, on the right bank of the Vistula. But upper along the Vistula, i. e. far to the south, his map of European Sarmatia places the *Frugundiones and the Auarinoi*, who could be easily identified as parts of Pliny's Vandal tribe (the Burgodiones and the Varinnae). The migration of the population from Gothiscandza was probably oriented not only to the south and south-east, but also to the east-north-east, towards Eastern Prussia and the Baltic Sea area, so it could force the movement of the people of the Western Baltic culture to the south and south-east. It was the case of the Esti, the Galindi, the Stavani, and the Soudini known from the accounts by Tacitus and Ptolemy.

Taking the aforementioned into account, it would be quite natural if, having enlarged the list of tribes that participated in the migration to south-east with the Ulmerugi, the Vandals (the Ouarini and the Burgundi), the Esti, and the Galindi, one should search, in the northern Black Sea area, for not only the Wielbark (Gothic) but, first of all, for Scandinavian (the Ulmerugi, the Ouarini, and the Eudoses), Western Baltic (the Esti, the Galindi, the Stavani, and the Soudini), and Central European (the Vandals and the Burgundi) types of artefacts from phases B2/C1–C1a (150/160–210/220 AD). Let us try to follow this way of thorns as

the ways of migrations of peoples often remain almost untraceable for archaeology.

I can mention the following finds of Germanic and Baltic types from stage B2/C1 (150/160–200/210 AD) (Шаров 2009): bronze buckles with rectangular plate on tongue of types AG 14, 25 from Kerch and Kuban area; buckles with double tongue and rectangular panel from Kerch of Renata Madyda-Legutko's types AG 36–40; and buckles with bird-shaped tongue of type AG31 (Madyda-Legytko 1986: Taf. 5) from Kytaion, Tanais (Толочко 2003: рис. 79) and Kerch (Васильев 2005: рис. 2). The set of horse ornaments from the mound of barrow no. 16 near Kazanskaya village finds direct parallels in sacral assemblages of Illerup (SARK no. 190/142) from the first half of the third century AD (Carnap-Bornheim, Illkǽr, 1996: Abb. 175–176).

Shield bosses with long pin from Kerch and Tanais (Толочко 2003: рис. 85) belong to the same early horizon. Shield bosses from the layer of conflagration in Tanais belong to types Konin and Chorula that came into use among the Germanics after the Marcomannic wars (Godlowski 1992: Abb. 3). There are unique finds of enamelled *lunulae* from phase B2/C1: the first artefact is discovered in the Dnieper estuary, on the settlement of Rogozhkino XIII (Гудименко 1994: 14–15), and the second in the cemetery of Klin-Yar in Northern Caucasus (Абрамова 1997: 29, рис. 30. 4).

Therefore, one can see a single chronological horizon from the second half of the second and early third century consisting of Central European and Baltic Sea finds recorded in Kerch and Tanais, in the Kuban area and Northern Caucasus. Their distribution area could be tentatively compared with the possible ***pattern of migration of Filimer's Goths*** who almost not left sites on their long way. There are two possible explanations for the appearance of these isolated finds in Bosporos and Late Sarmatian assemblages: after military or peaceful contacts with northern barbarians, their aliens or allies got some weapons and ornaments as spoils of war or gifts of peace. Although the newcomers could leave some Germanic artefacts for themselves, one could hardly determine the migrants from the north by few finds that are in possession.

However, the given finds witness that in the second half of the second and early third century AD some migrants from the Baltic Sea area appeared there. In the second variant, the lack of burials according to Germanic rite could mention that there were new fashion trends that influenced "Germanic" culture after the end of the Marcomannic wars, which were participated by the Sarmatians, Alans and Roxalanians who lived within the territory of the Bosporan kingdom or near its borders. Shield bosses in assemblages and imitations of the Wielbark hand-made ware could hardly be interpreted as new fashion influences, therefore, I am inclined to think that here we have almost unnoticeable traces of migration of small contingents of northern barbarians on the turn of the second and third century AD.

In the Crimea, there are cemeteries undoubtedly created by the Germanics; Michel Kazanski has called them the sites of Ay-Todor type (Казанский 1999b; 2006). Although tradition dates these sites starting from the middle or second half of the third century, it is possible to determine even earlier assemblages synchronous to the horizon in question. Pit grave no. 20 below stone pavement in the cemetery of Chatyr-Dag contained leaf-shaped spear-head with octahedral socket. The spear-head with the most close morphology is of Piotr Kaczanowski's type XV, from stage B2/C1–C1b (Kaczanowski, 1995: 23, tab. XII. 3). In the same place, there was neck of amphora of type Zeyest 72/73, which was spread in Bosporos in the late second and first half of the third century AD. There is a group of graves with stone pavements in the cemetery of Chatyr-Dag (burials nos. 25, 28, 29, 44, 46, 50) containing hand-made ceramic vessels with analogies in the Wielbark culture (Мыц et al. 2006: рис. 5). Complex of burials no. 29 could be dated because of the find of light-clay amphora neck of Dmitriy Shelov's type C to the second half of the second century AD, though other assemblages did not contain datable materials. Thus, we can determine the early core of Chatyr-Dag cemetery that could be preliminary related with Germanic migration in the late second century AD.

I think that it is possible to compare the date of the Germanics appearance in the Crimea with well-known events. There is an inscription from Preslav that mentions "Bosporan war," i. e. it was the case of some military operations far from Bulgaria, in the eastern Crimea. In the time of Sauromates II, Bosporan army in alliance with legion *I Italica* gained victory over some barbarians in Bosporos or near its borders (Зубарь 1998: 108). There is another important event known from Bosporan inscriptions of the period: Sauromates II's victory over the Scythians and the Sirachoi and his annexation of Taurica by treaty is described in a building inscription from Tanais of 193 AD (КБН: no. 1237). It is the case of the conquest of the people of Sirachoi (Sirakoi) that lived in the western Azov Sea area in the period and the Tauro-Scythians in the Central Crimea. Therefore, the territory of the Bosporan kingdom

became almost two times bigger, so its western border advanced to the vicinity of Chersonesos and to the area under Roman influence. According to coins, these events happened in between of 186 and 193 AD. These coins have the bust of Sauromates II looking right on obverse and eagle facing, holding wreath in its beak, on reverse (Зубарь 1998: 115, рис. 54). The picture of Roman eagle, the patron of Roman army, on reverse excellently coincides with joint operations of Bosporos and Roman troops against barbarians.

Taking the location of military observation posts into account, the Roman administration and Chersonesos established control over the area as far as the river Al'ma on the north and Charax on the east. In this connection, there is an interesting fragment of Sauromtes II's honorific inscription discovered in village of Partenit, at the foot of Ayu-Dag mountain (КБН: no. 955). It is a possible suggestion that western border of Bosporos at the moment was at the southern Crimean coast in vicinity of Ayu-Dag, though its northern border passed in vicinity of Neapolis.

Who were the Sirachoi won over by Sauromates II? Pliny locates them near the "Achilles' Run" together with the Sardi Scythae. It was the area of the Perekop isthmus and Tendra spit (Щукин, 1994: 210; Пуздровский, 1999: 208). Is it possible that 193 inscription discussed that grouping of the barbarians located in the northern approaches to the Crimean Scythia? The question remains the other: why should they be conquered when they did not menace Bosporos and Chersonesos? It was quite possible in case when they started their movement being pressed by the wave of migrants from the west after the end of the Marcomannic wars, and penetrated into the Crimea. In my point of view, this movement attracted many Germanic tribes, that were also defeated by Bosporos. After the annexation of Taurica by treaty, a buffer zone appeared between the lands of Bosporos and Chersonesos, with military posts in places of strategical importance; there the Germanics stated service as *phoideratoi*; they crated cemeteries at the fortress of Charax and on slope of Chatyr-Dag near the road via Angarskiy mountain pass. In this buffer zone namely, and only there, Germanic burial rite remained to the fullest extent.

Therefore, we can see two patterns of Germanic military presence in the northern Black Sea area: 1) Germanics as *phoideratoi* on military service who kept their traditions of funeral rite, but also accepted a series of new features of costume and equipment; 2) Germanics, by peace or voluntary, settled in the territory of the Bosporan kingdom and in Chersonesos, who accepted the advances of the Greco-Roman civilization and soon became the Bosporans or Chersonesites themselves, accepting their mode of life, customs and ritualism. Under the second pattern, the newcomers kept only few types of artefacts related to their remote fatherland.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Олег Шаров

В поисках страны «Ойум», или о времени появления германцев в Северном Причерноморье

Страна «Ойум», согласно тексту Иордана (Iord., Get., 27–28), является названием области Скифии на готском языке, в которую пришли готы, двигаясь из Готискандзы на юг. Е. Ч. Скржинская (Иордан 1997: прим. 68) и А. Н. Анфертьев (1994: прим. 21) принимают этимологию слова «Ойум» К. Мюлленхофа из готского «Aujõm» как «страну, изобилующую водой». При этом у авторов перевода существуют различные версии по поводу локализации страны Ойум, куда переселились готы, как в реальном пространстве (Иордан 1997: прим. 68–69), так и в эпическом (Анфертьев 1994: прим.21), но авторы сходятся в одном, что «переселенческая сага» отражает реальное движение готов в Причерноморье.

Коснемся кратко узловых моментов текста «Гетики». При переселении войска Филимера из Готискандзы в Скифию готы разделились на две половины при переправе какой-то реки. Вероятно, к описанию места переправы относится утверждение, что «эта местность замкнута и окружена зыбкими болотами и омутами» (Iord., Get., 27). Е. Ч. Скржинская предположила, что это древняя греческая Гилея Геродота — заболоченное место с плавнями, замкнутое между низовьями Южного Буга и Днепра (Иордан 1997: 188, прим. 68). Такой вариант вполне реален не только ввиду близости описания Иорданом именно Гилеи, но и ввиду того, что путь готов с севера на юго-восток пролегал по Висле, Западному и Южному Бугу и вполне мог упираться именно в междуречье Днепра и Южного Буга.

Готы Филимера, перейдя реку и «***овладев желанной землёй Ойум***», сразу подступают к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы (Iord., Get., 28; Иордан 1997: прим. 66). Это название племени перекликается с именем народа «спалеи» у Плиния,

который помещал их у Танаиса (Plin., VI, 22–23). А. Е. Пуздровский, на основании упоминания этниконов «спалеи» и «палы» у Плиния, помещает племя спалеев-сатархов, скорее всего, в крымском Присивашье (Пуздровский 1999: 211), По мнению В. С. Ольховского, спалеи-сатархи обитали в степном Крыму (Ольховский 1981: 56), его же поддержал в этом С. А. Яценко (Яценко 1997: 155). В таком случае, есть два варианта локализации земли «Ойум», исходя из принятия той или иной версии о месте пребывания спалов: 1) между нижним Днепром и Доном/Танаисом; 2) между нижним Днепром и степным Крымом.

Проанализируем, какие географические привязки по поводу направления движения готов нам дает текст «Гетики». После сражения со спалами «готы уже как победители движутся в ***крайнюю часть Скифии***, соседствующую с Понтом» (Iord., Get., 28). А далее, после небольшого отступления, что, когда готы жили «***в Скифии, у Меотиды, то имели, как известно, королем Филимера***» (Иорд., Гет. 39), который и привел их из Готискандзы. Эти два отрывка из «Гетики» не сильно противоречат друг другу.

Обратим внимание ещё на один отрывок из текста Иордана в отношении крайних пределов Скифии. Иордан пишет, что «…Скифия тянется… по всей прилегающей к Меотиде местности и за Меотиду через Босфорские проливы до Кавказских гор и реки Аракса» (Iord., Get., 30). Направление движения готов в приведенных выше трёх отрывках вполне определённое — на восток, к Меотиде, а далее в крайние пределы Скифии: на Тамань — Северный Кавказ. Готы там не остаются, а расселяются «у Меотиды», в области, которая охватывала обширное пространство вокруг Азовского моря, вплоть до Керченского пролива, вероятно, и Крымский полуостров. Таким образом, трудно локализовать, исходя из текста Иордана, точное местонахождение страны «Ойум», можно лишь заключить, что она находилась где-то за Днепром, у Меотиды. Это могли быть как территория Крыма, так и территория Приазовья, вплоть до Танаиса.

Сегодня считается общепринятым связывать движение германских племен с нижней Вислы с изменениями облика вельбарской культуры в фазе B2/C1, т. е. в середине II – начале III века н. э., и миграцией вельбарцев на юго-запад (Щукин 1994: 244–249, Щукин, 2005: 93–95). Нам известны ранние памятники готов фазы B2/C1 на Волыни (Брест-Тришин) и почти не известны восточнее и южнее, кроме погребений по обряду кремации в Мокре на Днестре (Щукин

2005: 93–97, рис. 30), и в Мангалии в Добрудже (Щукин 2005: 93–97, рис. 29, 4). Но где же тогда «готы», упоминаемые достаточно рано письменными источниками IV – VI вв. в Северном Причерноморье? Может быть, «готы» рубежа II – III вв. в Северном Причерноморье — просто поздний генеалогический миф? Это вполне возможно, но, может быть, мы не так и не там их ищем? А если мы будем искать не только вельбарские или готские элементы?

Нам известно из «Гетики» Иордана, что готы в Готискандзе покорили и подчинили ульмеругов и вандалов, т. е. племена, обитавшие вдоль Балтийского моря и живущие вплоть до Эльбы (Iord., Get., 26; Иордан 1997: 185–187, прим. 64–65). Руги упоминаются еще раньше по тексту при перечислении племен Скандзы (Iord., Get., 24), которую он, следуя Клавдию Птолемею, помещает около устья Вислы. Гитоны-готы помещены у Клавдия Птолемея, как известно, не на карте Германии, а уже на карте европейской Сарматии — на правом берегу Вислы. Но выше по Висле, т. е. южнее, на карте европейской Сарматии, помещены им и фругундионы и аварины, в которых легко увидеть части племени вандалов Плиния (бургундионы и варины). Движение переселенцев из Готискандзы шло, вероятно, не только на юг – юго-восток, но и в восточном-северо-восточном направлении — в сторону восточной Пруссии и Прибалтики и могло вызвать движение носителей западнобалтской культуры также на юг – юго-восток. Речь идет об эстиях, галиндах, ставанах и судинах, известных по данным Тацита и Птолемея.

Исходя из вышесказанного, вполне естественно что, включив ульмеругов, вандалов (варинов и бургундов), эстиев, галиндов в состав племен, участвовавших в переселении на юго-восток, нужно искать на территории Северного Причерноморья не столько вельбарские (готы), но, прежде всего, скандинавские (ульмеруги, варины, евдосы), западнобалтские (эстии, галинды, ставаны, судины) и центральноевропейские (вандалы, бургунды) типы изделий фаз B2/C1–C1a (150/160–210/220 гг.) Попытаемся пойти по этому тернистому пути, так как пути миграций народов часто остаются практически неуловимыми для археологии.

Можно выделить следующие находки германских и прибалтийских типов периода B2/C1 (150/160–200/210 гг.) (Шаров 2009): это бронзовые пряжки с прямоугольными рамками на язычке типа AG14, 25 из Керчи и Кубани; пряжки с двумя язычками и прямоугольными обоймами из Керчи типов AG 36–40 по Р. Мадыде-Легутко; пряжки с орнитоморфными язычками типа AG31 (Madyda-Legytko 1986: Taf. 5) из Китея, Танаиса (Толочко 2003: рис. 79) и Керчи (Васильев 2005: рис. 2). Набор конских украшений из насыпи кургана № 16 у станицы Казанской имеет прямые параллели в сакральных комплексах Иллерупа (SARK, № 190/142) первой половины III в. н. э. (Carnap-Bornheim, Illkǽr 1996: Abb. 175–176).

К этому же раннему горизонту относятся умбоны с длинным шипом из Керчи и Танаиса (Толочко 2003: рис. 85). Умбоны, обнаруженные в слое пожара Танаиса, относятся к типам «Конин» и «Хорула», которые германцы стали использовать после окончания Маркоманнских войн (Godlowski 1992. Abb. 3). Уникальны находки двух эмалевых лунниц фазы B2/C1, одна из которых найдена в устье Дона, на поселении Рогожкино XIII (Гудименко 1994: 14–15), а другая в могильнике Клин-Яр на Северном Кавказе (Абрамова 1997: 29, Рис. 30, 4).

Таким образом, выделяется единый хронологический горизонт второй половины II – начала III века н. э центральноевропейских и прибалтийских находок, фиксируемый в Керчи, Танаисе, на Кубани и Северном Кавказе. Ареал их распространения может быть условно соотнесен с возможной ***схемой движения «готов» Филимера***, которые почти не оставили на длинном пути миграции своих памятников. Возможны два варианта объяснения появления этих отдельных находок на Боспоре и в позднесарматских комплексах: после военных или мирных контактов с северными варварами часть украшений и снаряжения попала в руки их противников или союзников как военные трофеи или как мирные дары. Часть германских типов изделий могла быть оставлена аллохтонами для себя, но выделить северных мигрантов по единичным находкам довольно проблематично.

Тем не менее, данные находки — свидетельство появления во второй половине II – начале III в. н. э. переселенцев с территории Балтики. Во втором варианте, ввиду отсутствия погребений по германскому обряду, речь может идти о веяниях новой моды на «германское» после окончания Маркоманнских войн, в которых принимали участие сарматы, аланы и роксоланы, живущие у границ и на территории Боспорского царства. Наличие в комплексах умбонов щитов, подражание лепной вельбарской керамике вряд ли возможно рассматривать как веяния новой моды, поэтому я более склонен к тому, что перед нами почти неуловимые следы миграций небольших контингентов северных переселенцев рубежа II – III вв. н. э.

В Крыму есть могильники, оставленные, несомненно, германцами, которые выделены М. Казанским в памятники типа «Ай-Тодор» (Казанский 1999b; 2006). Эти памятники традиционно датируются, начиная с середины – второй половины III в. н. э., но можно выделить и более ранние комплексы, синхронные рассматриваемому горизонту. Из ямного погребения № 20 под каменной вымосткой могильника Чатыр-Даг происходит листовидный, с восьмигранной втулкой наконечник копья. Ближайший по морфологии наконечник копья — это тип XV по П. Качановскому, ступени B2/C1–C1b (Kaczanowski 1995: 23, tab. XII–3).Там же найдено горло амфоры Зеест–72/73, которые распространены на Боспоре с конца II по первую половину III вв. н. э. В целом ряде погребений с каменными вымостками могильника Чатыр-Даг (№ 25, 28, 29, 44, 46, 50) встречена лепная керамика, которая имеет аналогии в керамике вельбарской культуры (Мыц и др. 2006: рис. 5). Комплекс погребений № 29 можно датировать по находке горла светлоглиняной узкогорлой амфоры типа «С» второй половиной II в. н. э., остальные комплексы не имеют датирующего материала. Таким образом, можно выявить раннее ядро на могильнике Чатыр-Даг, которое можно предварительно связать с продвижением германцев в конце II в. н. э.

Мне кажется, можно сопоставить дату появления германцев в Крыму с хорошо известными событиями. В надписи из Преслава упоминается «боспорская война», т. е. речь идет о военных действиях, происходящих далеко от Болгарии в Восточном Крыму. Во времена Савромата II боспорские войска совместно с I Италийским легионом победили каких-ио варваров на Боспоре или вблизи его границ (Зубарь 1998: 108). Мы знаем из надписей Боспора этого времени еще одно важное событие — победу Савромата II над скифами и сираками и присоединение к Боспору Таврики по договору, отраженное в посвятительной надписи из Танаиса 193 года (КБН: № 1237). Речь идет о покорении племен сираков, обитавших в это время в Западном Приазовье, и тавроскифов Центрального Крыма. Таким образом, территория Боспорского царства практически вдвое была расширена и границы Боспора на западе вплотную приблизились к округе Херсонеса и к зоне римского влияния. Эти события происходят, судя по монетам, между 186 и 193 годами. Мы видим на этих монетах на аверсе бюст Савромата II вправо, а на реверсе орла с венком в клюве в фас (Зубарь 1998: 115, рис. 54). Изображение на реверсе римского орла — покровителя римских войск — прекрасно

согласуется с совместными действиями Боспора и римских подразделений против варваров.

Исходя из расположения военных постов, под контроль римской администрации и Херсонеса попали территории до р. Альмы на севере и до Харакса на востоке. В связи с этим интересен фрагмент почетной надписи Савромата II, обнаруженный в пос. Партенит, у подошвы горы Аю-Даг (КБН: № 955). Вполне можно допустить, что западная граница Боспора в тот момент проходила по южному берегу в районе Аю-Дага, а северная проходила, возможно, в районе Неаполя.

Каких же сираков победил Савромат II? У Плиния они локализуются около «Ахиллова дрома вместе со скифами-сардами. Это район Перекопа и Тендровской косы (Щукин 1994: 210; Пуздровский 1999: 208). Вероятно, в надписи 193 г. речь может идти об этой группировке варваров, находящейся на северных подступах к Крымской Скифии? Вопрос в другом, почему необходимо было их завоевывать, если они никак не угрожали безопасности Боспора и Херсонеса. Это вполне возможно в том случае, если они начали движение под напором волны переселенцев с запада после Маркоманнских войн и проникли в Крым. Я считаю, что в это движение были включены и различные германские племена, которые также были побеждены Боспором. После присоединения Таврики по договору образовалась буферная зона между владениями Боспора и Херсонеса, в стратегически важных местах были созданы военные посты, где стали служить федератами германцы, оставившие могильники Ай-Тодор у крепости Харакс и Чатыр-Даг у дороги через Ангарский перевал. Именно здесь и только здесь, в буферной зоне, в полном объеме сохраняется германский обряд погребений.

Таким образом, мы видим две модели германского присутствия в Северном Причерноморье: 1) германцы — федераты на службе, сохранившие свои традиции погребального обряда, но уже усвоившие целый ряд новых деталей костюма и снаряжения; 2) германцы, мирно или по принуждению поселившиеся на территории Боспорского царства и Херсонеса, которые усвоили достижения античной цивилизации, и достаточно быстро стали боспорянами или херсонеситами, принимая их уклад, обычаи и обряды. При второй модели, аллохтоны сохраняют лишь единичные типы предметов, связывающие их с далекой прародиной.

Anastasiya Stoyanova

Germanic Elements in the Costume of the Population of the Crimean Foothill Area in the Fourth Century AD

Grave assemblages from the Late Roman period in the foothill area of the Crimea include artefacts that appeared in the peninsula, according to the researchers, in result of contacts between the local population and peoples of Germanic circle of cultures. A great deal of such artefacts consists of details of cloths and ornaments that, in complex, form an archaeologically documentable remains of costume. A rather large number of burials which remained *in situ*, mostly in the cemeteries of Druzhnoye and Neyzats, allows us to analyse the role of Germanic attributes in the costume of the population of the Crimean foothill area in the fourth century and to discuss whether the attire with such artefacts followed the tradition of Germanic costume.

Germanic influence is most striking in accessories of female costume. Its most stable element is beads, which accompanied almost all the women's burials from the fourth century. However, the number of beads, composition of sets of beads, and their usage in costumes greatly changed in comparison with earlier period. Fine globular, truncated-biconical, and short cylindrical beads of blue glass became most popular types; they were often combined with 14-hedral beads of blue glass and carnelian and amber figure-of-eight-shaped pendants. Such sets formed small necklaces. They usually included less than fifty beads. Necklaces of similar composition are typical of Eastern Germanic female costume, which is well studied by the materials from Chernyakhov culture cemeteries. It is also possible that the "Chernyakhov fashion" influenced female population in the Crimean foothill area so that they ceased to embroider edges of cloths with beads, the tradition which existed in the second and third centuries.

The most typical in the fourth century was female attire without brooches. Fibulae accompanied only 17 % of the graves (in earlier pe-

riod, the number of burials with brooches was as big as 58 %). Types of fibulae changed as well. Bow fibulae, which had been widely used in the second and third century, were replaced with Chernyakhov types of clasps: bronze two-piece fibulae with curved bow and returned foot, of Anatoliy Ambroz's group 16-II/1, mainly of variant 1, as well as with iron specimens of similar shape, but often of bigger size. The type of the latter specimens is not always determinable because of corrosion. It is possible that several iron fibulae belong to the category of "military" artefacts (Ambroz's group 17). In all female graves, there was one fibula located on chest or, rarely, on right shoulder of the deceased. There is the only find of radiate-headed silver brooch discovered in a grave within the cemetery of Neyzats. Nevertheless, it was not used according to its initial purpose: this brooch missed its pin and catch-plate, and the clasp was located at the right shank of the buried lady.

Some female graves were accompanied with wire rings with tied ends. Although such artefacts were nearly absent in burials in the Crimean foothill area before the fourth century, they were typical of the Chernyakhov, Wielbark, and Przeworsk cultures. Population of Central Europe used these rings mostly as elements of composite pendants — to hang various amulets and beads or sometimes to fasten ornaments to other artefacts. In female burials of the Chernyakhov culture, rings with tied ends were often located near skulls or shoulders of the dead, so they could be hair decorations. Another way of usage of these artefacts has been documented in the graves in the Crimean foothill area: these rings were either put on finger bones or located near ankles.

Among the pendants under Germanic influence to accompany female burials, there are amber figure-of-eight-shaped pendants and bronze artefacts in the form of fine single-bladed axes. It is worth mentioning that both types of ornaments were known in the Crimea before the fourth century as well. However, figure-of-eight-shaped pendants in assemblages from the earlier period are presented by isolated finds, though their number increased in the fourth century. Although these pendants were as a rule parts of necklaces, their number in set was not bigger than five to seven specimens. At the same time, Germanic costume often had more than ten such pendants in the same necklace. Both male and female graves from the fourth century contained isolated axe-shaped pendants. They are never documented within necklaces. Although the location of pendants on skeleton was not stable, they are most often placed at the waist of the deceased. Absolutely another situation with

"Thor's little hammers" has been observed in Central Europe, where such pendants often formed complete necklaces.

There is one grave in Druzhnoye with two big cowrie shells uncovered between thighbones of the dead lady. One of the shells was put on a ring with tied ends. Such pendants were typical of the Chernyakhov female costume. According to their stable location at the legs of the dead, such shells were fastened to a loose end of the belt hanging down to knees.

There are several burials of women in the Crimean foothill area accompanied with bone combs of type Thomas III. As articles of personal hygiene, the combs could be hanged to belt, possibly in a bag, together with other artefacts. This way, they supplemented the attire and could be considered an element of costume. There is no doubt that the distribution of combs in the Crimea and the tradition of carrying them hanged on belt were related with Germanic impulses.

Germanic influence was smaller in male and children's costume, it reflected in the same artefacts as in female attire. Some children's and men's graves contained combs. Male costume was typical of bronze and iron fibulae with curved bow and returned foot, as well as "military" fibulae, used to fasten edges of clothes on chest or, rarely, on shoulder. A few men's burials contained metal axe-shaped pendants, one specimen on a skeleton, which were possibly hanged to belt. Almost all children's burials were accompanied with beads forming small necklaces. Similarly to female's, most of children's necklaces were based on fine globular, truncated-conical, short cylindrical, and 14-hedral beads of blue glass, often together with various beads of other types, including polychrome pieces, to supply every child's necklace with a certain degree of individualism. In contrast to women's costume, children's and especially men's attire used buckles as belt fittings. Most buckles had thickened frame and movable tongue, curved out its front side, so they find analogies in a vast territory of Eastern Europe, including the area of the Chernyakhov culture.

The presence of the artefacts under analysis in Crimean graves from the fourth century evidences Germaic influence on the costume of local population. However, this influence was not very important and, most likely, indirect, as it comes from several factors. First, artefacts of Germanic origin are far from being discovered in every grave. Second, they were always combined in costume with artefacts typical of the Late Sarmatian archaeological culture, and particularly with earrings, bracelets, finger-rings, strap-ends, and other accessories, which made up traditional attire of the population in this area in the first centuries AD. Third,

when some types of artefacts appeared among the peninsula's residents, they were used in a special way: fibulae, similarly with the previous period, were mostly worn one at a time, and mainly on chest, rings with tied ends were put on fingers, though children's costume sometimes had edges of clothes embroidered with beads. Finally, distribution area of all the costume details under analysis is much wider when the territory populated by Germanic tribes, therefore, many Germanic artefacts lost their ethnic-differentiative features by the fourth century. The presence of such elements in costume, particularly of Sarmatian population of the Crimean foothill area, obviously did not reflect direct adoption of Germanic traditions of attire; there probably was an indirect influence of Germanic "fashion" which spread in the Late Roman period in the large area of Central and South-Eastern Europe.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Анастасия Стоянова

Германские элементы в костюме населения предгорного Крыма IV в. н. э.

В погребальных комплексах позднеримского времени из предгорного Крыма встречаются предметы, появление которых на полуострове связывается с контактами местного населения и носителей культур германского круга. Среди таких вещей значительное место занимают детали одежды и украшения, представляющие собой в комплексе археологически фиксируемые остатки костюма. Благодаря довольно большому количеству сохранившихся *in situ* погребений, прежде всего из могильников Дружное и Нейзац, мы можем рассмотреть вопрос о том, какую роль германские атрибуты играли в костюме населения предгорного Крыма IV в., и насколько убор, в состав которого входили такие вещи, соответствовал традиционному германскому костюму.

Наиболее ярко германское влияние отражено в аксессуарах женского костюма. Самым устойчивым его элементом являются бусы, сопровождавшие практически все женские погребения IV в. Но количество бус, состав наборов и способы их использования в костюме существенно меняются по сравнению с более ранним временем. Наиболее массовыми типами бус становятся мелкие округлые, усечённо-биконические и короткоцилиндрические пронизи из синего стекла, которые в наборах зачастую сочетаются с 14-гранными пронизями из синего стекла и сердолика и с янтарными восьмерковидными подвесками. Такие наборы составляли небольшие ожерелья. Количество бус в них обычно не превышало полсотни экземпляров. Близкие по составу ожерелья были характерны для женского восточногерманского костюма, достаточно хорошо изученного по материалам черняховских могильников. Не исключено, что под влиянием «черняховской моды» у женского населения предгорного Крыма исчезает традиция расшивать края одежды бусами, бытовавшая во II – III вв. н. э.

Для IV в. наиболее типичным становится бесфибульный женский убор. Застежки сопровождали лишь 17 % погребений (в более раннее время количество захоронений с фибулами достигало 58 %). Меняются и типы фибул. На смену широко распространенным во II – III вв. лучковым приходят застежки черняховского типа — бронзовые двучленные прогнутые подвязные группы 16-II/1, преимущественно 1-го варианта по А. К. Амброзу и похожие на них по форме, но зачастую более крупные железные экземпляры. Тип последних не всегда возможно установить из-за их коррозии. Не исключено, что некоторые железные фибулы относятся к категории «воинских» (группа 17 по А. К. Амброзу). Во всех женских погребениях фибулы были найдены по одному экземпляру, расположенному на груди или, реже, на правом плече умершей. Единственным экземпляром представлена двупластинчатая серебряная фибула, найденная в одной из могил Нейзацкого некрополя. Но она явно не использовалась по назначению — у фибулы отсутствовали игла и приёмник, а сама застежка располагалась возле правой голени погребенной.

Некоторые женские захоронения сопровождались проволочными кольцами с перевязанными концами. В погребениях предгорного Крыма до IV в. такие изделия практически не встречаются, но они были типичны для черняховской, вельбаркской и пшеворской культур. Население центральной Европы использовало такие кольца в основном в качестве элементов сложносоставных подвесок — на них подвешивались разнообразные амулеты и бусы, иногда с их помощью украшения крепились к другим предметам. В черняховских женских захоронениях кольца с перевязанными концами нередко располагались возле черепов или плеч умерших и могли предназначаться для украшения волос. В погребениях предгорного

Крыма фиксируется иной способ использования этих изделий — кольца были либо надеты на фаланги пальцев, либо лежали возле щиколоток.

Среди сопровождавших женские захоронения подвесок с германским влиянием можно связывать янтарные восьмёрковидные подвески и бронзовые изделия в виде миниатюрных однолезвийных топориков. Следует отметить, что оба типа украшений были известны в Крыму и до IV в. Правда, восьмёрковидные подвески в более ранних комплексах представлены единичными экземплярами, в IV столетии они становятся более многочисленными. Как правило такие подвески входили в состав ожерелий, но их количество в наборе не превышало 5–7 экземпляров. В то же время в костюме германцев число таких подвесок в ожерелье зачастую составляло более 10 экземпляров. Топориковидные подвески и в женских, и в мужских погребениях IV в. единичны. Они ни разу не были зафиксированы в составе ожерелий. Местоположение подвесок на костяке не устойчивое, но чаще всего они лежали в районе пояса погребенных. Совершенно иная ситуация с «молоточками Тора» наблюдается в центаральной Европе, где такие подвески нередко составляли целые ожерелья.

В одном из погребений могильника Дружное, между бедренными костями погребенной, были расчищены две крупных раковины каури, одна из которых была надета на кольцо с перевязанными концами. Такие подвески были характерны для черняховского женского костюма. Судя по их устойчивому положению в ногах умерших, раковины крепились к свободному концу пояса и свисали до уровня колен.

Некоторые женские погребения из предгорного Крыма сопровождали костяные гребни типа Томас III. В качестве предметов личной гигиены гребни могли носиться подвешенными к поясу, возможно, в сумочке вместе с другими мелкими вещами. Таким образом они дополняли женский убор и могут рассматриваться нами как элемент костюма. Не вызывает сомнений, что распространение в Крыму как самих гребней, так и традиции их ношения на поясе связано с германскими импульсами.

В мужском и детском костюме германское влияние менее выражено и фиксируется в использовании тех же самых предметов, что и в женском уборе. В некоторых детских и мужских погребениях обнаружены гребни. Для мужского костюма были характерны бронзовые и железные прогнутые подвязные и «воинские» фибулы, которыми скреплялись края одежды на груди или, реже, на плече. В единичных захоронениях на мужских костяках были зафиксированы металлические топориковидные подвески, по одному экземпляру, которые, видимо, подвешивались к поясу. Почти во всех детских погребениях присутствовали бусы, составлявшие небольшие ожерелья. Как и у женщин, основу большинства детских ожерелий составляли мелкие округлые, усечено-биконические, короткоцилиндрические и 14-гранные пронизи из синего стекла, но их нередко дополняли разнообразные пронизи других типов, в том числе полихромные, что придавало каждому детскому ожерелью некоторую индивидуальность. В отличие от женского костюма, в детском и особенно в мужском уборе в качестве поясной гарнитуры использовались пряжки. Большинство пряжек — с утолщенной рамкой и подвижным язычком, загнутым за ее передний край — находит аналогии на обширной территории Восточной Европы, в том числе и в ареале черняховской культуры.

Присутствие рассмотренных выше вещей в крымских погребениях IV в. свидетельствует о наличии германского влияния на костюм местного населения. Однако это влияние было не слишком существенным и, скорее всего, опосредованным. На это указывает ряд факторов. Во-первых, предметы германского происхождения найдены далеко не во всех захоронениях. Во-вторых, в костюме они всегда сочетались с вещами, характерными для позднесарматской культуры, в частности, с серьгами, браслетами, перстнями, наконечниками ремней и прочими аксессуарами, составлявшими традиционный убор населения региона в первых веках нашей эры. В-третьих, некоторые типы изделий, попавших к жителям полуострова, использовалась ими по-своему: фибулы, как и в более раннее время, носились по одной и преимущественно на груди, кольца с перевязанными концами одевались на пальцы рук, а в детском костюме бусами иногда были обшиты края одежды. Наконец, ареал всех рассмотренных деталей костюма и украшений значительно шире территории расселения германских племен, т.е. к IV в. многие германские вещи уже утрачивают свои этнодифференцирующие признаки. А наличие этих элементов в костюме, в том числе сарматского населения предгорного Крыма, отражает, видимо, не столько прямое заимствование традиций германского убора, сколько косвенное влияние германской моды, распространившейся в позднее римское время на обширной территории центральной и юго-восточной Европы.

Frans-Arne Stylegar

Iron Age Cultures in Norway

Regionality, in the specific archaeological sense of the spatial distribution of differences in material culture, has not been a central concern for Iron Age specialists in Norway for several decades. Moreover, the main study when it comes to regional differences in mortuary customs in particular was published as early as 1912, exactly one hundred years ago. The reasons for this are partly political and linked to the perceived consequences of the Kossina school of *Siedlungsarchäologie* in the 1930s, and partly a result of the gradual demise of traditional, cultural historical archaeology in the country since the 1950s. In my paper I will give a brief survey of the results relevant to questions concerning regionality made by archaeologists working mainly within a traditional paradigm. My focus will be on burials and variations in mortuary customs in the Roman and Migration periods (1–550 AD). I will also present an updated view regarding the number and character of “cultures” in the classical sense in Western Scandinavia during this period.

Франс-Арне Стюлегар

Культуры железного века в Норвегии

Проблема регионализма, который в специфически археологическом смысле означает пространственное распространение различий в материальной культуре, в течение нескольких десятилетий не особенно беспокоила норвежских специалистов по железному веку. Кроме того, если говорить, в частности, о погребальных обрядах, основная работа по этому вопросу была опубликована достаточно давно — в 1912 г., то есть ровно сто лет тому назад. Причины тому отчасти лежат в области политики, будучи связанными с восприятием результатов деятельности школы Г. Коссины и его метода «археологии поселений» (*Siedlungsarchäologie*) в 30е гг. XX в., а отчасти являются следствием постепенного затухания традиционной — культурно-исторической — археологии в стране, происходящего с 50х гг. XX в. В данном докладе будет дан краткий очерк результатов исследований, связанных с вопросами регионализма, авторами которых являются археологи, работающие в основном в рамках традиционных взглядов и понятий. В центре внимания окажутся захоронения и вариации погребального обряда в Римское время и в эпоху Великого переселения народов (I – середина V в. н. э.). Также будет представлен современный взгляд на количество и особенности «культур» — в классическом смысле этого слова — на территории Западной Скандинавии на протяжении указанного периода.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Jaroslav Tejral

The Connections between the Region North to the Danube and Northem Europe. Some Aspects of Ethnic and Social Identity of the Fifth Century Elites

The main goal of the lecture is to point out to certain kinds of archaeological evidence with connections to Scandinavia and the Baltic and to make an attempt to identify the bearers of the archaeological vestige in the Middle Danube area in the fifth century, at the time before the domination of Lombards in this region.

According to literary sources the main power factor there were Heruls, which are mentioned by Julius Honorius between the Quadi et Macomanni already at the beginning of the fifth century. In any case the Heruli are recorded as having been involved in the battle of Nedao (ca. 456 AD). They were major players in the Danube region until the beginning of the sixth century. Together with other Danubian tribes they participated in Odoaker’s (*rex Herulorum*) campaigns in Italy. Somewhere here, to the north of the Danubian frontier, led by the famed King Rodulf, clashed with the Lombards, who routed them.

The research is increasingly tending toward the opinion that the question of ethnic identity of archaeological evidence can not be resolved using traditional methods which could either confirm or refute the conclusions drawn by archaeologists. Although there is not doubt that the great portion of this scepticism is correct, on the other hand, the archaeological evidence is not completely exhausted, as it might sometimes seen, even though its narrative is not necessarily always unambiguous and only a few aspects of material culture and burial rites (and then only in specific archaeological and historical terms) may imply the ethnic or social identity. The issue of migration and settlement changes is of special significance when assessing archaeological developments from the period in question in the zone to the north of the Middle Danube, in what is now Moravian part of the Czech Republic, the northern part of

Austria and south-western Slovakia. The archaeological findings dated to the fifth and sixth centuries imply that the set of inhumation burial grounds from the fifth and sixth centuries here is not uniform, but is divided up into two different groups, dating to different periods and culturally diverse. The older cultural group, typical manifestations of which occur not only in cemeteries, but also in settlements, shows a clear affinity with the developments that occurred throughout the whole of the Middle Danube region during the fifth century; the second, dated from the very beginning of the sixth century, considering the evident predominance of Elbian-Germanic handmade pottery, or to the frequent presence of Merovingian weapons, could be associated probably with the Lombards or related ethnic groups.

The striking uniformity of the archaeological record from inhumations in the broad zone from the Middle Danube region nearly to the Balkans during the fifth century confirms the opinion that there existed a relatively homogeneous cultural circle in this area, which developed parallel to the proto- and early Merovingian culture in the West and, despite mutual influences and a number of common features, retained its own individual character. There are also evident genetic links between this and the later material culture of so-called Gepidian large cemeteries in the Great Hungarian plain and even in Eastern Germanic, especially Eastern Gothic small burial grounds in Italy or in the Balkans.

The phenomenon of the establishment of analogous cemeteries and settlements in such a vast area may be down to a number of factors, the most relevant of which would be the definitive formation of socio-political structures within the individual barbarian tribal groups and barbarian kingdoms, which were the result of more complex overlaying and assimilation processes during the fifth century. Although the textual sources refer to these formations with specific tribal names, the ethnic relations within them might have been more intricate. The name of a population group, considered as an ethnic designation, may instead relate to a social group. Since the archaeological record corresponding to the so-called Danubian — Eastern Germanic cultural circle reflects the specifics of life and fashion of numerous peoples which were settling in the Middle and Lower Danubian area and may in great part be seen as an expression of "regionality" rather as ethnicity. Nevertheless some single and specific features of the dress accessories, burial gifts and other items which manifest an awareness of the difference of other contemporaries or the peculiarities of burial rites may, according to some

authors, indicate the bearers as belonging to a special ethnic or social group.

The attempt to resolve the question of who was the driving force behind the historical events in the northern Danube region and which particular part of the tribal community can be linked to the archaeological comes up against some major difficulties. One characteristic feature of the extraneous ethnic element, which clearly also has a social dimension, are the single graves or small cemeteries with graves containing prestigious, socially significant parts of costume completed with further accessories or weapons and other grave equipment. This was the case, for example, in the female graves with their large Eastern Germanic brooches and other spectacular parts of clothing, such as in Smolín grave no. 32 or Laa an der Thaya grave no. 1. In the foreground are also the princely graves at Blučina-Cezavy and at Bešeňov in Slovakia, the first with hilt gilded *spatha* and other golden items. The single and isolated groups of more modest warrior graves, like those in Vienna — Leopoldau, Sigmundsherberg, Velatice, Držovice are a special case. Their equipment, mostly comprising eastern weapons, typical Asiatic swords or narrow nomadic *saxes* often accompanied by other artefacts of eastern provenance (e. g. crescent-shaped earrings) is characteristic of this form of grave, which is widespread in Central and Eastern Europe from Przemęczany in southern Poland to Košarevo in Bulgaria. In some larger cemeteries as in Velatice were analogous nomadic weapons found together with skeletons showing cranial deformations. As a supra-regional phenomenon could be linked that burials with the social stratum of the elite warriors of nomadic, although also of Eastern Germanic origin. These were most likely the Scirii or Heruli, as it is believed that the weapons were not placed in the graves by the Goths.

The topic to be discussed is reflected in the graves situated in the large and remarkable burial mound of Žuráň not far from Brno, where especially the secondary repaired faceted glass beakers could indicate some connections with Scandinavia (fig. 1). In this context there is certain number of artefacts in the area north to the Danube worthy of noticing showing clear affinities to the northern Europe. For reaching contacts to Scandinavia indicate the cruciform brooches from different sites in Moravia and Slovakia and the bronze pattern of scabbard mounting of Scandinavian type from the craftsman's hoard in Steinmandel in lower Austria. Also the glass beakers of type Barshaldershed, and the crossbow brooch of type Debczyno suggest the connections with the North (fig. 2).

If we consider these features of the archaeological and anthropological material, which is evidently related to the Eastern Germanic or nomadic groups and some clearly visible cultural connections to the European North, as well as some written sources, there is possible to discuss the opinion which now places the tribal centre of the Heruli in the region to the north of the Middle Danube. We also cannot rule out the possibility that the ruling Heruli families were linked to the kings' grave at Blučina and to a certain extent, as we will see, the finds from the well-known barrow at Žuráň near Brno can also be attributed to these families (see above).

No matter how many questions remain conjectural, it is likely that there was no clear-cut ethnic situation in the region to the north of the Middle Danube and we can assume that there was a very diverse range of ethnic groups. The historically substantiated Heruli may only have comprised the narrow social stratum of elites, ruling, dominating a number of groups including perhaps the remnants of the local Suebi and fragments of other tribal communities which were originally from a variety of different places. Otherwise this is also backed up by the results of the latest research, which sees the groups referred to as the Heruli in various places throughout Europe not as a separate tribe, but as factions of elite warriors, as the reports from late antiquity claim.

Translated from Czech by Jana Klíčová and Jaroslav Tejral

Ярослав Тейрал

Связи между регионом к северу от Дуная и Северной Европой. Некоторые аспекты этнической и социальной интерпретации памятников знати V в.

Основная цель данного доклада — выявить некоторые виды археологических свидетельств о связях со Скандинавией и Балтийским морем, а также попытаться установить, кто же оставил археологические памятники V в. в Среднем Подунавье, то есть до того, как в этом регионе установилось ломбардское господство.

Согласно письменным источникам, основным фактором власти здесь были герулы, упомянутые Юлием Гонорием между квадами и маркоманнами уже в начале V в. В любом случае, о герулах известно, что они принимали участие в битве при Недао (ок. 456 г.). Они же играли ведущую роль в Подунавье до начала VI в. Вместе с другими дунайскими племенами, они участвовали в итальянских походах Одоакра (*rex Herulorum* — царя герулов). Где-то здесь, к северу от дунайской границы, под предводительством прославленного царя Родульфа, они столкнулись с ломбардами и были обращены в бегство.

Исследователи всё больше склоняются к мнению, что вопрос об этнической интерпретации археологических данных невозможно решить, используя традиционные методы, которые могут либо подтвердить, либо опровергнуть выводы археологов. Нет никаких сомнений в том, что в значительной мере этот скептицизм совершенно оправдан, однако, с другой стороны, потенциал археологических данных ещё не окончательно исчерпан, как иногда кажется, даже при том, что сообщаемая ими информация не всегда однозначна, и лишь некоторые аспекты материальной культуры и погребального обряда (и в этом случае только в специфических археологических и исторических выражениях) имеют значение для этнических и социальных интерпретаций. Для оценки накопленных археологией данных о рассматриваемом периоде в зоне к северу от Среднего Подунавья, то есть на территории современной области Моравии, что в Чешской Республике, в северной части Австрии и в юго-западной

Словакии, особое значение имеет проблема миграций и смены населения. Археологические находки, датированные V – VI вв., говорят о том, что местные могильники с трупоположениями V – VI вв. не однородны, но делятся на две различные группы, относящиеся к различным периодам и разным культурам. Более древняя культурная группа, характерные черты которой обнаруживаются не только в погребениях, но также и на поселениях, проявляет видимое сходство с событиями, происходившими по всему Среднему Подунавью на протяжении V в.; вторую группу, самого начала VI в., судя по заметному преобладанию эльбско-германской лепной посуды или по часто встречающемуся меровингскому оружию, можно, вероятно, связать с ломбардами или группами, близкими им этнически.

Замечательное однообразие археологических находок из трупоположений в широкой зоне от Среднего Подунавья почти до Балкан на протяжении V в. подтверждает справедливость того мнения, что в этом регионе существовал круг относительно однородных культур, развивавшийся параллельно с прото- и раннемеровингской культурой Запада, но сохранивший свой индивидуальный характер, несмотря на взаимное влияние и многие общие черты. Эта культура также имеет ясные генетические связи с более поздней материальной культурой так называемых «больших гепидских могильников» Большой венгерской низменности и даже с восточногерманскими, особенно восточно-готскими малыми могильниками в Италии и на Балканах.

Аналогичные могильники и поселения на столь большом пространстве могли возникнуть благодаря многим факторам, наиболее существенные из которых — определённая структура общественно-политических образований в отдельных племенных группах варваров и варварских королевствах, которые были результатом более сложных процессов смешения и ассимиляции в течение V в. Хотя письменные источники используют для обозначения этих образований имена отдельных племён, происходившие внутри них этнические взаимоотношения могли быть более сложными. Название одной из групп населения, обозначенной этнонимом, могло, наоборот, обозначать социальную группу. Потому археологические данные, связанные с так называемым кругом дунайских — восточно-германских культур, отражают особенности жизни и моды многочисленных народов, оседавших в Среднем и Нижнем Подунавье, и могут в значительной мере рассматриваться как показатель «регионализма»,

а не этничности. Тем не менее, некоторые единообразные и характерные черты деталей костюма, погребальных приношений и других вещей, указывающие на осведомлённость о различиях от других современников, или же особенности погребальных обрядов могут, согласно некоторым авторам, указывать на то, что их носители принадлежали к особой этнической или социальной группе.

Попытка решить вопрос о том, кто же был движущей силой исторических событий в Северном Подунавье и какую конкретно часть племенного общества можно связать с археологией, сталкивается с несколькими большими сложностями. Одной из характерных особенностей пришлого этнического компонента, которая также явно имела социальное измерение, являются отдельные могилы или небольшие могильники, состоящие из погребений, где найдены престижные, общественно-значимые детали костюма, дополненные другими аксессуарами, оружием, и прочим погребальным инвентарём. К таковым относятся, например, женские погребения с крупными восточно-германскими фибулами и другими выдающимися деталями одежды, например, могила № 32 в Смолине или погребение № 1 в Ла-ан-дер-Тайя. Выделяются также княжеские могилы в Блучине-Цезави и в Бешенове в Словакии, в первой из которых найдена спата с позолоченной рукоятью и другие золотые вещи. Особый случай — это обособленные могилы, а также небольшие группы более бедных воинских погребений, например, в Вене — Леопольдау, Зигмундшерберге, Велатице, Држивице. Их инвентарь, состоящий в основном из восточного оружия, характерных азиатских мечей или узких кочевнических саксов, часто сопровождавшихся другими вещами, восточными по происхождению (например, серьгами в форме полумесяца), характерен для могил этого типа, широко распространённого в Центральной и Восточной Европе, от Пшеменчан в южной Польше до Кошарево в Болгарии. На некоторых более крупных могильниках, например, в Велатице, вместе с аналогичными предметами кочевнического вооружения открыты костяки с деформированными черепами. В качестве межрегионального феномена, можно связать эти погребения с общественной прослойкой знатных воинов, имевших кочевое, но также и восточно-германское происхождение. Вероятнее всего, это были скиры или герулы, поскольку, как считается, в готские могилы оружия не клали.

Следует обсудить проблему, связанную с могилами, расположенными в большом и знаменитом кургане Журань недалеко от г. Брно, где на связи со Скандинавией в особенности указывает стеклянный кубок со шлифованным орнаментом, имеющий следы вторичного ремонта (рис. 1). В этом контексте следует упомянуть известное количество вещей с территории к северу от Дуная, указывающие на видимые связи с Северной Европой. Показателем контактов, достигавших Скандинавии, являются крестообразные фибулы из разных памятников в Моравии и Словакии и бронзовое украшение от обкладки ножен скандинавского типа из клада ремесленника в Штайнманделе в Нижней Австрии. На связи с Севером указывают также стеклянные кубки типа Барсхальдерсхед и крестовидная фибула типа Дебчино (рис. 2).

Если проанализировать эти черты археологического и антропологического материала, которые очевидно связаны с восточногерманскими или кочевыми группами и несут некоторые заметные культурные связи с Севером Европы, а также некоторые письменные источники, можно обсудить предположение о том, что племенной центр герулов находился к северу от Среднего Подунавья. Нельзя отбрасывать и возможность того, что семьи, правившие у герулов, связаны с царским погребением в Блучине и, в определённой мере, как мы увидим, находки из широко известного кургана Журань близ Брно также можно связать с этими семействами (см. выше).

Вне зависимости от того, ответы какое количество вопросов остаются предположительными, кажется, что ситуация в регионе к северу от Среднего Подунавья не была ясно очерчена этнически, потому можно предположить, что там существовал крайне разнообразный набор этнических групп. Исторически реальные герулы могли составлять всего лишь узкую общественную прослойку знати, правившую и господствовавшую над многими группами, включая, возможно, остатки местных свебов и осколки других племенных общин, происходивших из самых разных местах. В противном случае — и это также находит опору в результатах недавних исследований — группы, которые в разных районах Европы называли «герулами», были не отдельным племенем, но частями знатных воинов, как указывают позднеантичные свидетельства.

Перевёл с английского Никита Храпунов

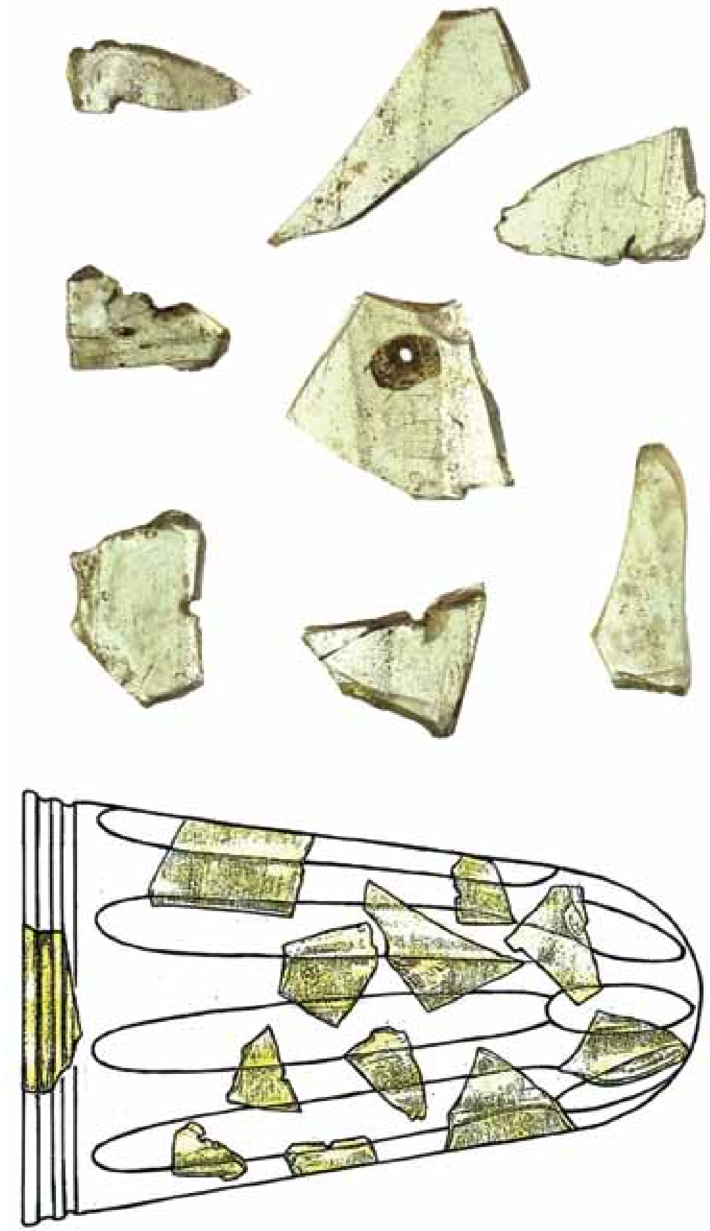


Fig. 1. One of the facetted glass beakers from grave 2 in burial mound at Žuráň

Рис. 1. Один из кубков со шлифованным орнаментом из могилы 2 в кургане Журань

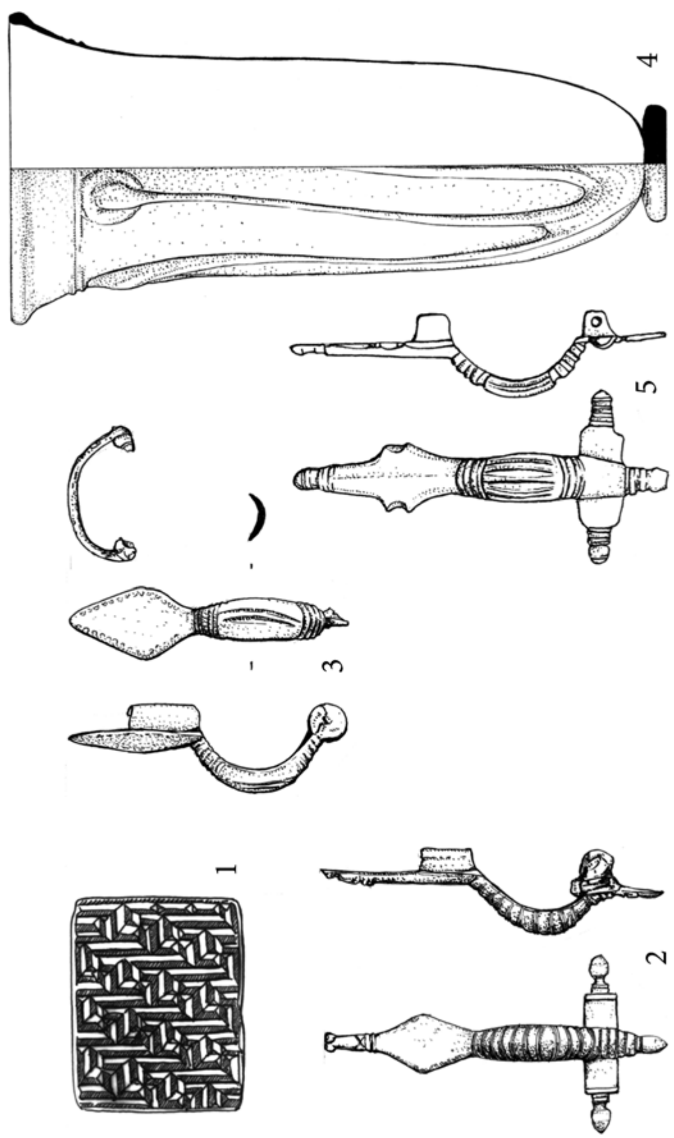


Fig. 2. Materials with northern connections from the area north of the Danube:
1 **— Steinmandel;** *2–4* **— Vrchoslavice, inhumation no. 12;** *5* **— Bojná, single find**

Рис. 2. Материалы, указывающие на связи между регионом к северу от Дуная и севером Европы:
1 **— Штайнмандель;** *2–4* **— Врхославице, ингумация № 12;** *5* **— Бойна, единичная находка**

Rostislav Terpilovskiy,
Gennadiy Zharov

A Warrior Cemetery from the Turn of the Eras on the River Seym

The volume of abstracts for the previous conference contains a preliminary information on the investigations of the cemetery of Mutin from the turn of the eras that were conducted in spring of 2010 by the Left-Bank Expedition of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of the Ukraine (Terpilovskiy 2010). Excavations of the site became possible after Aleksandr Lebed' discovered by chance a cremation burial. Today, when the primary work on the materials from the cemetery has been finished, we are ready to call your attention to more detailed information.

This compact cemetery is located on the edge of right side of the Seym river, that is covered with trees. There, the main river side forms a line of promontories divided by deep ravines. On one of the promontories, there is a fortified settlement separated from the mainland by high steep rampart. Prospect trenches in the settlement area discovered artefacts from the Scythian period and the Romny culture. The cemetery is located below the settlement, in the top area of the steep slope, about 20 m high above the flood-plain, mainly within a small platform.

Apart from the above-mentioned burial 1, the excavation discovered 13 cremation burials (including one twin and one destroyed graves) more in the area of 360 square metres. Thus, the cemetery consisted of 15 burials total. It is possible that a part of the graves was destroyed when planting trees about fifty years ago. However, individual finds were almost absent out of assemblages; it suggested that there hardly were more than one or two destroyed burials.

The cemetery of Mutin is a unique site in several respects. All the graves, urn cremations, obviously belonged to professional warriors of high rank. Every burial was accompanied by representative set of weapons. Similarly to burial 1, burial 4 contained bronze urn *situla* additionally placed into a ceramic vessel. In eight cases more, there were metal vessels used as urns: five *situlae* of different forms and shapes (including Hans-Jürgen Eggers' types E.20–22, 40), two low bowls (type E.67) and bimetallic cauldron of type E.5. In burials 9, 12 and 14, cremated remains were placed into black-polished ceramic vessels.

Especially interesting is twin burial 8 that possibly belonged to sworn brothers. It consisted of ceramic urn and a bronze bucket standing close to each other and covered with two shield bosses. Burial 8A was accompanied with two spear heads, double-edged and single-edged swords, helmet of a late La Tène type, battle knife, a pair of spurs, and two fibulae. In burial 8Б (within *situla*) there were fragments of scabbard for single-edged sword, knife, a pair of spurs, and three fibulae (figs. 1 and 2).

The set of weapons in each burial included shield boss and as a rule bent sword and spear-head. As it has already been mentioned, sword and spear were absent in burial 8Б — though burial 8A contained two swords and two spears. Burial 7 also contained two swords and two spear-heads. Burials 4 and 13 contained four spear-heads of different types. Main bulk of spear-heads are characterized by relatively long and narrow leaf with longitudinal enforcement rib and short socket. There were a few asymmetric blades and two-spiked spear-heads.

Except for the single-edged sword (burial 8A), all other swords are long (up to 1 m) double-edged, of La Tène type, with rounded end of blade. In most cases, there remained bell-shaped guards and fragments of scabbards including those decorated in *opus interrasile* style.

Each burial contained shield bosses or their fragments. Complete artefacts were usually in the top part of the urn, with their dome up. The form of the dome is conical or cylindrical-conical, sometimes with peak. As a rule, shield boss was riveted to the shield with six, rarely eight or 12 rivets (3–6 cm in diameter). Besides shield boss with peak and 12 rivets, burial 3 contained shield handle with figural ends.

In most cases, the complex of weapons was supplemented by matching or single spurs with long peak and embossed heads on the end of the bow, as well as battle knives. The rest of ironware include spear butts, parts of shoulder belts or straps (rings and clasps), end-pieces for knife scabbards, and fibulae. The exceptions are bronze ring and clasp, as well as iron razor (?) and three end-pieces for dagger scabbards.

The finds of iron helmets that generally belong to the late Eastern Celtic type from burials 4, 5, 8A, 12 and 13 are unique for both Eastern and Central Europe. Each of them consists of three elements: hemispherical dome, front part (with or without peak), and neck flap, and is also supplied with cheek guards. Burials 8A and 12 had the helmets used as urns placed into earthenware vessels.

The funeral rite of Mutyn cemetery finds its most close analogies among the cultures of the north-western circle under La Tène influence, and namely the Przeworsk and Oksywie cultures. Just these cultures have typical cremations accompanied with ritually bent or broken weapons (primarily spear-heads and swords). According to Piotr Łuczkiewicz, isolated artefacts and sets of various weapons have been recorded in about two hundred Przeworsk and one hundred Oksywie burials from the pre-Roman period. It should also be mentioned that burial 25 of the Przeworsk cemetery of Siemiechów had the only La Tène helmet discovered in the territory of Poland and used as burial urn. The presence of weapons in cremations is generally not very typical to another culture under La Tène influence, the Jastorf culture, with exception of the so-called group Kraghede in the territory of Denmark.

Let us also call your attention to the weapon graves using imported bronze vessels for urns. In the territory of Poland, there were about ten Przeworsk and Oksywie burials of this type uncovered. Particularly, according to Teresa Dąbrowska buckets E.20–21 and bowls E.67 have been discovered in graves of the Przeworsk culture from phase A3, though cauldron E.5 in a burial from phase A2. Bronze *situlae*, basins, and cauldron from Mutin, as well as some vessels from the pre-Roman assemblages in Egger's catalogue, were made in Northern Italy. A part of the vessels were obviously intensively used for a long time, as it was suggested by traces of repairs.

The set of weapons and warrior's equipment from the graves in the cemetery is actually typical of the final stage of the pre-Roman Iron Age. Swords (with scabbards), spear-heads and shield bosses find numerous analogies in graves of the Przeworsk and Oksywie cultures from phases A2 and A3. The spurs belong to Jerzy Ginalski's subgroup A, which basically dates from the late pre-Roman Iron Age; matching spurs are relatively rare: they occur in seven Przeworsk and four Oksywie burials. Let us point out that in Mutin cemetery matching spurs were discovered in eight burials. The clasps of Józef Kostrzsewski's type K.49 and solid rings were used in belts or sword-belts throughout a long period, from the turn of phases A1/A2 to the end of the pre-Roman Iron Age.

The fibulae of late La Tène scheme (13 pieces) have most narrow chronology: they were spread in assemblages of the cultures under

La Tène influence in the late pre-Roman Iron Age (the Jastorf, Przeworsk, Oksywie, Zarubintsy, and Poieneşti–Lukaşevka cultures). In Teresa Dąbrowska's opinion, fibulae of type N are typical to the Przeworsk culture of the second horizon of phase A3, and the latest are artefacts of considerable size with openwork footplate (like some fibulae from Mutin). This horizon dates from the last but final decade of the first century BC to the early-second decade of the first century AD.

Typologically earlier is the fragmented fibula of Middle La Tène construction from grave 7: it is typical of phase A2.

Therefore, we can suppose that the graves in Mutin cemetery, according to fibulae of the same type (but the only artefact of Middle La Tène construction), are generally synchronous within the limits of the pre-Roman Iron Age, phase A3, and were made during the period from the mid-first century BC to the early first century AD, most likely, around the turn of the eras.

In contrast to metal artefacts, we do not know close analogies to ceramic urns from the cemetery of Mutin. Nevertheless, the similarity of polished vessels from Mutin and tableware of western tradition in the sites of Khar'yevka type in the basin of the river Seym is beyond any doubt: they have common form, proportions, faceted rim, decoration (vertical combing and bosses), and X-shaped handles.

Although the work on the materials from the cemetery continues, we can run to some preliminary conclusions just now. Bronze and parade ceramic vessels used as urns as well as the complex of military equipment supply evidences of high status of the buried persons. The relatively small number of burials with prestigious goods and isolation of the cemetery obviously indicate that warriors (of prince's retinue) were buried there. The "western" origin of the warriors who came to the Seym area is indicated primarily by the complex of weapons typical of the late La Tène culture. Single-edged sword from burial 8 allows us to suppose Germanic origin of this retinue (or at least some of its members). Parade ceramic vessels of type Khar'yevka from the graves in this cemetery could indicate the inclusion of the migrants into the structure of local tribes.

The synchronism of the graves is possibly an evidence that these warriors were killed in a single battle. At the same time, they probably triumphed: their tribesmen buried them following all the details of the ritual, not carrying about expenses, in a special cemetery.

Although, as it has been mentioned above, weapon graves were rather popular in the Przeworsk and Oksywie cultures, similar cemeteries

of retinue are not known there. A kind of analogy for Mutin cemetery could be graves of warriors from horizon (or culture) of Grossromstedt in Middle Germany and Czech Republic.

At the same time, our military retinue cemetery stands out of the background of the Zarubintsy culture burials in the Middle and Upper Dnieper area and woodland around the Pripyat' river that are typical of egalitarian society. As a working hypothesis, we can suggest that a troop of the Bastarnae (Celto-Germanics?) came to the Seym river area — this people is known particularly from 28 BC events in the Lower Danube.

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Геннадий Жаров,
Ростислав Терпиловский

Дружинный могильник рубежа эр на Сейме

В сборнике тезисов предыдущей конференции (Терпиловский 2010) помещено предварительное сообщение об исследовании могильника рубежа эр Мутин, проведенных весной 2010 г. Левобережной экспедицией Института археологии НАН Украины. Раскопки памятника стали возможны после случайной находки кремационного погребения А. Лебедем. Теперь, когда первичная обработка материалов могильника завершена, предлагаем вашему вниманию более полную информацию.

Компактный могильник расположен на краю правого берега р. Сейм, поросшего деревьями. Коренной берег здесь образует ряд мысов, расчлененных глубокими оврагами. На одном из мысов обнаружено небольшое городище, отделенное с напольной стороны высоким крутым валом. В шурфах на площадке городища встречены находки скифского периода и роменской культуры. Ниже городища, в верхней части крутого склона, на высоте около 20 м над поймой преимущественно в пределах небольшой площадки и расположен могильник.

Кроме упомянутого выше погребения 1 на площади около 360 кв. м обнаружено еще 13 захоронений с трупосожжением (в том числе одно парное и одно разрушенное). Таким образом, в целом могильник состоял из 15 погребений. Не исключено, что какая-то часть захоронений могла быть разрушена при посадке деревьев около полувека тому назад. Впрочем, вне комплексов индивидуальные находки практически отсутствовали, что говорит о том, что число разрушенных погребений вряд ли превышало одно-два.

Мутинский могильник в ряде отношений уникален. Все захоронения, урновые кремации, очевидно, принадлежали воинам-профессионалам высокого ранга. Каждое из них сопровождалось представительным набором оружия. В погребении 4, как и в погребении 1, бронзовая ситула-урна была дополнительно помещена в керамический сосуд. Еще в восьми случаях урнами служили металлические сосуды: пять ситул различных размеров и форм (в том числе типов Е.20–22, 40 по классификации Х.-Ю. Эггерса), два низких таза (типа Е.67) и биметаллический котел типа Е.5. В погребениях 9, 12 и 14 остатки кремации находились в чернолощёных керамических сосудах.

Особый интерес представляет парное погребение 8, принадлежавшее, возможно, побратимам. Оно состояло из поставленных рядом керамической урны и бронзового ведёрка, накрытых двумя умбонами. Погребение 8А сопровождалось двумя наконечниками копий, обоюдоострым и однолезвийным мечами, шлемом позднелатенского типа, боевым ножом, парой шпор и двумя фибулами. В погребении 8Б (в ситуле) находились части ножен однолезвийного меча, нож, пара шпор и три фибулы (рис. 1, 2).

Набор оружия каждого погребения включал умбон и, как правило, погнутый меч и наконечник копья. Как указано выше, в погребении 8Б меч и копье отсутствовали; зато в погребении 8А было два меча и два копья. По два меча и наконечника копий содержало также погребение 7. Погребения 4 и 13 содержали по четыре наконечника копий различных типов. Основная масса наконечников характеризуется сравнительно длинным узким пером с продольным ребром жесткости и короткой втулкой. Асимметричные лезвия и двушипные наконечники единичны.

За исключением единственного однолезвийного меча (погребение 8А), все остальные — обоюдоострые длинные (до 1 м) мечи латенского типа с закругленным концом клинка. В большинстве случаев сохранились колоколовидные гарды и фрагменты ножен, в том числе украшенных в стиле *opus interrasile*.

Умбоны или их части присутствовали в каждом погребении. Целые экземпляры обычно находились в верхней части урны, куполом вверх. Форма купола в основном коническая или цилиндро-коническая, иногда с шипом. Как правило, умбон крепился к щиту шестью, реже — восемью или 12-ю заклепками (диаметром 3–6 см). Кроме умбона с шипом и 12-ю заклепками в погребении 3 найдена ручка щита с фигурными окончаниями.

В большинстве случаев комплекс вооружения дополнялся парными или одиночными шпорами с длинным шипом и выпуклыми шляпками на концах дужки, а также боевыми ножами. Прочий железный инвентарь представлен втоками копий, частями портупей или поясов (кольцами и застежками), наконечниками ножен ножей и фибулами. Исключения составляют бронзовые кольцо и застежка, а также железные бритва (?) и три наконечника ножен кинжалов.

Уникальными не только для Восточной, но и для Центральной Европы, являются находки в погребениях 4, 5, 8А, 12 и 13 железных шлемов, относящихся в целом к позднему восточнокельтскому типу. Каждый из них изготовлен из трех элементов: полусферического купола, передней части (с козырьком или без) и назатыльника, а также снабжен нащечниками. В погребениях 8А и 12 шлемы использованы как урны, вставленные в глиняные сосуды.

Погребальный обряд Мутинского могильника находит ближайшие соответствия среди таких латенизированных культур северо-западного круга как пшеворская и оксывская. Именно для них характерны урновые кремации, сопровождаемые ритуально погнутым или поломанным оружием (прежде всего наконечниками копий и мечами). По данным П. Лучкевича, отдельные экземпляры и наборы разнообразного оружия зафиксированы примерно в двухстах пшеворских и ста оксывских погребениях предримского времени. Стоит отметить, что в погребении 25 пшеворского могильника Симиехув в качестве урны использован единственный найденный на территории Польши латенский шлем. Наличие оружия в трупосожжениях в целом не типично для еще одной латенизированной культуры — ясторфской, за исключением так называемой группы Крагхеде на территории Дании.

Обратим также внимание на те погребения с оружием, где в качестве урн для пережженных костей использовались импортные бронзовые сосуды. На территории Польши выявлено около десяти пшеворских и оксывских погребений подобного типа. В частности, ведерки Е.20-21 и миски Е.67, по данным Т. Домбровской, найдены в погребениях пшеворской культуры фазы А3, а котел типа Е.5 — в погребении фазы А2. Бронзовые ситулы, тазы и котел из Мутина, как и ряд сосудов из комплексов предримского времени в каталоге Г.-Ю. Эггерса, очевидно, произведены в Северной Италии. Часть сосудов, очевидно, использовалась довольно долго и интенсивно, о чем свидетельствуют следы ремонта.

Набор оружия и воинского снаряжения из погребений могильника в целом характерен для финала предримского времени. Мечи (с ножнами), наконечники копий и умбоны имеют многочисленные аналогии в погребениях пшеворской и оксывской культур фаз А2-А3. Шпоры подгруппы А по Е. Гинальскому датируются поздним предримским временем, причем парные шпоры встречаются сравнительно редко — в семи пшеворских и четырех оксывских погребениях соответственно. Отметим, что в Мутинском могильнике парные шпоры присутствовали в восьми погребениях. Застежки типа К.49 по Ю. Костшевскому и массивные кольца использовались в поясах или портупеях для подвешивания мечей от рубежа фаз А1/А2 до конца предримского времени.

Наиболее узко датируются фибулы позднелатенской схемы (13 экз.), распространенные в комплексах латенизированных культур позднего предримского периода: ясторфской, пшеворской, оксывской, зарубинецкой и поянешти-лукашевской. По мнению Т. Домбровской, фибулы типа N типичны для пшеворской культуры второго горизонта фазы А3, причем наиболее поздними являются экземпляры значительных размеров и с ажурными ножками (как ряд фибул из Мутина). Этот горизонт датируется предпоследним десятилетием I в. до н. э. — началом второго десятилетия I в. н. э.

Типологически более ранней является фрагментированная фибула среднелатенской схемы из погребения 7, типичная для для фазы А2.

Таким образом, можно предположить, что погребения Мутинского могильника, судя по однотипным фибулам (за исключением единственной среднелатенской схемы), в целом синхронны в рамках предримского времени А3 и были совершены в диапазоне от середины I в. до н. э. до начала I в. н. э., тяготея, скорее всего, к рубежу эр.

В отличие от металлических предметов близкие аналогии керамическим урнам Мутинского могильника среди латенизированных культур нам не известны. Вместе с тем, сходство лощеных мутинских сосудов и столовой керамики западной традиции памятников типа Харьевка бассейна р. Сейм не вызывает сомнений: их сближают общая форма, пропорции, гранёный венчик, орнамент (вертикальные расчёсы, шишечки), иксовидные ручки.

Хотя обработка материалов могильника продолжается, уже сейчас можно сделать ряд предварительных выводов. Бронзовые и парадные керамические сосуды, использованные в качестве урн, а также комплекс воинского снаряжения свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных. Сравнительно небольшое число погребений с престижным инвентарем и изолированный характер могильника, очевидно, указывают, что здесь захоронены представители военной дружины. На «западное» происхождение дружинников, прибывших на Сейм, в первую очередь, указывает комплекс вооружения, типичный для позднего латена. Однолезвийный меч из погребения 8 позволяет предположить германское происхождение дружины (или, по крайней мере, отдельных её членов). Парадные керамические сосуды типа Харьевка, использованные в погребениях могильника, могут указывать на включение мигрантов в структуру местных племен.

Синхронность совершенных захоронений, возможно, свидетельствует, что дружинники погибли в одной из битв. Вместе с тем, победа, вероятно, осталась за ними — соплеменники похоронили их с соблюдением всех деталей ритуала, не считаясь с расходами, на отдельном могильнике.

Хотя погребения с оружием, как указывалось выше, достаточно распространены в пшеворской и оксывской культурах, подобные дружинные могильники там не известны. Определенной аналогией Мутинскому могильнику могут служить погребения воинов горизонта (или культуры) Гроссромштедт рубежа эр в Средней Германии и Чехии.

Вместе с тем, дружинный могильник резко выделяется на фоне зарубинецких погребений Среднего и Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья, характерных для эгалитарного общества. В качестве рабочей гипотезы можно предположить появление на Сейме одного из отрядов бастарнов (кельто-германцев?), известных, в частности, по событиям 28 г. до н. э. на Нижнем Дунае.

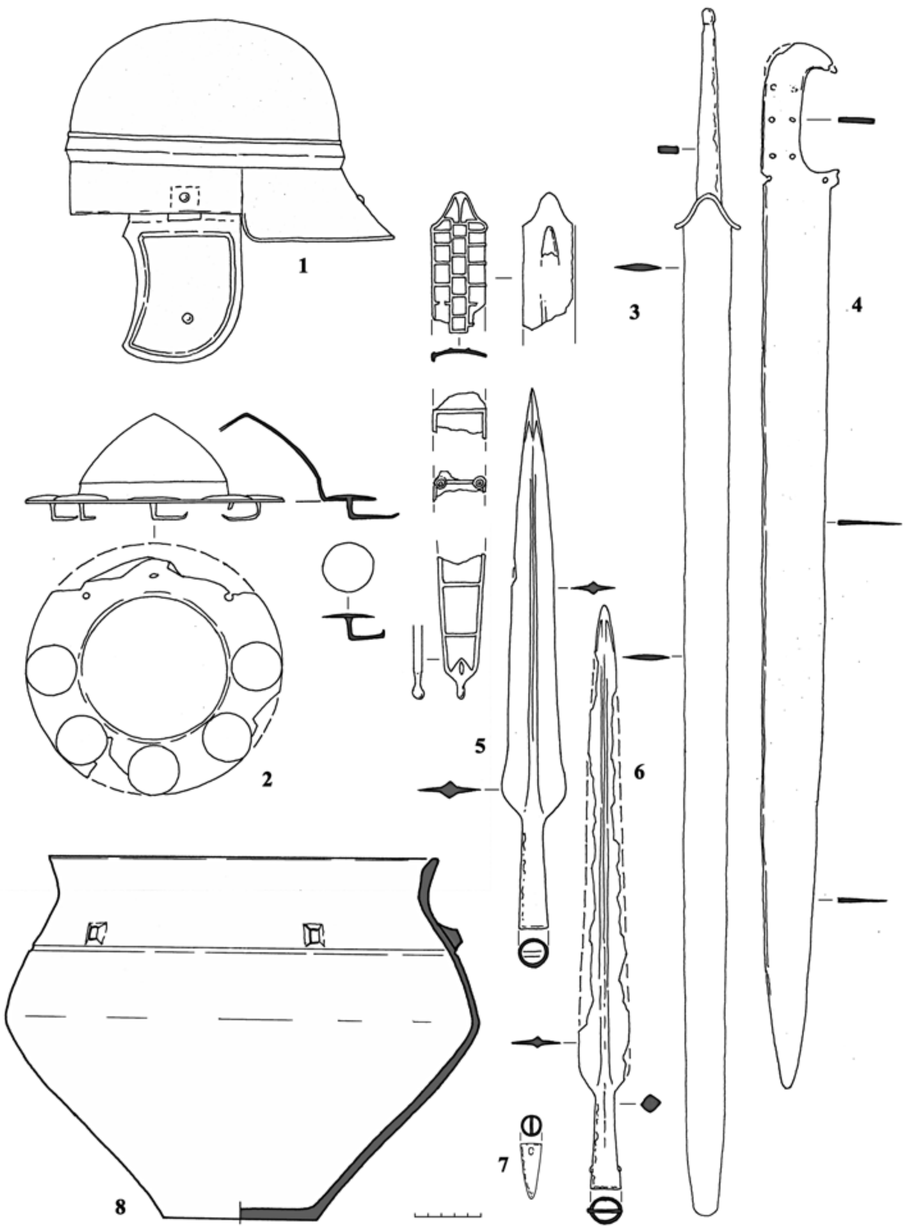


Fig. 1. Mutin. Burial 8A. Grave goods:
***1–7* – iron, *8* – black-burnished ceramic vessel**
(drawing: Terpilovskiy)

Рис. 1. Мутин. Погребение 8А. Инвентарь:
***1–7* – железо, *8* – чернолощёный керамический сосуд**
(рис. Р. В. Терпиловский)

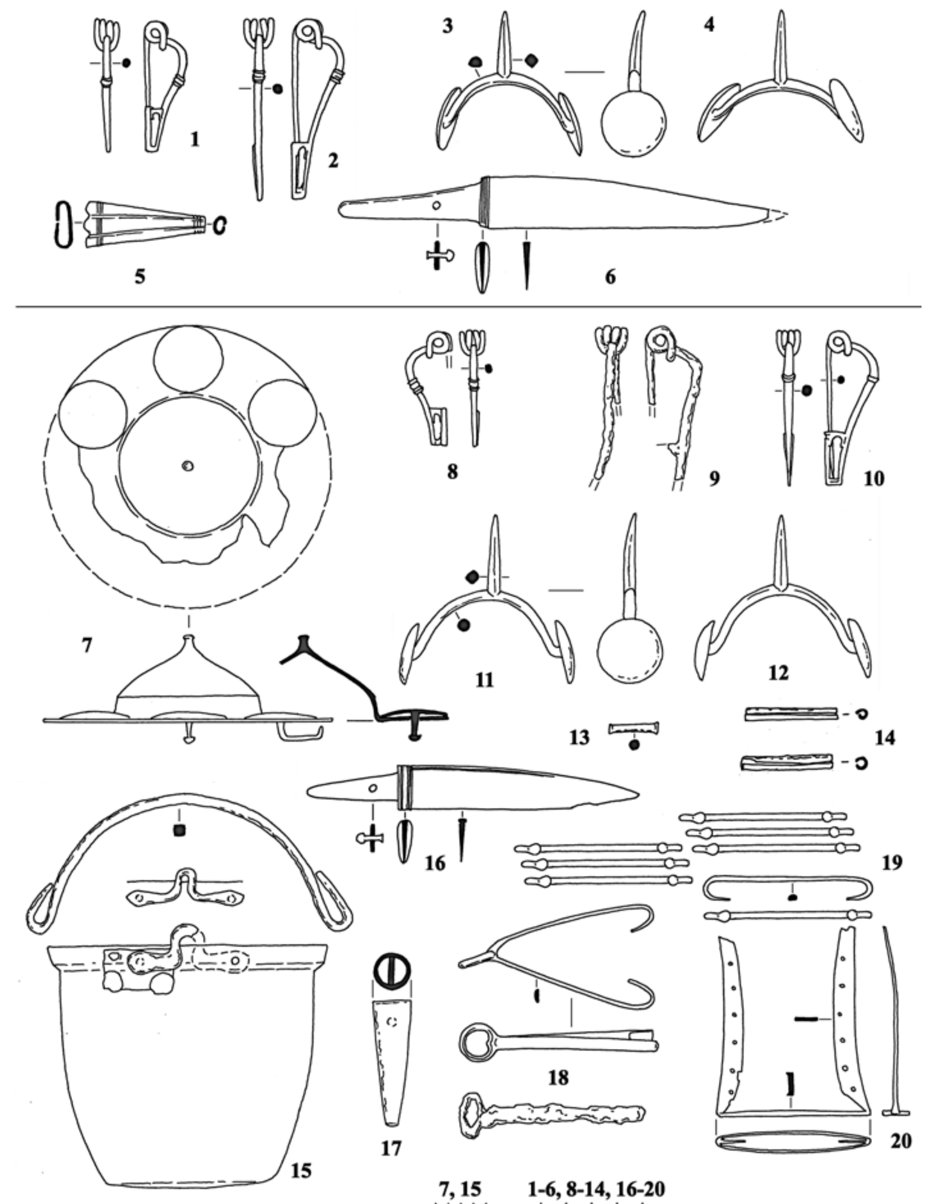


Fig. 2. Mutin. Burials 8A (1–6) and 8Б (7–20). Grave goods:
***1–14*, *16–20* – iron, *15* – bronze situla with iron handle and loops**
(drawing: Terpilovskiy)

Рис. 2. Мутин. Погребения 8А (1–6) и 8Б (7–20). Инвентарь:
***1–14*, *16–20* – железо,**
***15* – бронзовая ситула с железной ручкой и петлями**
(рис. Р. В. Терпиловский)

Aleksandr Vasil'yev

Fine Thin-Walled Glass Beakers Decorated with Cut Ovals (Eggers 223, 224, 226, 228; Straume Schalen Untergrupe 1)

Cut decoration consisting of various combinations of rounded facets and carved lines was typical of several groups of glass vessels from the Late Roman period that were widespread in the area between the Baltic and the Black Sea. Among them are, first of all, hemispherical bowls E 216 and cylindrical beakers E 230. An intermediate position between the two, both in chronological and morphological sense, is occupied by a heterogeneous group of glass vessels belonging to Hans Jürgen Eggers' types 220, 221, 223–229. Most of them have rim diameter bigger that mouth diameter, but this difference is not considerable. From the formal point of view, it allow one to term this type of vessels "bowls," as it was done for example by Eldrid Straume. However, most part of publications have these vessels called "beakers" to underline their similarity to vessels of type E 230, bigger than to type E 216. Since their size is smaller than both beakers E 230 and most part of later conical forms, I suggest to call these cut-glass beakers "fine."

After the discovery and publication of grave 139 in the cemetery of Neyzats, which is located in the foothills of the central Crimea, with a small beaker with cut decoration, we have every reason to include this ware to the circle of various antiquities that became widespread in the Roman period throughout the territory between the Baltic and the Black Sea.

The publisher, Igor' Khrapunov, has already supplied a group of analogies for the beaker under analysis originating from Scandinavia and from the Chernyakhov culture area. In this paper, I will try to enlarge the circle of analogies and to clarify their chronological position.

Classification of fine glass beakers with cut decoration

In my opinion, today we can establish the following groups of fine glass beakers wit cut decoration.

1. Varpelev — Sakrau variant. Types E 225, 227, 229. Fine beakers of low proportions, with medium-thick or thick walls, with two lines of oval and circular cuts. As a rule, top line consists of oval facets and bottom line of circular facets.
2. Sigerstad — Neyzats variant. Types E 223, 224, 226, 228. Fine beakers of high proportions, thin-walled with circular bottom and flaring walls, turned out rim, and decorated with few (as a rule three) lines of oval (as a rule wide) facets. In some cases, cuts in the bottom line are circular, and there are carved horizontal lines located between lines of facets.
3. Sigerstad — Ganzkow variant. Types E 220 and 221. Analogous bowls, ornamented with a combination of diamonds, narrow and wide ovals, carved horizontal lines, and short cuts. In the middle of the body, there is a row of diamonds, the lower body has a line of narrow oval cuts. Diamond could have oval inscribed into it or its inner space covered with slanting network of carved lines. Diamonds alternate with various designs.
4. Vrangstrup — Iacobeni variant. Analogous bowls, with the core of the ornamentation of two rows of engraved pentagons to make a honeycomb pattern. Each pentagon has an oval inscribed into it. Additional decorative elements are belts of narrow ovals placed horizontally or vertically.

Later on, the given paper will only discuss the beakers of Sigerstad — Neyzats variant, within which I can distinguish three series according to particulars of ornamental pattern.

1. Sigerstad series. Corresponds to types E 223, 226, 228. Vessels are decorated only with cut wide ovals or circles, in three or two lines. Catalogue nos. 1–7.
2. Skjorringen series. Corresponds to type E 224. In the middle of the body, these vessels have a line of vertical narrow ovals, limited by cut horizontal double line above and below. Higher and lower than these lines, there are rows of wide or narrow ovals. Catalogue nos. 8–9.
3. Häven series. Vessels are decorated with three lines of cut narrow ovals placed close to each other, chequerwise, and a line of circular cuts near the bottom. Catalogue nos. 10–11.

A chronology of fine thin-walled glass beakers, variant Sigerstad — Neyzats

1–3. The finds of beakers of this variant in **Sigerstad** (E 223), **Kobbea** (E 228), and **Redlino** (E 226) were included into well-known corpora of glass vessels discovered in the Barbaricum (by Hans-Jurgen Eggers, Paul Rau, and Eldrid Straume), but they were not accompanied with goods capable of clarification of their chronology.

4. Pruszcz Gdanski, burial 250 A (E 226). Fibula with curved bow and returned foot from this burial of the Wielbark culture is made of plain piece of wire. Analogous fibulae in the Chernyalkhov culture belong to Yevgeniy Gorokhovskiy's series A and date, within the framework of earliest stages of its development, from the mid-third to the very beginning of the fourth century. Buckle ML B9 dates back to stage C1b and most part of stage C2. The second buckle from the burial is of type Varpelev/Keller A. Although the period of their widespread occurrence obviously was in stage C3, the time when these buckles appeared and their origin are still under discussion. Wheel-made bowl from this burial dates from not earlier than stage C2. Therefore, the entire assemblage belongs to stage C2, except for its final period.

5. Bol'shaya Bugayevka, burial 100 (E 223). The beaker was accompanied with bone comb with concave shoulders and trapezoid back. In the Chernyakhov culture, these combs date back to the last thirty years of the third or first thirty years of the fourth century.

6. Neyzats, grave 139, burial 2 (E 223). The beaker was discovered together with a fibula of Gorokhovskiy's type Б2б, which became especially widespread in the Chernyakhov culture in the first half of the fourth century. There also was a Bosporan coin minted in 316 AD. When considering the chronology of this burial, one should take into account that burial 2 was made into the grave from earlier period, which could be from the second half of the third century. In my point of view, this fact does not allow us to suppose too long chronological gap between the burials, but allows us to date the goods in burial 2 within the first thirty years of the fourth century.

7. Neudorf-Bornstein, burial 4 (E 223 ?). The beaker originates from a grave of princely horizon Leuna — Hassleben. Among the grave goods, special attention should be paid to fibula A VI.2 and bronze bucket of the type Hemmoor (E 58). The assemblage dates back to stage C2.

8. Pruszcz Gdanski, burial 247 (E 224). The beaker was accompanied with fibula with curved bow and returned foot, covered with numerous facets; its bow-shaped back is made of solid bar, quadrangular in cross-section. In the Chernyakhov culture, similar fibulae belong to Gorokhovskiy's type Б2г and date back to the last thirty years of the third century. The same burial also contained bone comb with high semicircular back and wide out-turned side teeth (legs). In the Chernyakhov culture, combs of the type date back to the fourth century. The entire assemblage could be dated to the late period of stage C2.

9. Skjorringen (E 224). According to fibulae Mackeprang III and IX and the set of a necklace, this assemblage dates back to stage C2.

10. Häven, **burial 4/1971**. The beaker was accompanied with fibula A VI.2 with narrow wedge-shaped foot and buckle with rectangular bipartite frame, hand-made cup with zoomorphic handle, and two miniature bronze spear-heads. The composition of grave goods allows me to date the entire assemblage to stage C2, possibly not including the final years of the phase.

11. Neudorf-Bornstein, burial 7. Fibulae A VI.2, spurs Leuna B, neck-ring, and belt fittings decorated with badges with incrustation and impressions allow me to date the entire assemblage within the framework of stage C2.

The analysis undertaken has shown that fine thin-walled glass beakers decorated with cut ovals of variant Sigerstad — Neyzats were widespread in the area between the Baltic and the Black Sea in stage C2. The most popular series Sigerstad existed, most likely, throughout the entire stage; series Häven, according to the materials in possession, dates back to its earlier period, and series Skjorringen to its later period. In stage C3, and almost simultaneously in the entire area in between of the Baltic and Black Sea, fine beakers of variant Sigerstad — Neyzats (E 223, 224, 226, 228) were replaced with bigger vessels, of variant Kowalk (E230).

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

Александр Васильев

Малые тонкостенные стеклянные кубки, украшенные шлифованными овалами (Eggers 223, 224, 226, 228; Straume Schalen Untergrupe 1)

Шлифованный декор, состоящий из различных комбинаций округлых фасеток и врезных линий, был характерен для нескольких групп стеклянных сосудов позднеримского времени, получивших широкое распространение между Балтикой и Чёрным морем. В первую очередь это полусферические чаши Е 216 и цилиндрические кубки Е 230. Промежуточное положение между ними, как в хронологическом, так и в морфологическом смысле, занимает гетерогенная группа стеклянных сосудов, относящихся к типам 220, 221, 223–229 по Х.-Ю. Эггерсу. У большинства из них диаметр венчика превосходит диаметр устья, хотя, как правило, и незначительно. С формальной точки зрения это позволяет определить этот тип сосудов как «чаши», как это, например, сделала И. Штрауме. Однако в большинстве публикаций они фигурируют как «кубки», что подчеркивает их большее сходство с сосудами типа Е 230, нежели чем с типом Е 216. Поскольку они уступают по размерам как кубкам Е 230, так и большинству более поздних конических форм, то эти кубки с прошлифованным декором я предлагаю называть «малыми».

После открытия и публикации могилы 139 некрополя Нейзац, расположенного в предгорьях Центрального Крыма, в которой был найден малый кубок со шлифованным декором, эти изделия с полным основанием могут быть причислены к кругу разнообразных древностей, получивших в римскую эпоху распространение на пространстве между Балтикой и Чёрным морем.

Автор публикации, И. Н. Храпунов, уже привёл ряд аналогий рассматриваемому кубку, происходящих из Скандинавии и ареала черняховской культуры. В данной работе я постараюсь расширить круг привлекаемых аналогий и уточнить их хронологические позиции.

Классификация малых стеклянных кубков с прошлифованным декором

На мой взгляд, на сегодняшний день можно выделить следующие группы малых стеклянных кубков со шлифованным декором

1. Вариант «Varpelev – Sakrau». Типы Е 225, 227, 229. Малые кубки низких пропорций, со стенками средней толщины и толстыми, с двумя рядами прошлифованных фасеток овальной и круглой формы. Как правило, фасетки верхнего ряда овальные, нижнего — круглые.

2. Вариант «Sigerstad – Нейзац». Типы Е 223, 224, 226, 228. Малые кубки высоких пропорций, тонкостенные с округлым дном и расширяющимися к устью стенками, отогнутым наружу венчиком, украшенные несколькими (как правило, тремя) рядами овальных (как правило, широких) фасеток. В некоторых случаях фасетки нижнего ряда могут иметь круглую форму, а между рядами фасеток располагаться врезные горизонтальные линии.

3. Вариант «Sigerstad – Ganzkow». Типы Е 220, 221. Аналогичные чаши, оформленные орнаментом, состоящим из комбинации ромбов, узких и широких овалов, горизонтальных врезных линий, коротких насечек. В средней части сосуда размещается пояс из ромбов, в нижней — ряд узких овальных фасеток. В ромб может быть вписан овал, либо его внутреннее пространство покрыто косой сеткой врезных линий. Ромбы с разным орнаментом чередуются.

4. Вариант «Vrangstrup – Iacobeni». Аналогичные чаши, основу орнаментом которых составляют два пояса гравированные пятиугольников, образующие «сотовый» рисунок. В каждый пятиугольник вписан овал. В качестве дополнительных элементов декора встречаются пояски из узких овалов, расположенных горизонтально либо вертикально.

Далее в настоящей работе будут рассматриваться только кубки варианта «Sigerstad – Нейзац», в рамках которого, по различиям в схеме орнаментации, можно выделить три серии.

1. Серия Sigerstad. Соответствует типам Е 223, 226, 228. Сосуды, оформленные только прошлифованными широкими овалами или кругами в три или два ряда. Кат. № 1–7.

2. Серия «Skjorringen». Соответствует типу Е 224. В средней части корпуса этих сосудов размещается ряд расположенных вертикально узких овалов, сверху и снизу ограниченный двойными

горизонтальными врезными линиями. Выше и ниже этих линий размещаются ряды широких, либо узких овалов. Кат. № 8–9.

3. Серия «Häven». Сосуды, оформленные тремя рядами узких прошлифованных овалов, нанесенных вплотную друг к другу в шахматном порядке, и рядом округлых фасеток в придонной части. Кат № 10–11.

Хронология малых тонкостенных стеклянных кубков варианта Sigerstad – Нейзац

1–3. Находки кубков этого варианта из **Sigerstad** (E 223)**, Kobbea** (E 228) **Redlino** (E 226), вошедшие в известные сводки находок стеклянных сосудов с территории Барбарикума (Х.-Ю. Эггерс, П. Рау, И. Штарауме), не сопровождались инвентарём, который может уточнить их датировку.

4. Pruszcz Gdanski, погрбение 250 A (E 226). Прогнутая подвязная фибула из этого погребения вельбарской культуры изготовлена из гладкого проволочного стержня. Аналогичные фибулы черняховской культуры относятся к серии А по Е. Л. Гороховскому и датируются в рамках ранних этапов ее развития, с середины III по самое начало IV в. Пряжка ML B9 датируется этапом C1b и большей частью этапа C2. Вторая пряжка из этого погребения относится к типу Varpelev/Keller A. Хотя период их широкого распространения, несомненно, относится к этапу C3, но, вместе с тем, время появления таких пряжек и их происхождение в настоящее время является дискуссионным. Гончарная миска из этого погребения датируется на ранее этапа C2. Таким образом, комплекс в целом относится к фазе C2, исключая ее поздний отрезок.

5. Большая Бугаевка, погребение 100. (E 223). Вместе с кубком найден костяной гребень с прогнутыми плечиками и трапецевидной спинкой. В черняховской культуре такие гребни датируются последней третью III – первой третью IV вв.

6. Нейзац, могила 139, погребение 2. (E 223) Кубок найден с фибулой Гороховский Б2б, которые в черняховской культуре получают наибольшее распространение в первой половине IV в. Там же найдена боспорская монета, отчеканенная в 316 г. н. э. При датировке этого погребения следует так же учитывать, что захоронение 2 было совершено в могилу более раннего времени, которая может датироваться второй половиной III в. На мой взгляд, этот факт не позволяет предполагать слишком большого хронологического разрыва между захоронениями и позволяет датировать инвентарь погребения 2 в рамках первой трети IV в.

7. Neudorf-Bornstein, погребение 4 (E 223?). Кубок происходит из погребения княжеского горизонта Лёйна – Хаслебен. Среди инвентаря особо стоит отметить фибулу A VI, 2 и бронзовое ведёрко типа Hemmoor (E 58). Комплекс датируется этапом C2.

8. Pruszcz Gdanski, погребение 247 (E 224). Вместе с кубком найдена прогнутая подвязная фибула с дуговидной спинкой, изготовленная из массивного четырёхугольного в сечении бруска, и покрытая обильной фасетировкой. В черняховской культуре близкие фибулы относятся к разновидности Гороховский Б2г и датируются в основном последней третью III в. Также в этом погребении найден костяной гребень с высокой полукруглой спинкой и отогнутыми наружу крайними широкими зубцами (ножками). В черняховской культуре такие гребни датируются в рамках IV в. Весь комплекс можно датировать поздним отрезком фазы C2.

9. Skjorringen (E 224). По фибулам Mackeprang III и IX и набору ожерелья комплекс датируется этапом C2.

10. Häven, погребение 4/1971. Вместе с кубком были найдены фибула A VI,2 с узкой клиновидной ножкой и пряжка с прямоугольной двухчастной рамкой, лепная кружка с зооморфной ручкой и два миниатюрных бронзовых наконечника копий. Набор инвентаря позволяет отнести комплекс к этапу C2, вероятно исключая финал фазы.

11. Neudorf-Bornstein, погребение 7. Фибулы A VI 2, шпоры типа Leuna B, гривна, поясная гарнитура, украшенная бляхами с инкрустацией и тесненным декором, позволяют датировать комплекс в рамках этапа C2.

Проведенный анализ показал, что малые тонкостенные стеклянные кубки, украшенные прошлифованными овалами, варианта «Sigerstad – Нейзац» были распространены между Балтикой и Чёрным морем на этапе C2. Самая многочисленная серия «Sigerstad» существовала, вероятнее всего, на протяжении всей фазы, серия «Häven», по имеющимся материалам, датируется её ранним отрезком, а серия «Skjorringen» — поздним. На этапе C3 практически одновременно на всем пространстве между Балтикой и Черным морем на смену малым кубкам варианта «Sigerstad – Нейзац» (E 223, 224, 226, 228) приходят большие, варианта Kowalk (E230).

Marcin Woźniak

Some Remarks on Changes of Settlement Structures of the Wielbark Culture in the End of the Roman Period and in the Early Migration Period in Eastern Poland

The problem of settlement changes of the Wielbark culture is one of the most interesting issues of archaeology of the middle European Barbaricum. Since its crystallization until the end of existence this unit was characterized by high dynamics that caused significant changes of its settlement, what can be observed in the archaeological material. One of the most interesting issues was a problem of participation of newcomers from the North in process of formation of that culture and the migration the population from Pomerania towards the South-East at the turn of the second and third century AD. Both facts registered by ancient sources are linked with a peregrination of Goths tribes. An increase of archaeological material which have been recently registered allow for looking at other — less known aspects of settlement of the Wielbark culture, concerning that no non-archaeological sources are known. Some of them I would like to signal in my paper.

In phases C1b — C2 (second half of the third century AD — early fourth century AD) settlement of the Wielbark culture had reached its full development. It covered eastern Pomerania, Warmia, eastern Masovia, Podlachia, the Lublin region and western parts of Belorussia and Ukraine. Radical change of that picture occurred at the end of the Roman period. In phase C3 — D or perhaps even in the late part of phase C2 most of large cemeteries lying on the eastern margin of the delta of the Vistula river (the Elbląg Upland) and in basins of the Pasłęka river, the Łyna river and the Upper Drwęca river had been abandoned. Materials discovered in those areas, surely dated to the latest phase of the Roman period and to the early Migration period, are represented only by isolated graves or stray finds. Some of them contain rare elements for the Wielbark culture and are rather characteristic for the Western Balts.

In the light of movement of population of the Dollkeim — Kovrovo culture from Samland and Natangen towards the west to territories of the former Wielbark culture on the Pasłęka river in the end of the Roman period and in the early Migration period, some of mentioned finds can not be certainly culturally classified.

The collapse of settlement structures and almost complete exodus of population from intensively inhabited area in theory should leave a mark in other settlement zones of the Wielbark culture. The analysis of materials of that unit from Masovia and Podlachia probably confirms that hypothesis. New studies of selected items (e. g. certain brooches with solid catch-plate, fibulae with inverted foot and sheet catch-plate, buckles with thickened frame without ferrule or glass vessels with cut ornaments) frequently registered at large cemeteries from northern Masovia, like Niedanowo or Kozłówko, both district Nidzica, Kleszewo, district Pułtusk or Modła, district Mława allow for the distinction of elements, which can be linked with the latest part of the phase C2 or with the earlier part of the phase C3–D. Objects contained that items and others certainly dated to the phase C3–D represent a significant percent of all graves discovered on cemeteries, much higher than it had been previously thought. A visible increase of amount of graves dated to the latest phases of the Roman period at necropolises from the northern Masovia is hard to explain differently than with an enlargement of local population, which was probably caused by an influx of people. It seems that this process did not extend on all settlement clusters of the Wielbark culture in Masovia and Podlachia. Single finds from the phase C3–D registered in the previously heavily populated area, as in the basin of the Liwiec river, and almost complete lack of materials from the Late Roman and the early Migration periods on other territories, e. g. in the area lying along the middle section of the Vistula river, between Warsaw and the Wieprz river, prove an earlier collapse of settlement structures on these areas than on the neighbouring.

Certain aspects of settlement of the Wielbark culture mentioned in that paper lead to belief that the picture of this unit in the end of the Roman period and in the early Migration period in Masovia and Podlachia was not homogeneous. It had a character of complicated and prolonged process leading to a complete collapse of settlement structures in this area.

Марчин Возняк

Некоторые замечания об изменениях в поселенческой структуре вельбарской культуры в конце Римского времени и в начале эпохи Великого переселения народов в Восточной Польше

Проблема изменений в поселенческой структуре вельбарской культуры является одним из наиболее интересных вопросов в археологии среднеевропейского Барбарикума. С самого появления и до конца существования эта культура характеризовалась высокой динамикой, приводившей к значительным изменениям заселённой территории, которые можно наблюдать на археологическом материале. Одним из наиболее интересных аспектов является проблема участия нового северного населения в процессе формирования этой культуры и миграциях из Польского Поморья в юго-восточном направлении на рубеже II – III вв. Оба эти факта, зафиксированные древними источниками, связаны с передвижением готских племён. Наблюдаемое в последнее время увеличение количества археологических материалов позволяет обратиться к другим, менее известным аспектам изучения поселенческой структуры вельбарской культуры, там, где отсутствуют не-археологические источники. На некоторых из этих аспектов я хочу остановиться в своём докладе.

Максимальное развитие поселенческой структуры вельбарской культуры приходится на фазы C1b–C2 (вторая половина III – начало IV в.). Она включала в себя восточное Поморье, Вармию, восточную Мазовию, Подляшье, район Люблина и западные области Белоруссии и Украины. В конце Римского времени картина радикально изменяется. В фазе C3–D, а быть может даже в конце фазы C2, прекращает использоваться большая часть обширных могильников, лежавших на восточном пограничье дельты реки Висла (Эльблонгское плоскогорье), а также в бассейнах рек Пасленка и Лава и в верхнем течении реки Дрвенца. Открытые на этих территориях материалы, несомненно, относящиеся к позднейшей фазе Римского времени и началу эпохи Великого переселения народов, представлены только отдельными могилами и случайными находками. Некоторые из них, включающие редкие элементы вельбарской культуры, скорее, характерны для западных балтов. В свете передвижения носителей культуры Долль-

кайм-Коврово (самбийско-натангийской) из Самбии и Натангии на запад, к территориям, прежде занятым вельбарской культурой на реке Пасленка в конце римского времени и в начале эпохи Великого переселения народов, некоторые из упомянутых выше находок, конечно, невозможно отнести к той или иной культуре.

Теоретически, кризис поселенческой структуры и почти полный исход жителей с плотно заселённой территории должен был оставить след и в других зонах, населённых носителями вельбарской культуры. Анализ материалов из такой зоны в Мазовии и Подляшья, вероятно, подтверждает указанную гипотезу. Новые исследования избранных вещей (например, определённых фибул с цельным приёмником, подвязных фибул с плоским приёмником, пряжек с утолщённой рамкой и без щитка, или стеклянных сосудов со шлифованным орнаментом), зачастую зафиксированных в больших могильниках в северной Мазовии, например, Неданово или Козловко в Нидзицком повяте, Клешево в Пултуском повяте, или Модле в Млавском повяте, позволяют выделить элементы, которые можно связать с самым поздним временем в рамках фазы C2 или началом фазы C3–D. Объекты, в которых найдены эти и другие находки, несомненно, относящиеся к фазе C3–D, составляют существенный процент от общего числа открытых на могильниках погребений, значительно больший, чем считалось ранее. Видимое увеличение количества могил, датируемых последними фазами Римского времени, на некрополях северной Мазовии, сложно объяснить иначе, чем увеличением численности местных жителей, которое, вероятно, было вызвано притоком населения извне. Кажется, этот процесс не захватил все группы поселений вельбарской культуры в Мазовии и Подляшье. Единичные находки фазы C3–D, зафиксированные на прежде густонаселённой территории — в бассейне реки Ливец, и почти полное отсутствие материалов позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов на других территориях, например, в среднем течении реки Вислы, между Варшавой и рекой Вепш, доказывают, что здесь поселенческие структуры пришли в упадок раньше, чем в соседних районах.

На основании упомянутых в докладе определённых аспектов расселения носителей вельбарской культуры можно заключить, что в конце Римского времени и начале эпохи Великого переселения народов в Мазовии и Подляшье это расселение не было однородным, но имело характер сложного, длительного процесса, ведущего к полной гибели поселенческой структуры данного региона.

Перевёл с английского Никита Храпунов

Bibliography
Литература

Agostinetti P. P. Il Tesoro di Arcisate // Archeologia Classica. — 1985. — Vol. XXXVII.

Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkriese des 3. Jahrhunderts nach Christus. — Darmstadt, 1967.

Andrzejowski J. Okucia rogow do picia z młodszego okresu wpływow rzymskich w Europie Środkowej i Połnocnej (Proba klasyfikacji i analizu chronologiczno-terytorialnej // Materiały starozytne i wczesno średniowieczne. T. VI. — Warszawa, 1991.

Andrzejowski J., Prochowicz R., Rakowski T. Brooches Type Gródek 47 and their dating // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. I. — Lublin, 2008.

Bagińska J., Niezabitowska B. Ulów, Ldkr. Tomaszów Lubelski, Woi. Lubelskie // Die Vandalen. Die Könige — die Eliten — die Krieger — die Handwerker. Ausstellungskatalog. — Bevern, 2003.

Bagińska J., Niezabitowska B. Katalog — Ulów, pow. Tomaszowski, woj. Lubelskie // Wandalowie — strażnicy bursztynowego szlaku. Katalog wystawy w Państwowym Muzeum Archeologicznym. — Lublin; Warszawa, 2004.

Baratte Fr. Trois vases en argent d'époque républicaine trouvés dans la Saône à Thorey // Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est. — 1989. — T. 40. — Fasc. 1.

Bemmann J. Liebersee. Ein polykultureller Bestattungsplatz an der sächsischen Elbe. B. 3. — Dresden, 2003.

Bemmann J., Hahne G. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit Skandinaviens. Studie zur zeitlichen Ordnung anhand der norwegischen Funde // Ber. RGK. — 1994. — N. 75.

Blankenfeldt R. Das gebogene Blech aus dem Thorsberger Moor // Aktuelle Forschungen zu Kriegsbeuteopfern und Fürstengräbern im Barbaricum. Internationales Kolloquium unterstützt durch Carlsbergfondet,

Schleswig 15.-18. Juni 2006 / Schriften des Archäologischen Landesmuseums, Ergänzungsreihe. Bd. 4. — Neumünster, 2008.

Blankenfeldt R. Studien zu den Persönlichen Ausrüstungen aus dem Thorsberger Moor (Ungedruckte Dissertation). — Kiel, 2009.

Blankenfeldt R., Rau A. Skandinavische Kriegsbeuteopfer — Befunde, Funde und Interpretation // 2000 Jahre Varusschlacht. Konflikt. — Stuttgart, 2009.

Bliujienė A. Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period // Archaeologia Lituana. — 2006. — 7.

Blume E. Die germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. I. — Würzburg, 1912.

Bolla M. Considerazioni sulla funzione dei vasi in bronzo tardorepubblicani in Italia settentrionale // La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde CNRS organisée à Lattes, 26–28 avril 1990. — Dijon, 1991.

Bóna I. Szabolcs-Szatmár megye régészeti emlékei I. // Szabolcs-Szatmár megye műemlékei I. — Budapest, 1986.

Caramella P., De Giuli A. Un secolo di scoperte archeologiche in Provincia // Oscellana. — 1983. — XIII. — 2.

Carnap-Bornheim C. von. Neue Forschungen zu den beiden Zierscheiben aus dem Thorsberger Moorfund // Germania. — 1997. — T. 75. — N. 1.

Carnap-Bornheim C. von, Illkǽr J. *I*llerup Ǻdal. Die Paradeausrüstungen. Textband. Bd. V. — Aarhus, 1996.

Carnap-Bornheim C. von, Rau A. Zwischen religiöser Zeremonie und politischer Demonstration — Überlegungen zu den südskandinavischen Kriegsbeuteopfern // Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel- und Nordeuropa. Koll. Vor- u. Frühgesch. 12. — Bonn, 2009.

Chowaniec R. Kilka uwag na temat palenisk z birytualnego cmentarzyska w Krośnie, gm. Pasłęk // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu. — Lublin, 2005.

Cieślak M. Osada z okresu wpływów rzymskich w Masłomęczu, gm. Hrubieszów (stanowisko 9) // Archeologiczne Listy. — 1983. — 5.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imprio / Ed. Gy. Moravcsik, tr. R. J. H. Jenkins. Vol. I. — Washington, 1967.

Corpus iuris civilis. Vol. 3. Novellae / Ed. R. Schoell, W. Croll. — Berolini, 1895.

Czarnecka K. Oblin. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Südmasowien // Monumenta Archaeologica Barbarica. T. XIII. — Warszawa, 2007.

Déchelett J. Manuel d'archéologie préhistorique Celtique et Gallo-Romaine. II. 3. — Paris, 1914.

Dzięgielewska M., Kulczyńska M. Ciebłowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien // Monumenta Archaeologica Barbarica. T. XIV. — Warszawa, 2008.

Engelhardt C. Thorsbjerg Mosefund. Sønderjydske Mosefund 1. — Kjöbenhavn, 1863.

Engelhardt C. Skeletgrave på Sjæland og i det østlige Danmark // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. — Kjøbenhavn, 1877.

Frey O.-H. Durchbrochene Frühlatènegürtelhaken aus Slovenien // Situla. — 1974. — 14/15.

Frey O.-H. Einige Bemerkungen zu den durchbrochenen Frühlatènegürtelhaken // Trierer Zeitschrift. — 1991. — Beih. 13.

Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. — Königsberg, 1929.

Giesler U. Jüngerkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg-Jahrbuch. — 1978. — 35.

Ginalski J. Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej. Klassifikacija typologiczna // Przegląd Archeologiczny. 38. — Wrocław, 1991.

Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. — Wroclaw et al., 1985.

Godłowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. — Krakow, 1992.

Hainrich A. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederöstrreich // Archaeoloia Austriaca. — 1990. — 74.

Hieroclis grammatici synecdemus // Constantinus Porphyrogenitus. De provinciis regni Byzantini / Ed. Th. L. F. Tafel. — Tubingae, 1847.

Holl A. Zwei völkerwanderungszeitliche Fibeln aus dem Burgenland // Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien. 85/A. — Wien, 1983.

Ilkjær J. Illerup Ådal 1/2. Die Lanzen und Speere. Text- und Tafelband / Jutland Archaeological Society Publications. Vol. XXV, no. 1/2. — Århus, 1990.

Ilkjær J. Illerup Ådal. Die Gürtel Bestandteile und Zubehör / Jutland Archaeological Society Publications. Vol. XXV, no. 3. — Århus, 1993.

Ilkjær J. Illerup Ådal. Czarodziejskie zwierciadło archeologii. — Warszawa, 2007.

Ilkjær J., Iversen R. B. Untergegangen — Germanische Heeresverbände und skandinavische Kriegsbeuteopfer // 2000 Jahre Varusschlacht. Konflikt. — Stuttgart, 2009.

Istvánovits E., Kulcsár V. Pajzsos temetkezések a Dunától keletre eső kárpát-medencei Barbaricumban // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. — 1992. — XXX – XXXII (1987–1989).

Istvánovits E., Kulcsár V. Roman and Germanic elements in the armament of the barrow-graves of the 2nd – 3rd centuries A.D. in the Great Hungarian Plain // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. — Lublin; Marburg, 1994.

Istvánovits E, Kulcsár V. From the Crimea to Scandinavia via the Great Hungarian Plain: traces of Germanic-Sarmatian contacts on the basis of finds of spherical pendants and of other phenomena // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. — Kristiansand; Simferopol, 2011.

Jahn M. Der Reiterspom. Seine Entstehung und früheste Entwicklung // Mannus-Bibliotek. 21. — Leipzig, 1921.

Jonakowski M. Grób szkieletowy kultury wielbarskiej z cmentarzyska w Lubieszewie, pow. Nowy Dwór Gdański, stanowisko 2 // Wiadomości Archeologiczne. — 2001 (1999–2001). — LIV.

Kaczanowski P. Drochlin, ciałopalne cmentarzysko kultury przeworskiej z okresu wpływów rzymskich // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DCCCXXVIII (Prace Archeologiczne. Z. 40). — Kraków, 1987.

Kaczanowski P. Klassifikacija grotow broni drzewcowej kultury przeworskiej я okresu rzymskiego. — Krakow, 1995.

Kaufmann H. Latènzeitliche Gürtelhaken als Beispiel für keltisch-germanische Kontakte am Mittelgebirgsrand // Alt-Thüringen. — 1994. — Bd. 28.

Kazanski M. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. — Lodz, 2000.

Kokowski A. Problematyka kultury wielbarskiej w młodszym okresie rzymskim // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim (materiały z konferencji). I. — Lublin, 1988a.

Kokowski A. Ze studiów nad ceramiką wykonaną na kole w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim (materiały z konferencji). I. — Lublin, 1988b.

Kokowski A. Zagadnienie osadnictwa ludności kultury wielbarskiej na Lubelszczyźnie // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim (materiały z konferencji). I. — Lublin, 1988c.

Kokowski A. Zagadnienie interpretacji kulturowej materiałów z młodszego okresu rzymskiego typu Łukawica // Archeologia Polski. — 1988d. — 33.

Kokowski A. Stan i potrzeby badań nad okresem rzymskim w Regionie Lubaczowskim // Rocznik Lubaczowski. — 1990. — IV.

Kokowski A. Lubelszczyzna w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. — Lublin, 1991.

Kokowski A. Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. — Lublin, 1995.

Kokowski A. Metalowe wisiorki w kształcie topora na terenie Barbaricum na północ i północny-wschód od limesu rzymskiego, w okresie rzymskim i we wczesnym okresie wędrówek ludów // 20 lat archeologii w Masłomęczu. T. I. — Lublin, 1997a.

Kokowski A. Schlossbeschläge und Schlüssel im Barbaricum in der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit. — Lublin, 1997b.

Kokowski A. Archeologia Gotów. Goci w Kotlinie Hrubieszowskiej. — Lublin, 1999.

Kokowski A. Zu Geheimnisvollen Tonknöpfen von typ „Bernašivka" // Sborník Národního Muzea v Praze. — 2000. — LIV/1–4.

Kokowski A. Starożytna Polska. Od III w. przed Chrystusem do schyłku starożytności. — Warszawa, 2005.

Kokowski A. Kontinuität und Diskontinuität der Besiedlung in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und in der römischen Kaiserzeit am Beispiel des Hrubieszów-Beckens // Přehled výzkumů. — 2009a. — 50.

Kokowski A. Jeszcze raz w kwestii metalowych wisiorków w kształcie topora // Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam. — Warszawa, 2009b.

Lau N. Die Pferdegeschirre aus dem Thorsberger Moor — Studien zu germanischen Zaumzeugen und Sattelgeschirren als Zeugnisse der militärischen Reiterei im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum der jüngeren römischen Kaiserzeit (Ungedruckte Dissertation). — Kiel, 2009.

Levada M. Metal Combs of the Second Quarter of the First Millenium AD in Eastern Europe // Die spätrömische Kaiserzeit und frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. — Lódź, 2000.

Lund Hansen U. et al. Himlingøje — Seeland — Europa: Ein Gräberfeld der jüngeren römischen Kaiserzeit auf Seeland, seine Bedeutung und internationalen Beziehungen / Nordiske Fortidsminder serie B 13. — Copenhagen, 1995.

Lund Hansen U., Przybyła M. J. Rosettenfibeln — ein Klassifikationsversuch // Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. Network Denmark–Poland, 2005–2008 / Nordiske Fortidsminder. Serie C. 7. — Copenhagen; Warszawa, 2010.

L'vova Z., Ščukin M. Ripostiglio (tomba?) di Pilipki, Białystok (Polonia) // I Goti. — Milano, 1994.

Mączyńska M. Dwie zapinki z Gródka nad Bugiem — o fibulach A.VI.181 i pochodnych // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu. — Lublin, 2005.

Mączyńska M. Zmierz kultury wielbarskiej — czego nie wiemy // Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. — Gdańsk, 2007.

Mączyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The Early Medieval Cemetery of Almalyk-Dere near the Foot of Mangup // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. — Kristiansand; Simferopol, 2011.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum // BAR. International Series. Vol. 360. — Oxford, 1986.

Madyda-Legutko R. Gürtelhaken der frührömischen Kaiserzeit im Gebiet des mitteleuropäischen Barbaricum // Przegląd Archeologiczny. — 1990. — Vol. 37.

Madyda-Legutko R. Uwagi o niektórych metalowych częściach pasa występujących w kręgu kultur gockich // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu. — Lublin, 2005.

Madyda-Legutko R. Studia nad zróznicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiea. Okucia końca pasa. — Kraków, 2011.

Matešić S. Die militärischen Ausrüstungen aus dem Thorsberger Moor. Vergleichende Untersuchungen zur römischen und germanischen Bewaffnung während der jüngeren Römischen Kaiserzeit (Ungedruckte Dissertation). — Köln, 2011.

Megaw J. V. S. Art of the European Iron Age: a study of the elusive image. — Bath, 1970.

Megaw J. V. S., Megaw M. R. “Semper aliquid novum...” Celtic Dragon-pairs Re-reviewed // Acta Archaeologica Hungarica. — 1990. — 42.

Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Ch. Teil II. — Tartu, 1938.

Nagy M. The Hasdingian Vandals in the Carpathian Basin. A Preliminary Report // Specimina Nova dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis de Iano Pannonio Nominatae 1993. — *Pécs,* 1994.

Natuniewicz-Sekuła M. Naczynia wykonane przy użyciu koła z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Weklicach koło Elbląga. Przyczynek do badań warsztatu ceramicznego kultury wielbarskiej // Archeologia Polski. — 2005. — T. L. — Z. 1–2.

Niezabitowska B. Die Heruler // Die Vandalen. Die Könige — die Eliten — die Krieger — die Handwerker. Ausstellungskatalog. — Bevern, 2003a.

Niezabitowska B. Ulów — historia wyłaniająca się z mroku lasu // Z Otchłani Wieków. Archeologia Lubelszczyzny. — 2003b. — 58/1–4.

Niezabitowska B. Herulowie // Wandalowie — strażnicy bursztynowego szlaku. Katalog wystawy w Państwowym Muzeum Archeologicznym. — Lublin; Warszawa, 2004.

Niezabitowska B. Prace sondażowe i pierwszy sezon badań w Ulowie, stan. 3, pow. Tomaszów Lubelski // Archeologia Polski Środkowowschodniej. — 2005a. — VII.

Niezabitowska B. Zanim przyszli Słowianie czyli Roztocze u schyłku starożytności // Archeologia Roztocza. Krajobraz przyrodniczo-kulturowy, Skarby przeszłości — Roztocze w pradziejach. — Lublin, 2005b.

Niezabitowska B. „Gockie“ osadnictwo z późnego okresu rzymskiego w Ulowie, stan. 3, gmina Tomaszów Lubelski, w świetle znalezisk fibul // Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. — Gdańsk, 2007.

Niezabitowska-Wiśniewska B. Ulów — tajemnica starożytnego Roztocza; siódma wystawa Instytutu Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Muzeum UMCS. — Lublin, 2007.

Niezabitowska-Wiśniewska B. Ulów drewnem stoi // Archeologia Żywa. — 2008. — 1 (40) grudzień.

Niezabitowska-Wiśniewska B. Złoto Ulowa // Archeologia Żywa. — 2009a. — 2 (42) kwiecień.

Niezabitowska-Wiśniewska B. Archaeology, History and the Heruls. The Lublin Region in Late Roman Period and Migration Period // Barbaricum 8. — Warszawa, 2009b.

Niezabitowska-Wiśniewska B. Kompleks osadniczy w Ulowie, powiat tomaszowski — wstępne podsumowanie sześcioletnich badań wykopaliskowych // Archeologia Polski Środkowowschodniej (2008). — 2010. — X.

Niezabitowska-Wiśniewska B. Ulów. Ogień trawi paciorki // Archeologia Żywa. — 2011. — 4 (56) lipiec-sierpień (Archeologiczna Mapa Polski).

Niezabitowska-Wiśniewska B. Ulów, woj. lubelskie, stan. 7 — trzeci sezon badań na cmentarzysku z okresu rzymskiego i wędrówek ludów // Badania archeologiczne w Polsce Środkowowschodniej, Zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2011. Streszczenia referatów XXVIII konferencji sprawozdawczej. — Lublin, 2012.

Niezabitowska-Wiśniewska B, Wiśniewski T. Kurhany kultury ceramiki sznurowej na stanowisku 3 w Ulowie, powiat tomaszowski // Kurhany i obrządek pogrzebowy w IV-II tysiącleciu p. n. e. — Kraków; Warszawa, 2011.

Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum / Ed. O. Seeck. — Berolini, 1876.

Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. — Marburg; Warszawa, 1996.

Okulicz J. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu // Archeologia Polski. — 1970. — XV/2.

Okulicz J., Bursche A. Badania birytualnego cmentarzyska kultury wielbarskiej w Krośnie, na stanowisku 1 w województwie elbląskim // Badania archeologiczne w woj. elbląskim w latach 1980–83. — Malbork, 1987.

Olędzki M. The Upper Tisza Basin in the Roman Period. Remarks on settlement and cultural changes // Das mittereuropäische Barbaricum und die Krise des römischen Reiches im 3. Jahrhundert. Spisy Arch. Ústavu AV ČR Brno 12. — Brno, 1999.

Opreanu C. H. Influențe culturale nordice de factură germanică în Transilvania la începutul epocii migrațiilor // Ephemeris Napocensis. — 2005 (2004–2005). — XIV – XV.

Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III. — Budapest, 1950.

Pieta K. Das germanische Fürstengrab aus Poprad-Matejovce // Glaube, Kult und Herrschaft: Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel- und Nordeuropa. — Bonn, 2009.

Pieta K. The chieftain grave from Poprad (Slovakia) // Bulletin de Liaison no. 35 — 2011. — Paris; Saint Germain-en-Laye, 2011.

Piotrowski M., Dąbrowski G. Krzesiwa i krzesaki — przyczynek do badań nad krzesaniem ognia w starożytności oraz średniowieczu (na marginesie badań archeologicznych na stan. 22 w Łukawicy, pow. Lubaczowski) // Archeologia Polski Środkowowschodniej. — 2009 (2007). — IX.

Prochowicz R. Znalezisko dziobowatego okucia końca pasa z Przeradowa, pow. Makowski // Wiadomości Archeologiczne. — 2005 (2004–2005). — LVII.

Prohászka P. Imperium et barbaricum. Kapcsolatrendszerek a Kárpát-medencében a római birodalom és a barbár népek között a római császár- és koranépvándorlás-korban. Doktori disszertáció. — Budapest, 2008. — URL: http://doktori.btk.elte.hu/hist/prohaszka/diss.pdf

Przybyła M. J. Die Regionalisierung im Bereich der reichen Frauentracht und die Nachweismöglichkeiten der Vernetzung jüngerkaiserzeitlicher Eliten im Rahmen der Heiratspolitik — am Beispiel Nordeuropas // Weibliche Eliten im ersten nachchristlichen Jahrtausend. — Mainz, 2011.

Quast D. Ein scandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. — 2004. — 51.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck / Offa-Bücher 13. — Neumünster, 1957.

Raddatz K. Zu den „magischen“ Schwertanhängern des Thorsberger Moorfundes // Offa-Zeitschrift. — 1957–1958. — 16.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Katalog. Teile von Waffen und Pferdegeschirr, sonstige Fundstücke aus Metall und Glas, Ton- und Holzgefäße, Steingeräte / Offa-Bücher 65. — Neumünster, 1987.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // Offa-Zeitschrift. — 1987. — 44.

Radig W. Der ostgermanische Goldmünzhort von Stara Wieś // Die Burg. Vierteljahresschrift des Instituts für Deutsche Ostarbeit Krakau. R. 3. Z. I.– Kraków, 1942.

Rau A. Nydam Mose. Die personengebundenen Gegenstände. Grabungen 1989–1999. Vol. 1 (Text). Jernaldern i Nordeuropa. — Moesgård. 2010.

Rau A. Jernalderen i Nordeuropa. Nydam Mose. 1. Die personengebundenen Gegenstände. Grabungeb 1989-1999. Text. — Højbjerg.2010a

Rau A. Jernalderen i Nordeuropa. Nydam Mose. 2. Die personengebundenen Gegenstände. Grabungeb 1989-1999. Listen. Katalog. Literatur. Konkordanz. Tafeln. Pläne. — Højbjerg. 2010b

Sadowski S. Na progu historii. Germańscy barbarzyńcy w południowo-wschodniej Lubelszczyźnie // Pradzieje południowo-wschodniej Lubelszczyzny. — Lublin, 2007.

Sadowski S. The youngest phase of Wielbark Culture cemetery in Swaryczów, site 1 (Komarów-Osada commune, Zamość district, Lublin province) // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II. — Lublin, 2008.

Salo U. Fire-Striking Implements of Iron and Finish Myths Relating to the Birth of the Fire // Iskos. — 1990. — No. 9.

Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen ze den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts N. Chr. Aus den Gebieten Westlich des Rheins und Südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. — 1986. — 33/2.

Schuster J. Die „klassischen” Fibeln Almgren Fig. 181 // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. — 1998. — 5.

Schuster J. Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. — 2004a (2001). — T. 35.

Schuster J. Herzsprung. Eine kaiserzeitliche bis völkerwanderungszeitliche Siedlung in der Uckermark / BAF. 1. — Rahden, 2004b.

Schuster J. Przekłuwacze typu Dresden-Dobritz / Żerniki Wielkie. Uwagi na temat narzędzi z późnego okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów // Wiadomości Archeologiczne. — 2011. — LXII.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-empire et à l'époque des Grandes Migrations / BAR. International Series 1535. — Oxford, 2006.

Skvorzov K. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Köningsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa-Zeitschrift . — 2007 (2004/05). — 61/62.

Szydłowski J. Trzy cmentarzyska typu dobrodzieńskiego // Rocznik Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu, Archeologia, z. 11. — Bytom, 1974.

Tallgren A.-M. Collection Tovostine des antoquités préhisoriuques de Minoussinsk conservées ches le Dr. Karl Hedman a Vasa. — Helsingfors, 1917.

Terpilovskiy R. A Cremation from the Turn of Eras and the Sites of Khar'yevka Type in the Middle Seym Area // International Conference "Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period." October, 21–25, 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine. Abstracts. — Simferopol, 2010.

Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. — Königsberg, 1902.

The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / Tr. F. J. Hamilton, E. W. Brooks. — London, 1899.

Tuszyńska M. O zapinkach z gąsiennicowatym kabłąkiem w obrębie kultury wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. I. — Lublin, 1988.

Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia // Estonian Archaeology. No. 4. — Tartu, 2012.

Urbański A. Najdalej na południe Polski wysunięte stanowisko kultury wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim (materiały z konferencji). I. — Lublin, 1988.

Vasil'yev A. Druzhnoye and Thorsberg: some aspects of the study of belt sets from the Late Roman period // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. — Kristiansand; Simferopol, 2011.

Voigt T. Zwei Formengruppen spätlatènezeitlicher Gürtel // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. — 1971. — Bd. 55.

Werner J. Die beiden Zierscheiben des Thorsberger Moorfundes. Ein Beitrag zur frühgermanischen Kunst- und Religionsgeschichte. — Berlin, 1941.

Werner J. Studien zu Grabfunden dea V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // Slovenská Archeológia. — 1959. — VII–2.

Werner J. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den «Reichtumzentren» auf Fünen // Bonner Jahrbücher. — 1988. — 188.

Wołągiewicz R. Ceramika kultury wielbarskij między Bałykiem a morzem Czarnym. — Szczecin, 1993.

Zoltai L. Die Hügelgräber der römischen Kaiserzeit in Hortobágy // Dissertationes Pannonicae II/11. — Budapest, 1941.

Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н. э. — М., 1997.

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. — Симферополь, 1990.

Амброз А. К. Рец.: Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Bd. I. Die Fibeln. Berlin, 1961 // СА. — 1966. — № 4.

Амброз А. К. Фибулы из раскопок Танаиса //Античные древности Подонья – Приазовья. — М., 1969.

Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БСб. Вып. 1. — М., 1992.

Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV. — Симферополь, 1994.

Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Пер. Ю. А. Кулаковский, А. И. Сонни. — СПб., 2000.

Анфертьев А. Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I – VI вв.). — М., 1994.

Баран В. Д. Черняхівська культура. — Київ, 1981.

Башкатов Ю. Ю. Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья // Germania — Sarmatia. II. — Калининград; Курск, 2010.

Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый 1). — Ростов-на-Дону, 2009.

Белявец В. Г. К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси // Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. — Gdańsk, 2007.

Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». — Ростов-на-Дону, 2007.

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I – III вв.) // СА. — 1976. — № 4.

Васильев А. А. Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре // БИ. Вып. IX. — Симферополь; Керчь, 2005.

Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. — Киев, 1993.

Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. — М., 2010.

Владимиров А. А. Государственное устройство // Херсонес Таврический в I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. — Харьков, 2004.

Гавритухин И. О. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // БСб. Вып. 4. — М., 1994.

Гавритухин И. О. Днепровские ингумации второй половины V– VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. — СПб., 2004.

Гавритухин И. О. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o początkach slowian. — Kraków, 2005a.

Гавритухин И. О. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // II Городцовские чтения / Труды ГИМ. Вып. 145. — М., 2005b.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. — Киев, 1988.

Гудименко И. В. К вопросу о взаимосвязи готских походов и поселений второй половины III – IV в дельте Дона // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV – IX вв.). Тезисы докладов. — Симферополь, 1994.

Дидык В. В. Лепная керамика вельбарско-пшеворского типа в черняховских древностях днепро-донецкой лесостепи // Древности 2005. — Харьков, 2005.

Добровольская М. В. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // *Скворцов К. Н.* Могильник Митино V – XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. Ч. 1. — М., 2010.

Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. – первая половина VI в.). — Киев, 1998.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. — СПб., 1997.

Казанский М. М. Оружие Киевской культуры // Памятники старины, концепции, открытия, версии. Т. 2. — СПб., 1997.

Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. — 1999a. — 6.

Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999b.

Казанский М. М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время // Готы и Рим. — Киев, 2006.

Казанский М. М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum Plus. — 2010. — 4.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. — М., 1989.

Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е1–43. — М., 1978.

Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. — СПб., 1896.

Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времён апостольских до X века. — СПб., 1997.

Левада М. Металлические гребни позднего римского времени в юго-восточной Европе // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999.

Левада М. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // БИ. Вып. XI. — Симферополь; Керчь, 2006.

Липкинг Ю. А. Замощанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. — М., 1979.

Любичев М. В. О постройках на селище черняховской культуры Войтенки (по материалам раскопок 2004–2005 гг.) // Археологічний літопис Лівобережної України. — 2006. — № 2.

Любичев М. В. Киево-черняховские контакты ступеней C_{1b} – C_2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» // Germania — Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. — Калининград, 2008.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е. Могильник Большое Давыдовское 2 — погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // РА. — 2010. — № 1.

Мастыкова А. В. Охранные раскопки на могильниках позднеримского времени Шлакалькен-5 и Шлакалькен-6 на Самбийской полуострове // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Том I. — СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.

Медведев А. М. К вопросу о происхождении и хронологии украшений эпохи великого переселения народов (фибулы типа Вильканцы) // Матэрыалы па археалогіі Беларусі. — 2009. — 17.

Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII – VI в. до н. э. — VIII в. н. э.). — Минск, 1978.

Магомедов Б. Вельбарские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Masłomęczu. T. II. — Lublin, 1998.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001.

Могаричёв Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапшников А. К. Жития епископов херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. — Харьков, 2012.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. — СПб., 2006.

Некрасова Г. М. Черняхівське поселення біля м. Білопілля // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. — Білопілля, 1994.

Некрасова А. Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. — Киев, 2006.

Низабитовская Б. От случайной находки до археологических раскопок — на примере истории открытия могильника в Ульове, вой. Люблинское // Сучасні проблеми археології. — Київ, 2002.

Обломський А. М. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація) // Археологія. — 1999. — № 4.

Обломский А. М. Новый черняховский памятник на территории России // Stratum plus. — 2001–2002. — № 5.

Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. — М., 2002.

Обломский А. М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н. э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка. — СПб.; Кишинёв, 2011.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Łodziensis. Folia archaeologica. 22. — Łodz, 1998.

Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. — 1981. — № 3.

Петраускас О. В. Типи археологічних комплексів трупоспалень черняхівської культури (територія поширення, етнокультурні особливості та хронологія) // Археологія. — 2002. — № 3.

Петрашенко В. О., Циндровська Л. О. Слов'янські матеріали з Канівського Подніпров'я // Археологія. — 1999. — № 4.

Петренко Е. Н. Новые могильники черняховской культуры в басейне Северского Донца // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж, 1991.

Полесских М. Р. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. — 1959. — № 4.

Пуздровский А. Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н. э.) // ХСб. — 1999. — Вып. X.

Радюш О. А. Снаряжение всадника, украшение, детали рогов круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2. — Тула, 2010a.

Радюш О. А. Исследования поселения III – IV вв. н. э. у пос. им. Карла Либхнехта (Пены) в Курском Посемье // Germania — Sarmatia. II. — Калининград; Курск, 2010b.

Скворцов К. Н. Могильник Митино V – XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. Ч. 1–2. — М., 2010.

Стоянова А. А. Металеві підвіски у формі сокирок з Криму // Археологія. — 2005. — № 2.

Сымонович Э. А. Букреевка 2 — селище второй четверти I тыс.н.э. возле Курска // Материалы по археологии Днепровского Левобережья. — Курск, 1990.

Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. — Lublin, 2004.

Терпиловский Р. В. Трупосожжение рубежа эр и памятники типа Харьевка в Среднем Посеймье // Международная конференция «Inter Ambo Maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время». 21–25 октября 2010 г., Гаспра, Крым, Украина. Тезисы докладов. — Симферополь, 2010.

Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры. — Киев, 1992.

Толочко И. В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э. – V в. н. э.). Опыт сравнительного изучения. Дисс... к. и. н. — М., 2003.

Троицкая Т. Н., Автушкова А. П. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — № 2 (13).

Фурасьев А. Г. О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днепра // Ладога и Северная Европа. Чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 1996.

Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке / БИ. Вып. VI. — Симферополь; Керчь, 2004.

Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III – IV вв. н.э. из могильника Нейзац. — Симферополь, 2011a.

Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011b.

Храпунов Н. И. К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. — 2011. — Т. 70.

Шаров О. В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н. э). Дисс... д. и. н. — СПб., 2009.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). — Новокузнецк, 2003.

Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. — СПб., 1994.

Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). — СПб., 2005.

Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // Stratum + Петербургский археологический вестник. — СПб.; Кишинёв, 1997..